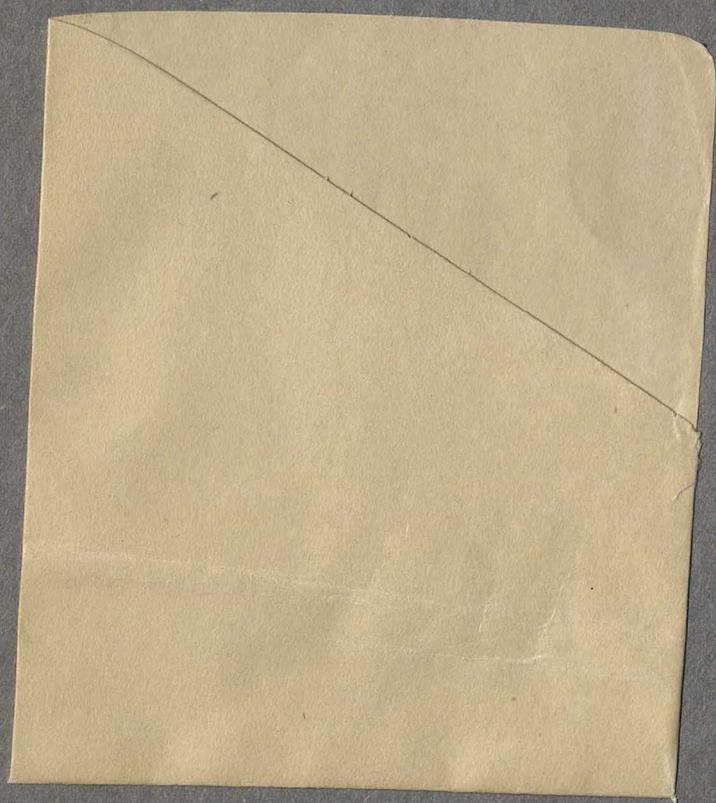

W $\frac{171}{276}$

Корвин.

О. КОРВИН

ЗЕРКАЛО ПАПИЗМА

W 171
276

АТЭСИСТ

1924

МОСКВА,
Гранатный пер., д. 1.
Тел. 55-88.

Религия — дурман для народа.

ВЫПИСЫВАЙТЕ
■ ИЗ АГИТ - ПУНКТА ■
„АТЕИСТ“

МОСКВА, Советская площадь,
3-й Дом Союзов. — Тел. 55-88.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ **== БИБЛИОТЕЧКИ ==**

Цена от 5 до 100 р.

Уступка против оптовой цены от 15—30%.

Профсоюзам, партийным организациям,
рабочим клубам, кружкам атеистов и т. п.
об'единениям советской общественности

== ДАЕМ КРЕДИТ. ==

По адресам на деревню и село почтовые
расходы Издательство „Атеист“ при-
мает на себя.

Книга имеет:

рестик

ЧАТНЫХ ЛИСТОВ	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	К а р т	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписки <i>72</i>
------------------	--------	---	--------	---------	----------	---------------	----------------------------------

11
1—45

112
469

ОТТО КОРВИН

W-171
276

ЗЕРКАЛО ПАПИЗМА

Перевод с немецкого В. Е. Иензена
с предисловием И. Шпицберга.

А 176.

А 62.

А 117.

АТЗИСТ

1924

МОСКВА,
Гранатный пер., д. 1.
Тел. 55-88.

0
3
9/13

12792-0

2007075608

Отпечатано в количестве 15.000 экз., в типографии Административного Отдела Моск. Совета РК и КД, Петровка, 38. Тел. 1-42-12.
Главлит № 11796а.

Предисловие к русскому изданию

Настоящий труд «Зеркало папизма» принадлежит перу известного германского ученого 19-го столетия Отто Корвина.

В своем предисловии к изданию этого труда в 1868 году, автор пишет:

«Книга не написана для ученых, также для салонов, она предназначена для народа, и чтобы народ ее читал, она написана в своем настоящем виде.—Если факты или слова, приведенные в ней, не всегда деликатны, то пусть в этом виноваты тех святых, пап и священников, которые их совершили или произнесли.—на нежные нервы надушенных франтов нельзя обращать внимания, когда сражаешься с наглým, бесстыдным врагом и за правду».

Далее читаем:

«Наша задача состоит в том, чтобы использовать свои завоевания и ближайший путь к этому в распространении познаний среди народа и в изъятии из рук рясников, постриженных и непостриженных—воспитания детей».

Книга написана автором в целях борьбы с растлевающим и дурманящим влиянием церковников—через школу—на подрастающее поколение.

.....«Чем тщательнее правительство поддерживает религиозность принудительными мерами, чем судорожнее оно заботится о том, чтобы воспитание оставалось в руках священников, тем более деспотичны его наклонности».

.....«Наука приобретает все большее и большее влияние на народ, и последний с каждым днем яснее понимает, что он в течение столетий был жертвой самого грандиозного шантажа, который знает история, и что корысть священников и деспотов совершила по отношению к человечеству преступление, которому нет равного по низости и пагубности».

Ценность данной книги—в огромном количестве приводимых фактов эксплуатации мировладычествовавшей католической церкви.

В главе «Милые, добрые святые»—перед читателем проходит целая галерея тех, чьи портреты и сгнившие кости превращены в культ.—Тут и святой Евсевий, носивший на себе 260 фунтов железа, и святой Фалелей, втиснувший себя в обруч колеса телеги на 10 лет, а затем спрятавшийся в тесную клетку и т. п.

Описывается целая армия «молитвенников», якобы, подымавшихся во время молитвы на несколько футов от земли и остававшихся висеть в воздухе.

Святой Кютен, напр., так долго молился, что ласточка успела снести и высидеть в его руках яйцо.

Характерна также папская булла о канонизации «святой Розы».

При папе Григории XVI, умершем в 1846 г., чтобы добиться канонизации кого-либо из родственников или близких,—надо было... заплатить всего лишь 100.000 гульденов.

«Святыми» были и животные. Напр., святой Гинефорт был... четвероногою собакою.

В главе «Лавка святых старьевщиков» описываются католические фетиши, магическое обращение с коими так усиливало средства и власть церковников.

Занимательно описывается инсценировка культа девы Марии.—Церковники не только не удовлетворялись непосредственно культом этой богини, но —в целях наживы—чудесным образом переносили из разных мест домики, где в свое время, якобы, обреталась эта богиня.—Домик этот из Иерусалима сначала был перевезен в Терсатто, местечко около итальянской гавани Фиуме, а затем, в 1924 году, в местечко Лоретто и т. д.

Монах Эйзелин в XVI ст. странствовал по всей Германии с... пером из крыла архангела Гавриила.—Когда это перо украли, он в ближайшей конюшне достал сено и собирал деньги, выдавая это сено за... сено из яслей, в коих, якобы, лежал Иисус христос.

Французский король, Людовик святой, не жалел о материальных убытках от крестовых походов, ибо вполне возместил их, собирая с темной, верующей скотинки доходы от привезенных из Иерусалима нескольких щенок от креста Иисуса, гвоздей, губки, пурпурного плаща Иисуса, и его тернового венка.

Служители церкви склоняли суеверные массы поклоняться и слушать молебны перед платком, коим святая Вероника, якобы, вытирала пот Иисуса, когда он шел на Голгофу; перед костями, в кои играли солдаты при дележе одежд Иисуса; перед рубашками девы Марии; перед ее обручальным кольцом, ее туфлями, волосами, гребенками; перед пеленками Иисуса; перед штанами Иосифа и его плотничьими инструментами; перед двадцатифутовой веревкой, на коей, якобы, повесили Иисуса; перед шестом, на котором сидел петух, с пеньем коего апостолу Петру было предсказано предательство памяти Иисуса; перед умывальным тазом, в котором Пилат омывал свои руки; перед костями ослицы, на коей Иисус в'езжал в Иерусалим; перед «дыханием христа» в коробочке; перед «мраком египетским» в бутылке; перед несколькими вздохами, вырвавшимися у плотника Иосифа, когда он стругал сучковатое дерево; перед «шилом», на котором вертелась душа святого Павла и т. д., и т. п.

Заслуживает большого внимания описание мошеннических проделок католической церкви с индульгенциями,—актами римского папы и его виднейших агентов и суб'арендаторов этого дела—об «отпуске грехов», об освобождении от гражданской ответственности за любое уголовное преступление, будь то убийство собственного отца, собственного ребенка; будь то педерастия с малолетним, лжесвидетельство, что бы то ни было...

За деньги можно было купить подобный акт об амнистии преступления, которое покушающийся только намеревался совершить.

За деньги также можно было купить облегчение судьбы и «на том свете», как для себя, так и для умерших родственников и знакомых.

Так как вечность неизмерима, а благостность неисчислима, то запуганные люди предусмотрительно покупали отпущения грехов и послабления по части меньшего количества лизания горячей сковороды на том свете, или по части меньшего количества страданий в кипящей смоле, на десятки и сотни лет в «жизни будущей».

Глава «Наместничество бога в Риме» — бытописует интимную и общественную жизнь римских пап.

Убийство, кража, обман—вот та нечистая троица, на которой, по справедливому мнению Отто Корвина, покоилось и покоится папское могущество.

«Зачатие пап, как агитировал папа Стефан V (885—891),—происходит как и зачатие Иисуса: от святого духа.—Все папы, в своем роде, **богочеловеки**, чтобы они могли быть посредниками между богом и людьми, и им дана вся власть на небе и земле».

Посему богочеловек, например, папа римский Иоанн XII держал на своей конюшне для личных нужд 2.000 лошадей, кормил их фисташками, изюмом и финиками, промоченными предварительно в дорогом вине.—Во время своих пирушек он провозглашал тост за здоровье... чорта. Этот же папа публично насиловал девушек и замужних женщин.—Один потерпевший супруг в момент оскорбления своей супружеской чести даже убил этого богочеловека.

Папа Бонифаций VIII (1295—1303) одновременно жил с одной замужней женщиной, ее дочерью и с несколькими пажами—отрогами.

Этот папа в кругу своих собутыльников сознавался: «одинаково нелепо верить в единого бога, как и в троицу. В деву Марию я так же мало верю, как в ослицу, а в ее сына, как в осленка... Таинство—только одна комедия... Пусть бог мне даст хорошую жизнь на этом свете, а будущим я мало интересуюсь».

А сколько за подобные мысли по воле этих пап на кострах инквизиции было загублено в средние века людей.

Папа Урбан VI (1378—1389) нескольких кардиналов, кои не голосовали за него при выборах, сначала пытал, потом завязал в мешки и бросил в море. Трупы двух из этих кардиналов Урбан VI предварительно приказал высушить в печках, а затем растолочь в порошок.—Этот порошок насыпали в мешки и возили перед папской колесницей во время его объездов—на мулах с кардинальскими красными шляпами—для острастки.

Во время собора в Констанце в 1414 г. в папской свите находилось более 1.000 публичных женщин.

Папа Сикст IV основал в Риме публичные дома и подарил каждому из своих кардиналов доходы с 20—30 публичных женщин. Сам он состоял в противоестественной связи с собственными сыновьями.

Папа Александр VI Борджиа (1492—1502) в качестве излюбленного средства устранения своих конкурентов на папский престол и личных врагов употреблял яд, которому он придавал название «Requiescat in pace» (Да упокоится в мире).

По ошибке слуги он выпил однажды яд, приготовленный для его врага,—отчего и умер. Интимная жизнь этого папы была полна разврата, чудовищного даже для папского двора.

Папа Лев X (1513—1521) за время своего папства истратил на свою особу 14 миллионов червонцев.

Современный читатель с трудом может представить сказочность этой цифры для 16 столетия.

Недаром Лев X говорил: «Весь мир знает, как много доходов мы извлекаем из басни о христе».

Папа Юлий III организовал в Риме для потехи своей камарильи парад из... 40.000 проституток.

Папа Инокентий X был в руках своей сожительницы, жены его брата. Она не постеснялась закрыть около 2.000 монастырей и реквизировать в пользу своего «святого семейства» монастырское имущество.

Отлучения от церкви целых местностей, чтобы заставить их жителей подчиниться экономическому гнету помещиков—пал; пытки инквизиции; светогасительство; всякое насильничество, уголовная—хотя уголовно и не наказуемая—инсценировка мистификаторски чудесного и т. п.—вот те методы, коими верхи католической церкви, опираясь на строго централизованную духовную иерархию, поддерживали и распространяли свою угнетательскую власть.

В главах «Содом и Гоморра» и «Монашество», автор ярко описывает безобразные последствия введенного папизмом celibата, безбрачия духовенства.

Введение с XI столетия этого института имело свои экономические горни: стремление—в виду все увеличивавшегося папского могущества—лишить духовенство сферы семейных интересов, в целях проведения системы наследования после смерти более низшего духовенства—не их детьми, женами и т. п. родственниками, а папскими организациями, стремление земные заботы католического духовенства направить не в сторону семейственных уз, а на возвеличение папского монархического могущества.

Эти цели папизму удавались, но... как и чем расплатилось за эти успехи папизма средневековое человечество—и расплачивается человечество по сей день,—пусть ознакомится сам читатель из этой главы.

Быт жизни монастырей представлен Корвиным очень удачно,—хотя и несколько грубовато, но здесь не вина автора.

В последней главе «Исповедная»—Корвин описывает тайны «тайной исповеди», являющейся, как правильно делает вывод автор, не каким-либо чисто религиозным институтом, а лишь средством достижения политико-экономических целей папизма, а также попутно представляющимся случаем «телесную охоту утолить».

Религиозные шантажи, описанные автором, само собою очевидно (что отмечено самим Корвиным), свойственны не только католическому культу, но и всем культурам всех веков.

Весь этот развратный монастырско-поповский быт, шантаж вокруг взращиваемого церковниками культа мощей, новоявленных икон и т. п. амулетов,—еще в 1924 г. живет, хотя и быстро изживается, даже в Советских республиках.

Оканчивая книгу, Корвин обращается к читателю:

...«Выбрасывайте, прежде всего, рясников из домов и из школ и религиозную веру из своих сердец».....

....Вырвите воспитание из рук священников и **отделите церковь от школы**.—Пока это не будет сделано, мы не сможем воспитывать людей, соответствующих требованиям нашей эпохи.

Кто же такой был сам автор Отто Корвин, или, вернее сказать, Отто фон-Корвин—Виржбицкий?

Он был—активный революционер германской революции 1848 г. и известный историк.

Соотношение сил в Германии за этот период истории так рисует Карл Маркс (см. стр. 45 его труда «Революция и контр-революция в Германии. Гиз., 1920):

«Буржуазия чувствовала свою силу и решила не сносить долее оков, которыми опутывал феодальный и бюрократический деспотизм ее торговые дела, ее промышленную дееспособность, ее общую деятельность, как класса. Часть поместного дворянства в такой мере успела уже превратиться в производителей товаров для рынка, что имела одинаковые интересы с буржуазией и примыкала к ней; мелкая буржуазия была недовольна, роптала на налоги, на препятствия, которые ставились на пути ее торгово-промышленной деятельности, но не обладала никакой определенной программой реформ, которые обещали бы обеспечить ее положение в государстве и обществе; крестьянство было задавлено отчасти своими феодальными повинностями, отчасти вымогательствами ростовщиков и адвокатов; рабочие в городах были охвачены общим недовольством—в одинаковой мере ненавидели правительство и крупных промышленников, капиталистов и легко заражались коммунистическими и социалистическими идеями; короче, оппозиция представляла разнородную массу, увлекаемую различнейшими интересами, но более или менее руководимую буржуазией, в передних рядах которой, в свою очередь, маршировала буржуазия Пруссии, особенно в Рейнской провинции».

Корвин в течение той революции сражался в левых рядах буржуазии. — Та часть буржуазии, к коей принадлежал и Корвин, мечтала создать «единую свободную Германию».

Эта буржуазия была окончательно разбита войсками его королевского высочества прусского летом 1849 г. у крепости Раштат, в войсках которой Корвин сражался в качестве начальника генерального штаба.

Корвин военным судом был приговорен к смертной казни, замененной десятью годами каторжных работ. С 1849 г. по 1855 г. он отбывал это наказание в Брукзале.

Организаторы католической церкви, против коей так ярко выступил Корвин, были в то время в Германии составною частью феодального и бюрократического деспотизма того времени.

По общим и цензурным условиям того времени, выступать против католической церкви было равносильно выступлению против самого феодального правительства.

По своим воззрениям в религиозных вопросах Корвина можно считать атеистом, но **атеистом мелкобуржуазным**.

Формы, в коих выявляется атеизм, выявляются в различные исторические периоды природою класса, исповедывавшего этот атеизм.

Теоретические начала мелкобуржуазного атеизма не исходят из понимания классовой борьбы и классовых противоречий, а являются результатом поверхностного усвоения лозунгов, говорящих о всеобщем мирном и свободном человечестве.

Эти начала есть наследие средневековья, заветы буржуазии после рыцарского периода.—Лозунги этой буржуазии, поскольку она шла тогда в авангарде революции, были: свобода, братство, равенство, «чистый разум», «здравый смысл», природа, новое человечество, при чем все это принималось за «абсолюты».

Все, что стоит в несогласии с узким кругозором этих понятий,—объявлялось ложным.

Все религиозные верования объявляются покоящимися на заблуждениях господ теологов.

Потусторонним мистическим силам не дается место.

По схеме этой мелкобуржуазной мысли, существует и должно существовать только государство (буржуазное, конечно), которое, как бог в непосредственно предшествовавший период, заботится и должно вечно впредь заботиться о всех людях без исключения.

«Природа» обеспечивала всем живущим по ее законам свободную братскую жизнь социально равных людей.

«Природе», разуму, новому человечеству — этим божествам революционной в то время буржуазии, этим силам—придавалось безмерное значение, не имевшее никаких классовых рамок.

Научный (пролетарский) атеизм не удовлетворяется лозунгом «бога нет».—Сторонники учения о классовой борьбе добираются до этого бога в самые сокровенные уголки прошлого и настоящего, где бог еще в поисках спасения находит защиту.

Научный атеизм нащупывает в истории глубочайшие корни происхождения веры в бога и добивается того, что никогда не могло удасться чисто рационалистическому атеизму, т.-е. добивается определить социально-политическую природу понятия бога—определить ее до конца,—и истребить навсегда как бога, так и тот эксплуататорский класс, в интересах коего «бог» живет и действует.

Как только буржуазия из оппозиционного класса делается господствующим, она из класса революционного делается силою консервативною.

Как только сделавшейся господствующим классом буржуазии стали активно противостоять трудящиеся массы,—она перестраивает свою мелкобуржуазную атеистическую идеологию и идет в открытую атаку против пролетариата, как библейские боги атакуют своих антиподов—диаволов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что незадолго до великих дней Парижской Коммуны (1871 г.) Корвин очутился в рядах работников черносотенного прусского национал-либерализма и «культуркампа», и сам железный канцлер Бисмарк—оплот европейского черносотенства—публично нарекал его своим политическим единомышленником.

Чтобы реально судить о деятельности Бисмарка в интересующей нас области, достаточно ознакомиться с подписанным лично им «Высочайшим Указом» от 1 мая 1889 г., в коем говорится буквально следующее:

«Уже давно занимает меня мысль использовать школу на ее отдельных ступенях, в целях противодействия распространению социалистических и коммунистических идей.—Прежде всего, **развитием страха божия** и любви к отечеству школа должна заложить фундамент для здравого понимания государственных и общественных отношений. ...Школа должна стремиться укрепить **уже в юношестве** убеждение, что учение социал-демократии не только противоречит божеским заповедям и христианскому учению о нравственности, но что и невыполнимо в действительности, а в своих последствиях одинаково вредно как индивидууму, так и обществу в целом. ...Школа должна внушать юношеству, как короли Пруссии старались улучшить условия жизни рабочих, путем прогрессивного развития... ..Школа должна далее доказать на статистическом материале, как существенно и как постоянно в этом столетии улучшались условия жизни и заработка рабочих классов **под этой монархической охраной**и что в будущем рабочие должны ожидать справедливого и обеспеченного заработка **лишь под охраною и попечением короля**, стоящего во главе упорядоченного государства...» *).

Напуганные Великой Октябрьской Революцией, классовые союзники Бисмарка, рясофорные и светские помещики, российские банкиры, домовладельцы и т. п., собравшись в свой классово-черный штаб в Москве в 1918 г. (речь идет об Управе Полицейского Благочиния или о так наз. Священном Соборе православной российской церкви), по вопросу о преподавании закона божьего постановили не иначе:

...«Для успешности христианского воспитания в школе необходимо, чтобы русскими образованными людьми **была отвергнута** материалистическая основа господствующего мировоззрения во взглядах не только на школу, но и на весь строй народной жизни. Только в единении образованных русских людей с простонародными религиозно - церковными идеалами могут быть созданы условия для действительности слова о христе пастыря его в школе...

Закон божий в школе должен иметь воспитывающий характер...

Достигается эта цель изучением святой библии, богослужебных книг, творений св. отцов и жизни святых божиих и подвижников веры и благочестия».

Известный стряпчий по части использования религиозных суеверий в пользу свою и папизма, так наз. блаженный Августин замечательно верно охарактеризовал классовое значение преподавания закона божьего:

... «**Богачи, как много вы обязаны христу, вносящему мир в дома ваши...**».

Нет ничего удивительного в том, что даже в 1919 г. в г. Веймаре была принята Национальным Собранием Германская конституция, в коей имеются, например, следующие места:

Ст. 137... Религиозные общества являются публично правовыми корпорациями, имеют право взимать налоги на осн. гражданских налого-

* См. „Школьная реформа социал-демократии“. Генрих Шульц, НКП, 1918. Стр. 173.

вых списков, соответственно постановлениям областного законодательства.

Ст. 138... Право собственности и другие права религиозных обществ и союзов на учреждения, вклады и прочие имущества, предназначенные на богослужебные, учебные и благотворительные цели, гарантируются...

Ст. 145... В пределах общин по предложению лиц, имеющих право на воспитание детей, могут быть учреждаемы народные школы их вероисповедания или мировоззрения...

Ст. 149... Преподавание закона божьего входит в программу школ, за исключением школ внеисповедных.

... Преподавание закона божьего и совершение церковных обрядов зависит от волеизъявления... учителей.

... Теологические факультеты в высших учебных заведениях сохраняются!!! (Дипломированные лакеи поповщины выращиваются в государственных питомниках за счет трудящихся масс и им же в спину и на законнейших основаниях!).

При принесении общегерманским президентом Республики присяги на верность «всему германскому народу» (вспомни «природу» и «здравый смысл»)... «допускается добавление религиозной клятвы»... (ст. 42).

Здесь, в этой конституции, оставлены в полной неприкосновенности и даже защищены всем авторитетом основных германских законов, для церковников: все титулы их священной собственности от поповских плутней, а для капиталистов — все политические предпосылки наиболее бессовестной эксплуатации чужого труда, воровства прибавочной стоимости.

Кто авторствовал по части создания этой германской конституции? Известный сторонник Бисмарка, знаменитый буржуазный берлинский профессор государственного права Гуго Прейс.

Кто возглавлял и был в большинстве в Веймаре, 31 июля 1919 г. в Национальном Собрании, заковавшем в такие тяжелые конституционные оковы германские трудящиеся массы?

Германская социал-демократия, меньшевики!

Как разрешили **для себя** эти трудящиеся массы вопросы о награбленных церковниками имуществах и о снятии с себя эксплуататорских оков духовного угнетения через церковную школу, когда они, впервые за всю мировую историю, действительно овладели государственным аппаратом?

23/1—1918 г. за подписью «Председателя Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)» были декларированы, а засим и честно проведены в жизнь след. действительно революционные нормы декрета об отделении церкви от государства:

«... ст. 9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, **а также частных** учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, **не допускается.**

... ст. 12. Никакие церковные и религиозные общества **не имеют права владеть собственностью.**

Прав юридического лица они не имеют.

... ст. 13. **Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ об'являются народным достоянием!**».

В конституциях буржуазного государства (Бисмарк) и государства социал-демократического (Эберт) вся классовая многовековая поповская эксплуататорская уголовщина и насильничество находят юридическую защиту и моральное оправдание.

В конституции государства советского (Ленин) эта уголовщина и ханжество публично разоблачаются и ликвидируются.

То, о чем воздыхал Корвин и его класс в известный исторический момент,—к тому же и воздыхал только по тактическим соображениям,—этот класс провести в жизнь не мог, ибо, проводя уничтожение преподавания законов божьих,—этот класс и его идеологи и пособники, вольные и невольные, этим самым подточили бы самые надежные суки, на коих сидя-господствуют.

Там и тогда, где и когда Корвин и его класс, победив, чувствуют нарастающий против себя шквал, они забывают свой гуманитарно-идеалистический балласт и вновь ищут спасения против трудового человека... в боге, со всею божественною практикою, тактикой и политикой.

Само собою разумеется, что у Корвина Иисус христос не мрачный бог, палач, мститель за обиды богатым, и жандарм, каким он являлся до него и является до настоящего времени в педагогических узорах прусской государственности, а «революционер, которого также и в наше время (речь идет о сороковых годах XIX ст.) хотя и не распяли бы, но расстреляли бы или заперли в тюрьму»... (стр. 30).

В настоящее время каждый, сколько-нибудь грамотный человек, хорошо знает, что Иисус христос не был ни революционером, ни контр-революционером, а вообще никогда не существовал.

См. хотя бы «Миф о христе», т. I и II германского буржуазного же профессора Артура Дреуса, или «Евангельские мифы» английского буржуазного же профессора Джона Робертсона.

Также не существовали ни дева Мария, ни 12 апостолов, ни Иуда, ни Иоанн креститель и т. п. герои, коих Корвин, так или иначе, в зависимости от своих нужд и способностей, лишь рационализирует.

Все они были личности мифические, как мифичны Моисей, Будда и все другие боги—порождение человеческой непросвещенности и заботы.

Несмотря на все недостатки, труд О. Корвина «Зеркало папизма» представляет из себя большой и серьезный научный труд, ознакомление с коим **полезно по той массе исторических фактов и картин быта**, которые в нем имеются.

Все эти факты Корвин выбирал с большой осторожностью, отбрасывая в сторону материал, плохо проверенный.

Подлинник немецкого издания «Die Pfaffenspiegel» не имеет рисунков. Они взяты из различных зарубежных научных источников—по выбору редакции «Атеист».

В нашем распоряжении были и те места книги Корвина, которые прусская цензура не допустила в свое время до обращения в обществе.

От редакции „АТЕИСТ“.

В настоящем издании, в особенности в первых четырех листах, имеется довольно много досадных ошибок, допущенных по невнимательности корректора.

Во избежание повторения подобных случаев, мы пригласили для постоянной работы в „Атеисте“ специального корректора.

НОРВИН.

„ЗЕРКАЛО ПАПИЗМА“.

Посвящается папе ПИЮ IX

„Если тебе, святейший отец, понравилась эта книжечка, и ты мне публично выскажешь свое одобрение, то я постараюсь угостить тебя другими подобными подарками“.

(Ульрих фон-Гуттен).

Предисловие ко второму изданию.

Прошло уже больше 20-ти лет с тех пор, как вышло первое издание этой книги в Лейпциге. Тогда как раз везде зашевелилась жизнь. Дух человечества, чувствуя себя вышедшим из под опеки, восстал против навязанных ему деспотизмом бывших столетий форм и правительства приняли свои испытанные средства для покорения его. Цензура делала свое дело с тупоумной строгостью; газеты закрывали беззаконным образом, писателей привлекали к ответственности и сажали под арест, так как через них говорил дух времени к народу, который не должен был знать, что он вышел из детского возраста.

Церковь не отставала от правительств. Старые, уже отставленные догматы и реликвии снова выкапывали из чуланов римского хлама, и с состраданием и гневом гений девятнадцатого столетия видел, как верующие стада сотнями тысяч паломничали в Триер, чтобы поклониться выставленному тамошним епископом мнимому плащу Христа.

Лейпциг в то время еще был общепризнанным центром германской книжной торговли, и там образовался кружок серьезных прогрессивных людей, имена которых уже тогда пользовались известностью или с тех пор уже успели приобрести таковую. В возникшем тогда германском союзе писателей они нашли свой объединяющий центр, где родились многие мысли, ставшие потом делом. Я был одним из учредителей союза и не бездеятельный член его. Настал 1848 год. Я окончил пятый том своей истории великой нидерландской революции и начал вместе с Гельдом издание иллюстрированной всемирной истории. Для духовного освежения служило мне участие в журнале Гельда «Паровоз», резкий свисток которого возвестил дремавшему народу, что прошло время духовных тачек и дилижансов, что гений свободы с новой силой несется по свету, что дохлые клячи духовного и светского деспотизма стали достоянием живодера. Паломничество в Триер возмущало даже образованный католический мир. В саксонских отечественных записках, душою которых был Роберт Блюм, появилось известное письмо с отказом Иоганна Ронге. Возникло большое движение, от которого

много ожидали, и которое имело бы более крупные последствия, если бы руководителям этого движения их задача была под силу. Но у них было много благих намерений, но слишком мало таланта.

Я разделял надежды многих и решил принять свою долю участия в использовании последних. Мои исследования исторических источников, особенно источников истории нидерландской революции против Филиппа II Испанского, в которой религиозный элемент играет главную роль, меня познакомили с фактами, которые духовенство, контролирующее ревниво воспитание народа, тщательно скрывало от него или сообщало ему только в искаленном или приспособленном для церковных целей виде. Я должен был читать сочинения «отцов церкви» и самых авторитетных церковных писателей. Чем больше я вникал в их, тем яснее обрисовывалась для меня вся низость ужасного преступления, которое римская церковь совершила по отношению к человечеству, тем более я поражаюсь неслыханной наглостью и коварством, с которыми было совершено это преступление и совершается поныне. Я все больше и больше убеждался в том, что рабство, под которым изнывает человечество, имело свои корни в церкви, и что все наши стремления к свободе будут бессильны, если мы не сорвем с себя сначала те оковы, в которые заковала церковь дух людей. Это убеждение породило во мне желание написать книгу, которая раскрыла бы глаза одурманенному священниками народу и позволила бы ему заглянуть в кузницу, где сковали его оковы.

Фанатизм, возникающий из религиозной веры, везде бывал самым страшным врагом свободы, и чтобы побороть его и уничтожить, мне казалось, необходимым не только приводить народу исторические примеры отвратительных последствий фанатизма, а в то же время и указывать мутные источники самой веры. Так как эта вера опирается на мнимые факты, в действительности которых народ даже тогда не сомневается, когда они противоречат опыту и разуму, потому что они передаются священниками, в ум, правдивость, безкорыстие и нравственность которых народ верит, — то я признал необходимым

для борьбы с этой верой в авторитеты, осветить эти авторитеты, т.-е. пап и священников, с исторической точки зрения и доказать, что верующие в этом отношении опираются на совершенно ложные предположения.

Для достижения всех этих целей я решил изложить в вступлении, как власть пап и священников развивалась с течением времени, какими средствами они пользовались и какое влияние имели средства на общество и на самих священников. Потом должны были последовать история братства бичующихся, альбигойцев и вальденцев, анабаптистов, инквизиции, гонений на евреев и т. д.

Вступление доставило большие затруднения, так как материалы, накопившиеся в течение столетий, пришлось втиснуть в тесные рамки небольшого тома. Кроме того, обстоятельства предписывали особую тщательность и разборчивость при выборе материалов. Цензура еще существовала, и кроме этого стесняющего обстоятельства, я смел только пользоваться фактами, которые не только мне самому казались несомненными, но и не могли быть оспариваемы римскими священниками.

Тогда был цензором в Лейпциге профессор Гарденитери. Он мне часто возвращал мой манускрипт, снабженный толстыми чертами, но ему в большинстве случаев приходилось освобождать неоправившиеся места от запрета, когда я ему доказывал, что я их черпал из книг какого-нибудь святого или великого церковного светила, одобренных римской церковью. Таким образом, вышло вступление к моему сочинению в печати, утвержденное в своем роде саксонским правительством, во главе которого стоял римско-католический король. Книга, кроме только в Австрии, нигде не была конфискована, и правдивость ни одного из приведенных в ней фактов не оспаривалась и не опровергалась даже римским духовенством, хотя оно, конечно, осудило книгу.

Критика встречала мою книгу везде очень благоприятно и высказывала признательность за мое усердие.

Некоторые благожелательные друзья, правда, утверждали, что моя книга произвела бы еще более сильное действие, если бы я пропустил самые возмутительные факты и при обсуждении последних соблюдал бы больше сдержанности.

Я должен решительно высказаться против этого мнения. Если бы я хотел поступить, как хотели эти благожелатели, то я поступил бы по иезуитски. Линия, которая не прямая, кривая и извращенная правда—ложь.

Правда, возможно, что некоторым католикам сообщенные мною факты покажутся настолько маловероятными, что они их будут считать умысленной подтасовкой, и их священники,

конечно, будут поддерживать в этом мнении; неужели, однако, мне из-за этого отказаться от самых действительных средств борьбы? Кто меня обвиняет во лжи, пусть публично выступит против меня; я ему докажу, что все то, что он называет ложью, взято дословно из сочинений чтимого святого, епископа или прелата.

Что касается моих суждений, то они, правда, выражены часто в резких и горьких словах, но я спрашиваю, какое право имеет римская церковь на деликатное и нежное обращение? Говорить истины менее грубо, чем сжигать людей, потому что они не верят в грубую ложь! Нет, что я считаю дурным, то я буду называть дурным. Выражение моего возмущения тем или иным римским позорным действием должно соответствовать моему возмущению, и если это не так, тогда я лгу и заслуживаю такого же презрения как те, которых я порицаю. Римская церковь—недруг человечества, слабости и дефекты которого мне не следовало бы раскрывать и высмеивать, она—все еще сильный, наглый и бессовестный враг нашей свободы, который не пренебрегает самыми возмутительными средствами, лишь бы достигнуть своей цели. Было бы нелепостью и слабостью, если бы я в открытом и честном бою со смертельным врагом этой свободы не воспользовался его слабыми сторонами: я ударю в них со всего размаха, и если я могу, в самое сердце врага.

Книга не написана для ученых, также не для салонов, она предназначается для народа, и чтобы народ ее читал, она написана в своем настоящем виде. Если факты или слова, приведенные в ней, не всегда деликатны, то пусть в этом винят тех святых, пап и священников, которые их совершили или произнесли,—на нежные нервы надушенных франтов нельзя обращать внимания, когда сражаешься с наглым, бесстыдным врагом и за правду.

Второй том «Братство бичующихся» последовал скоро за первым, но еще раньше, чем третий успел появиться, вспыхнула буря 1848 г., которая меня застала в Париже, где я сделался свидетелем февральской революции. Время писательских занятий прошло, и я с тысячами единомышленников взялся за меч. Я сражался в первых рядах и до конца. Княжеская власть везде в Германии победила, когда мы сдали крепость Раштадт, защитой которой я руководил в качестве начальника генерального штаба.

Я был осужден к смерти, но не единогласно. Этот единственный особый голос, применение закона, касающегося такого случая, и счастлирое стечение обстоятельств спасли меня от смерти, но я на целые шесть лет был заживо похоронен в одиночной камере пенсильванской тюрьмы.

Кого одиночество такого заключения не разрушает духовно, того оно очищает и закаляет. Многие из моих товарищей по несчастью умерли, многие вернулись в свет с разрушенным умом и телом, беспомощными людьми. Это было осенью 1855 г., когда я покинул свою могилу. Ни мой дух, ни мое здоровье не пострадали; наоборот—то, что других разрушило, меня закалило.

Гонимый правительством из одного места в другое, я должен был ехать в Англию «чтобы есть горький хлеб изгнания». Великая гражданская война в Америке вспыхнула и осенью 1861 г. я переправился туда в качестве специального корреспондента Аусбургской Всеобщей газеты и корреспондента Лондонской «Таймс».

Я многое там видел и многому научился. Во время своего шестилетнего одиночества в тюрьме я делал в своем внутреннем мире открытия и наблюдения, и благодаря шестилетнему пребыванию среди молодой и свежей жизни великой республики я имел возможность исследовать и проверять практические результаты тех принципов, за осуществление которых мы в Европе пожертвовали и состоянием и кровью.

В Америке, часто слышишь от американцев и немцев, что, «для того, чтобы понимать Америку и американцев, надо сначала прожить по крайней мере пять лет в этой стране», и я могу это подтвердить для наставления тем людям, которые быстро и отрицательно отзываются об американской жизни. Изгнанный из своей родины, я сделался гражданином великой республики, в которой мои взгляды и убеждения не наложили на меня клеймо преступника; однако, хотя более широкому уму весь мир не слишком мал, чтобы быть отечеством, все таки душа всякого человека более или менее привязана к той стране, где стояла колыбель его и где он провел свою юность. Сердце немца везде остается немецким, хотя бы его язык говорил по английски и всякий тоскует о том, чтобы вновь увидеть Германию.

Эта тоска овладела и мной и мне захотелось увидеть на месте, как взойшли посевы, которые мы посеяли двадцать лет тому назад кровью и слезами. Я поэтому в прошлом году вернулся в качестве корреспондента Ньюйоркской газеты «Таймс» для «Германии и соседних государств» на свою родину.

«Известный по 1848-му году Корвин вернулся из Америки» писала одна дружественная газета и другие перепечатали это сообщение. Когда я прочел этот блестящий отзыв о жизни, посвященной свободе и интересам народа, я засмеялся от всей души, без всякой горечи, а с тем счастливым ясным духом, который мне в свое время дал возможность хладнокровно ожидать пули государственных палачей, оставаться физически и духовно здоровым во время одино-

чества в пропахшей похлебками и проникнутой тоской тюремной келье; переносить с юмором великие и мелкие невзгоды изгнания; спокойно спать среди «треска снастей», когда дрожат верующие, и среди «грома битвы» писать свои корреспонденции для газет. Кому сейчас дело до тех людей, которые посадили те деревья, которые нам предоставляют тень и пользу! Я был доволен тем, что я видел в Германии. Кровь мучеников 1848 и 1849 годов и слезы их жен и детей пролиты не напрасно. Изменения в общественной жизни развиваются также, как и в природе, постепенно и медленно, и было бы неразумно со стороны неверующих в чудеса требовать их.

О политических последствиях этих лет я здесь не буду распространяться, я здесь коснусь только прогресса духовного.

Неразумная вера за эти двадцать лет много потеряла почвы под ногами, и главная опора ее, папство, висит только на одной нити. Власть рясников подорвана, даже в Австрии, Италии, и Испании и чрезвычайные усилия, к которым прибегают для поддержания ее, бесплодны. Печать свободна и правительства, наиболее преданные папству, были принуждены судом гласности предоставить свободу действия науке, и сами оказались принужденными бороться с посягательствами рясников.

Наша задача состоит в том, чтобы использовать свои завоевания, и ближайший путь к этому в распространении познаний среди народа и в изъятии из рук рясников, постриженных и непостриженных,—воспитания детей.

Я прекрасно знаю, что протестантские правверные пасторы такие же фанатики, как тупо верующие монахи, и что они, если бы только могли, также угрождали бы своим деспотическим наклонностям, как и римская церковь; но мы можем спокойно допустить, чтобы господин Кнаак и подобные герои по отсталости выбрасывали нелепости веры на рынок, и нечего жалеть, если несколько старых баб им поверят—я поэтому оставляю в стороне все глупости, всплывающие временами в протестантской церкви, во всяком случае, они не составляют главный предмет этой книги. Меня здесь главным образом интересуют все глупости и подлости, исходящие из Рима, и я показываю народу образец римского рясничества, каким оно является в зеркале истории.

Первое издание этой книги скоро было распродано и мое долгое пребывание вне пределов Германии мне помешало выпустить второе. Когда же я в прошлом году вернулся из Америки, со всех сторон настойчиво просили меня, выпустить второе. В биржевых ведомостях для книжной торговли почти на каждой неделе отсылали эту книгу и ее нельзя было достать даже

в антикварной торговле. Я сам не мог достать ни одного экземпляра и должен был одолжить его у частного лица, который его кому-то передал, который опять также передал его другу, живущему в другом городе.

Хотя я был страшно занят другими работами, я решил вторично издать эту книгу. Перемены, происшедшие за эти 20 лет в Германии, вызвали переработку книги. Все вступление оказалось не соответствующим времени, и я написал другое. Через всю книгу проходили намеки на другие времена и я должен был ее пересмотреть и прибавить одну главу. Я кроме того, изменил заглавие, так как мне казалось, что «христианский фанатизм» представляет из себя внутреннее противоречие.

Если я сейчас ничего не изменил в сообщенных мною фактах, только прибавил кое-какие новые, и не трогал слога и тона всей книги, то я это сделал вполне сознательно.

«Дурака проучи дубиною», говорит немножко резкая немецкая поговорка и также, как ана-

том, когда он для блага человечества копается в гнилых телах, не может одеть заранее перчатки, так и за гнилое тело рясников нельзя взяться в лайковых перчатках. А что я во время такого мерзкого дела для дезинфекции закуриваю юмористическую сигару, на это никто не будет в претензии, так как это будет лучше и для самого читателя. Я также считаю неуместным отказаться от своего правила называть вещи по имени. Когда мне придется говорить про предмет, признанный непристойным, то у него не прибавится непристойности от того, что я его не назову прямо немецким словом.

Я надеюсь, что моя книга будет выпущена еще до церковного собора, от которого папа ояждает восстановления римского величия; пусть моя книга послужит всем членам собора в качестве справочной книжки на тот случай, если они забыли сущность учения римской церкви.

Корвин. 1868 г.

А 142

ВСТУПЛЕНИЕ.

Когда слабый человек чувствует, что он изнемогает под ударами несчастий, и не находит своим страданиям ни помощи ни утешения—ни в себе, ни в других, ни где нибудь на земле,—тогда естественная склонность заставляет его обратиться с мольбой, выраженной в чувствах, мыслях или словах к той власти, которой он приписывает происхождение и сохранение всего существующего мира, и которую обозначает общим названием «бог».

Каждый человек, который вообще способен мыслить, создает себе относительно этого существа представление, которое соответствует его степени развития. Это представление—его бог; значит: каждый человек—сам творец своего бога.

Разум различно развивается вследствие разнообразных влияний, и как не бывают два человека, которые были бы совершенно сходны в смысле своего физического строения, так и не бывают два человека, которые были бы совершенно одинаковы в своем умственном образовании или развитии. Из этого следует, что, строго говоря, существует столько же богов, сколько существует людей—т.е. представлений о боге.

Негр, который стоит на коленях перед вырезанным им самим фетишем, который—телесное выражение его представлений о боге; индеец поклонник огня; магометанин, еврей и христианин—все молятся созданным или же богам.

Все представления о боге почерпаны из одного и того же источника, но, смотря по различным обстоятельствам, оказавшим влияние, они принимали разные и, часто, такие страшные и удивительные формы, что даже для сведущего, размышляющего исследователя становится трудно указать общность происхождения. Так как представление о боге составляет основу религии, то становится понятным существование стольких разных религий, а—во вторых—то, что народы, развивавшиеся при одинаковых условиях, имеют одинаковую религию.

Указание общности возникновения различных религий—потребовало бы особое сочинение, и я ограничусь тем, что сделаю набросок общего хода развития всех религий.

Когда земля в своем развитии достигла ответственной стадии, возникли люди. Они

чувствовали приятные и неприятные влияния различных явлений природы впервые, и так как они были одарены разумом, то они размышляли о их происхождении.

Самые непосредственные впечатления ощущали они от погоды—и дождь, ветер, гроза, жара и стужа тем более были способны возбуждать их любопытство, что первопричины их были скрыты от глаз.

Изменения, которые перед дождем и грозой происходили на небе, они могли видеть,—и так как дождь и молнии шли из туч, то напрашивалась мысль, что скрытых виновников надо искать «на небе», т.е. в тучах.

Солнце, от которых зависят день и ночь, жара и стужа со своими действиями, должны были, естественно, также сделаться одним из главных предметов их наблюдения.

Также и перемена времен года со своим приятными и неприятными сторонами должна была вызвать вопрос о ее причинах.

Так как опыт—мать всех наук,—еще был в детской стадии, то фантазия,—эта не регулируемая игра разума,—двигалась по очень ограниченному кругу видимого и соединяла с ним свои заключения о скрытом. Действующими существами знали только животных и людей, и творения фантазии, которые представляли себе виновниками перечисленных явлений природы, могли быть только существами, похожими на животных или людей.

В некоторых людях фантазия подвижнее, чем в других и они сообщали, что они думали о действиях и отношениях этих существ между собою, и что они изобретали на основании приписываемой им деятельности. Так возникали сказки и мифы, которые были расширены людьми, одаренными особо живой фантазией—поэтами, были приведены в более или менее разумную связь и населены лицами.

Также сказки, возникшие в детской человечества, переходили, как действительно случившиеся, от поколения к поколению, и следы их можно указать даже после нескольких тысячелетий у самых развитых народов, и они оказывают влияние даже еще в настоящее время. Это будет понятно каждому, кто отдаст себе отчет о своих собственных чувствах и ощущениях. Даже самый просвещенный и образо-

ванный человек еще в конце своей жизни открывает у себя отзвуки впечатлений, которые он получил в детской; никому не удастся абсолютно освободиться от бабушкиных сказок.

Так как первобытные люди представляли себе предполагаемых в тучах или других недоступных местах виновников явлений природы—«богов»—только более могущественными животными или людьми, то приписывали им, естественно, соответствующие этому представлению чувства, как гнев, ненависть, месть, благожелательность, доброту и т. д. Так как гнев людей поддается—усмирению и проявление его—отклонению, то напрашивалась мысль, попробовать тоже самое и с богами,—так возникли жертвоприношения.

Жертвы состояли в предметах, которые были приятны для людей, и так как боги жили на небе и не являлись за ними, то надо было их переправить на небо, что не могло быть сделано иначе, как сжигая их, так как тогда хоть запах и дым подымались на небо.

Подвижная фантазия скоро выработала теорию о действии этих жертв, и так как при этом никогда не покидали человеческую и чисто-чувственную точку зрения, то, естественно, пришли к заключению, что то, что людям особенно приятно, что редко и поэтому трудно достижимо, что людям особенно мило, для богов должно быть самой приятной жертвой.

Так как гнев богов трудно было усмирить, т.-е.: так как неприятные явления природы часто продолжались очень долго, и очень много требовалось жертв, пока явления со своими действиями не прекращались, а такие жертвы,—приятные для богов,—трудно было достать и у отдельного человека часто не находились,—то многие соединились друг с другом, чтобы сообща доставать, что требовалось для богов, так как у всех должно было быть желание примирить их. Так образовались — жертвенные союзы, которые можно называть началом религии.

Собранные жертвенные принасы приходилось хранить и в конце-концов преподносить богам — это поручали особым лицам. Так возникли жрецы.

Так как эти жрецы были теми лицами, которые богам, которых представляли себе более или менее идеализированными людьми, приносили жертвы, значит, вступали с ними в непосредственные сношения, то напрашивалась мысль, что боги к ним, как к фактическими жертвователям, более благосклонны и прежде всего им! сообщают о своих желаниях. Из этого следовало, что жрецам приписывали некоторое влияние на решения богов и поэтому старались приобрести их благосклонность.

Понятно, что жрецам приобретенное ими влияние было очень приятно, и что они старались его

было очень приятно, и что они старались его сохранить и увеличить. Они, конечно, знали, что предположения относительно их взаимоотношений с богами — заблуждения, однако, в заблуждение верил обыватель и в интересах жрецов было — заблуждения сохранить и увеличить.

Жрецы детской эпохи человечества, впрочем, сами верили в богов и о их природе имели в главных чертах такие же представления, как и остальные люди; поэтому они непосредственное общение с ними не считали неслыханным или невозможным, и сны и видения, возникновение и сущность которых еще мало были вытнены, может быть подкрепили их в том мнении, что общение с богами не только не может существовать, а действительно существует.

Таким образом, мало по малу, вследствие ненамеренного и намеренного обмана относительно взаимоотношений между богами, жрецами и другими людьми, — возникла система, основанная на вере, которую народ преподносил показаниям жрецов. Последние, будучи в близких отношениях с богами, знали, что тем приятно и неприятно, и умели толковать язык, посредством которого боги общались с детьми земли. Жрецы установили способ, каким следовало приносить жертвы, и они при таких установлениях не забыли о себе, — само-собою разумеется. Таким образом, авторитет жрецов рос все больше и больше с каждым новым поколением и они сделались фактическими повелителями народа.

Кроме богов, якобы живущих на небе, т.-е. в облаках, существовали и на земле более или менее страшные для людей силы; прежде всего — сильные, хищные животные и, наконец, люди, которые свою большую физическую силу применяли в ущерб другим. Против этих надо было защищаться, и понятно, что те, которые благодаря большей силе, большому мужеству, большей ловкости отличались на охоте и на войне, приобретали влияние и власть среди других людей. Они сделались главари, князьями.

Ум и телесная сила редко соединяются в равных размерах в одном и том же человеке, и когда с течением времени отношения среди людей стали более сложными, также и управление стало более сложным и князья и жрецы признали целесообразным поддерживать друг друга, при чем, смотря по обстоятельствам, преобладала то — власть князей, то власть жрецов.

Религия, поэтому, стала опорой деспотизма, а деспотизм нашел себе естественную опору в религии.

Многие сильнее, чем один, — и так как интересы отдельного человека не всегда сходятся с интересами многих, то еще чаще, чем это

бывало и бывает, многие заставляли бы того отдельного человека править по их воле, если бы не религия, основанная на страхе перед незримыми могущественными богами, заклеимила бы такое восстание против власти через уста признанных представителей, т.е. жрецов, — преступлением. Жрецы так должны были действовать, ибо уменьшение власти деспотов грозило уменьшением власти жрецов, так как власть деспотов была необходима для жрецов, чтобы сражаться с самым опасным врагом избретенной ими религии, а именно, с разумом, с мыслью и вытекающим из них познанием — наукой.

Власть жрецов и всякая религия основана на фантазии, которая во время детской эпохи человечества создала богов. Спекуляция жрецов выработала из традиционной веры сложную систему, составленную из обмана и вымысла и с самого начала построенную на воображении.

Чем больше в людях развивался разум, и они начали наблюдать и думать, т.е. из опыта делать выводы, тем чаще открывали они, что некоторые вещи, выдаваемые жрецами за положительные истины, были как раз противоположное, — что, естественно, порождало недоверие к другим тезисам, на которых главным образом была основана власть жрецов. Каждый шаг, на который двинулась вперед наука, наступал на голову какой-нибудь лжи жрецов.

Поэтому для авторитета жрецов, или религии, так как они ее с собою сливают в одно понятие, — было вопросом жизни и смерти — по мере возможности тормозить развитие.

Но, так как часто возникали конфликты между властолюбием жрецов и властолюбием князей, то первые старались создать для своей власти еще более твердую основу, чем представляла соединяющая их с деспотами общность интересов, так как эти интересы были общими только до известной границы. Образ действия жрецов при преследовании такой эгоистичной цели был столь же практичный, как и пагубный для человечества и его духовного развития: человеческий дух надо было сделать недоступным для просвещения и уже с детства стиснуть в форму, принуждающую его развиваться только в одном определенном направлении. Для этой цели жрецы захватили в свои руки воспитание молодого поколения.

Но и то не удовлетворило их осторожность. Это наставническое отношение надо было сохранить на всю жизнь и господство жрецов над душами людей распространить так, чтобы последние с **колыбели до смерти** не смели иметь ни одной мысли, про которую не узнали бы жрецы.

Средством для достижения такой цели было насаждение в умах людей страха перед какими

то ужасными опасностями, (существующими только в мозгах жрецов), против которых лишь одни жрецы могли доставлять средства обороны.

Этим еще не сказано, чтобы жрецы были сознательные обманщики. Хорошо вымышленная и со строгой последовательностью проведенная система оказывала свое действие даже на самих жрецов, вышедших из народа и воспитанных признанным целесообразным и необходимым способом. Большая часть жрецов сами верили в то, что учили, а неверующие из них понимали выгоду, которая вытекала для них из сохранения веры среди народа.

Вера была главным подпирющим столбом всего выстроенного жрецами здания религии, и так как разрушение этого столба повлекло бы за собою падение всего здания, то главной заботой жрецов было — выставлять веру самой неприкосновенной святыней, а уже простое сомнение, готовящее путь разуму, выставлять преступлением, вызывающим самые ужасные кары богов.

Эта мысль, веками внушаемая жрецами всех религий детям и переходящая, как наследство из поколения в поколение, среди людей завоевала себе такое твердое положение, что даже в настоящее время, несмотря на то, что разум и неудержимо прогрессирующая наука осознали нелепость всех основанных на вере, религий, все же неверующие не смеют сказать: я не верю в бога, чтобы не вызвать ужас среди миллионов людей!

Так как вера оказалась главным врагом человеческого прогресса и оказывается все еще таковым, то цель этой книги содействовать устранению этого могущественного препятствия.

В то, что я черпал из собственного опыта, мне не надо верить, я это «знаю»; верить или не верить я могу только в вывод из этого опыта, или в то, что другие мне сообщают, как свой опыт или как вывод из своего опыта.

Есть две категории веры: разумная и неразумная и объяснение их заключается в самих эпитетах. Что мой разум признает возможным, в то я могу верить, оставаясь разумным, даже если факт оказался бы недействительным. Но если я верю в то, что совершилось действие, которое мой разум должен признать невозможным, то моя вера — неразумная. Мерилом для возможности факта, служит единственно опыт. Несколько примеров разъяснят мой тезис лучше всяких определений.

Если мне ктонибудь скажет, что он увидел в октябре цветущее каштановое дерево, и я ему поверю, то — моя вера — разумная, даже если сообщивший сказал неправду. Я сам видел, как в это время цвели каштановые деревья и другие растения, которые обикновенно цветут

только весной и тоже самое мне известно относительно многих других людей, которым я не имею оснований не верить. Мне говорят: солнце от нас находится на расстоянии 21 миллиона миль. Я этому верю, и моя вера не будет неразумной, хотя я не измерял расстояние, так как у меня нет средств для этого, и нет необходимых личных познаний. Но у меня хватит познаний, чтобы измерить при помощи вычислений расстояние от меня таких пунктов до которых я не могу добраться масштабом, и часто я проверял результаты своих вычислений при помощи шагов или масштаба, когда препятствие, отделившее меня от предмета, было устранено. Я поэтому знаю, что наука представляет возможность измерить расстояние от пунктов, до которых нельзя добраться.

Моя вера основана на опыте, значит, она разумная.

Ктонибудь мне сообщает, будто-бы человек полетел по воздуху из Ливерпуля в Нью-Йорк. Если я этому поверю, то пусть меня назовут легковерным, но моя вера не будет неразумной, так как я знаю по опыту, что разница между тяжестью тела и воздуха может быть сравнена при помощи разных средств, и я вижу, как птицы летают при помощи механического приспособления—крыльев.

Но, если мне скажут, что человек одним своим словом, не взяв на помощь другие существующие вещества, создал тело,—если я этому поверю, то моя вера будет неразумная, ибо я при помощи своей воли не создам ни одной песчинки и никогда не было доказано, что это сделал какой-нибудь человек.

Если поверят, что картина или каменное изображение заговорили или произвели жест, то эта вера будет неразумной, так как такое действие противоречит всем опытам. Но, несмотря на это, лица, утверждающие, что видали это, не могут быть названы обязательно лжецами, так как опыт учит, что бывает состояние души, во время которого человек так определенно воображает, что видит и слышит что-нибудь, что наконец это считает фактом, между тем, как оно основано было на обмане чувств.

Круг нашего личного опыта благодаря краткости нашей жизни даже у самого образованного человека только очень ограниченный, и мы были бы поставлены в беспомощное положение первых людей, если бы мы хотели признавать фактами или верить только в то, что мы выводили из собственного опыта и основанных на нем возможностей путем разумного размышления. Действительно установленные опыты наблюдателей, живших до нас—самое драгоценное неотъемлемое наследство живущего поколения.

Разумность веры в эти факты, обосновывающие опыт, зависит от оснований, которые нас заставляют верить в правдивость тех лиц, которыми они были сообщены, а также от степени их духовного развития, от их характера и от того, были ли они в состоянии говорить умышленную неправду, если это в их интересах. Дальше: от того, является ли факт единственным, или другими лицами расследались подобные; от того, определено ли они противоречат известным законам природы или нет, и от многих других условий. Правдоподобность сообщенного факта поэтому основано прежде всего на авторитете лица, сообщившего его, и на том, передается ли факт на оснований личного наблюдения или как голословный. На опыте основана наука, факты—ступени лестницы, по которой наш разум доходит до познания истины. Поэтому наука—смертельный враг неразумной веры, так как она избличает последнюю и уничтожает ее.

Неразумную веру обыкновенно называют суеверием и после того разъяснения, которое я дал относительно происхождения религии, я могу без всякого колебания религиозную веру назвать неразумной или суеверием. Это остается в силе не только относительно религий первых людей, а относительно всех существующих на свете религий, так как нетрудно доказать, что они представляют собою расширение в своем внешнем виде «упавшей с неба, т.-е. с туч» первобытной религии.

«Ведь чудо—вера милое дитя!»

Исследуя бывшие и существующие религии, мы находим, что они **все**, без исключения, основаны на «чуде», которое поэт совершенно правильно называет детищем (религиозной) веры.

В общем называют чудом всякое явление, действие или факт, происхождение которых наука не может доказать и объяснить; мы даже распространяем понятие этого слова на такие явления, причины которых мы знаем, но которые нам бросаются в глаза, как необычные или особенно достопримечательные, и в таком смысле мы говорим о «чудесах природы».

Хотя религия, т.-е. жрецы—использовали такие чудеса для своих целей, пока их причины еще не были известны народу, но «собственно религиозное чудо» носит совершенно другой характер: оно «против природы», т.-е. предполагает отмену известных законов природы.

Народам прежних времен казались чудесами затмение солнца или луны, или комета, и тоже самое было со множеством явлений, происхождение которых современная наука не только подробно объясняет, а даже заранее предсказывает и вычисляет. Для некоторых диких народов спячка является чудом и нашему простолюдину кажется чудом многое, что в глазах образованного человека—обыденное явление.

Жрецы, которые главным образом должны были обращаться к богам и исследовать их волю, проявляющуюся, как мы видели, в явлениях природы, благодаря наблюдениям должны были прежде всего познакомиться с фактом, что существуют определенные законы природы. Передавая свой опыт от одного поколения жрецов к другому, они путем науки, мало по малу дошли до познания вещей, про которые они не говорили, так как это познание они находили пригодным для возвышения своего авторитета в глазах народа. Доказательство этого мы находим в поведении древних египетских жрецов, которые весьма далеко ушли вперед в познании природы и качеств существующих вещей, и делали изобретения и открытия, которые только спустя много веков вновь были открыты и стали общеизвестными. Так, например, нашли в египетских могилах металлические предметы, производство которых не могли объяснить, пока благодаря открытию в этом столетии гальванопластики не установили, что они были произведены именно гальванопластическим путем. Это искусство, однако, предполагает уже значительные опыты и открытия относительно качеств природных веществ.

Что египетские жрецы использовали науку для своих специальных целей, мы знаем с достоверностью. Они совершали действия, которые другие люди считали чудесами и многие писатели древних времен сообщают об египетских искусствах и египетской науке.

Я говорю нарочно про египетскую науку, потому что она является матерью чудес, о которых рассказывает библия, ставших в свою очередь поводом к чудесам римско-католической церкви, которые, правда, в большинстве случаев вовсе не производились при помощи науки, а просто измышлялись священниками. Чудеса, подобные им, нелегко было добывать. Но римские священники находили, что измышлять можно гораздо более удивительные вещи, которые, что касается главной цели, должны были производить такое же действие, потому что в них «верили», а верили, потому что их передавали в качестве фактов такие люди, авторитет которых был выше сомнений, и которые отчасти сами верили в эти чудеса.

Чудеса в собственном смысле слова, т. е. явления, которые против природы, не могут существовать. Что совершается,—совершается путем естественным и возникает из причин естественных.

Многие образованные читатели удивятся, что я так долго останавливаюсь на теме о чудесах, «так как это—говоря модным языком—давно пережитый взгляд». Однако, если это так относительно образованных людей, то народ в общем еще несколько не «пережил этот взгляд»,

и даже большая часть лиц, считающих себя образованными по следующим доводам узнают, что они верят в чудеса.

Защитники веры в чудеса говорят, например: «Бог всемогущий; из ничего бог сотворил свет»; и миллионы людей признают это за неопровержимую истину, так что они с отвращением называют преступлением, если кто-нибудь говорит: бог вовсе не всемогущ; бог не сотворил свет из ничего, так как такая вера—неразумная».

Человеческий ум может имеющееся вещество составить для определенной цели, но он не может посредством своей мысли или воли вызвать или сотворить какое-нибудь тело из ничего, даже сотворить малейшую песчинку! Так как наш ум — единственная исходная точка для понимания умственной силы, и мы, на основании познанной нами однородности человеческого ума и бога, только по нашим качествам можем заключить о качествах бога, то мы приходили к логическому выводу, что бог мир, т. е. вещество, не мог сотворить.

Но, так как мы знаем, что все, что совершается и существует в рамках этого мира — (про то, что вне его, мы вообще не можем иметь представления), — имеет причину, то мы, естественно, спрашиваем: какая же причина у вещества? — и чтобы решить этот вопрос, мы снова должны обратиться к своему опыту и разуму, которые обосновывают всякое суждение. Ни один человек не может создать тело из ничего, но он также и не может уничтожить вещество. Форму, в которой вещество временно является, мы можем уничтожить, но из вещества, из которого составлено тело, не пропадет ни малейшая частица, как известно всякому химику, который ежедневно занимается тем, что разлагает тела на их составные вещества.

Наше собственное тело после смерти «вернется в землю». Это значит, составные вещества разлагаются и становятся составными частями других тел. Если мы положим серебро в азотную кислоту, то последняя разложит металл и превратит его в жидкость, в которой мы серебро при помощи глаза не узнаем; но мы знаем, что оно там содержится и у нас есть способы восстановить его в виде металла. — Если мы сожжем тело, т. е. разрушим его форму посредством огня, то оно разложится на пепел, дым и газы, т. е. другие тела, так как газ, хотя не видно для глаза, но его можно ощутить другими органами ощущения, напр., обонянием, и мы можем его измерять и взвешивать, а из соединения газов даже образовывать видимые тела, как, напр., воду.

Так как наш опыт не знает ни одного тела, происшедшего из ничего и также ничего не знает об абсолютном уничтожении его, то мы

приходим к заключению, что вещество, телесное (материя), не было сотворено и не может быть уничтожено, значит, в обоих направлениях—вечно.

Понятие вечности для нас недоступно, потому что для суждения о ней у нас имеется только время, которое понятие ограниченное. Прибавить к вечности одну минуту или миллионы веков или сбавить их у нее, безразлично, она остается вечностью.

Мы приходим поэтому к заключению, что вещество и оживляющий его дух вечно были соединены и что бог, отделенный от мира, немислим и невозможен.

Правительства даже тех государств, которые считаются просвещенными, все еще не отходят от той идеи, которая первоначально создала союз жрецов и деспотов, а именно, что только страх невидимой власти, этот главный рычаг религии всех религиозных людей, может сохранить уважение к закону и князю. По этой причине государство строго следит за воспитанием молодежи и предоставляет его контролю со стороны священников, чтобы последние уже в детском возрасте отравили души людей верой, которая необходима для сохранения правительств.

Мотивом для этого выращивания религий, этой нежной заботливости о религиозном духе со стороны правительств, являются сознательные деспотические вождедения и тенденции, под предлогом, что религиозный дух поддерживается для индивидуального блага подданных с такой строгостью, — явная ложь и очевидное ханжество.

Королева шведская Христина, дочь Густава Адольфа, перешла в католичество и часто бывала в Риме. Когда она пригласила туда же старика Оксенсьерна, правоверный протестант ужаснулся при мысли, что папа может посягнуть на его душу. Христина, которая лучше знала папу и его намерения, сказала со смехом: «Поверьте, папа не даст за вашу душу и 4 талера». Я не думаю, что какое-нибудь правительство по чисто отеческому участию в судьбе какой-нибудь души, после того, как хозяин последней за смертью выбыл из его подданства, — даст и 4 гроша.

Мне не приходится прибавить ни одного слова об этом предлоге для религиозного принуждения и могу смело заявить: чем тщательнее правительство поддерживает религиозность принудительными мерами, чем судорожнее оно заботится о том, чтобы воспитание оставалось в руках священников, тем более деспотичны его наклонности.

Мнение, что принудительная религиозность все еще необходима для государственности; что без нее законы одни не могли бы предупреж-

дать преступления, — не основательное и опровергается опытом. Опыт доказывает, что в тех странах, в которых реформация вымела хоть часть накопившегося религиозного хлама и доставила большее раздолье просвещению, гораздо меньше совершается преступлений, чем в католических. Вильберфорс доказывает, что уже спустя 30 лет после реформации число казненных преступников в Англии с 2.000 в год уменьшилось до 200.

Но с тех пор, как реформация проложила «для свободы переулочек», прошло уже 300 лет, и несмотря на то, что протестантские князья и священники о полезности религиозного принуждения такого же мнения, как и католические, все-же организация протестантская менее католической тормозит развитие науки, чему в искреннем желании со стороны священников недостатка нет: Наука фактически победила суеверие, и несмотря на все старания мракобесов, несмотря на все домашние средства деспотов, в роде духовной цензуры, стеснения учения и т. д., наука приобретает все больше и больше влияния на народ, и последний каждым днем яснее понимает, что он в течение столетий был жертвой самого грандиозного шантажа, который знает история и что корысть священников и деспотов совершила преступление по отношению к человечеству, которому нет равного по низости и пагубности.

Если бы мнение, что церковная вера необходима для поддержки авторитета законов, было правильно, то большее число преступников должно было бы получиться из рядов интеллигентов, которые, если бы себя искренно испытывали, сознались бы, что они верят немногому из учений церкви. Настоящий интеллигент соблюдает закон, не потому-что боится наказания на этом или другом свете, а просто потому, что чувство справедливости стало его второй природой. Чем более развит ум человека, тем меньше он подвергается искушению совершить преступление. Содействуя просвещению, правительство скорее всего создало бы для законов такое положение, которое сейчас фактически существует относительно правил приличия. Даже, если полиция это разрешила бы, никому не пришло бы в голову ходить голым по улицам, а если кто-нибудь это сделал бы, то и без представителей закона публика помешала бы ему и привлекла бы его к ответственности.

Допустим даже, что религия в более раннюю эпоху оказала хорошее влияние и служила для подавления деспотизма. В настоящее время она для государственности не только лишняя, но даже вредная, так как она мешает развитию науки и образованию.

Ежедневный опыт показывает, что современных людей, даже и простонародье, религи-

озный страх едва ли удерживает от преступления. Спросите только любого полицейского чиновника или криминалиста, и ему придется сознаться, что даже самый глупый мужик, жагдарма, значит, закона и связанных с ним наказаний, гораздо больше боится, чем бога и черта. Все, чего достигают правительства своими принудительными мерами относительно религии, это, с одной стороны — полное равнодушие к последней, да, помимо того, ненависть и презрение к ограниченному, преследующему деспотичные цели, правительству, — или превратившееся в привычку, проникающее все слои общества и деморализующее его — ханжество.

Мы только требуем от своих правительств, чтобы они не сеяли суеверия и не покровительствовали его росту. У кого есть религиозная потребность, пусть ее удовлетворяет и пусть соединится для этой цели с другими людьми; закон его охранит при исполнении им религиозных обычаев и тогда только вмешается, когда это исполнение нанесет ущерб другим людям. Если религия сама по себе сильная, то ей не нужны поддержка и покровительство со стороны правительства; если же религия боится науки, то это доказывает, что она основана на суеверии, и чем скорее ее враг справится с ней, тем лучше для человечества.

Как мы мало по малу принудили князей отказаться от деспотизма, или по крайней мере — признать его незаконность, так что они его прячут под конституционно-демократическими и другими масками, так мы их и принудили отказаться от покровительства суеверию и тем развязать науке руки для искоренения этих суеверий.

Мы прекрасно знаем, что отделение церкви от государства не происходит без затруднений и можем судить о их натуре по тем явлениям, с которыми приходится сейчас бороться австрийскому правительству — только потому, что оно указало свое место набравшейся слишком много гонору церковной служанке. Спротивление оказывается не только рясниками, а также находит себе поддержку у вскормленного на суеверии народа. Вот — «проклятие злого дела» правительства, которое, когда ему можно было еще быть деспотичным, само помогало рясникам ковать орудие, которое они пускают теперь в ход против правительства.

Борьба с претензиями римской церкви быстро была бы окончена, если бы правительства решились честно порвать с суеверием. Но правительства хотят сохранить те стороны суеверий, которые на руку деспотичным руководителям, и соглашаются на более свободные установления не потому, что верят в право народа на свободу и самоуправление, а потому, что

они **принуждены** отказаться от **части** своей власти, дабы не потерять **всю** власть. Они чувствуют, что религиозное и политическое суеверие выросло на одном дереве, поэтому они **тщательно охраняют корни**.

Опыт показывает, что знание разрушает суеверие всякого рода и что невозможно остановить его распространение, так как оно, словно воздух и свет, проникает во все еле заметные поры духовного организма народа и развивает в нем все скрытые природные силы, которые разлагают суеверие и выбрасывают его.

Были времена, когда сопротивление знанию было гораздо сильнее, чем теперь, и когда люди, поставившие его распространение своей жизненной задачей, за это стремление должны были поплатиться жизнью или свободой, и все-таки они не отказывались от своего дела, и знание шло вперед. Было бы нелепой трусостью — не продолжать борьбу, когда в окончательной победе знания над суеверием ни один нормальный человек не может сомневаться. Хотя каждый вообще может работать ради распространения знания, но целесообразно, чтобы борцы направляли свои силы на особые пункты неприятельской фаланги.

Один из таких решающих пунктов неприятельской позиции — личное влияние римских священников на народ, так как суеверие последнего, прежде всего, основано на вере в авторитете. Народ думает, что люди, которые ему излагают учение римской церкви, достойны уважения.

Они, де, не только сами верят в то, что говорят, но имеют в виду якобы, только благ людей, когда требуют от народа безусловной веры и исполнения обрядов, предписанных римской церковью!

Поэтому будет заслугой — доказать народу насколько эту возможность предоставляет история, что честные священники, т.-е. те, которые сами верят, были обмануты нечестными; что показания и факты, которые передают, как действительно случившиеся, были вымышлены ради **корыстолюбивых целей**, и что **все** здание церкви выстроено на фундаменте грубой лжи.

Поэтому будет заслугой — доказать историческим путем, что папы и их священники были сознательные обманщики; что они имели в виду не благо людей, а исключительно свою собственную выгоду и для **достижения этой подлой цели употребляли еще более подлые средства**. Доказать это историческим путем — задача настоящей книги. Мною руководит только любовь к правде и желание хоть несколько человек избавить от оков суеверия. доказав им, что их оковы — только воображаемые. Осознав это, — дух станет свободным!

Так как я не соединяю с распространением истины никакой корыстолюбивой цели, то я смею претендовать на не меньшее доверие, чем какой-нибудь священник, который, будь он даже честен, все же принадлежит к тому классу, который извлекает пользу из того, что я изобличаю, как ложь. Но я не требую никакой веры: каждому доступны те же источники, из которых я черпаю факты, которые служат мне доказательствами, и которым я верю, потому что нет разумного основания для недоверия. Кто полагает, что я в состоянии какому-то святому или чтимому католическому наставнику церкви подставить какие бы то ни было изречения, может проверить меня, наводя справку в признанных и опубликованных самой церковью, сочинениях этих людей.

Эта книга, которая потребовала бесконечно много труда и большого усердия, написана, как для честных, стремящихся к правде, но невежественных священников, так и для тех, которые обмануты ими.

Церковный собор, предполагаемый в Риме, мог бы вызвать предположение, что папа намерен приспособить римско-католическую религию к современности. Но это предположение скоро будет опровергнуто. Весь образ действия бывшего и теперешнего папы ясно показывает, что оба — наоборот — только стремятся востановить всю прелесть веры средневековья и что папы даже надеются вернуть в лоно «единой спасающей души», католической церкви всех протестантов. В этой уверенности скрывается удивительное ослепление, абсолютное непонимание духа времени, и мы питаем довольно основательное предположение, что этот церковный собор, который должен направить на религиозные вопросы внимание даже обычно равнодушных, благодаря всем тем нелепостям веры, которые он обнаружит, нанесет римской церкви более чувствительный удар, чем ей в последнюю сотню лет нанесла наука.

Как возникли попы.

В то время, когда Август назначил себя римским императором, весь известный тогда мир изнывал под игом римского владычества. Алчные и деспотичные наместники императора выкачивали страны востока и отбирали у жителей то немногое, что им оставляли туземные правители, которых римляне не всегда устраняли, руководствуясь дальновидной политикой. Свобода, жизнь и имущество людей были предоставлены произволу правителей: положение людей было безвыходное, и угнетенный восток жаждал избавления от тяжелого ига.

Все угнетенные народы наделись, что появится герой, который избавит их от кабалы, и поэты создают миф и превращаются в пророков. Пророчества, возникшие из переживаний и потребностей народа, часто становятся двигателями своего осуществления.

За надежду на мессию цеплялись люди тех времен тем крепче и входновеннее, потому что они не имели, кроме того, никакой надежды, никакого утешения в каком-либо другом направлении и вполне были убеждены в своем собственном бессилии. Даже вне земли их отчаяние не находило никакой точки опоры. Боги потеряли всякий кредит, а вера в их помощь и их беспристрастную справедливость никогда не была особенно великой. Олимп мало общения имел с пролетариатом, а держался только аристократии. Боги, изобретенные Гомером и Гезиодом, которым греки и их духовные вассалы стронгли храмы, для образованных классов стали предметом насмешки. Вера народа в их помощь не простиралась дальше, чем вера северогерманских католиков в помощь своих святых.

Надежда на мессию было у евреев еще более страстная и нетерпеливая, потому что для них владычество римлянам было еще более ненавистным, чем для других народов. У них было прошлое, которым они гордились, они считали себя избранным народом Иеговы, своего невидимого царя, который со времен Моисея находился с ними в постоянном общении посредством пророков. Кабала, в которую они попали, они считали за кару, присужденную им Иеговой за их неповиновение, и так как эта кабала была такой продолжительной и тягостной, то понятно, что их поэты, голоса народной души, были бога-

ты пророчествами. Римляне были для евреев особенным предметом отвращения, так как они были язычниками; им казалось, что их страдания и их унижение не могли достигнуть высшей ступени и что близок должен был быть час появления мессии. Давид и его сын были самыми великими среди их царей и пророки предвещали, что мессия произойдет из рода Давида. Религия евреев, которая с самого начала сводилась, главным образом, к соблюдению определенных предписаний, установленных дальновидным Моисеем для возрождения еврейского народа и выданных им за непосредственные заветы Иеговы, с течением времени выродилась в пустое исполнение церемоний. Время поспело для появления мессии. Избавитель появился; но он появился в ином виде, чем о нем грезил народ; народ его не признал, а аристократия презирала, преследовала и распяла его, так как его принципы, в случае осуществления их, разрушили бы не только владычество римлян, но их собственное владычество. Иисус был революционером, которого также и в наше время, хотя не распяли бы, но расстреляли бы или заперли бы в тюрьму.

Иисус, выступающий в роли мессии, обещанного пророками, был сыном мелкого ремесленника из сельского местечка и учил: Есть единый бог, бог любви; не гневное, мстительное существо, а добрый отец всех людей. Жизнь на этой земле — только подготовка к вечной жизни с богом, и от каждого зависит сделать эту жизнь радостной. Цари и рабы — равные перед лицом бога, и он судит и награждает людей не по их знатности на земле, а по их поступкам и намерениям. Самые последние и самые ничтожные, которые терпеливее всего переносят свои страдания и лишения и остаются добродетельными, в вечной жизни будут первыми и самыми счастливыми.

Такое учение было утешительным бальзамом для измученных душ бедняков. Кто верил в это учение, верил всеми фибрами души, тот черпал в нем силы, чтобы не только переносить даже самые горькие страдания, а переносить их даже с радостью, и без боязни встречать смерть, так как смерть для него была избавлением. Была преддверием вечной блаженной жизни. Вера в

это учение, действительно «отнимала у смерти ее жало», спасало человечество.

Учение, правда, было утешительно, но мало убедительно: критики разума оно выдерживало так же мало, как и все остальное, касающееся загробной жизни. Иисус только заменил один тезис другим тезисом; но, так как вера в этот тезис сделала человечество более счастливым, чем какая-нибудь другая вера, так как эта вера избавляла человечество от страданий на земле и от страха перед смертью, то это было заслугой—создать такую веру.

Утешение, заключающееся в этом учении, привлекало к нему людей, но прежняя вера евреев базировала на авторитете людей, признанных пророками, приписывавших себе прямое общение с богом и подкреплявших это чудесами. Всякая вера сводится к вере в авторитет; если сын назаретского плотника, семью которого знали, хотел завоевать веру в свой авторитет и признание пророком, даже мессией, то он должен был совершать действия, какие совершали пророки. Все пророки, начиная с Моисея, совершали «чудеса». Значит, Иисус должен был совершать чудеса, и он совершал их.

Даже истина, добытая путем логического исследования, и в настоящее время не находит признания, если ее не поддерживают внешние обстоятельства и если она не является в форме современности, тем более, если она нарушает интересы многих, и даже суеверие скорее может рассчитывать на временный успех, если оно подлаживается под эти интересы.

Вера, которую хотел создать Иисус, сулила, правда, спасение бедным и угнетенным, но нарушала интересы господствующего класса. На их содействие Иисус не мог рассчитывать и при помощи чудес их нельзя было убедить, так как посвященные знали цену чудесам. Благотворное значение веры, проповедуемой Иисусом, для народа не могло быть для них мотивом, чтобы ее поддерживать, даже если они были убеждены в ней; их эгоизм заставлял их, подавлять эту веру в самом зародыше и уничтожить самого автора веры. Современные первосвященники и фарисеи поступают точь в точь также, как в свое время еврейские.

Иисус должен был поэтому опираться исключительно на народ. Он действовал при этом чрезвычайно практичным, я сказал бы, математически верным образом, рассчитанным на безошибочный, хотя и не быстрый успех. Он выбрал в качестве «учеников» двенадцать простых, необразованных людей из народа, которым он сумел внушить личную привязанность к себе и неограниченное доверие картиной своей чистой жизни, а из такого отношения возникла твердая вера во все, что он говорил и обещал. Если бы каждый из этих учеников действовал таким же образом, и придерживался такой же

системы, то число верующих должно было бы увеличиваться в возрастающей прогрессии.

Ученики видели чудеса Иисуса; они верили в него и поэтому также и в его обещания и жили согласно его предписаниям. Его учение было несложное, так что Иисус даже не считал нужным изложить его письменно; он полагался на живое слово учеников, в сердцах которых он запечатлел свое учение.

Тот же путь, к которому прибегнул Иисус для распространения своего учения, оказался целесообразным уже за 6 столетий до появления Иисуса: им же воспользовался Будда, реформатор индийской религии. Успех и тогда был такой же и даже,—как мы теперь можем судить,—сопровождался такими же последствиями. Европейцы, которые впервые входят в современный буддийский храм в Китае, поражаются сходством между тамошними обычаями и обычаями римской церкви. У буддистов также водятся четки, реликвии и монастыри, как и у римских католиков.

Но Будда был сыном царя, а Иисус—сыном ремесленника и это различие обуславливало собою также и различие в образе действия. В то время, как для принца было достаточно вести добродетельную жизнь, для того, чтобы отстаивать против браминов свое революционное учение, уничтожающее кастовые различия,—сын ремесленника должен был совершать «чудеса» и «чтобы исполнились слова пророков», умереть за свое учение.

Это самопожертвование казалось Иисусу необходимостью, оно было плодом зрелого обсуждения. Что эта жертва была тяжела, и что Иисус с сердечной мукой думал о том, не найдется ли какой-нибудь другой путь, совершенно ясно истекает из евангелий. В Гефсиманском саду он молился: «Отче, да минет мимо меня чаша сия; но пусть будет так, как ты хочешь, а не как я хочу». Мы привыкли представлять себе Иисуса окруженным ореолом, созданным успехом и девятнадцатью столетиями; однако, хотя он и обращал на себя внимание своих современников, т.-е. евреев и находящихся в их стране римлян, тем не менее, он скоро был забыт народом, и его память жила только в небольшом кругу его учеников и их приверженцев.

Филон, умерший приблизительно 20 лет после смерти Иисуса, не упоминает о нем. Иосиф, родившийся несколько лет позже и написавший свою историю в последние годы первого столетия, только мимоходом несколькими словами упоминает о его казни; но число сторонников его учения было еще столь мало и незначительно, что этот историк, перечисляя все секты, существовавшие в его эпоху, не говорит о христианах. Только в сочинениях позднейших столетий Иисус называется учредителем христианской религии.

Все, что нам известно об Иисусе, мы знаем только по свидетельству его учеников, написавших по памяти то, что в народе рассказывали о молодости Иисуса, что они сами переживали вместе с ним и что он говорил при том или другом случае. Эти ученики были люди из народа, без особого образования, без особых талантов, которые любили Иисуса и верили в него, но не вполне понимали его и не имели представления о величии его души. Евангелии написаны много лет после смерти Иисуса, и даже евангелие Матфея, самое старое из них, возникло только 14 лет после смерти Иисуса. Поэтому понятно, что речи Христа не могли быть переданы в том виде, как он их говорил, а большей частью переданы так, как их понимали ученики. Естественным последствием является то, что рассказы не только уклоняются друг от друга, но и содержат ошибки и противоречия, вызвавшие впоследствии самые сумасбродные толкования и выводы, примеры чего мы найдем в дальнейшем в этой книге. Сейчас мы обратили внимание на два главных момента, которыми римская церковь больше всего дорожит, так как основывается гораздо больше на них, чем на самом учении Иисуса. Эти два момента: приписываемая ему божественность и совершенные им чудеса.

В вступлении мы уже высказались на счет чудес. Если изложенные там выводы правильны, то Иисус не мог совершать чудеса.

В этом указании на так называемые фокусы в связи с чудесами, свершенными Иисусом, заключается для христианина всегда что то неприятное и отталкивающее; но это более всего основано на том особом представлении, которое выработалось относительно личности Иисуса, и на том сравнительно малом уважении, которым пользуются современные «чародеи» в на-

РИС. 1. ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СУЕВЕРИЙ.

Ведьма, которая, будто бы, — доит молоко из топорища. Рядом священник читает молитвы, чтобы изгнать из нее беса.

шу эпоху, когда наука так далеко ушла вперед, что можно применять ее результаты для забавы и развлечения публики, не обманывая никого. К тому, что внукам кажется ребяческим и банальным, предки часто относились с величайшей серьезностью, печальным примером для чего может служить вопрос о ведьмах, так как сотни тысяч невинных людей были принесены в жертву этому суеверию. (Рис. 1 и 2).

Объяснить чудеса Моисея, пророков и Иисуса при помощи рассказов Библии было бы совершенно бесполезная попытка. Римская церковь и другие сторонники чудес всякое объяснение признают совершенно лишним, они говорят: Иисус был сыном Божиим, сам был богом, а бог всемогущ. Мы уже раньше возражали, но необходимо подробнее рассмотреть эту божественность прежде, чем закончить наше уклонение от собственной исторической задачи этой главы.

Когда появился Иисус, вера в эллинские боги еще не совсем исчезла у инородцев, живущих по соседству с евреями и среди них, и истарии верили, что боги являются среди людей. Сын какого то бога для язычников был вполне приемлемым явлением. Великих царей и героев языческая вера превращала в сыновей богов.

Даже среди евреев это представление не носило неслыханного характера, так как Моисей, правда, признал целесообразным внушить народу представление о незримом боге, но Иегова древних евреев представлялся ими в совершенно ином образе, чем бог современным просвещенным евреям. По рассказам Библии, Адам видался с богом, а Моисею он явился в различных видах, значит бог был каким то личным, в своем роде телесным существом. Так как евреи часто имели сношения с язычниками, и идолопоклонство даже среди них часто встречалось, как утверждает Библия, то неудивительно, что многие среди народа считали сыном бога того человека, который совершал такие чудесные действия, как Иисус.

Иисус называет себя сыном Божиим, но он также и всех людей называет детьми Божиими и молитва, установленная им для всех, называет бога отцом. — Большинство первых приверженцев Иисуса считало его только человеком, и его друг и ученик Иоанн порицал тех энтузиастов, которые высказывали мнение, что Иисус — бог, принявший образ человека.

Божественность Иисуса, между тем, стала краеугольным камнем римской церкви и вся так называемая богословская глупаука основана на этой нелепости, которая, впрочем, встречается также во многих других религиях, особенно в индийской и представляет собою больше ничего, как только аллегоризацию поклонения природе.

Я слишком далеко отошел бы от своей задачи, если бы я пустился в доказательства не-

РИС. 2. ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СУЕВЕРИЙ. ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ.

По народному суеверию ежегодно на горе Бромене в Герце в ночь на первое мая происходит сборище ведь и бесов. Происходит это сборище, якобы, и в других местах — когда угодно. Этому суеверию были принесены в жертвы в течение 15, 16, 17, даже еще 18 столетия на кострах Святой Иневизиции от 3—4 миллионов людей без различия пола и возраста. И их имущество шло в пользу церкви.

*Щупанье пупа под юбкой, всякий
блуд когтей орминых,
Даны хищные тут видны, рожи бесов
в гривах львиных...
Желтый яд царица варит для
разнузданной пирушки,
В косточках детей там шарят
жадно чертовы старушки...*

*Не внушит ли страх крестьянам
гул литавров и сраженья?
Совы там глаза таращат средь
змеиного шипенья.
О безумцы! берегитесь, чтобы вас
не соблазнили.
Все, кто шел по той дороге, уж
назад не приходили.*

лестности этого тезиса; разбором этого вопроса уже занимались достаточно более глубокие исследователи и знатоки истории. Я хочу только жественности Иисуса не только нелепость, но свело бы на нет в его заслугу спасителя.

Церковные наставники при объяснении этого учения становятся еще более туманными, чем они бываюи обыкновенно, и окутываются в набор слов, производящий сильное впечатление на поверхностно рассуждающий народ, так как он их не понимает, сходясь в этом отношении не только с мыслителями, но и с самими толкователями учения; так как «где мысли нет, слова ее сменяют». Какое гордое возмущение ни выказывают господа толкователи, когда их спрашивают по этому предмету, однако, никогда не удается открыть хоть одну маленькую частицу разумной мысли на дне пропастей их объяснений. Самые просвещенные протестантские священники стараются выйти из положения тем, что называют Иисуса «бого-человеком», что, однако, не обозначает особую породу или особый класс людей, а просто человека, ум которого достиг высшего совершенства, доступного для людей. Такое объяснение — ересь в глазах церкви; так как церковь хочет, чтобы мы верили что телом Иисуса управлял не человеческий дух, а бог, т.-е. высшее проявление духовного совершенства.

Да и после Иисуса бывали добродетельные люди, которые жили так же чисто и безупречно, как рассказывают про него его ученики, наблюдавшие за ним ежедневно в течение трех лет, бывали люди, которые переносили еще большие страдания, чем он, еще более стойко, чем он за дело, признанное ими великим. Их добродетель и их сила была их заслугой, во всяком случае, плодом более высокого развития их несовершенного человеческого духа. А дух, управляющий телом Иисуса, согласно учению церкви, был богом, квинтэссенцией духовного совершенства, значит не нуждался в усовершенствовании и не был способен к нему. Поэтому дух, заключенный в человеческое тело, вне всякой борьбы, так как он вне всякого искушения. Добродетель и стойкость в страданиях, и истекающая из них заслуга, существуют только для человека, т.-е. для первоначально несовершенного человеческого духа, одушевляющего человеческое тело. Представление об искушении или страдании бога предполагает настолько низменное представление о боге, что оно каждому человеку, верующему в личного бога, должно казаться кощунством. Бог, приходящий в отчаяние на кресте, — нелепая и смешная мысль.

Но, в совершенно ином виде представляется нам Иисус, когда мы рассматриваем его человеком, хрупкое тело которого было одухотворено чисто человеческим духом! Чистая жизнь

такого Иисуса нас приводит в восхищение и внушает нам желание подражать ему, так как нас окрыляет надежда на достижение высокого образца, раз Иисус был человеком; для его страданий у нас и сочувствие и слезы, так как он был человеком, и за ту жертву, которую он принес всему человечеству, мы чувствуем самую задушевную любовь, так как жертва была плодом самой возвышенной, чистой, забывающей о себе, любви.

Искушения и признаки слабости, эти приметы его человечности, которые мы замечаем у него, делают его для нас еще более достойным любви. Какой чувствительный человек может воздержаться от слез, представляя себе положение Иисуса в Гефсиманском саду.

Как трогательно человечно действует христианос, учреждая причастие! Когда его ученики будут преломлять хлеб и пить вино, они должны вспоминать с любовью его и великую его жертву любви. Он знает, что приближается его смертный час, и он знает того злобного человека, который будет орудием передачи его палачам — эта мысль печалит его.

Церковь не пропускает случая, чтобы вызвать у нас сострадание и тут рассматривает Иисуса, как человека. Для попов Иисус — то бог, то человек, смотря по тому, что требуется для их фиглярства.

Утешительное учение Иисуса распространялось с чрезвычайной быстротой. Апостолы и их ученики распространяли учение не только по Иудее и соседним с ней странам, а даже предпринимали для этой цели далекие путешествия и приносили «радостную весть» (евангелие) про спасителя мира в отдаленные страны. Число сторонников, которых они приобрели, было чрезвычайно велико, особенно среди пролетариата, из которого вышли и Иисус и апостолы. После того, как Иерусалим был разрушен в 70-ом году после рождества Христова Титом, ставшим впоследствии римским императором, еврей, национально униженные, были рассеяны по всей римской империи и вместе с ними также и «христиане» — так прозвали приверженцев Иисуса, — которых считали одной из еврейских сект. Это очень способствовало распространению христианства, и также не мало содействовали распространению многочисленные христиане среди римских легионов, которых война перебрасывала то в одну, то в другую сторону.

Во времена апостолов и в ближайшую эпоху после них христиане вели жизнь, достойную своего учителя, но скоро вдохновение, одушевляющее их, без которого ни одно великое дело не может процветать, выродилось в религиозный экстаз и приняло характер душевной болезни. Хотели переиголять друг друга в набожности и приходили к самому чудному тол-

кованию различных изречений Иисуса, переданных апостолами. Когда он рекомендовал мудрую умеренность, то полагали, что действуют в его духе, прибегая к полному воздержанию, и таким образом возникло мнение, что радости жизни предмет предосудительный и недостойный христианина. Избегая всякое наслаждение и принимая добровольно страдания и муки, воображали, что обеспечивают за собою большие радости в загробной жизни. С этим мнением соединяли своего рода высокомерие под маскою наружного смирения. Самый грубый христианин считал погибшим самого просвещенного и добродетельного человека, не исповедывающего Иисуса, он даже воображал, что оскверняет себя близким общением с язычниками. На этом основании христиане совершенно отделили себя от язычников, разрывали родственные и дружественные узы, связывающие их с ними и избегали всякие увеселения и празднества, словно преступления. Одним словом, несмотря на добродетельность и честность жизни они начали превращаться в меланхоличных, наводящих тоску, дураков.

Быстрый рост численности христиан, их челоконенавистничество, их обособленность, их тайственные сборища, которым клевета еврейских священников и языческих жрецов приписывала то политические, то преступные мотивы, их враждебность—обратили на них внимание римского правительства; но правительство придерживалось разумной политики,—не вмешиваться в религиозные убеждения своих подданных, пока эти убеждения не стали мотивами враждебных действий, направленных против учреждений и законов государства. Таким образом, христиане могли бы спокойно жить и развиваться под римским владычеством, если бы они воздержались от проступков, которые ни одно государство не могло бы оставлять без наказания. Но они это не сделали, а своим фанатичным усердием бросили вызов правительству. Они отказывались на почве религии от общих гражданских обязанностей, не хотели отправляться на войну, не хотели принимать общественные должности и выказывали императорам презрение вместо традиционных почестей. Было поэтому несколько неудивительно, что императоры признали секту христиан вредной для государства и решили заставить ее насильно покориться власти законов и карать ее за нарушение последних.

Однако, императоры не достигли своей цели, а добились совершенно противоположных результатов. Презрение к жизни и ко всем страданиям у эксцентричных христиан дошло до такого апогея, что они считали смерть желанным благом, целыми массами предавали себя в руки своих гонителей и своим вызывающим упорством разжигали их жестокость.

Стойкость, с которой жертвы встречали самую мучительную смерть, и религиозные почести, которые община оказывала памяти мучеников, превратили увлечение христиан в фанатизм. Мученическая смерть казалась им высшим счастьем, так как они верили, что такая смерть искупит все грехи и перенесет каждого немедленно в рай к Иисусу.

Язычники, будучи свидетелями стойкости и радости, с которой христиане встречали смерть и муки, приходили в восторг от религии, придающей такие силы, и массами переходили в нее. Число христиан росло с каждым днем и христианство завоевывало себе все больше и больше доступ среди привилегированных сословий и даже при дворе императоров. Наконец дело дошло до того, что император Константин, который царствовал от 324 до 337-го года, по политическим мотивам признал целесообразным христианство назначить государственной религией.

Устройство первой христианской общины было такое же, как и устройство всякого общества, состоящего из равных между собою членов, так как христиане называли друг друга братьями. Никто не имел преимуществ перед другими, и обязанности также, как и права, были у всех равные.

Общины первых христиан были абсолютные республики, и даже апостолы, которые их основали и которым принадлежал своего рода надзор над ними, не претендовали на самовластное распоряжение, а довольствовались оказанием помощи общинам словом и делом. Апостол Петр определенно указал старшинам, что их долг—не властвовать над общиной, а управлять ею собственным примером. Это и делали пресвитеры древних времен, они смотрели на себя, как на служителей общины, которая их награждала за услуги добровольными подношениями.

Наружного богослужения тогда не было, религиозные собрания апостольских христиан происходили без всяких обрядов и церемоний. Собирались в какомнибудь просторном помещении, без всяких украшений, не придавая ему никакого священного значения, так как подобный взгляд казался бы христианам языческой нелепостью. Собрания были посвящены исключительно наставлению и обучению. Читали письма странствующих апостолов или места из священных книг евреев. За этим следовала проповедь одного из пресвитеров или какогонибудь другого члена общины, чувствующего в себе для этого способность или призвание к этому. Выслушав речь, рассуждали о ее содержании или объясняли несведущим то, чего они не поняли. Таким образом эти собрания христиан апостольской эпохи были прототины народных школ. После обсуждения речей

садились за общую трапезу, прозванную «агапою» и — в конце или в начале подавали хлеб и вино, чтобы вкушая их вспоминать с благодарностью умершего за человечество Иисуса, при чем повторялись те слова, которые он произнес при учреждении этого красивого обычая. Собрание кончилось сбором пожертвований для бедных.

К сожалению, это достойное и несложное состояние христианских общин скоро изменилось и уступило место форме современной католической церкви. Для нашей задачи достаточно указать только легким наброском, как могла совершиться такая резкая перемена, противоречащая в корне христианскому делу. Мы уже раньше говорили, что пресвитерам было поручено ведение дел общины. Во время их совещаний с начала председательствовал старший по возрасту, но последний не всегда бывал самым подходящим именно вследствие своего преклонного возраста, и поэтому пресвитеры предпочитали избирать председателем самого подходящего из своей среды, который, так как ему принадлежал верховный надзор, в различие от своих коллег, которые, впрочем, считались совершенно равными с ними по положению, назывался преимущественно «епископом».

Эти епископы скоро присвоили себе более высокое звание и мы видим их в собраниях занимающими более высокое кресло, между тем как остальные пресвитеры сидят вокруг них на низких стульях, позади которых стоят диаконы, как прислужники в синагогах. Общины скоро привыкли смотреть на епископа, пользующегося таким отличием от их представителей, как на своего духовного владыку.

Особое стечение обстоятельств еще содействовало увеличению авторитета этих епископов.

Христиане в деревнях сначала примкнули к городским общинам; когда же их число увеличилось, они пожелали образовать свои собственные общины, хотя они не хотели отказаться от связи с общинами в городах, так как последние были для них не только во время гонений, но и вообще очень полезны. Они поэтому просили городских епископов снабжать их наставниками и представителями, и епископы обыкновенно посылали им своих пресвитеров.

Подобный сельский епископ пользовался собственнo, такой же властью над своим приходом, как городской епископ, но он во многих отношениях был в зависимости от последнего. Таким образом у городских епископов образовался церковный округ или, как он назывался в те времена, приход или епархия.

В начале третьего столетия дело дошло уже до того, что власть епископов обосновывалась законами о священниках ветхого

завета и все, что Моисей установил относительно этого предмета, применяли без разбора к епископам и пресвитерам. До тех пор на них смотрели, как на то, что они действительно были, т.-е. как на служителей общины, но их гордость восставала против этого и в течение третьего столетия они с умели ловко распространить веру, что они назначены не общиной, а самим богом, что они, следовательно, не служители общины, а служители бога, и поэтому и должность наставника общин, как и божественная служба новой религии, могут быть исполнены только ими, почему они должны образовать особое привилегированное сословие.

Чтобы окончательно победить всех скептиков, которым подобные отношения казались несогласными с учением Иисуса, епископы прибегали к другому средству, чтобы то, чего они добились, сделать более понятным и приемлемым.

А именно, когда апостолы назначали наставников или пресвитеров, они возлагали свою руку на их голову и призывали бога, чтобы он дал им для должности и разум. Этот обычай заимствовали из еврейских обрядов, и апостолы не думали о том, какие злоупотребления на этой почве совершат когда-нибудь их преемники. Епископы утверждали, что благодаря этому рукоположению, святой дух, живущий в апостолах, переходил на посвященных, и что последние также приобретали силу передавать святой дух другим. Им прекрасно удалось то учение сделать популярным среди христиан, и в конце третьего столетия никто не сомневался в этом, и все считали епископов, пресвитеров и диаконов существами особого разряда и находили вполне естественным, что последние должны образовать особое сословие. Хотя влияние епископов на общины было весьма значительное, но демократический строй последних еще не прекратил свое существование. Епископы вообще не могли в церковных делах хозяйничать по своему усмотрению, а были в зависимости от согласия пресвитеров и целой общины. Это им не нравилось, так как они стремились к неограниченной власти и для достижения таковой они воспользовались институтом провинциальных синодов.

Мы уже раньше заметили мимоходом, как неправильно часто христиане понимали изречения и учение Иисуса. Возникали споры об их толковании и мы наблюдали, что уже во втором столетии несколько общин объединялись для устройства совместных совещаний. Когда эти споры учащались, особенно чувствовали целесообразность и необходимость подобных примирительных собраний и было постановлено устраивать таковые регулярно, по крайней мере один раз в год, для общин определенного округа

или целой области. Таким образом возникли провинциальные церковные собрания. Общины были на них представлены делегатами в лице епископов, пресвитеров, диаконов и нескольких членов прихода.

Хотя влияние епископов на постановления этих церковных собраний было весьма значительное, но им противостояло большое число других делегатов, общины, и первой задачей епископов было устранение этих делегатов с церковных собраний. Быстрее всего это удалось осуществить относительно членов прихода недуховного звания, потом очередь дошла до диаконов, и наконец до пресвитеров, так что вся совокупность христианских общин на синодах была представлена исключительно только епископами. Хотя они этим уже много выиграли, так как они могли постановлять все, что только было в их интересах, но они все еще нуждались для своих постановлений в согласии общин. Чтобы избавиться от этих тягостных ограничений, изобрели своеобразное средство, которое мы назвали бы грубым и неуклюжим обманом, если бы обман не—удался. У христиан водворился обычай, открывать собрание молитвой, чтобы бог просветил своим духом присутствующих и руководил ими во время совещания. Этот обычай также соблюдали при открытии церковных синодов, и вот епископы впустили черезчур верующим христианам, что эта молитва побуждает святого духа как будто председательствовать на синоде, так что все постановления являются проявлениями святого духа, значит самого бога, следовательно, не нуждаются в утверждении! Эта хитрость похитила у христианских приходов последнюю гостью свободы и предоставила их на произвол себялюбия епископов. Добившись таких результатов, епископы еще больше расширили свои претензии, и настало время, когда прежних почтенных представителей общин заменили самые корыстолюбивые, бестыдные отброски. «Деревянные церковные сосуды сменили золотые, а золотых епископов сменили деревянные».

Когда император Константин провозгласил христианскую религию государственной религией, вся жизнь христианской церкви испытала значительную перемену. Императоры считали себя главами церкви; они не только по своему усмотрению созывали церковные соборы, руководили выборами епископов или прямо назначали их, но и решали богословские споры. Вследствие этого епископы потеряли временно много прав, на которые они претендовали, но—с другой стороны—выгоды, которые они приобрели, были настолько значительны, что они выказывали чрезвычайное смирение и покорность. Таким образом вышло, что все в церкви совершалось по воле императоров.

Император был источником благодати, из которого лились для его любимцев почести и богатства, и епископы и духовенство соперничали в низкопоклонстве, чтобы перехватить возможно больше благ. Теперь настал конец бедности церкви и ее служителей. Уже император Константин назначил часть государственных доходов на содержание духовенства и одарил их важными привилегиями. Самой выгодной привилегией был закон, предоставляющий им право принимать пожертвования на основании дарственных завещаний, что еще по закону императора Диоклетиана не было разрешено ни одному обществу.

Теперь для аличности духовенства открылось широкое раздолье. Самые низкие и позорные средства пускались в ход, чтобы вырывать у христиан, утонувших уже в суеверии всякого рода, щедрые пожертвования, и десять лет спустя никто не смел умереть, не завещая духовенству какой-нибудь дар. Духовенство вело свои делишки таким бесстыдным образом, что скоро императоры Грациан и Валентиниан были принуждены посредством законов сдерживать вымогательства духовенства.

Иероним, тайный секретарь римского епископа Дамазия, который был свидетелем постыдного поведения попов, воскликнул при провозглашении этого закона: «Я не жалею о запрете императора, я жалею, что моя братия его заставила издать такой запрет!». Свою братию он рисует в весьма нелестном виде, говоря: «Они подставляют ночной горшок бездетным старикам и старухам, хлопоча у их ложа; собственными руками они ловят их испражнения, и вдовы уже не выходят замуж; они пользуются гораздо большей свободой, и священники обслуживают их за деньги». Даже епископ Иеронима Дамазий удостоился прозвища «Чесалый дамских ушей».

Когда Юлиан (в 36 г.) вступил на престол, среди всей поповской стаи воцарилось смятение, так как просвещенному императору, знакомому с философией своего времени и выросшему на этой философии, христианство, извращенное суеверием и баснями всякого рода, казалось банальным и смешным. Он, поэтому «отпал от веры», как говорит церковь, и приобрел со стороны христианских историков эпитет «отступника». Несложное учение Иисуса, в самом деле, подверглось печальному изменению и было изуродовано сказками про чудеса и нелепыми баснями. До первого вселенского Никейского собора (325 г.) существовали около 50 евангелий, из которых оставили только те, которые содержит библия, так как остальные черезчур вызывали насмешки и веселые язычники. Содержанием их служили самые нелепые и банальные рассказы, и хотя их авторы не дошли до таких близких сношений с левой Марией, как тот португальский автор,

который написал: «Жизнь Иисуса во чреве Марии», но они, между прочим, рассказывают такие вещи, как-то, что у дерзкого человека, который осмелился непристойным образом трогать Марию, немедленно высохла рука. Про Иисуса рассказывают, что он, будучи ребенком, играл с другими детьми и вместе с ними сделал из глины птиц; те, которые он сделал, сейчас полетели. Когда он стал побольше, он, однажды, сделал стол, и когда отец его бранил, потому что стол оказался слишком коротким, он только потянул его, и стол стал такой длинный, как указал мастер Иосиф.

Император Юлиан попытался низвергнуть христианство, хотя он не преследовал христиан, и когда он после двухлетнего царствования был убит во время войны с персами, его смерть вызвала большую радость.

Его любимец, философ Либаний, однажды с насмешкою спросил христианского наставника в Антиохии: «Что подельвает сын плотника?». Он получил ответ: «Он делает гроб для твоего ученика». Вскоре потом умер император и Либаний, на основании полученного им ответа, предполагает, что император погиб от руки какого-нибудь христианского фанатика. Перед смертью, император беседовал о величии человеческого духа, а христиане рассказывали, будто бы он горсть крови подбросилверху и воскликнул: «Ты победил галилеянин!». В лице Юлиана умер последний языческий император; при его преемниках власть попов принимала все более широкие размеры; эти нечистые паразиты христианства с каждым столетием становились все более бесстыдными.

Милые, добрые святые.

Наука до сих пор не разрешила вполне проблему, отчего возникают эпидемии, в роде чумы, холеры и тому подобных страшных бедствий, бичующих временами род человеческий. Еще менее выяснены эпидемии духовные, появление которых настолько обыденно, что мы на них даже не обращаем внимания и несколько не считаем их духовной катастрофой.

Зачатки этих духовных эпидемий, страшных своими последствиями, содержит религия и ни одна из них в таких широких размерах, как христианская. Она в течение целых веков превращала Европу в тоскливый бедлам, и миллионы людей были принесены в жертву созданному ею безумию.

Эта глава говорит про святых римско-католической церкви, так как протестантская церковь отменила святых, сохраняя только ханжой. Все эти святые, за немногими исключениями, были люди, сведенные с ума религией, и если бы они жили в настоящее время, их посадили бы в сумасшедшие дома. Читатель, еще не охваченный тем же самым безумием, в конце этой главы убедится в истине моих слов:

Учение Иисуса, что эта жизнь только подготовка для будущей жизни, и что каждый, смиренно перенесший возложенные на него страдания, найдет вознаграждения в вечной жизни, — это учение преследовало цель утешить надеждою страдающее и угнетенное человечество. Чем больше незаслуженных страданий постигали верующего, тем больше питал он надежды, перенося их терпеливо обрести радостную вечную жизнь. Поэтому понятно, что бывали люди, которые смотрели на постигшее их несчастье, как на счастливый случай, предоставляющий им возможность заслужить рай.

Дальнейший переход к мысли, что страдания сами по себе являются заслугой, был не труден, тем более, что эта мысль поддерживали некоторые изречения Иисуса, сообщенные апостолами. Таким образом, доходило до того, что люди сами создали для себя страдания и муки, чтобы таким путем обеспечить себе спасение души. Эгоистичность и безнравственность подобного образа действия они не создавали.

Мысль, что в радостном перенесении телесных пыток и в искусственном создании таковых заключается особая заслуга, приобрела только

полную силу, когда христиане, казненные во время гонений при Диоклетиане и Деции, за свою стойкость достигли столь высокой славы. Допустим, что церковные писатели не всегда воздерживались от преувеличений, рассказывая про страдания мучеников, но в общем они заслуживают доверия; ведь всем известно, что люди в состоянии сильного, духовного возбуждения часто даже не ощущают боли, о чем свидетельствуют старые солдаты, не замечающие в пылу битвы своих поранений.

Этот экстаз особенно разросся в четвертом столетии, и можно считать общераспространенным верованием то, что говорит Веронский епископ Зенон (около 360 г.): «Величайшая слава христианской добродетели состоит в том, чтобы растоптать в себе природу».

Этот мрачный взгляд распространял над всем христианским миром тоскливость, превращающую в самом деле всю землю в юдоль страданий. Благочестивые христиане считали себя недостойными, чтобы им светило солнце, всякое наслаждение им казалась шагом ближе к аду, а всякая мука шагом ближе к небу.

Впоследствии, положим, все в христианской церкви приняло более игривый вид, настолько игривый, что он даже смахивал на скандал и безобразие и в конце-концов вызвал реформацию; но Лютер опять ознакомил людей с библией, которая у них была отнята римской церковью, и чтение библии вызывало такое же действие, как и чтение евангелия среди христиан первых столетий.

Мы находим немало доказательств для этого в истории, а также в проповедях и других духовных сочинениях после реформационной эпохи. Особенно изобилуют ими сборники церковных песен, в которых, местами встречаются весьма странные стихи, как, например, следующий, взятый дословно из не особенно старинного Бреславского сборника песен:

Вороньей падалью я стал,
Греховною дубиной.
Как ржавчину наш лук, впитал
В себя грехов я тину.
Иисусе, пса ты не карай,
Виль косточку прощенья,
Швырни в свой милосердный рай
Греховное творенье.

Так как Иисус признал необходимым удалиться на 40 дней в пустыню — для какой цели, он никому не сообщил — то фанатики считали себя так же принужденными убраться в пустыню и умерщвлять свою плоть постом и муками. Ведь Иисус сказал: «Кто хочет идти за мной, тот пусть отречется от себя, да примет свой крест и последует за мной», а дальше: «Есть люди осклопленные уже в утробе матери, но есть и таковые, кто осклопил себя ради небесного веления. Если ты хочешь быть совершенным, то ступай и продавай все, что у тебя есть, и отдавай все нищим, тогда ты приобретешь клад на небе — ступай и следуй за мною». Иной, будучи уже в утробе матери евнухом по части мозгов и дураком по природе, может быть, тоже попал случайно в число святых. Но большинство святых стали дураками только на основании подобных мест в Библии.

Пустыни Сирии и Египта населялись благочестивыми христианами, желающими «следовать за Иисусом», и так как последний «страдал», то они считали заслугою возлагать на себя добровольно еще большие муки. Каждый из этих благочестивцев прежде всего стремился к тому, чтобы растоптать в себе природу, и этот опыт некоторым удавался так превосходно, что у нас при этом мороз проходит по коже. Этот фанатизм стал эпидемическим, и пустыни, бывшие раньше безлюдными, населялись, словно города.

Самую наглядную картину жизни этих «отцов пустыни» представляет нам описание очевидца, наблюдавшего за их жизнью и бытом в течение целого месяца: «Иные молятся, уставив глаза в небо, со вздохами и стенаниями; другие, со связанными на спине руками, запуганные своей совестью, считают себя недостойными взглянуть на небо; третьи сидят на земле в пепле, прячут лицо между коленами и бьются головой об землю; другие громко завывают, как будто смерть отняла у них близких людей; иные, наконец, осыпают себя упреками за то, что не могут достаточно обильно проливать слезы. Их тело, как говорит Давид, покрыто язвами и гноем; они смешивают свою воду со своими слезами и свой хлеб с пеплом; кожа обвисла на их костях, сухая, как сено. Только и слышишь: «Горе нам! Горе нам! Прощение! Милосердие! Некоторые даже не осмеливаются освежить хоть несколькими каплями воды горящие десна и, как только проглотили несколько кусков хлеба, остальное отбрасывают, мучимые чувством своего недостойнства. Они помышляют только о смерти, вечности и о страшном суде! Их колени в мозолях, их глаза и щеки впалые, их грудь изранена ударами бича, и они харкают кровью; они одеты в грязные лохмотья, как преступники в тюрьмах или

одержимые. Некоторые умоляют, чтобы их только не хоронили, а прямо бросали, чтобы их тела сгнили, как тела скотины».

Кто из этих отшельников пустыни не успел заблаговременно сойти с ума, непременно сошел с ума благодаря вышеизложенному образу жизни. Пример действует на тщеславие и один старается перещеголять другого строгостью и самоистязанием.

Один из таких заблудшихся и сбитых с толку — святых! — пятьдесят лет жил в подземной пещере, никогда не видя ласкающих лучей солнца! Другие велели себя закопать при сильнейшем зное по самое горло в раскаленный песок; другие же велели себя зашить в мех, так чтобы осталось только отверстие для дыхания; при африканском солнечном зное недурной летний костюм, но все же более сносный, чем то пальто, которое один из них высек для себя из скалы и постоянно таскал на себе, как улитка свою раковину.

Очень многие обвешивали себя тяжелыми железными цепями и гирями. Святой Евсевий постоянно носил на своем теле двести шестьдесят фунтов железа. Один из этих рехнувшихся, по имени Фалелей, втиснул себя в обруч колеса телеги и в таком симпатичном положении провел десять лет, после чего он в виде награды за свою выносливость удалился в тесную клетку. — Воистину редкая птица!

Некоторые давали обет — женщины, кажется, этого не делали — в течение нескольких лет не произносить ни слова, не взглянуть ни на кого, или скакать на одной ноге, или есть только одну траву, или совершать какую-нибудь другую нелепость.

Святой Варнава вонзил себе в ногу острый камень; он терпел ужаснейшие боли, но не позволял вынуть камень из раны. Другие опять спали на тернии, иные пытались даже совершенно не спать, а голодать они умели не хуже немецкого школьного учителя или поэта; только за ними было преимущество, что они были сумасшедшие святые, а, как известно, сумасшедшие очень долго обходятся без еды. Симеон, сын египетского пастуха, ел только в воскресные дни, свой живот он так туго стянул веревкой, что во многих местах образовались язвы, издающие такое страшное зловоние, что никто не мог выдержать его соседства.

Тот же Симеон постоянно полагал, что он недостаточно истязает себя и изобрел, что-то совсем новое — по крайней мере, христиане до него не применяли этот прием, так как подобное было в ходу у поклонников великой матери богов, Кибелы Сирийской. Симеон стал на верхушку столба и там простоял несколько лет. Первый столб, которым он пользовался для этой цели, был высотой только в четыре лок-

та, но впоследствии высота его столбов росла естественному росту его безумия. Когда его безумие дошло до апогея, его столб достиг высоты 40 локтей; на этом столбе он простоял 30 лет.

Трудно понять, как он избегал падения, когда его одолевал сон; надо полагать, что он приучил себя спать стоя, словно лошадь или осел. Любимым его развлечением бывало во время молитвы отвешивать поклоны до самых ног. Должно быть, его спина была еще более гибкая, чем у любого придворного, так как «очевидец» передает, что он насчитал 1.244 подобных поклонов, а святой еще бесконечно долго продолжал свое благочестивое гимнастическое упражнение.

Симеон довел себя до того, что он мог голодать 40 дней. Когда у его истощенного тела, наконец, не хватало больше сил, чтобы стоять, он велел на колонне устроить столб и прикрепить себя к последнему в стоячем положении при помощи цепей.

Это безумие стилитов находило много подражателей, особенно на тесном востоке. На западе известен только один стилит, и благочестивый город Триер может похвастаться, что это был один из его уроженцев. Однако тогдашний епископ, очевидно, не проникся духом римской церкви так глубоко, как епископ Арнольди, который двадцать лет тому назад показывал за деньги мнимый неспитый плащ Иисуса, иначе епископ Триерский не велел бы повалить столб, а самого дурака — я подразумеваю святого — выгнать из города.

Высшим предметом возжелания для всех этих дураков, истязавших себя ради спасения души, являлось: «растоптать в себе природу» и подавлять всякое влечение, происходящее «от плоти»; поэтому, естественно, половое влечение осуждали, как крайне антихристианское, и всячески боролись с ним. Борьба с этим, самым могучим из всех, влечений стоила чрезвычайных трудов и повлекла за собою, как видно из дальнейшего, самые пагубные последствия для всего человечества, именуящего себя христианами.

Святой Иероним (род. в 330 г. и ум. в 422 г.), хладнокровно рассказывает, что эта борьба с природой доводила юношей и девиц до воспаления мозга, часто даже до сумасшествия. Бедные дураки, истязавшие свое тело, чтобы усмирить в себе беса распутства, не знали, что они этим только подливали масло в огонь, так как чорт — который, как известно, везде вмешивается в дело, — их воображению рисовал самые сообразительные картины.

Некоторые, желая облегчить себе борьбу, обмазывали свои непокорные члены соком белены, а другие совершенно покончили с этим делом, истребляя самый корень зла. Тут, конечно, наступал конец всему, даже искушению, и если

заслуга состояла в том, чтобы одолеть себя, то наступал конец и самой заслуге. Отец первыми Ориген, довольно рассудительный в других отношениях, также виновен в этом поступке; но он не мог претендовать на оригинальность, так как языческие жрецы Кибелы не раз производили над собою подобную неприятную операцию. Леонтий, антохийский священник, также и Яков, сирийский монах, и множество других священников и светских лиц следовали этому примеру. Пришлось даже издать закон против обешенства оскпления. Теперь, слава богу, мы застрахованы от нового появления этой отрасли фанатизма.

Другие, не решающиеся на такой радикальный способ лечения или воздержавшиеся от него — вследствие своей набожности, терпели адские муки. Святого Пахомия внутренний огонь изгнал в пустыню, так как он надеялся здесь подавить его скорее, чем в миру, по которому бродит столько двуногой разжигательной материи. Он часто боролся с собою, но покончить ли со своими страшными мучениями путем самоубийства. Однажды он раздетый лег в одной пещере, где ютились гиены. Эти звери обнюхивали его, но не трогали; они, должно быть, чуяли по запаху, что имели дело со святым.

В течение нескольких дней являлась к изменченному человеку красивая эфиопская девушка, садилась к нему на колени и так раздражала его, что ему казалось, что он совершает то, что всякий другой менее святой человек обязательно сделал бы, находясь в его положении. Когда весь ужас совершился, с ним было то, что и бывает со многими другими при подобных случаях; он понял, кто затеял эту плохую игру, и красивой девушке в благодарность отвесил изрядную пощечину. Его предположение оказалось правильным: девушка была чорт, собственной персоной, так как рука Пахомия после этого соприснобления в течение целого года издавала такое ужасное зловоние, что он чуть не падал в обморок, когда он ее подносил к своему носу.

Разозленный тем, что он попался в ловушку чорта, он носился по пустыне. Случайно он нашел аспиду или маленькую очковую змею и в своем бешенстве приставил ее, точно пиявку, к тому члену, который отрезал у себя Ориген. Однако змея в брезгливости не уступала гиене и не желала укусить его. Пахомий это принял за чудо, и внутренний голос возвестил ему, что он отныне обретет покой: таким образом, бес в образе девицы, как будто, вылечил его.

Глупость, соединившаяся с мистицизмом, и возникающий из такого союза фанатизм заразительны и распространяются как чума или холера. Все христианство было охвачено этим аскетическим увлечением. Целыми толпами люди убегали в пустыни, так что святым стало тесно, и они были принуждены учреждать огромные общины-монастыри.

Святой Нахомий, являющийся собственно основателем этих монастырей, в своем монастыре насчитывал четырнадцать сотен монахов и, кроме того, наблюдал еще за семью тысячами других монахов. В четвертом столетии в Египте существовало по крайней мере сто тысяч монахов и монахинь; ведь нетрудно себе представить, что не могли быть избавлены от этого безумия женщины, вообще легко поддающиеся и возбуждению, и сумасшествию. В пустынях, пользующихся благоприятным расположением, скоро не хватало места, и тогда создавали искусственные места уединения, другими словами—монастыри, в самих городах. В городе Оксипринхе было больше монастырей, чем жилых домов, и в них труд заменяли молитвами 30.000 монахов и монахинь.

Сколько язычники ни насмехались, стараясь задуть этот священный пыл, им это не удавалось, так как самые чтимые наставники церкви выше всего прославляли монашескую и отшельническую жизнь и называли ее прямой дорогой в рай. Самые священные узы природы разрывались. Юноши покидали своих невест, как святой Алексий, убежавший в брачную ночь в пустыню. Аммон читал своей невесте письма Павла к Коринфянам! Невеста этим так воодушевлялась, что она вместе с Аммоном убежала в пустыню, там поселилась с ним в жалкой хижине и жила в ней целомудренная, как курица, живущая вместе с собакой.

Иоанн Колибита, сын знатных родителей, также как раз во время брачной ночи был охвачен благочестивой лихорадкой перед боем; он спасся от искушения и ушел в пустыню. Непредолимая тоска по родине заставила его вернуться в родной город. Здесь он семнадцать лет жил жалким нищим в собачьей конуре, которую он поставил около жилища оплакивающих его родителей, и последним открылся только в час своей смерти.

Вот плоды учения людей, подобных Иерониму, который утверждал: «Пусть твои юные братья и сестры обнимут тебя за шею, пусть твоя мать со слезами, распустив свои волосы и раздрав свою одежду, укажет тебе на грудь, вскормившую тебя, пусть твой родной отец ляжет у порога, а ты всех их оттолкни ногами и спеши, не проронив слезинки, под знамя креста».

Многих паталкивали на жизнь аскетов, тщеславие и честолюбие, так как отшельники и монахи пользовались чрезвычайным почетом. Когда они являлись в какой-нибудь город, их торжественно встречали, а когда являлись мимоходом, тысячи людей стекались к ним, чтобы просить у них совета и благословения.

Вся область, в которой обитал какой-нибудь особенно бешенный отшельник, считала себя несчастливенной; бывали случаи, когда жители

других местностей ловили этих святых—словесно диких обезьян—при помощи сапог, намазанных смолой.

Саламаний из Каперсаны, деревни, расположенной на реке Евфрате, велел себя запереть в дом, лишенный и дверей и окон. Только один раз в году он открывал свою келью, чтобы припримать съестные припасы, которые ему приносили, при чем святой человек ни с кем не говорил ни слова. Жители его родного села приписали себе исключительное право на обладание таким цветом святости и увезли дурака к себе; однако, прошло только несколько дней, как его уже урвали жители соседней деревни. Все эти насильственные пертурбации не могли у святого вырвать ни единого слова.

Преклонение перед этими дураками пустыни доходило до того, что император Феодосий даже доверил воспитание своих сыновей Гонория и Аркадия. Толку, правда, было мало от такого воспитания, так как Гонорий сделался форменным идиотом, любимым развлечением которого служило кормление домашних птиц, inclination—без сомнения—весьма невинная для императора, свойственная и современным императорам при том только условии, чтобы домашние птицы при пении умели попасть в правильный тон.

Феодосий вообще был нежным другом монахов, и он, также как и другие императоры, прибегал к ним, как к оракулу. Он имитировал Александра Великого, говоря: «Если бы я не был Феодосием, я хотел бы быть монахом». Его подданные имели полное основание жалеть о том, что он был Феодосием.

Среди «отцов пустыни», некоторые приобрели совсем исключительную репутацию святости, отчасти благодаря тем неслыханным мучениям, которые они на себя налагали, отчасти благодаря чудесам, которые им приписывали. От тех страшных операций, которым они подвергали тело, страдал также и ум, и поэтому неудивительно, что эти люди страдали видениями и галлюцинациями, которые они принимали за действительность, что способствовало еще более сильному помешательству их и без того растороенного рассудка. Церковные писатели, передающие эти чудеса, были люди «серьезные» и писали, веря твердо в правдивость того, что они сообщают. Только писателей позднейшей эпохи корыстолобие, может быть, иногда заставляло преднамеренно обманывать.

Я обошел бы молчанием все эти чудеса, как предмет весьма банальный, если бы в них веровали только в ту темную эпоху. Увы! даже в настоящее время тысячи католиков принимают их за истинные факты.

Заурядный католик в настоящих католических странах немного знает о боге, он не пони-

маст хитростной софистики о божественной троице и не ломает себе напрасно голову над этим вопросом; он только знает своих чудотворных святых и чорта.

Не будем долго останавливаться на этой, отчасти достойной жалости, отчасти комически сумасбродной святой компании. Для того, кто захочет познакомиться в полноте со всею нелепостью чудес, достаточно прочесть одну из тех книг о святых, которые рекомендует и распространяет духовенство в римско-католических странах.

Самую громкую репутацию среди святых пустынников приобрели: святой Павел, святой Пахомий, святой Антоний, святой Иларий и святые Макарии № I и № II. Поединки с чортом, в которых подвизались эти небесные ратники, не возможно перечислить, и чрезвычайная напористость деятельности «врага рода человеческого» нас не удивит, так как наши религиозные Дон-Кихоты в каждой обезьяне, в каждом другом животном, особенно же в каждой женщине, случайно встречающейся на их пути, усматривали мельницы сатаны, или даже самого адекого мельника. (Рис 3).

Рис. 3. ПОДВИГИ СВ. ЮЛИАНА.
(Обло св. Юлиана в Манае).

Святой Юлиан действует весьма примитивным способом, ухватив клещами беса за нос, подобно тому, как укрощают лошадей с норовом во время ковки.

Все недуги, вызванные болезненностью их тела или их души, они признавали за действия дьявола. Антоний спал на голой земле и в сырых могилах и, естественно, заболел подагрой, что случилось бы, наверно, и со всяким другим, не пользующимся званием святого; он же воображал, что боли, которые он ощущал, являлись следами кулачного боя с чортом,—так как ему действительно приходилось бороться с сильными обезьянами, обитающими в южном Египте и представляющими собою праотцев лесных чертей. Тем более он принимал за чертей красивых женщин, которые являлись ему во сне, так как искушение с их стороны было особенно чувствительно. Подобное «Искушение святого Антония» можно часто встречать на картинах, потому что этот сюжет особенно возбуждал воображение художников.

Многих из отшельников, может быть, и тщеславие соблазняло рассказывать про мнимые видения, чтобы этим возвысить себя в глазах людей. Как провести границу между фактическими проявлениями больного мозга и вымыслом? Много ли времени прошло с тех пор как прекратились процессы против ведьм?

Процессы против ведьм встречались еще в прошлом столетии и простояли во многих, даже не римско-католических странах, еще в настоящее время упорно верит в существование ведьм.

Святому Антонию приписываются немало чудес. Церковные писатели рассказывают, что звери пустыни слушались его, словно дрессированные пуделя. Нередко они назойливо окружали его пещеру, но всегда выжидали, пока он не окончит свою молитву, после чего принимали его благословение и, настроенные весьма христиански, отправлялись на свои хищнические подвиги. Когда он хоронил святого Павла из египетских Фив, умершего на 113-ом году своей жизни, ему при устройстве могилы помогала пара благочестивых львов. Когда они окончили могилу, львы приняли его благословение и, размахивая хвостами, похристиански, в веселом настроении и с облегченной совестью удалились в глубь пустыни.

Святой Макарий, который для подавления беса прелюбодеяния, преследующего его, уселся с голым задом на муравейник, также пользовался доверием диких зверей. Однажды к его двери подошла гиена и скромно постучала. Когда святой открыл дверь, верующая мать положила у его ног слепого детеныша в одно время со шкуркой ягненка, играющей роль говорара за лечение.

«Ты похитила эту шкуру, я не хочу ее!», накинудся святой на благочестивую гиену, которая была так ошеломлена, что из ее глаз полились слезы. Ее слезы тронули святого и он продолжал более ласковым тоном: «Если ты больше не по-

хитишь ни одного агненка, а возьму шкуру и вылечу детеныша».

Гиена кивнула утвердительно, святой приступил к лечению. Потом святой отправился в свою келию, а гиена радостная побрела в пустыню и с тех пор не похищала больше никаких агнят, (а вероятно только—овец).

Первое чудо, которое совершил святой Иларион, кажется более правдоподобным. Молодая

ляется через Нил, то—другой святой ведет за собою на бичевке страшного дракона, третий зажигает снег, заставляет плавать железо или плоды заставляет расти на ивах; другой святой пользуется живым орлом в качестве зонта или запрягает в свой плуг самого чорта;—одним словом эти святые сбивали с толку не только людей, но даже самую природу. И во всю эту нелепость верили, так как ни один человек не сомневался

Рис. 4. ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ.

По гравюре 16 столетия.

женщина, которую пренебрегал муж, так как у нее не было детей, пришла посоветоваться с двадцати двух-летним святым. Он молился с ней наедине и, спустя девять месяцев, она родила действительно маленького святого,—плод усердной молитвы.

Но зачем приводить еще больше подобных чудес?—То святой верхом на крокодиле переправ-

в том, что такие святые люди могли по своему произволу изменять и прерывать вечные законы природы.

Это увлечение, возникшее на востоке, находило живейший отклик в Европе, чему особенно способствовали епископ Миланский святой Амвросий, которому мы обязаны гимном «Те деум ляудамус», а также святой Иероним, про кото-

рого мы уже раньше говорили. Оба они вели пропаганду и собственным примером и своими сочинениями. Иероним сам жил продолжительное время в Сирийской пустыне и написал сочинение, озаглавленное «Хвала уединению», сочинение, признанное шедевром красноречия. Мне придется впоследствии иногда цитировать его произведения. Он родился в 334 году в Даммазии, долгое время жил в Риме и умер в 442 г. в своем монастыре в Вифлееме.

Влечение к аскетической жизни в Европе быстро разрослось, и святые и монастыри выросли как грибы. Святой Мартин первый основал монастыри во Франции. Он родился в 316-м году в Панонии и посвятил себя военному делу. Когда он однажды отдал нищему половину своего плаща, он вообразил, что слышит голос Иисуса: «То, что ты сделал для других, ты сделал для меня». Это его заставило бросить полк и записаться в святые. Его слава быстро распространилась; он сделался епископом Турским и весьма горделивым святым. Когда он предстал перед императором Валентинианом, последний не хотел встать с престола, чтобы приветствовать святого Мартина. Мартин был огорчен подобным высокомерием, молился и, как рассказывает «история», — языки пламени вырвались из престола, так что его императорское величество должен был подпрыгнуть на престоле, чтобы не обжечь свою сиятельнейшую заднюю часть.

Количество европейских святых весьма велико, и я с удовольствием рассказал бы их святую жизнь и все их чудеса. Но у меня не хватает ни времени, ни места для такого объемистого, интересного произведения; поэтому я удовольствуюсь тем, что буду говорить про тех святых, которые приобрели ценность для мира, как основатели монашеских орденов или как «апостолы». Но и их число настолько велико, что приходится делать и тут выбор.

Раньше, чем приступить, я хочу разъяснить всем верующим христианам значение подобного святого, и к чему можно его приспособить в настоящее время. Само собою разумеется — как учит римская церковь — подобный святой не только пользуется вечным блаженством, но и занимает на небе особенно видное место, так сказать, зачислен в семью бога, и постоянно общается с Иисусом, с девою Марией, почтеннейшей матерью его, за которой недавно установлено беспорочное зачатие, со святым духом и целым рядом именнейших ангелов и апостолов. Не трудно себе представить, что такой святой должен пользоваться не малым прямым и косвенным влиянием у бога и что его просьба будет уважена. У святых чрезвычайно много дел: им приходится не только защищать и охранять тех людей на земле, специальными покровителями ко-

торых они состоят, но кроме того приходится заведывать специальными отраслями святой науки. Более видные святые, кроме того, состоят представителями целых наций или особых сословий, стало быть, каждому ясно, что их небесная должность вовсе не является привилегированным безделием. Чтобы каждый, которого мучает какое нибудь религиозное вздутие или какой нибудь телесный недуг, мог вылезти более дешевым способом, чем это сделал бы какой нибудь земной врач, не числящийся святым, я хочу привести некоторых главных святых с их специальными функциями.

Феодальное дворянство пользуется особым покровительством со стороны трех великих святых: св. Георгия, св. Маврикия и св. Михаила. Покровителем богословов весьма странным образом является скептический «неверующий» св. Фома; святым покровителем свиней — святой Антоний, юрисдикция над юристами принадлежит святому Иву, над врачами — святым Козьме и Дамьяну, над охотниками — святому Губертусу, а пьяницы пользуются заступничеством святого Мартина. Также и каждое ремесло имеет своего специального святого покровителя, которому римско-католические ремесленники, вероятно, поручают свои дела, когда многочисленные праздники или паломничества к святым костюмам мешают им заниматься делом.

Также и каждая нация имеет своего особого святого покровителя. У португальцев эту роль исполняет святой Антоний, который помимо их охраняет и свиней; у испанцев — святой Яков, который недавно вполне оправдал свое имя; французы пользуются покровительством святого Дени; англичане — покровительством святого Георгия, венецианцев охраняет святой Марк, а немцы, вероятно, также получают особого святого покровителя, когда они станут нацией, пока же небесное дипломатическое представительство для них находится в руках святых покровителей других наций.

Кроме того, некоторые святые, не слишком обремененные руководством наций и сословий, воспользовались своим небесным досугом, чтобы изучить досконально некоторые недуги бедных земных червей, и бог, который, естественно, не может все сделать сам, по верованию многих благочестивых католиков, позволил им приходиться ему на помощь.

Святая Ая изучила юриспруденцию и оказывает помощь в процессах, св. Киприан помогает против подагры, святой Флорин во время пожаров; святой Непомук охраняет от наводнения и от клеветы; святой Бенедикт — от яда, святой Губертус от бешенства, святая Аполлония от зубной боли, если последняя не вызвана беременностью, так как в подобном горестном

Рис. 5. МОЛИТВА СВЯТОМУ ДИОНИСИЮ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ОТ
„ФРАНЦУЗСКОЙ БОЛЕЗНИ“, Т.-Е. ОТ СИФИЛИСА.

У ног дeвы Марии и Дионисия стоят больные сифилисом.

В этой летучке, возникшей, вероятно, в Регенсбурге, припечатана след. молитва:

Всесвятейший и всемогущий заступник Дионисий, архиепископ и мученик заслуженный! О, ты наставник небесный, Франции апостол и Германии правитель! Защити меня от страшной болезни, именуемой французской, от которой ты избавил(?) великое множество христианского народа во Франции, когда они пили воду живого ключа, бьющего из под твоих святых мощей! Защити меня от этой опасной болезни, о всемилостивейший отец Дионисий,

чтобы я мог искупить свой грех, которым я оскорбил господя своего, и обрел после этой жизни радость вечного блаженства! Это пусть даст мне Иисус христос, который навел на тебя, когда ты был заключен в мрачную темницу, и утешил тебя, и кормил тебя своим святым телом и кровью, и провозгласил: Ради любви ко мне и доброты твоей, о чем кто будет просить, то будет дано. Слава господу во веки веков, аминь!

случае приходится обращаться к святой Маргарите, которая также оказывает помощь при тяжелых родах. Святой Блазий отгоняет горловую боль и святой Валентин помогает в случаях эпилепсии; святая Лучия помогает от глазных болезней, а небесным ветеринаром состоит святой Леонард. (Рис. 5).

Святой Бенедикт отец многочисленных монахов — бенедиктинцев. Он родился в 480 г. в Нурсии, в Умбрии и умер в 543 г. Легенда рассказывает про него замечательные вещи. Уже в утробе матери он пел псалмы, а когда он был ребенком и плакал, — ангелы приносили ему для развлечения епископские посохи, епископские митры и бревнарии и устраивали оркестр на инструментах, изобретенных только спустя несколько столетий. Первым чудом его было то, что он своей молитвой починил разбитый горшок.

По части молитв, если верить церковным писателям, эти святые обладали прямо таки устрашающей сосредоточенностью и выносливостью. Некоторые от молитвенного усердия подымались на несколько футов от земли и оставались висящими на воздухе. Ирландский святой Кютен молился так упорно и долго, что ласточка успела в его сложенных руках снести и высидеть яйца.

Само собою разумеется, что святой Бенедикт подвергался яростному преследованию со стороны дьявола, который постоянно порхал вокруг него в виде дрозда, когда благочестивый человек скрывался в пустыне. Когда он, т.-е. святой, а не чорт, сделался настоятелем монастыря, чорт соблазнил одного монаха впустить в монастырский сад семь красивых девушек в костюмах праматери Евы, так что все монахи чуть не сбесились. Они были близки к этому, так как они делали попытки отравить своего строгого настоятеля, но попытки не удавались; то он молитвою разбивал кубок с ядом, то являлся ворон и уносил отравленный хлеб в пустыню. Бенедикт основал большое количество монастырей, среди них знаменитый монастырь на Монте Касино, и установил для своих монахов правила, сравнительно разумные для святого и его эпохи. Его монахи были обязаны работать; о самоистязании и тому подобном ничего не говорилось. Его монастырский устав лег в основу всех остальных монастырских уставов и монастыри бенедиктинцев сделались приютом для науки и искусства, которые без них в дикую эпоху средних веков были бы совершенно поглощены христианством.

От его монастырского устава значительно уклоняется устав ирландского монаха Колумбана; в своей дисциплинарной книге он сыплет дюжинами ударов за малейший проступок. Кто противоречил брату по ордену, не прибавляя

«Если ты постараешься вспомнить, брат», — получал пятьдесят ударов, а кто разговаривал наедине с женщиной, — двести ударов полным счетом.

Английского монаха Винфрида, которого впоследствии прозвали святым Бонифацием, обыкновенно называют апостолом немцев. Германия ему обязана введением монастырей и вместе с тем всей римской благодатью. Фризам принадлежит заслуга, что они его убили вместе с 53 монахами (5 июня 759 г.). Если бы они это сделали раньше, — в Германии ничего не знали бы о безбрачии священников, паломничествах, поклонении иконам, реликвиях и тому подобном, чему он дал право жительства в Германии.

Святой Адальберт, так называемый апостол пруссов, был епископом в Праге и был добрый малый, но не далек умом. Я не знаю, откуда он был родом; но надо полагать, что он был немцем, так как был настолько смиренный, что при дворе своего друга, императора Оттона II, чистил тайком придворным сапоги.

Ему очень хотелось достать венец мученичества и он избрал для этого в самом деле, — только по святому простояльству, — самый краткий путь. Он отправился с двумя спутниками, распевая псалмы, в страну диких языческих пруссов. Этот некультурный народ сначала принимал его вовсе не за святого, а просто за сумасшедшего, а еще больше укрепился в своем предположении, когда Адальберт бранил их идолы, или даже надругивался над ними, а взамен — предлагал им кресты, святые лары, иконы и т. п. римско-христианскую утварь. Когда пруссы смеялись над ним, он выругал ослепленных и так увлекся гневом, что не успел еще оглянуться, как в его святом животе уже торчало семь языческих копий, произведших его в мученики.

Не лучше приходилось спустя два года Бруно, бенедиктинцу из Магдебурга; пруссы его и восемнадцать спутников его также прикончили.

Одинакововажный и как распространитель монашества и как святой, но гораздо более важный и замечательный, как человек, — святой Бернгард. Лютер говорит про него: «Если, когданибудь бывал искренний, благочестивый монах, то это был — Бернгард; про подобного ему монаха я никогда не слышал и не читал; я его ставлю выше, чем всех монахов и попов всего мира».

Бернард происходил от старинного бургундского рода и родился в 1091 году в Фонтэн около Дижона. Он был мечтателем, но благородным человеком, который в серьез хотел исправить испорченное духовенство и людей вообще. Он истязал свое тело страшным образом, питаясь вместе со своими монахами часто толь-

ко листьями букowego дерева и жалким пшеничным хлебом. Когда он для укрепления своего расслабленного желудка баловал себя мучной кашей с маслом или медом, он потом горько оплакивал свою слабость.

Его благочестие и тонкий ум скоро создали ему широкую известность. Когда он однажды пришел в Милан, его руки распухли от поцелуев, которыми их покрывали назойливые верующие. Он мог бы сделаться архиепископом, или даже папой, но он отказывался от всех должностей. Будучи простым монахом в Сито, он пользовался громадным влиянием. Он разбирал споры между папами и королями, между князьями и их строптивыми вассалами, и самый свирепый воин трепетал перед этим могущественным монахом. Ни император, ни папа не смели бы в'ехать верхом в монастырь Бернгарда Сито; они шли смиренно пешком.

Бернард был душою второго крестового похода, — этого широчайшего дурачества, стоившего жизни семи миллионам людей и нашего же содействия в религиозном усердии Бернарда. Даже самых упорных противников побеждало его красноречие, как, например, императора Конрада III, который в Шнейре снял свою императорскую мантию и святого на своих плечах нес через толпу. Его увлекательный язык лишал города мужского населения, так что в некоторых из них остался едва один на семь женщин, так «все, кто только мочится в стену», брали крест.

Святой Бернгард заслужил бы особую книгу, и мне придется в дальнейшем кое-что рассказать про него, что его заслуги выставит в лучшем свете. Сейчас я хочу только привести кое-какие чудеса, которые приписываются святому, и без которых он не попал бы в календарь для святых, несмотря на все свои заслуги. Рассказов о победах над дьяволом, которые он одержал благодаря силе своей молитвы, существует бесчисленное множество. Но его молитва бывала такой усердной, что даже камни умилялись. Однажды каменный христос сошел с креста и спустился к нему, чтобы обнять его. Каменная статуя Марии еще перереголяда его, несмотря на то, что святой Бернгард, собственно, с ней всегда очень дурно обращался и даже не хотел верить в ее девственность! Когда он однажды вошел в собор в Шнейре, он приветствовал находящуюся там икону Марии: «Привет тебе, царица!» Как изумились все присутствующие, когда польщенная и приятно пораженная матерь божья раскрыла каменные уста и воскликнула: «Спасибо, милый Бернгард», но еще больше все изумились, когда угрюмый святой пробормотал слова апостола: «Да молчит женщина в церковном собрании».

Бернгард умер в 1153. Он не раз являлся своим монахам в небесном сиянии, но — пусть все насмешники это запомнят — по середине его тела был неприятный дефект, потому что он не хотел верить в недефективную девственность матери младенца Иисуса.

Святой Бернгард сам учредил 160 монастырей, которые имели большой приплод, так как уже спустя 10 лет после смерти святого их было 500, а спустя 100 лет существовало около 2.000 монастырей бернардинцев. Монахи этого ордена отличались долгое время от всех остальных своим трудолюбием и чистотой нравов, так что короли и князья поступали в их общину.

Ту пользу, которую эти монахи могли бы принести грубым средним векам, свели на нет возникающие скоро после них нищие ордена, которые учили рабеленное подчинение разума самой слепой вере и сумели соединить с этим самую необузданную развращенность. Они распространяли по всему свету густой духовный мрак, которым папы и их союзники настолько дорожили, что они самым тщательным образом старались сохранить его до сегодняшнего дня.

Идея нищих орденов возникла в мозгах Иоганна Бернардини, испорченного купеческого сына из Умбрии. Он известен под именем святого Франциска из Ассизи, или отца серафимов. — Так как молодой человек не годился в купцы, он сделался солдатом, попал в плен и тяжело заболел. Когда он выздоровел, он был — святым! То-есть, пока только просто дурак, который бродил среди нищих и прокаженных, целовал им язвы, одевал их лохмотья и обокрал своего отца, чтобы краденное добро истратить на ремонт запущенной церкви.

Епископ в Ассизи взял глупца под свою защиту и скоро после этого он бродил по всей стране, прося пожертвования для постройки вышеупомянутой церкви. Сбор оказался настолько обильным, что ему пришла мысль учредить орден нищей братии «Папа Гонорий, правда, сказал ему: «Вы простофиля», но папа Иннокентий III, на основании сна, утвердил монастырское правило Франциска, которое он, правда, сначала назвал правилом для свиней, а не для людей. Сначала смеялись и издевались над Франциском, но не прошло и трех, четырех лет, как слава его святости настолько разрослась, что при его приближении к какому-нибудь городу духовенство и народ торжественно выходили ему навстречу и звонили во все колокола (1211).

Его правило запрещало иметь собственность, и самое крайнее смирение было законом для монахов. «Милостыня», сказал Франциск, «наше наследство, милостыня — наше право, нищенство — наша цель и королевское достоинство».

ство». Позор и презрение — наша честь и наша слава в день страшного суда. Он сам показывал первый пример, так как он был смиренный, как собака. Чем больше уличные мальчишки издевались над ним, тем это было для него приятнее, а совсем весело становилось у него на душе, когда они его закидывали грязью. Из-за смирения он велел себя топтать ногами. Когда он ходил по Асии и собирал милостыню, он все съедобное, получаемое им, совал в один и тот же горшок, и когда ему хотелось есть, он опускал руку в горшок и ел эту отвратительную смесь. Однажды Франциск был в гостях у одного кардинала; но он оставлял нетронутым все блюда и ел, к великому отвращению всех гостей, свиный корм, собранный им.

Он очень любил животных и птиц и называл их своими братьями и сестрами. Нередко он проповедывал гусям, уткам и курам, и когда однажды ласточки и воробьи мешали ему своим щебетанием, он просил «милых сестриц» замолчать. Крестьянина, несшего на рынок двух ягнят, он спросил: «Зачем ты так мучаешь моих братьев?». Вошь, бродившую по его рысе, он осторожно взял двумя пальцами, поцеловал ее и сказал: «Милая сестрица вошь, хвали вместе со мною господя!» потом он ее усадил себе на голову, откуда она прибрела. Свое тело он называл «братом ослом» и когда «брат осел» становился игривым, он его мучил не мало. Он валялся как св. Бенедикт, раздетый, на шишках, до нее опускался в замершие пруды или ложился в снег, пока не исчезло всякое сладострастное, ослиное возбуждение. Однажды он, в игривом настроении духа, построил себе жену и детей из снега и обнимал их так долго и вдохновенно, что они растаяли.

Его орден разрастался чрезвычайно быстро. Когда он в 1216 году назначил всеобщий съезд в Ассизи, там собралось 5.000 францисканцев, хотя большая часть из них явились только делегатами целых монастырей. Их число росло как песок на берегу моря. Генерал францисканского ордена однажды предложил папе Пию III 40.000 францисканцев для войны с турками и уверял, что исправление духовных дел от этого не потерпит чувствительного ущерба. Во время чумы в одной Германии умерло в 1348 г. 6.000 францисканцев, а уменьшение их числа не было заметно. Реформация уничтожила чрезвычайно много монастырей, и все таки в начале прошлого столетия их насчитывалось 7.000 мужских и 900 женских монастырей! Франциск умер в 1226-ом году, и так как он был святым, то он, конечно, совершал массу чудес. Чудеса Иисуса кажутся пресными в сравнении с его чудесами, про которые рассказывают его монахи. Однажды он ушел в Аппе-

нинские горы и там голодал 40 дней. Тогда явился серафим и учинил ему пять стигматов (следы ран), так что из них текла кровь. С тех пор Франциск получил прозвание «отца серафимов» и его орден — «ордена серафимов». Поклонники этого святого доходили до того, что они его ставили гораздо выше Иисуса и приписывали ему самые сумасбродные и сумасшедшие чудеса!

Преемником Франциска в качестве генерала ордена — был брат Илья, хитрый пройдоха, который прекрасно сумел эксплуатировать престофильство Франциска. Он и его преемники великолепно сумели истолковывать правила ордена, и благодаря этому их монастыри разбогатели больше всех других.

Заключеными врагами и противниками францисканцев были доминиканцы, возникшие почти в то же самое время, как и первые, и получившие свое название от своего учредителя, святого Доминика. Его звали Домиником Гусманом и он родился в старой Кастилии в 1170 г. Его послали для обращения вальденцев во Францию и ему пришла здесь мысль, учредить монашеский орден, деятельность которого должна была быть среди народа и который должен был заниматься проповедями, учением и для своего содержания — прибыльным делом нищенства. Доминик получил от папы утверждение, и этот отвратительный орден появился на свет, чтобы остащить мир инквизицией и книжной цензурой. Доминик сам был первым организатором настоящих охот на еретиков. Он хотел свой орден соединить с орденом святого Франциска, но этот не хотел. Оба ордена сначала друг друга поддерживали, но скоро профессиональная зависть породила яростную вражду; кроме того более образованные доминиканцы всегда ставили себя выше францисканцев, от которых не требовалось никакой учености. Доминиканский орден рос также чрезвычайно быстро и в 1494 году уже существовали 4143 монастыря.

Святому Доминику монастырский мир обязан великим изобретением, а именно «девятью позициями во время молитвы», которые можно менять во время молитв для развлечения, чтобы дело не надоело. Можно было молиться: стоя, опустившись на колени, лежа на спине, лежа на животе, лежа на боку, протянув руки в виде креста, стоя согнувшись, то опускалась, то поднимаясь на коленях. Он сам молился так усердно, что его уносило от земли, т.-е. он висел на воздухе несколько футов над землей. Он умер в 1221 г. в Болонье. О его сверхъестественных подвигах, а именно, о его чудесах мы не станем говорить, с нас довольно и его земных подвигов. Убежим от общества этого бледного налача! и кому не мешает христианский дух, тот пусть этому отцу инквизиции шлет от всей

души свое проклятие, я всей душой присоединяюсь!

Надеюсь, что читатели удовлетворились всем сумасбродством, о котором я им рассказал, на основании свидетельств церковных писателей, относительно самых почтеннейших святых, и я не хочу испытывать дальше их терпение, так как мне — все равно — придется еще упомянуть того или другого святого. Если бы я себе поставил только цель высмеивать святых и их чудеса, то я сделал бы другой выбор и, конечно, не пропустил бы святого Антония Падуанского, которого даже сам святой Франциск называл «скотиной», и ближайшую братию последнего.

Наконец, я хочу упомянуть еще про некоторых святых женщин; их число не уступает числу мужских святых, и их увлечения и чудеса еще более удивительные. Здесь не место изложить причины, отчего женский пол больше увлекается, чем мужской, и отчего женщины легче сходят с ума, чем мужчины. Опыт показывает это на каждом шагу. О мужчинах-лунатиках редко приходится услышать, но девиц-лунатиков много — не говорю «женщин-лунатиков». Большинство святых девиц, без сомнения, были лунатиками.

Одна из самых старых святых — святая Афра. Ее мать содержала публичный дом в Аугсбурге, и она сама была одной из действующих в этом доме жриц. Случай, — разумеется, только случай — привел в этот дом однажды испанского епископа Нарцисса. Он всех жриц Венеры обратил в христианство, а Афру, которой он занимался особенно усердно, даже сделал святой. Ее впоследствии сожгли, как мученицу.

Святая Тереза была благородная испанка, родилась в 1515 г. и умерла в 1582 г. Ее поклонники давали ей чрезвычайно оригинальные титулы: они называли ее ковчегом мудрости, небесной амазонкой, бальзамическим садом, органом и кабинетным секретарем святого духа и т. п. Когда она еще была ребенком, она так увлеклась своим энтузиазмом, что хотела отправиться в Африку и там найти мученическую смерть. Наконец, когда ей минуло 17 лет, родители не могли больше с ней справиться и отвезли ее в монастырь кармелиток в Авилу. Теперь у нее начались видения всякого рода, а когда однажды даже облатка из рук епископа прямо полетела ей в рот, она сделалась вполне законченной святой. Наконец, она сделалась настоятельницей собственного монастыря в Пастране и могла дать полный ход своей святости.

Иисус был в таком восторге от ее святости, что он ей однажды подал руку и посвятил в свои невесты со словами: «Огнине я весь твой и ты вся моя». Однажды явился к ней сера-

фим, который ее несколько раз трогал «жгучей стрелой», боль была настолько сладостная, что она ничего не имела бы против, если бы ее так трогали постоянно. Испанцы празднуют еще до сих пор 27 августа этот праздник «обстреливания».

Монахини святой Терезы должны были ходить босиком и подвергались самой суровой дисциплине. Слепое повиновение было для них законом, и малейшее уклонение от него каралось немилосердно. Монахиню, которая морщилась по поводу плохого хлеба, привязывали к ослиному корыту и она должна была в течение 10 дней жрать овес и сено! Такая варварская строгость имела последствием, что всякое ее приказание исполнялось с абсолютной аккуратностью. Одна монахиня однажды спросила ее, кому спеть вечернюю литургию. Святая была не в духе и ответила: «Кошке». Монахиня взяла кошку, отнесла ее к алтарю и щипала ее за хвост, так что бедное животное жаловалось на христианство самыми жалостными песнями. Самоистязание было в порядке дня в этом монастыре. Монахини Терезы истребляли бесконечную массу розог. Они спали на тернии или в снегу, пили из плевательниц, брали в рот мертвых мышей и тому подобные отвратительные вещи, пили кровь, оцускали свой хлеб в гнилые яйца и прокалывали себе язык, когда они нарушали молчание.

Весьма странную антипатию святая Тереза питала к мужчинам в штанах, и если бы это было в ее власти, она у всех сняла бы штаны. Насколько это было в ее власти, она это и делала. Монахи-кармелиты, подчиненные ей, должны были снять штаны и вместо них надеть маленький передничек из коричневой шерсти. Однако, она только мужские штаны считала антихристианскими, так как ее монахини должны были ходить в штанах; ходила ли она сама в штанах, об этом ученые монахи-кармелиты не оставили никаких сведений.

Святая Тереза, вдобавок, была писательницей и написала книги, которые не у одной бедной девицы растормошили голову. После своей смерти она явилась к подруге-монахине и созналась, что она умерла скорее от пылкости своей любви, чем от силы своей болезни. На счет любви, эта святая штаноненавистница, кажется, была более сведущая, чем можно было бы ожидать от настоятельницы, она пишет: «Чорт несчастен, он никого не любит, и ад — место, где также не любят», мысль, достойная поэта.

Приблизительно около того же времени, как и Тереза, жила итальянка Екатерина Кардонская. Она сошла с ума от любви, жила в пещере и носила платье из дрока, переплетенное тернием и железной проволокой. Она жрала траву, как животное, не пользуясь руками, и однажды

даже постилась в течение 40 дней. Так она жила 3 года!

Святая Екатерина генуэсская пылала такой любовью, разумеется — к Иисусу, что она сходила с ума. Она была вся раскаленипа, как печь, и часто валялась на земле, крича: «О любовь! любовь! я не могу больше терпеть!».

Святая Пассидея, монахиня из сиенского пистерцианского монастыря, истязала себя еще до поступления в монастырь хуже, чем отцы пустыни. Она бичевала себя тернием и потом омывала свои раны уксусом, солью и перцем, она спала на горохе и косточках от вишен, носила кальцугу весом в шестьдесят фунтов и опускала в замерзающие пруды, чтобы себя заморозить вместе с ними. Она дошла до такой нелепости, что висела долгое время головой вниз в дымящейся трубе! Когда она была монахиней, однажды явился к ней Иисус и вложил ей свои пять стигматов. Две монахини смотрели сквозь замочную скважину и увидели, как Иисус ее прижал к себе и как кровь текла из ран!

Святая Клара также была родом из Ассизи и увлеклась вместе со святым Франциском. Она прибежала к нему и просила, чтобы он ее сделал монахиней и производил с ней сыновей и дочерей, — конечно, только духовным путем. Ее сестра Агнесса скоро после этого была охвачена тем же увлечением, и бедные родители были в отчаянии. Родственники хотели насилью обеих дур увести из монастыря, но тогда, — рассказывает легенда — Агнесса стала вдруг такой тяжелой, что двенадцать мужчин не могли ее сдвинуть с места, и дядя, который уже вынул свой меч из ножен, остановился в таком положении, как будто он услышал рожок Гиона.

Святая Клара вела очень строгую жизнь. Вместо рубахи она носила свиную шкуру или ткань из конского волоса, и из смирения она целовала ноги самой грязной из всех скотниц, после чего она омывала ее ноги, как будто она осквернила их своим поцелуем. Когда она умерла, в ее сердце нашли все инструменты страстей господних в миниатюре, как в голове шкуи, а в ее пузыре три тайнственные камешка, одинакового веса, из которых одно имело такой же вес, как все три, два — нетяжелее одного, и самое маленькое такого же веса, как все три! — Святая Клара была матерью францисканских женщин и ей обязаны своим возникновением 900 монастырей кларисс.

Святая Екатерина сиенская также была обручена с Иисусом, который надел на ее палец драгоценное бриллиантовое кольцо, которое, однако, никто не видел, кроме нее. Она ухаживала за самыми отвратительными больными, за что Иисус ее поил... розовой кровью из своей боковой раны. С той поры она со дня покаяния

до вознесения не принимала никакой пищи кроме причастия. Иисус ей также вложил свои пять стигматов, что, — кажется, — служило орденом пур-ле-мерит для всех святых. По поводу этого знака отличия между францисканцами и доминиканцами разгорелся спор, продолжавшийся 40 лет и решенный папой Урбаном VIII-ым в таком смысле, что стигматы Екатерины были без крови, между тем, у Франциска из стигматов сочилась кровь. Кроме того, художникам было приказано писать святую только с ореолом из пяти лучей.

Святую Агнесу городской судья велел раздетую отнести в публичный дом, так как она не хотела выйти замуж за его сына, но вдруг у нее выросли такие длинные волосы, что она могла кутаться в них, как в плащ, и весь распутный дом превратился в молецию.

У святой Паулины, которую хотел изнасиловать менее святой юноша, выросла длинная борода, так что любовник испугался и убежал.

Святая Бригитта однажды освободила неаполитанскую девушку от чорта, лежащего на ней в образе юноши.

Мы закончим серию святых святой Розой из Лимы, доминиканской монахиней, которая спала на сучковатых дровах и на стеклянных осколках и на ночь пила кружку желчи. Иисус был в таком восторге от ее святости, что он в одно вербное воскресенье пришел к ней в образе каменщика и обручился с ней, говоря: «Роза, клад моей жизни, ты будешь моей невестой!». Мария присутствовала и поздравила ее, говоря: «Вот, какую честь оказывает мой сын!». — Когда святая занималась чтением, на листах книги являлся Иисус и улыбался ей, когда она шила, — он садился на подушку для игло и шутил с ней. Когда Иисус навещал другую монахиню — ведь у него было весьма много невест, — Роза чуть не умирала от ревности, пока он не возвращался к ней.

Ее святая теща, дева Мария, прислуживала ей в течение 21 года в качестве камеристки и, когда наступало время ранней обедни, теща кричала: «Вставай, дочка, пора!» Монастырь кишел блохами, но ни один из этих прыгунцов не осмеливался укунить невесту Иисуса.

Все это описано в папской булле о ее канонизации!

Кроме тех святых, которых я упомянул в этой главе, и еще многих сотен святых, которых я не назвал, римские католики чтут еще некоторых, которые никогда не жили на свете и обязаны своим возникновением какой-нибудь смехотворной басне, как, наприм., св. Христофор, св. Георгий, св. Маврикий со своими 6.600 спутниками, семеро спящих, св. Урсула со своими 11.000 дев, или св. Гинефорт, который

был четвероногой собакой. Всякий добрый католик, который хочет иметь удовольствие попасть после смерти в сонм святых, при Григории XVI († 1846) мог себе это позволить — не знаю, как это было при его преемниках — за 100.000 гульденов.

Язычники привыкли приносить жертвы своим героям и христианские священники перенесли эту привычку на своих героев веры.

Пока каждый человек считал себя одинаково близким к богу, поклонение святым могли считать только нелепостью, но когда попы ставили себя в качестве маклеров между богом и остальными людьми, то уж близок был дальнейший шаг к безумной вере, что святые на небе образуют как-то в рядах министров и камергеров придворный штат бога, и что их можно только подкупить молитвой или жертвою, чтобы добиться чего нибудь у его небесного величества. Хуже попы не могли надругаться над христианской религией, как этим поклонением святым, которое делается еще более недо-

стойным явлением, так как большинство этих святых, согласно истории, были самые отбросы порочных людей, даже просто негодяи. Даже лучшие из них были — во всяком случае — не в своем уме, или мечтатели или сумасшедшие. Таких святых и сейчас много можно найти и среди протестантов и среди католиков, их только не чтут, а запирают в сумасшедшие дома.

Карл Юл. Вебер, один из самых остроумных наших писателей, характеризует этих святых бесцеремонно, но правильно. Он говорит: »У женских мистиков беда ютится обыкновенно в том местечке, которое избегают называть, а у мужских Гудибрас попал, как раз в это место—

Как ветер, стиснутый кишкой,

Спускаясь, станет вонью злой, —

Но — подымаясь — родит свет

И откровения завет.

Истеричности и геморроям римская церковь обязана большинством своих святых, и она не может быть в претензии, если мы признаем создание этих святых начатым не с того конца.

Лавка святых старьевщиков.

«Деньги—могущество». Это лучше всего знает римская церковь, которая стремится к тому и другому и старается добиться одного с помощью другого. В римской церкви нет ни одного учреждения, ни одного установления, которое не имело бы целью вымогательство денег, и, пока существует свет, не было ни одного предприятия, которое занималось бы **более** широким, **более** наглым и **более** доходным жульничеством.

Самой доходной статьей этого шантажа оказалась торговля реликвиями, мощами и отпущением грехов,—торговля, процветавшая целые столетия и неликвидированная поныне. Чтобы поддерживать ее, насаждали среди народа самым умышленным и бесстыдным образом самое свирепое суеверие и эксплуатировали это суеверие не менее бессовестным образом. Написать историю торговли римской церкви, исполинская работа, зашедшая бы далеко за пределы, которые я по необходимости должен себе поставить; я могу дать только краткий набросок, который, однако, будет вполне достаточным для того, чтобы познакомить читателя с громадным размахом этого шантажа и со всей его наглостью.

Попы великолепно разбираются в человеческих слабостях и наклонностях и этому искусству они обязаны своим богатством и своим могуществом. От их наблюдательности не могло ускользнуть, что все люди более или менее маньяки на счет реликвий, и попы эту манию превратили в золотые россыпи, неисчерпаемые до сих пор.

Я уверен, что, каждый человек дорожит той или другой реликвией, будь это — локон возлюбленной или вышитый бумажник, или засушенный цветок, или лента, связанная с приятными и дорогими воспоминаниями. Также и нельзя не интересоваться некоторыми предметами, бывшими когда-то в употреблении у выдающихся исторических личностей.

И греки, и древние римляне, имели чтимые ими реликвии, и некоторые из них носят прямо-таки римско-католический характер, как, например, «яйцо Леды». «Палладий» также был реликвией, да еще чудотворной, также, как «священный щит», упавший с неба, и многие другие.

Индийцы вели кровопролитные войны ради сверхестественно обемистого «зуба Будды», а магометане хранили знамя, оружие, одежду, бороду и два зуба своего пророка. Одним словом, мы встречаем реликвии у каждого культа и у каждого народа.

В истории христианской церкви мы не открываем никаких следов культа реликвий, пока Константин не стал христианином. Про него рассказывают, что он во время битвы на Мильвийском мосту увидел на небе сверкающий крест, с греческой надписью, которая значила бы в переводе: «С ним ты победишь». Он велел немедленно соорудить стяг с крестом, за которым большинство его солдат, будучи христианами, шли с особенным энтузиазмом.

С тех пор крест вошел в моду и немного спустя мать этого императора, Елена, открыла «подлинник» креста, на котором Иисус был распят за 300 лет перед тем, а, кроме того, она еще открыла могилу, в которой его тело пролежало до воскресенья. Писатели-современники, правда, ничего не сообщают про это открытие. Даже специалист по вранью Евсевий, описывая путешествие императрицы Елены по Палестине, ни слова не говорит про эту замечательную находку; но эта история, как-ни-как признана достоверной, и римская церковь празднует «воздвижение креста».

Благодать, открытая Еленой, в самом деле была не малая. Она нашла не только крест Христа, но одновременно и кресты двух «разбойников». Надпись, которую Пилат велел прикрепить к кресту, чтобы поиздеваться над евреями, не нашлась. Что же сделать? Как отличить святой крест от других крестов? Но попы изобретательны и моментально нашли выход из положения. Положили больного на один из крестов, ему стало хуже. Рассуждали, что это, вероятно, крест того безбожника, который насмеялся над Иисусом, и положили больного на другой крест. Ему стало гораздо лучше, а когда его перенесли с креста благочестивого разбойника на третий крест—он тотчас же встал свежий, как рыба. Крест Иисуса был найден!

А засим скоренько нашли и могилы апостолов, и их тела, если не ошибаюсь, существуют в полном комплекте. Когда не знали, где они умерли или похоронены, на выручку являлась

немедленно «божественное откровение». Таким сокращенным путем добрались до останков всяких мучеников и святых, которые, конечно, все преуспевали в чудесах. «Божественное откровение», разумеется, было специальностью монахов и священников, но особенно богомольным людям иногда все же удавалось «при помощи попов» добиться прямого общения со святыми.

Некая благочестивая женщина в монастыре св. Маврина избрала своим излюбленным святым Иоанна крестителя. В течение трех лет она ежедневно выпрашивала у него хоть маленькую частичку его святого тела, все равно—ненужного ему, будь то какая угодно частичка; черствый Иоанн не хотел сжалиться над ней! Тут женщина заартачилась и поклялась, что ничего не будет есть, пока святой не уступит. Семь дней продолжалась ее голодовка и, наконец-то! на алтаре очутился большой палец крестителя. Три епископа общими силами и с великим благоговением эту драгоценную реликвию уложили в холст, и из пальца упали три капли крови, так что хоть что-нибудь досталось и на долю епископов.

Сколько трудов стоило опыскать останки Шиллера и Вебера! А ведь оба умерли высокочтимыми людьми, в спокойную эпоху и в государствах, где каждый новорожденный и каждый покойник вносится в метрический реестр. Тем более приходится изумляться, что в те времена находили еще спустя несколько столетий, не только кости, но, даже, принадлежности костюма таких святых, которые были казнены, как преступники, и трупы которых неизвестно где были зарыты. Еще более удивительно, что находили у некоторых святых такое обилие частей тела, что можно было бы из них собрать шесть и больше комплектов! Святой Дионисий существует в двух полных экземплярах, в монастыре святого Дени и в монастыре св. Эмерана, а, кроме того, в Праге и в Брамберге имеются несколько его голов, а в Мюнхене — одна рука. Таким образом, у святого было два комплекта тела, пять рук, да четыре головы!

Христиане первых столетий еще не поклонялись деве Марии или святым, а часто смеялись над язычниками по поводу их категорий богов, которые как-будто представляли собою придворный штат Юпитера, и по поводу божественного поклонения императорам, которое, впрочем, вовсе не было особенно развито. Им давали прозвище «божественный», вносили их имена в календарь и воздвигали им статуи. С Людовиком XIV и другими коронованными особами, христиане еще не то проделывали.

Первые святые в большинстве случаев были люди неизвестные, и удивительно, как так поздно дошли до поклонения Марии, так как дева, избранная среди миллионов девиц на свете богом, «сосудом благодати», во всяком случае,

более приятный предмет для поклонения, чем какой-нибудь рехнувшийся грязный отшельник, принимающий сидячую ванну в муравейнике.

Еще в IV столетии не думали о том, чтобы оказывать божественные почести деве Марии: наоборот—ее чуть не выставляли в виде еретики. Про нее говорили такие вещи, которые христиане тогдашней эпохи считали безбожными. Известный «отец» церкви Тертуллиан упрекал ее в том, что она не верила в Иисуса! Ориген и Василий обвиняют ее в нечестивых сомнениях при страданиях ее сына, и Златоуст считает ее способной совершить самоубийство, утверждая, что ангел возвестил ей о зачатии Иисуса раньше, чем она успела заметить свою беременность, потому что внезапное открытие последней ее могло бы довести до самоубийства от стыда.

Поклонение Марии начинается в V столетии и скоро она перешагнула не только всех святых, а даже бога и Иисуса. «Кто не поклоняется Марии, тому нет прощенья,—говорили священники.

Любовь придумывает иногда странные эпитеты, и еще в настоящее время иногда говорит юноша своей возлюбленной: «мой голубчик, моя мышка, мой барашек, мой цыпленок». Но нежные эпитеты, которые давали деве Марии, настолько странные и комичные, что не помень, как католики могут летать литанию в честь Марии без смеха. Между прочим, ее называют: духовным сосудом, почтенным сосудом, отменным, сосудом благоговения, духовной розой, башней Давида, башней из олоновой кости, золотым домом, неопалимой кушиной, медовым пряником Самсона, храмом тройцы, освященной землей, морскою пристанью, солнечными часами, небесным окном и т. д.

Название «мать божия», ставшее теперь общеупотребительным, в V столетии возбуждало смущение. Благочестивый отец церкви Нелторий находил это название смешным и непристойным и предложил вместо него название: «мать Христа». Эфесский церковный собор, однако, решил в пользу названия «мать божия».

Было вполне естественно, что теперь переходили к поклонению «бабушке божией», но папа Климент XI приостановил ход дела, а то без него католики в настоящее время молились бы всем «дядям и тетям божиям».

Иисус—божий сын, согласно учению христианской церкви и все же человек; но он единственный с богом отцом и с богом святым духом. Из-за этого перевоплощения бога и учения о тройце уже многие дошли до состояния идиотства. Воплощение бога в образе человека святой Бернгард объясняет также просто, как и изящно, говоря: «Из бога и человека образовалась пе-

лебная мазь для всех: обе эти снечи в утробе девы Марии были вместе растерты, как в аптекарской чаше, а святой дух играл роль песта в ступке».

Менее остроумное (хотя такое же простое), объяснение учения о троице дает тот францисканец, который сравнивает троицу со штанами, у которых тоже три отверстия, хотя они представляют собою одно целое.

Мария сделалась яблоком раздора для ученых и попов. Особенно яростно спорили о «порочном или непорочном зачатии девы», т.-е. не о том, зачала ли Мария Иисуса без лишения физической девственности (в этом вопросе мнения не расходились), а о том, сама ли она была зачата своей матерью «без наследственного греха» или нет. Доминиканцы стояли за наследственный грех, францисканцы были против, и они спорили между собою в продолжении нескольких столетий, не разбираясь долго в оружии. Еще в 1740 году ученые люди могли эту нелепость сделать предметом серьезного исследования и папа Пий VII даже сделал ее церковным догматом. Святая дева очень чувствительна в этом отношении и мстила всем, кто сомневался в ее протвостественном происхождении. Про один случай подобной мести рассказывают с торжеством францисканцы. Один доминиканец однажды яростно проповедывал против непорочного зачатия и, словно бросил вызов «царице небесной»; чтобы она совершила чудо, если не правда то, что он говорил. Как только он произнес это кощунство, вдруг пол амвона проломился и толстый патер упал в отверстие по самую середину живота. Верхняя часть туловища вместе с рясой застряли наверху, так что бесплантные задний и передний фасады нижнего этажа святого ветхого дома были представлены созерцанию и хохоту его паствы.

Способ зачатия Марией Иисуса также был предметом головоломных рассуждений. Одни предположали, что это произошло через ухо, по мнению других—через бок. Ожесточенно спорили о том, была ли Мария девственницей и после рождения Иисуса. Св. Амвросий упорно защищает это мнение и приводит в пользу такого предположения удивительные доводы. Он говорит, между прочим: «Так как Иисус сказал: я все обновляю, то он, конечно, рожден девственницей непорочным способом, чтобы его именно считали тем, что он есть, а именно: богом, пришедшим к нам. Говорят: она зачала девственницей, а родила не будучи девственницей. Если одно возможно, то и другое возможно. Ведь зачатие предшествует, а роды являются только последствием. Надо верить словам Иисуса, надо верить словам ангела, что «у бога не остается бессильным никакое слово (Лук. 1. 37). Надо верить апостольскому символу веры. Даже пророк уже говорит, что девственница не

только зачнет, но и родит (Исаия, 7, 14). Те врата святыни, которые останутся запертыми, через которые никто не пройдет, кроме одного бога израиля (Иезек. 44, 1, 2), разве они не означают Марию, через которую спаситель сошел на землю? Разве мало случалось чудес, которые опровергали природу, что же удивительного в том, что девственница, вопреки обычным законам природы, родила человека?» и т. д. и т. д.

Мария всеми наставниками церкви, которые проповедывали подавление полового инстинкта, выставлялась, как высший, непостижимый образец девственной жизни и скоро девицы и замужние женщины почитали ее больше самого бога. Подобный фетишизм, конечно, всем, которые хотели сохранить в чистоте учение Иисуса, внушал отвращение, и этим объясняется оппозиция против Марии.

Гельвидий написал (в 383 г.) книгу для защиты христианства, в которой он мимоходом утверждает, что у Марии после рождения Иисуса были еще дети от Иосифа, при чем он ссылается и на Матфея (1. 25), Иосиф «не знал ее, как, наконец, она родила сына своего первенца», как и на другие тексты библии, в которых говорится о братьях и сестрах Иисуса.

Святой Иероним был вне себя от такой дерзости. Он писал против Гельвидия и призывает: святого духа, «чтобы он защищал квартиру святой утробы, в которой он обитал десять месяцев, против всякого подозрения в соитии», и: бога отца, «чтобы он свидетельствовал о девственности матери его сына».

Подобное учение, как и Гельвидий, проповедывал римский монах Иовиннан, вследствие чего разгорелся ожесточенный спор о девственности Марии, кончивший тем, что Иовиннан и все его сторонники были отлучены от христианской церкви и его учение осуждено, как ересь!

Невозможно оставаться серьезным, когда читаешь, о каких странных глупостях писали и спорили священники! Патер Суарез с большей ученостью рассуждает о вопросе, «родила ли Мария с последом или без него» и рассказывает, что благочестивые люди ели различные кушанья в виде послета!—Впрочем, он сам «антипоследник», так как Иезекиль пророчил: «Эти врата останутся запертыми и не откроются».

Однако, не надо думать, что это был самый отвратительный бред, о котором спорили попы, и не надо насмехаться над еврейскими раввинами, которые с полной серьезностью исследовали вопрос, выбивал ли уже Адам из кремня при помощи стали огонь? Можно ли есть яйцо, которое курица принесла в праздник? Я мог бы приводить целую галерею таких христианских спорных тем, не уступающих в нелепости вышеупомянутым, о которых спорили с ожесто-

ченьем, доходившим до побойщ и даже до кровопролития.

Пепы спорили о том: был ли у Адама пуп?

К какой породе ласточек принадлежала та, которая угодила в глаз Товию?

Омыл ли Пилат свои руки мылом, когда он вынес приговор Иисусу?

Может ли младенец в случае зарождения получить крещение в зад, если потребуется крещение его до окончания родов?

Какое это было дерево, на которое влез маленький Закхей, когда он хотел видеть Иисуса?

Какой мазью Мария Магдалина помазала ноги Иисуса?

Составлял ли несшитый плащ, о котором воины бросали жребий, единственный гардероб Иисуса?

Сколько вина было выпито на свадьбе в Кане галилейской?

Что Иисус написал пальцем на песке?

Каким образом Иисус мог бы совершить дело спасения, если бы он появился на свет в виде тыквы?

Может ли бог лаять по собачьему?

Не хватило ли бы одной только капли крови для искупления грехов всего мира?

Пребывает ли бог в сидячем или в стоячем положении?

Может ли он производить гору без долины, дитя без отца или лишенную девственности превратить в девственницу?

Танцуют ли ангелы мизурт или вальс?

Поют ли ангелы все дискантами или встречаются среди них и басы?

Как проводят время в аду, и до какого градуса там подымается жара?

Много вопросов я должен пропускать из-за их слабрезности и хочу привести только два вопроса: поднялся ли христос на небо с половыми органами или без них? Было ли у святой девы истечение семени во время соития со святым духом?

Учение о причастии, о крещении и другие христианские мистерии и фиглярства, также часто служили повсод для споров. Спорили о том, может ли черт совершить вполне законное крещение?

Можно ли в случае необходимости крестить вином, песком и т. д. или достаточно простого плевака?

Следует ли признать крещенной мышь, пившую крестильную воду?

Что следует сделать, если младенец испачкал крестильную воду? (А это как раз случилось с императором Вячеславом богемским и поэтому ему напорочили много бед).

Альбрехт великий, епископ Регенсбургский, умерший в 1280 в Кельне, основательно занимался девою Марией и исследовал, была ли она блондинкой или брюнеткой, черноглазой или

голубоглазой, стройной или толстой, высокого роста или маленького роста. Что он выяснил, я нигде не нахожу, и мне не хочется перечитывать свыше 20 томов всех его книг, которые сохранились до нас из 800 книг его. Судя по сохранившимся реликвиям, ее волосы были пестрые, так как показывают и темно-русые, и светлорусые, черные и рыжие волосы. Волосы, которыми она в один из праздников, посвященных ей, собственной благодарной рукой починила рубаху архиепископа св. Фомы, были, впрочем, до подлости белобрысые.

Мария, во всяком случае, была красива: хотя не сохранился ни один достоверный портрет ее, но все святые отцы церкви единогласно это утверждают, а так как они были святые, то, естественно, «царица небесная» часто являлась к ним.

Св. Доминан, умерший в 1059 г., рассказывает, «что сам бог вследствие красоты святой девы воспылал к ней страстной любовью. На созванном после этого небесном заседании он рассказывал изумленным ангелам о спасении человечества и возрождении всего бытия и, в одно время, сообщил им сведения о Марии. Архангелу Гавриилу сейчас же вручили письмо, содержащее привет деве, сведения о воплощении спасителя, о подробностях спасения, об изобилии благодати, о величии царства небесного и о радостях его. Гавриил явился к Марии, и как только он поговорил с ней, она сразу почувствовала бога, упавшего в ее внутренности, и его величество, заключенное в тесные преграды девственного чрева.

В коране говорится, что Мария стояла у пальмового дерева, когда ангел подошел к ней и сказал: «Я подарю тебе чистого мальчика».

Число чудес, приписанных святой деве, чрезвычайно велико, и я затрудняюсь сделать среди них выбор. Впоследствии, может быть, представится случай рассказать про то или другое.

Одна легенда говорит, что ангелы весь дом Марии перенесли из Вифлеема в Италию. Сначала они его опустили в Террато около Фигуме, а в 1294 г. они перенесли его в Лоретто. Когда переносили святой дом, перед ним сгибались деревья,—они еще не стали балками, а то подошла бы немецкая поговорка: он врет, так что «балки сгибаются»! Странно только, что в течение двух столетий ни один писатель не рассказывает про этот чрезвычайный транспорт! Надпись на святом доме гласит: «Дом богородицы, в котором слово стало плотью». Над незатейливым домом, который согласно новейшим исследованиям, и по строительному материалу, и по внешнему виду, ничем не отличается от других крестьянских хижин вокруг Лоретто, возвышается церковь, и много тысяч паломников стекаются сюда, чтобы свои четки вертеть в чашечке, из которой младенец Иисус

ел свою кашу, а, главное, чтобы пожертвовать более или менее крупные суммы. Таким образом посредством шантажа, очевидного для каждого разумного человека, попы накрали несметные богатства!

Однако, добрые католики были так хорошо вымуштрованы своими священниками, что они скорее не верили бы своим собственным глазам, чем какомунибудь патеру. Монах Эйзелин странствовал в 1500 г. по Германии с пером из крыла архангела Гавриила. Кто поцелует это перо, говорил он, тот застрахован от чумы. Такой поцелуй, конечно, не предоставлялся даром. Увы! Драгоценное перо украли у монаха! Эйзелин, однако, не растерялся. В присутствии свидетельницы—хозяйки, он наполнил свой пустой ларчик сеном, которое, вероятно, выросло на ее собственном лугу, и выдал это сено за сено... из яслей, в которых лежал Иисус в Вифлееме. Кто его поцелует, будет застрахован от чумы, сказал он. Все толпились, чтобы поцеловать сено; когда даже хозяйка целовала его, Эйзелин ее спросил: «Как же, и ты поцеловала, мое сокровище?».

Господа благочестивые священники и монахи производили реликвиями самый бесстыдный обман. Каждый христианский алтарь должен был иметь свою реликвию и чем больше была ее «святость», тем больше выгод извлекали из нее господа священнослужители, так как реликвии даром не показывали, а наипаче не дарили. Торговля реликвиями скоро стала весьма доходным промыслом. Везде, конечно, можно было найти старые кости, лохмотья и т. п., для этого не требовалось никакого основного капитала, а выручка была солидная!

Когда епископы римские стали цанами, они ставили препятствия этой торговле, но только для того, чтобы самим извлечь из нее более крупную выгоду. Реликвии должны были подвергаться экспертизе в Риме и их подлинность признавали только тогда,—если владельцы могли доставить истинно-римские звонкие доказательства. Хорошая реликвия была настоящим кладом для монастыря и не все настоятели обращались с реликвией так легкомысленно, как поступали, например, монахини в Масоне.

Тамошний монастырь обладал кожей святого Доротея, с которого в свое время содрали ее. Симон, кожевник, обработал святую шкуру, эта драгоценная реликвия прошла много рук и, наконец, стала достоянием монахини в Масоне. Последние набили кожу и восстановили всю куклу святого, как будто он был жив. От чрезмерного поклонения они сбились с пути и начали затевать игривые забавы, так что настоятельница сочла целесообразным подарить реликвию, ценность которой она не знала, отцам иезуитам. Последние быстро сообразили, какой клад им достался, и учредили «братство

святой шкуры», благодаря коей и заработали массу денег. Тут у монахинь просветился ум! Они подали жалобу папе и рекламировали святую, которую им в самом деле и присудили. Как ликовали святые монахини! Но!.. о ужас! Ехидные иезуиты испортили святым девицам всю радость, они изуродовали их милого святого самым непростительным образом! Он теперь стал похожим на святого Бернгарда, в том преображенном виде, в каком тот явился своим монахам, т.-е. с известным дефектом.—Оскорбленные девицы снова обратились к папе с просьбой, чтобы он велел иезуитам выдать им недостающую пикантную часть. Однако, папа считал этот дефект неважным, особенно для женского монастыря и послал святым просительницам в утешение—два освященных мускатных ореха!—Можно себе представить сконфуженность и гнев добрых монашенок!

Во время крестовых походов Европу наводнили реликвиями. Привозили из святой земли святыни всякого рода. Как только завоевали город, в первую голову искали реликвии, так как последние были гораздо более ценные, чем золото и драгоценные камни.

Французский король Людовик святой принял два неудачных крестовых похода, но он не жалел о своей неудаче, так как ему удалось достать, уплатив огромную сумму денег, несколько пенек от креста Иисуса, несколько гвоздей, губку, пурпурный плащ Иисуса и терновый венок. Когда эти святыни прибыли во Францию, он, вместе со всем своим двором, вышел им навстречу босыми ногами до Венеции!

Генрих Лев привез с собою в Брауншвейг изрядную массу реликвий. Венцом всех этих реликвий был—большой палец святого Марка, за которой венецианцы безуспешно предлагали 100.000 червонцев.

Вера в эти реликвии была столь же неслыханная, как и цены, которые за них платили. Попы должны были быть ангелами, чтобы не эксплуатировать такое идиотство людей.

Вспыл весь гардероб Иисуса, девы Марии, святого Иосифа и многих других святых. Нашлось святое копьё, которым римский всадник Лонгин ранил бок Иисуса, потовой платок, которым святая Вероника вытирала пот у Иисуса, когда он шел на Голгофу, на котором он на память оставил отпечаток своего лица!

Существовало столько фрагментов этого платка, что они вместе имели бы в длину 50 локтей. Недурной носовой платок!

Нашлось также смарагдное блюдо, которое Соломон подарил царице Савеской и с которого Иисус ел пасхального агнца. Винные кувшины со свадьбы в Кане галилейской также нашлись, и в них даже сохранилось вино, которое уменьшалось. Первоначально их было всего

шесть, но число их увеличивалось; их показывали в Кельне и в Магдебурге.

Щенок от креста был столько, что из потраченного на них материала можно было построить военный корабль, а гвоздей с креста нашлось несколько центнеров. Терниев с тернового венка нашлось в большом количестве (в каждой изгороди), на некоторых терниях в великую пятницу бывало кровотечение.

Сосуд, из которого пил Иисус при учреждении причастия, также отыскивали, как и хлеб, оставшийся после этого ужина. Кроме того, нашли кости, в которые играли солдаты, когда делили плащ Иисуса. Несшитых плащей показывали большое множество, между прочим в Триере, Аржантейле, монастыре св. Яго, в Риме и Фриоле и т. д. Больше всех претендует на подлинность плащ, хранящийся в Москве, который, будто бы, увез к себе домой солдат, выигравший его, бывший родом с Кавказа. Выставка этого старого костюма в Триере в 1845 г. возмутила весь образованный мир и вызвала массу исследований этих святых плащей. Появилось много брошюр по этому вопросу, которые еще существуют в книжной торговле и, отчасти, очень интересные. Все эти святые плащи подтверждены хорошо уплоченными папскими буллами, удостоверяющими их подлинность.

Находили рубашки Марии, настолько широкие, что они могут служить в качестве пальто для очень толстого мужчины. В Перузе показывают очень ценное обручальное кольцо Марии; нашли пару очень изящных туфельек ее и пару огромных красивых туфель, в которых она нанесла визит святой Елисавете. Находили волосы святой девы всевозможных красок и оттенков, а также гребенки ее. Зубной щетки почему то еще не нашли. Зато нашли столько молока святой девы, сколько не могли бы производить 20 здоровеннейших кормилиц в течение целого года.

Кровь Иисуса находили, то каплями, то разлитой в бутылках. Немного крови, рассказывает предание, святой Никодим собрал, когда снимали Иисуса с креста, и он при ее помощи совершал много чудес. Но евреи преследовали его, и он был принужден святую кровь спрятать в «птичьем клюве» (!) и вместе с письменным аккредитивом бросить в море. У берегов Нормандии — можно себе представить после каких скитаний — этот клюв был выброшен морем.

Компания охотников, находящихся по близости, вдруг потеряла собак и оленя. Искали, искали, и, наконец, нашли их «стоящими на коленях перед чудесным «клювом». Герцог Нормандский тотчас же велел выстроить на этом месте монастырь, который звали «Бек» (клю-

вом), и которому святая кровь приносила миллионы доходов.

Пеленок Иисуса существует также не мало; нашлись до жалости маленькие штанишки Иосифа вместе с его плотничьими инструментами. Отыскали один из 30 сребренников и чрезвычайно толстую двадцатифутовую веревку, на которой повесился предатель Иуда, его очень миниатюрный пустой кошелек и фонарь, который он зажег, когда продал Иисуса. Даже шест нашелся, на котором сидел петух, когда он запел, чтобы пробудить совесть у Петра, а также нашлись несколько перьев этой птицы. Нашли камень, которым дьявол искушал Иисуса в пустыне, умывальный таз, в котором Пилат мыл свои руки; кости ослицы, на которой Иисус в'ехал в Иерусалим в вербное воскресение, и некоторые пальмовые ветки, пущенные в ход по этому случаю. Дальше, нашлись камни, которыми убили св. Стефана, — великолепные агаты! — баснословно обемистое горла мифического св. Георгия; кучу костей убитых в Вифлееме младенцев, цепи Петра и засохшую руку святого Антония, которая, однако, оказалась... половым органом оленя!

Даже из ветхого завета сохранились реликвии! Некоторые из них, значит, тысячи лет ждали благочестивого открытия. Нашли посох, при помощи которого Моисей велел расступиться красному морю, кусочек скалы, из которой Моисей извлек воду, с четырьмя дырочками величиною в горох; терние с неопалимой тушени; табурет с которого упал Эли, когда он сломал свою шею; нож, которым Далила обезригла Самсона, ключ для пастройки Давида, который показывают в Эрфурте, и т. д.

Реликвией, пользующейся широкой известностью, был плащ святого Мартина («сара» или капелла), который во время походов несла впереди войск в качестве стяга. Священники, которые несли святыню, назывались капелланами и церковь, в которой хранили плащ — «капеллой».

Это название получило более широкое применение и вот откуда образовалось название «Каплан».

Вера народа в эти реликвии была столь сильная, что монахи могли осмеливаться показывать в качестве реликвии такие вещи, которые были настолько сумасбродны и невозможны, что, если я перечислю некоторые из них, читатель подумает, что я шучу! Однако, я вовсе не шучу; их действительно показывали и показывают еще по сие время в истинно-католических странах.

Можно было видеть «перо из крыла архангела Гавриила», «кинжал и щит архангела Михаила, которыми он пользовался, когда сражался с дьяволом, немножко «дыхания христа» в коробочке; бутылка с «мраком египетским»

Рис. 6. У „СВЯТОЙ КРОВИ“ В ВИЛЬСНАКЕ (БРАНДЕНБУРГ).

(Картина массовой религиозной истерии).

По уверениям католических церковников—всякий, с верой подходящий к подножию этого изображения бога Иисуса и его матери, мог удостоиться лицезрения на кровавой облатке причастия чуда превращения даров в „тело и плоть Иисуса“.

Несмотря на протесты, даже с церковной кафедры, против скандального характера обогащения церкви, папа римский Николай V в 1453 г. этот религиозный шантаж с идолами освятил своим специальным авторитетом в послании к организаторам этого шантажа и к серой божьей скотинке.

лемножке «звона колоколов», в которых звонили при входе Иисуса в Иерусалим; «луч со звезды Вифлеемской», немножко «воплощенного слова»! Несколько «вздохов», которые вырывались у Иосифа, когда он стругал сучковатое дерево, «шило», на котором вертелась душа святого Павла, и еще много другого подобного безумия.

Бесстыдство монахов не знало границ также, как не знает их и нелепость людей. Я уже привел пример и того и другого, рассказывая про проделку монаха Эйзеллина; сейчас я хочу еще прибавить образчик, который передает Поттио Бракиолини, бывший в 1459 г. канцлером флорентийской республики.

Один монах влюбился в красивую замужнюю женщину и всячески старался соблазнить ее. Ему это удалось. Она притворилась больной и потребовала, чтобы монах пришел в качестве исповедника. Последний пришел, и остался с ней наедине, чтобы исповедывать ее, и... добился своего. На другой день он пришел снова и положил ради комфорта свои штаны на постель женщины. Мужу казалось, что исповедь длится слишком долго; почему он полюбопытствовал и неожиданно вошел в комнату. Монах возможно скорее отпустил грехи и бежал, но...—забыл взять с собою штаны, кои попали в руки расвирешившего супруга. Потерпевший выбежал с ними на улицу, и показал это предательское доказательство соседям, разжег их злобу, и соседи ворвались в монастырь! Старый, рассудительный патер напрасно старался успокоить разярившего супруга, который, впрочем, с удовольствием уже сам занял бы дело, если бы это только было возможно. Это заметил патер и сказал, что нечего беспокоиться по поводу самых штанов, так как они—«штаны святого Франциска», которые прекрасно вылечивают болезнь в роде болезни его жены. Для общего успокоения он обещал торжественной процессией отнести штаны обратно в монастырь.

Немедленно монахи с крестом и стягом отправились к дому честного дурака, положили святую реликвию на шелковую подушку, выставили ее для поклонения, а самые святые штаны распутного монаха дали верующим целовать, после чего таковые крестным ходом унес обратно в монастырь, наравне с другими реликвиями.

Ясники не удовлетворялись святыми костюмами и лохмотьями. Скоро нашлись портреты Иисуса и девы Марии, которые, будто бы, написал евангелист Лука. Портреты не свидетельствовали ни об искусстве художника, ни о красоте изображенных им лиц; они были ужасны! Другие портреты, не лучше, чем они, упали с самого неба, и, наконец, их без дальнейших церемоний заказывали у художников.

Эти иконы почитали наравне с реликвиями, и почитание скоро перешло в настоящее поклонение им. Из-за поклонения иконам возникли кровопролитные междоусобицы, и, наконец, поклонение стало причиной раскола первьи на греческую и латинскую. Иконоборство длилось два столетия. Император Константин V, умерший в 741 г., объявил все иконы идолами и очистил всю страну от икон и реликвий. Он превратил Константинопольские монастыри в казармы для солдат и высмеивал монахов и монахинь, заставляя их, например, совершать парно шествие по цирку.

На западе поклонение иконам и реликвиям сначала также встречало сопротивление. Епископ Клавдий Туринский утверждал: «Если поклоняться кресту, на котором умер Иисус, то следует также поклоняться ослу, на котором он вехал в Иерусалим», что впоследствии действительно и сделали! Но другие считали поклонение иконам очень важным, один монах для усмирения беса прелюбодейства, последнему обещал не совершать больше ежедневную молитву перед иконами в своей кельи. Опасаясь, что он, может быть, давши такое обещание, совершил грех, он признался во всем на исповеди у своего настоятеля, и тот сказал: «Лучше ходи по всем публичным домам города, чем пропускать молитву перед святыми иконами». Таким образом, в Европе сохранилось поклонение иконам, и греческая церковь скоро его восстановила и у себя.

Когда открыли гроб господень, благочестивые христиане массами устремлялись туда; паломничества в святую землю, и хождение, по всем местам, которые приобрели особое значение благодаря библии, входили в обычай людей. Паломничали даже к навозной куче, на которой по преданию — сидел Иов!

Но ясникам не пришлось по вкусу, что так далеко уносили звонкую монету, и их иконы и реликвии начали сыпать чудесами, чтобы привлечь стаи верующих. Рассказы о карах, постигших неверующих и насмешников, были просто ужасны. Святые умели защищать свою честь, как это сделал, например, святой Гангульф. Гангульф прикончил один любовник его жены, и он в могиле начал совершать чудеса. Его распутная жена, которая досконально знала, что ее старик был весьма мало способен совершать какие-нибудь чудеса, позволила себе посмеяться, когда услышала про сию чудотворную могилу и воскликнула: «Скорее запоет мой зад, чем тот совершит чудо».

И—о ужас!—зад запел!!! Паломничества удесятирились, когда с ними связывали отпущение грехов. Чрезмерное злоупотребление этим злоупотреблением стало поводом к реформации, и нам приходится остановить свое вни-

малие на отпущении грехов. Отпущение грехов или индульгенция—дита чистилища и тайной исповеди.

В первую эпоху христианской церкви те, которые были исключены из общины за крупные проступки, чтобы быть принятыми вновь, должны были исповедывать все свои грехи и проступки публично перед общиной: это наказание было прозвано исповедью. Когда ряски стали всемогущественными, они превратили публичную исповедь в тайную, чтобы увеличить свою власть. Папа Иннокентий III (в 1215 г.) постановил, что каждый обязан хоть раз в год тайне исповедать священнику свои грехи. Если кто нибудь не подчинялся этому постановлению, то его отлучали от церкви и отказывали в христианском погребении.

Каждый поймет, какую огромную власть приобрели, благодаря этому постановлению, священники, так как они не только узнавали от верующих самые сокровенные тайны, которые они могли эксплуатировать для своих целей, но даже были вольны отпускать грехи исповедуемому. И священники прекрасно сумели пользоваться этой властью, отпуская грехи соответственно плате, внесенной «грешником».

Чистилище было изобретением римского епископа Григория «великого» (590—604). Чистилищем назвали то место, где, согласно его объяснению, очищались человеческие души, чтобы в чистом виде попасть в рай; значит своего рода небесная духовная баня или прачешная. Кто балансировал между небом и адом, мог рассчитывать на то, что он долго будет жариться в огне чистилища—там огонь служил средством для чистки—если ряски, которые с банщиками—чертями на ты, его не проводили в рай срочной посылкой, разумеется, только за хорошую мзду. Регламент чистилища знали только ряски и поэтому только они могли определять, сколько мессы требуется для отмаливания души от чистилища, а мессы—не служились бесплатно.

Фридрих Великий однажды был в одном монастыре Клевского герцогства, учрежденном прежними герцогами для того, чтобы можно было там служить мессы для освобождения их от чистилища. «Когда же, наконец, мои дорогие родственники будут отмолены от чистилища?» спросил он серьезным тоном патера Гуардиана. Последний, отвесив низкий поклон, ответил: «что это, собственно говоря, неизвестно, но что немедленно будет доложено его величеству, как только получится справка с неба».

Крестовые походы сначала представляли собой только вооруженные паломничества. Папы покровительствовали им в надежде, что они посредством их распространят свою власть в Азию, где они лишились ее благодаря маго-

метанству. Они поэтому не пренебрегали никакими средствами, чтобы побудить людей «принять крест»; самым главным и сильным средством служило отпущение грехов. Папа велел проповедывать, что все грехи, как бы велики они не были, будут прощены человеку, как только он прикрепит к своей одежде крест. Это изобретение отпущения грехов ряски эксплуатировали различным образом, и оно стало для них золотой россыпью, неисчерпаемой, как глупость людей.

Многие не хотели верить во власть папы отпускать грехи, но Климент VI дал для своего права и для сущности отпущения необходимое и исчерпывающее объяснение в своей булле 1324 г. «Все человечество», говорит он, «могло бы быть спасено единой каплей крови Иисуса, но Иисус пролил так много своей крови, что она составляет несметный церковный клад, увеличенный заслугами мучеников и святых. Папа имеет ключ к этой кладовой, и он может для очищения людей от грехов отпускать из нее, сколько он хочет, не рискуя исчерпать клад».

Я в дальнейшем вернусь к этой теории об отпуске грехов и укажу, как блестяще она развилась, а теперь вернемся к паломничествам.

Когда с ними связывали отпущение грехов, они еще больше входили в моду. Кто паломничал к тому или другому месту благодати и—кстати сказать—жертвовал определенную сумму на алтарь, получал отпущение грехов не только за прошлые грехи, а даже за несколько лет вперед.

В Германии существовали свыше ста икон матери божьей, к которым совершали паломничества, а в других странах их было еще больше. Один писатель перечисляет 1.200 чудотворных икон Марии! Самая знаменитая из них находится в Лоретто в так назыв. доме Марии и вырезана—как будто св. Лукой—из кедрового дерева, но имеет отталкивающий вид. Испарения миллионов восковых свеч закоптили икону, так что она стала черная, как уголь, но это несколько не влияет на ее чудотворную силу, проявляющую себя главным образом в обирании людей. Мрамор вокруг домика паломниками так отшлифован, что образовалось форменное углубление. В былые времена в Лоретто приходило ежегодно около 200.000 богомольных христиан, но в новейшие времена их число уменьшилось до одной десятой части.

Когда французы пришли в Лоретто, они присвоили себе то, что не успели припрятать ряски. Подарила ли им клад святая дева, я не знаю, но оно возможно, судя по следующему событию:

Когда Фридрих великий был в Силезии, с одной иконы божьей матери постепенно исчезали все ценные украшения, и ряски открыли на-

конец вора в одном из солдат, на которого жаловались королю. Солдат опрывдывался, что он не вор, так как мать божия ему сама подарила все вещи, которых на ней не хватает. Фридрих великий спросил священников: возможно ли это?—«Конечно, оно возможно», возразили растерявшиеся рясники, «но в этом мало вероятности». Вор остался безнаказанным, но Фридрих запретил под угрозой расстрела своим солдатам впредь принимать подобные подарки.

После Лоретто—Сант Яго де Компостелла—самое знаменитое место паломничества и в большие праздники там бывало даже в новейшее время свыше 30.000 паломников. В Швейцарии—очень знаменит монастырь Эйнзидельн. Тамошняя чудотворная икона такой жалкий деревянный шедевр, как икона в Лоретто, но также, как и та, она осыпана драгоценными камнями.

В Германии существует бесчисленное множество мест благодати: я назову только немногие. Вальдюрен в баденском округе Майна и Таубер известен своим чудотворным «корпорале». Это не австрийский капрал со своим чудотворным инструментом на боку, которого в Австрии больше боялись, чем почитали. Это также не прусский капрал из долины Вунпера,—а это платок, который кладется под погир и дарохранительницу, и называется «корпорале». В 1330 г. один священник разлил немощко вина на это «корпорале». Вино моментально превратилось в кровь и каждая капля, попавшая на платок, изобразила голову Христа в терновом венке. Это «корпорале», по рассказам священников, совершает страшно много чудес и до и после праздника «тела господня» паломничают толпы верующих в Вальдюрен, чтобы достать красные шелковые нитки, потертые об «корпорале», так как эти нитки, будто бы, вылечивают от чумы, а преимущественно от рожи,—с условием, чтобы совесть была чиста и вера тверда. Число паломников доходит в году до 40.000.

Подобные места паломничества, как Вальдюрен, существует во всех католических округах Германии и не стоит на них останавливаться.

Еще более прибыльными для духовенства те паломничества, которые направлены к особенно святым реликвиям, которые выставляются только через каждые семь лет. Эта экономическая мера вызвана не тем, что реликвии принуждаются в отдыхе от чудотворений во время выставочного периода, а только хитрым расчетом рясников. Если бы эти «святые» постоянно были доступны, то интерес к ним скоро остыл бы. Благодаря редкости своего появления они сильнее привлекают людей и

извлекают данги из них карманов—единственное чудо, которое реликвии в состоянии совершить.

Самый драгоценный клад этой категории хранится в Ахене. Жемчужинками коллекции служат: исполинский плащ Марии, детские пеленки Иисуса из коричневатой войлочной материи и платок, на котором лежала отрубленная голова Иоанна крестителя.

В 1496 г. 142.000 богомольцев собрались в Ахене, чтобы наслаждаться видом святого тряпья, и жатва получалась обильная. В 1818 г. когда после долгого перерыва вновь показывали реликвии в течение 14 дней, собралось только 40.000 паломников. Реформация, революция и проклятое просвещение продырявили веру!

С тех пор много чинили дыру, и починенная вера оказалась чуть не более дееспособной, чем вера самых темных средних веков, благодаря излюбленной правительственной мере оставлять школы под контролем рясников. Мы наблюдали, к великому своему удивлению, как в 1844 г. целый миллион паломников отправился в Триер, чтобы приложиться к старому кителю, который выдают за нательную одежду Иисуса, из-за которой солдаты у подножия креста металы жребий.

В свое время это путешествие за святой одеждой в Триер возмутило весь просвещенный мир и очень ученые и разумные люди прилагали—строго говоря лишние—старания, чтобы доказать, что эта «святая хламида» не имеет никакого преимущества перед остальными двадцатью вариантами, а такая же подделка и такой же грубый обман, как и остальной хлам. Самые меткие доказательства приводел профессор Гильдштейтер и фон Зибель, и я не считаю нужным тратить по этому вопросу еще лишние слова.

Что папы были специалистами по стрижке своих христианских овец, всякий знает. Менее известно то, что святой отец—без всякой аллегории—занимался овцеводством и выколачивал цену за шерсть, которую никогда не получал на рынке ни один скотовод по части овец самого благородного типа. Папа содержит небольшое стадо барашков, освященных над могилами апостолов, из шерсти которых ткнут так называемый «паллий».

«Паллий» первоначально обозначал римский плащ. Императоры дарили эту часть одежды, сделанную из пурпура и богато вышитую золотом, патриархам и выдающимся епископам, чтобы тем свидетельствовать свое одобрение и свою милость, подобно тому, как в настоящее время священники в некоторых государствах получают ордена, когда они умело действуют в духе правительства.

Папа Григорий I раньше всех позволил себе, не спросивши разрешения императора, посылать такой «паллий» епископам, то как знак своего одобрения, то как знак утверждения. В насильственном захвате прав папы всегда были мастера, даже вся их власть на этом только и основана, и скоро, конечно, дело дошло до того, что они претендовали на исключительное право дарить такой «паллий», и заставляли всех архиепископов и более видных епископов добывать его в Риме, — так как милость стала налогом. Такой плащ стоил 30.000 гульденов и этот доход пришелся так по вкусу папам, что Иоанн VIII не постыдился опубликовать, что всякий архиепископ будет считаться смещенным, если не обзаведется в трехмесячный срок своим римским плащом.

Папы были настолько скупы и так привыкли соиздавать деньги из ничего, что, несмотря на высокую цену, плащ им казался дороже своей цены. Плащ скоро сдулся и превратился в какие то подтяжки, т.-е. в шерстяные ленты, шириною в четыре пальца, снабженные красным крестом, которые висели через спину и грудь. Эти ленты из освященной шерсти сделаны руками монахинь и, может быть, весят 6 лотов. Папы, значит, фунт своей шерсти продавали за 3½ миллиона гульденов!

Доход от продажи «паллия» был громадный, так как архиепископы обыкновенно уже солидного возраста и быстро сменяют друг друга, а каждый новый епископ обязан купить новый «паллий», даже в случае перемещения из одной епархии в другую. Как некоторые тайные советники пользуются правом на титул превосходительства, так некоторые германские епископы, например, Вюрцбургский, Бамбергский и Нассауский, — пользуются правом на «паллий».

Альдбург в течение 9 лет платил 97.000 скуди за «паллий»! Архиепископ Маркульф Майнцкий должен был продать левую ногу золотого Иисуса, чтобы заплатить за свой паллий. Он, значит, получил за эту ногу больше, чем предатель Иуда за цельного Иисуса!

Архиепископ Триерский Арнольд был немало смущен, когда каждый из двух антипап ему прислал по «паллию», конечно, с двойным счетом. Как он вышел из затруднения, я не знаю; может быть, при помощи «святого плаща». Его преемник, епископ Арнольди, который в 1814 г. показывал этот старый китель, наверно не смутился бы из за каких нибудь жалких 60.000 гульденов. Целый миллион паломников, каждый по 5 серебр. грошей, это даст в итоге 166.666 талеров в прусской валюте или 300.000 гульденов.

Так как архиепископы обирались павою, то они, с своей стороны, также обирали своих подданных или членов своей епархии; ведь народ

всегда бывает бараном с золотым руном, у которого сдирают шкуру, кусок за куском, чтобы удовлетворить потребности господ, называются ли они архиепископами или князьями. У пап денег куры не клевали, но большинство из них умели их также весело пускать на ветер. Сикст VI (1471—84), будучи еще кардиналом, промотал 200.000 гульденов, что по теперешней цене денег означало бы в два раза больше.

Один обед иногда стоил ему 20.000 флоринов, но что-же? он только съел грехи христианства, и кроме того умел устраивать себе еще побочные доходы. Так, например, он за значительную мзду разрешил некоторым кардиналам за время месяцев июнь, июль и август — содомитство! Кроме того, он учредил в Риме публичные дома, которые ему приносили так называемую молочную подать в размере 40.000 червонцев. В дальнейшем мы узнаем о нем еще более святыми святействами.

Истинно золотая мысль пришла папе Бонифацию VIII; он изобрел юбилейный год! Римляне праздновали начало нового столетия большими торжествами и также у евреев бывали юбилейные годы или годы очищения. Это навело Бонифация, вероятно, на мысль ввести такие юбилейные годы и для христианского мира. Кто в юбилейный год паломничал в Рим и оставлял там на алтаре свою ленту, получал полное отпущение всех грехов, содеянных им в течение всей жизни, и он делался опять невинным, как новорожденный младенец, или даже еще более невинным, так как в младенце, согласно учению церкви, уже ютился дьявол, которого приходилось изгнать посредством крещения.

ТОРГОВЛЯ ОТПУСКАМИ ГРЕХОВ.

Кто не избавился бы с удовольствием от своих грехов? Одно непродолжительное убийство может отравить честному человеку целую долгую жизнь! Кто не получил бы с удовольствием уверенности, что об этой фатальной мелочи не вспомнят в день страшного суда? Одним словом, со всех сторон грешники стекались в Рим. В 1300 г. 200.000 чужеземцев провели этот год в Риме и прибыль от этих гостей для жителей города, как и для папской казны, была огромная.

Папская казна считала неуместным огласить, сколько богачи жертвовали золотом и серебром; но одними медными деньгами поступило в этот юбилейный год 50.000 гульденов. По приблизительной оценке, весь доход юбилейного года был 15 миллионов. Для тогдашнего времени это была чрезвычайно большая, неслыханная сумма.

Рис. № 7. НАРОДНАЯ САТИРА 16 СТОЛ. НА ИНДУЛЬГЕНЦИЮ.

«Прекрасный трактатик о божественном римском отпуске грехов на настоящий юбилейный год, сочиненный неученым мирянином. 1525».

Автор заимствует мысль из книги пророка Даниила, где говорится: «Ты взвешен на весах и найден слишком легким». На одной чаше весов изображен папа с кардиналом с бумагой об отпуске грехов в руках, на другой — христос. В то время, как искренно верующие подходят к христу и получают от него отпуск грехов, — другая чаша с папой высоко поднялась и опрокинулась, и оттуда сыплются наскские отпуски грехов, которые подхватывают церковники, изображенные бесами, торгующие этим шантажным товаром в корыстных целях.

Эта картина сама по себе отражает и религиозные суеверия самого революционного автора этой сатиры, верующего в бога Иисуса и в какие-то полезные результаты от молитвенных манипуляций вокруг этого бога.

Неожиданная богатая жатва, конечно, заставила пап пожелать более скорого повторения. Сто лет слишком большой срок и папа Климент VI имел беспримерную доброту определить, чтобы юбилейный год праздновали через каждые 50 лет. Ему, будто бы, явился почтенный старик с двумя ключами — значит, по всей вероятности св. Петр — который крикнул ему угрожающим тоном: «Отвори врата!» Конечно, ему осталось только повиноваться.

Урбан VI сократил это время до 33 лет — в память 33 лет жизни Иисуса! В приличном предлоге папы никогда не чувствовали недостатка. Сикст IV был еще более милостивым и сократил это время до 25 лет «ради краткости человеческой жизни».

Второй юбилейный год при Клименте VI (1350) оказался еще более обильным, чем первый. В юбилейной булле «приказывает он ангелам рая перенести в райские радости также спасенные от чистилища души тех, которые скончались во время пути в Рим». Такая милость без границ — конечно для глупой верующей толпы была чрезвычайно заманчива. Рим так наводнили чужестранцы, что хозяева гостиниц, которые обыкновенно не пропускают случая в обирании людей, не могли справиться с наплывом. У алтаря св. Павла днем и ночью менялись двое священников, загребая деньги на подобие крупье игорных домов. Толкотня в церкви была такая, что многие из верующих были задавлены. Десять тысяч паломников имели тотчас же возможность испытать силу отпуски грехов, так как они умерли от чумы, но их исчезновение не было заметно, так как число паломников достигло до одного миллиона и несколько сот тысяч, и жатва этого юбилейного года дошла до 22 миллионов!

Забавно, как всякий папа придумывал новое средство увеличивать доходность изобретения Бонифация, так как — по пословице, — расники, монахи и куры — ненасытны по натуре. Бонифаций IX сообразил, что многие христиане не могут приехать в Рим, потому что путешествие дорого стоит, да и собственные дела им мешают. Им он послышал благодать прямо на дом, рассылая людей, которых он уполномочил за третью часть путевых расходов выдавать полное отпущение грехов! Несмотря на такое облегчение, иностранцы все-таки стекались в Риме и в юбилейный год при Николае V мост через Тибр не выдержал тяжести людей, обрушился и двести человек лишились жизни. Папа Александр VI придумал еще более выгодное изобретение. Он автор так называемых «золотых врат» в соборе св. Петра. В начале юбилейного года папа произвел три удара золотым молотком в эту

дверь; после этого ее открыли, а в конце года ее замуровали. Кто прошел через эти ворота,— был очищен от своих грехов; да, за определенную плату можно было пройти через ворота по поручению отсутствующего и освободить то лицо от грехов. Эта мера принесла хороший доход.

Благодаря успеху папы становились все более и более жадными. Они часто не могли дожидаться истечения 25 лет и при особых случаях, которые всегда подвергались, назначали экстренные юбилеи, или рассылали «вояжеров» по торговле отпущением грехов. Эти вояжеры бывали еще более назойливыми, чем вояжеры по винной торговле, так что их иногда приходжане, во главе со своим священником, боями выставляли из своего села.

Реформация почти покончила с этим юбилейным шантажем, и в позднейшие юбилейные годы дело не «клеилось».

Даже 1825 г. назначили юбилейным, но в Рим не приехало больше иностранцев, чем обыкновенно, приехало много итальянских бродяг, с которых нечего было брать. Князя приняли меры, чтобы затруднить паломничество в Рим, так как деньги их подданных были нужны в собственной стране. Даже тогдашнее австрийское правительство запретило своим итальянским подданным паломничать в Рим без венских паспортов. Кто не хлопотал во время о паспорте, легко мог прозевать юбилейный год. По приблизительному, вероятно, слишком скромному подсчету юбилейные годы принесли папам около 150 миллионов.

Шантаж с отпущением грехов был доведен до своего зенита Львом X. Огромные доходы, которые со всей Европы лились в папскую казну, не удовлетворяли этого папу, любящего пышность и роскошь, а ведь они были несметны! Я уже упомянул несколько золотых источников, которые папы сумели открыть, перечислять все было бы слишком много, но я приведу еще некоторые из них:

Крупный доход для пап доставляют так называемые «аннаты». Так называют первый годовой доход нового епископа, который подлежит передаче в папскую казну. Доход можно оценить в 12.000 талеров, и считая скромно, что по крайней мере 2.000 епископов платили свои аннаты папскому престолу, мы получаем итог в 36 миллионов талеров.

Плата священников за льготу по возрасту по 6 червонцев, освобождение от поста и разрешение браков между родственниками приносили крупный доход. Особенно часто должен был встречаться последний пункт, так как папы уже позаботились о нем, запрещая браки между родственниками до 14-той степени родства.

Кто то взял на себя труд вычислить, сколько подобных родственников в среднем у человека и нашел число 16.000.

Если принять в расчет все виды родства, то число их дойдет до 1.048.576. Ясно, что не могло быть недостатка в доходах. Кроме того из карманов верующих извлекали деньги: то в виде налогов для организации крестовых походов, то в виде налогов для организации войны с турками. Особенно обильно творил чудеса в этой области папа Иоанн XXII. Он изобретатель позорного списка такс на виды разрешений и отпущения грехов, про которые придется говорить в дальнейшем. Этот папа скопил так много, что он, сын бедного сапожника,—оставил наследство в размере 16 миллионов золотыми деньгами и 17 миллионов золотыми слитками.

Но, я повторяю, не хватало этих богатых доходов, чтобы удовлетворить потребности папы Льва X. Его дети, родственники, фигляры, комедианты, музыканты и его страсть к искусству проглатывали неизмеримые капиталы и расточительный святой отец попал в затруднительное положение. Чтобы выйти из него, папа решил систематически пользоваться отпущением грехов для вымогательства денег. Предлог до- ставили: налог для ведения войны с турками и продолжение постройки церкви св. Петра, начатой его предшественником. Избитый мотив турецкого налога плохо действовал, и кардинал Хименес, «мудрый» испанский министр, даже запретил этот сбор, потому, «что со стороны турок никакой опасности нет». Папа, поэтому, издал буллу, что всем, кто будет способствовать при помощи денежной платы построению церкви св. Петра, будут отпущены грехи. Весь христианский мир разделили на округа, и вояжеров великой римской торговой фирмы рассылали под титулами папских посланцев. Свидетельства об отпущении грехов, которыми торговали комивояжеры наместника бога, имели следующий текст:

«Во имя нашего святейшего отца, наместника Иисуса Христа, я отпускаю тебе все грехи против церковной цензуры, в которой ты мог бы быть повинен, затем все проступки и преступления, содеянные тобою до сих пор, как бы ни были они тяжелы, также и те, которые обыкновенно только может отпустить папа везде, куда только простираются ключи святой матери-церкви. Я отпускаю тебе совершенно все кары, которые должен ты был бы перенести ради этих грехов в чистилище. Я тебя вновь делаю участником в святых таинствах, в общении со всеми верующими и возвращаю тебя вновь в чистое и безгрешное состояние, в котором ты был сейчас после крещения, так что,

когда ты умрешь, врата ада, через которые проходят на муки и кары, будут закрыты для тебя, чтобы ты прямою дорогою попал в рай. Если же ты теперь еще не умрешь, то эта милость у тебя не сбавится».

В папской канцелярской таксе была установлена цена, за которую отпускались самые отвратительные грехи. Для убийства родителей, братьев или сестер, для кровосмешения, убийства детей, вытравления плода, прелюбодеяния всякого рода, самого извращенного сладострастия, клятвопреступления—одним словом—для всего, что обычно называют грехом или преступлением, была указана цена. Я принял бы этот возмутительный документ за изобретение врагов папы, если бы подлинность его не была неопровержимо доказана.

Самую бесстыдную и наглую подлость содержит заключение, там говорится: «**Такой милости бедняк не удостоится, у него нет денег, поэтому он лишен утешения!**».

За плату в размере 10 червонцев даже священникам разрешалось, сколько угодно, предаваться блуду, прелюбодеянию, кровосмешению и содомитству с животными.

Спекуляция удалась, несметные суммы поступили в Рим, они не поддаются вычислению. Один папский легат извлек из маленькой Дании более двух миллионов путем продажи отпущения грехов.

Лев X нашел для себя более выгодным сдать отпущение грехов в некоторых крушых округах за определенную мзду в аренду предпринимателям. Главные арендаторы имели своих суб-арендаторов, чтобы чистка страны была возможна более основательной.

Таким главным арендатором был, между прочим, маркиграф — Бранденбургский Альбрехт, бывший одновременно епископом Гальберштадтским, архиепископом Магдебургским и наконец, архиепископом майнцским и кардиналом! Он был должен папе в счет платы за «паллий» 30.000 червонцев и взял на себя торговлю отпущением грехов в некоторых областях, надеясь приобрести сумму, которую ему одолжил граф Фуггер Аугсбургский под залог выручки от отпущений грехов.

Высокородный курфюрст, кардинал и архиепископ при этом деле выказывал чрезвычайно много усердия и коммерческого гения, и очень интересна его инструкция для торговцев отпущением грехов, содержание которой я хочу сообщить.

«Прежде всего проповедники отпущения грехов должны клясться курфюрсту, что они его не надуют. После этого он им предоставляет право, воздвигнув крест и герб папы, проповедывать в церквях отпущение грехов и предоставлять его тем лицам, которые своими свя-

щенниками исключены из прихода или подвергнуты другим церковным наказаниям. Потом предписывается проповеднику отпущения грехов в своей проповеди народу по мере возможности разъяснить и расхваливать три или четыре статьи из папской буллы об отпущении грехов, чтобы не пренебрегали папской милостью и люди не чувствовали отращения к отпущению грехов».

Дальше курфюрст желает, чтобы сообщили народу, что кроме его отпущения грехов в ближайшие 8 лет не будет другого отпущения, а благодаря этому отпущению каждый получит не только полное прощение грехов, а и после смерти избавится от чистилища.

Большим, которые не могут явиться в церковь, можно выдавать отпущение грехов дома, но за более крупную плату. После того, как проповедники комунибудь достаточно ясно изложили всю ценность отпущения грехов, когда дело доходит до вопроса о плате, они должны спросить, какой суммы ему не жаль за полное отпущение грехов? Такие вопросы они должны предлагать, чтобы людей легче склонять к покупке отпущений грехов.

Хотя проповедники отпущений грехов всегда должны иметь в виду выгоду церкви св. Петра и разъяснить исповедуемым, что за такую великую милость никакая цена не будет слишком дорогой, чтобы их этим побудит платить дороже, но курфюрст, тем не менее, заявляет: так как качество людей бывает разное, и мы поэтому не можем определить в некоторых случаях таксу, но все же наше мнение таково, что по правилам можно установить такую таксу: владетельные князья платят 25 рейнских гульденов золотом, настоятели церкви, прелаты, графы, бароны и их жены платят за лицо 10 гульденов рейнских. Другие люди, имеющие ежегодный доход в размере 500 гульденов, платят 6 гульденов, женщины и ремесленники—один гульден, еще более мелький люд— $1\frac{1}{2}$ гульдена.

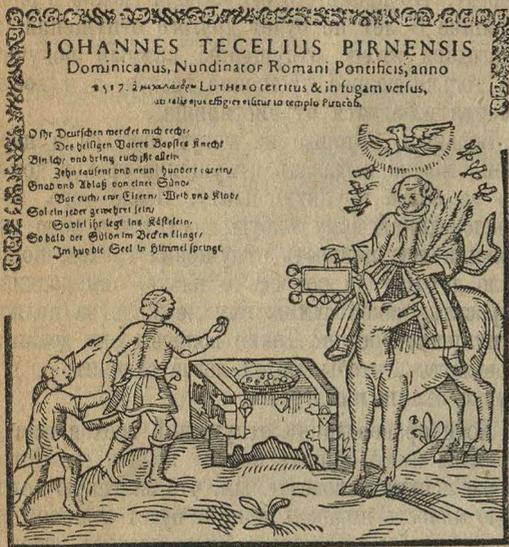
Хотя жена не может израсходовать имущество мужа, однако, она может из своего дарственного имущества в данном случае платить свою лепту и вопреки воле мужа. Если бедные женщины и дочери сумеют выпросить таксу у других, то пусть они такую же доставят в казну для отпуска грехов.

Если ктонибудь за душу, находящуюся в чистилище, уплатит столько, сколько ему пришлось бы платить за самого себя, то не требуется, чтобы он чувствовал раскаяние или исповедывался устами! Ибо это отпущение основано на любви к тому, который сидит в чистилище, и на взносах живущих. Кто покупает свидетельство об отпущении грехов, тот делается участником во всех милостынях, постах, па-

Рис. № 8. ПАМФЛЕТ 16 СТОЛ. НА ТОРГОВЦА ОТПУСКАМИ ГРЕХОВ МОНАХА ИОГАННА ТЕЦЕЛЯ.

Иоганн Тецель из Пирны, доминиканец, вестник римского папы, в 1517 г. великим музеем Лютером напуганный и обращенный в бегство.

По портрету его в церкви в Пирне.

**Вы, немцы, слушайте посла
Святого римского отца!
На десять тысяч девять сот
Червонцев—этот сундучек
Содержит отпусков грехов:
Для деток, матерей, отцов.
И сколько денег кто владеет—
Он столько же и душ спасет!
Как только деньги зазвенят,—
Так души к небу улетят...**

(Перевод с надписей на латинском и немецком яз. на иконе).

домничествах к гробу господню, мессах, покаянии и добрых делах всей христианской церкви, даже не покаявшись и не исповедывавшись!..

Каждый купец знает, как важно иметь ловкого комивояжера, и архиепископ постарался отыскать такового для распространения своего товара. Он нашел его в лице доминиканца Иоганна Тецеля из Пирны. В молодости Тецель немножко занимался науками и его религиозное усердие доставило ему титул доктора богословия. В Инсбруке его поймали на том, что он,—как говорится в хронике,—свое духовное семя сев на черной пашне. Император Максимилиан I отдал приказ пылкую похоть влюбчивого патера охладить водой, т.-е. утопить его

в мешке, и только настоятельные просьбы курфюрста Фридриха спасли ему жизнь.

Этот бесстыдный, ожиревший негодай, портрет которого передо мной в виде очень удачной гравюры,—настоящий идеал ряеника. Мошенник имеет такой продувной и юмористический вид, что мне кажется, что я сам был бы не прочь купить у него отпущение грехов. Как должно быть, ему везло со всеми верующими!

Он всегда возил с собою железный сундук, украшенный папским гербом и перезжал с одного базара на другой, распевал: «Как только деньги в сундуке, душа не жарится в огне!»

Везде он собирал вокруг себя толпу народа, и его реклама отпущения грехов была чрезвычайно забавная, хотя благочестивые христиане ее называли богохульвой. (Рис. 8).

Он хвастался, что он отпущением грехов спас больше душ от ада, чем апостол Петр своими проповедями язычников привел в христианство. Он заявил, что может отпустить не только грехи, совершенные раньше, но и такие, которые люди только намереваются совершить, и сила его отпущения грехов столь велика, что нет греха, который нельзя было бы им искупить. Если бы даже ктонибудь «изнасиловал и обременил мать божью», что на самом деле невозможно, то его отпущение избавило бы виновника от наказания.

Этот Тецель в своей наглости доходил до таких размеров, что тогдашний епископ Мейссенский Иоганн предсказывал, что этот монах будет последним торговцем отпущением грехов.

Рассказывают про его проделки, которые свидетельствуют о его безграничной наглости. В Аннаберге, где тогда были богатые серебряные рудники, он наболтал людям, что все горы кругом превратятся в серебряные самородки, если они только, как следует, уплатят. В этом городе, должно быть, ему жилось очень хорошо, так как он там пробыл два года.—В Фрейберге он в течение двух дней собрал 2.000 гульденов; но когда он вторично прибыл в этот город, Лютер уже успел открыть людям глаза на счет его, и рудокопы пришли в такую ярость, что Тецель предпочел поскорее убраться.

В Цвиккау он хотел оставаться в гостях у тамошнего кистера, но последний не мог принять его по бедности. Тогда он велел ему заглянуть в календарь, не найдется ли на другой день имя какогонибудь святого. Кистер нашел только языческое имя Ювеналий. «Ничего», сказал Тецель, «мы доставим этому святому почет, созывайте только завтра народ в церковь колокольным звоном, как это делается в самые высокаторжественные дни». Кистер сделал, что он приказал.

Жители города густыми толпами стекались в церковь. Тецель проповедывал.—«Старые свя-

тые», говорил он, «уже одряхлели и слишком устали, чтобы нам помочь, но вот святой Ювеналий, память которого мы сегодня празднуем, еще малоизвестен, если вы помолитесь ему и пожертвуете, как следует, он вам непременно поможет». Потом он посоветывал им щедрость и особенно увещевал знатных людей показать другим хороший пример.

Он становился около церковной кружки и наблюдал, сколько кто положит, и добрые цвиквауццы жертвовали щедро в честь святого Ювеналия! Потом Тецель шептал Кистеру: «Хватит, теперь мы основательно покутим».

В Швейцарии Тецель отпустил грех убийства богатому крестьянину, а когда тот сознался, что у него еще есть враг, которого он с удовольствием убил бы, подлый рясник разрешил ему убийство за маленькую мзду!

Но, несмотря на свою хитрость, Тецель однажды сам попался в ловушку. — В Магдебурге к нему явился какой-то господин фон Шенк и предложил ему крупную сумму, если он ему отпустит большой грех, который он намерен совершить. Рясник с довольной улыбкой спрятал деньги и выдал свидетельство об отпуске греха.

Когда Тецель через несколько дней из Магдебурга отправился в Брауншвейг, везя с собою несколько тысяч гульденов, господин фон Шенк напал на него в лесу около Гельдштедта и отнял у него всю наличность. Монах завопил, но Шенк показал ему свидетельство об отпуске греха и сказал: «Одно из двух—или мой поступок ничего не значит, или твой товар только обман». У Шенка остались деньги, а Тецелю осталось только облизываться.

Подлый монах обладал исключительным даром своей болтовней извлекать деньги из карманов людей, и он собирал больше всех остальных торговцев отпусками, так как те довольствовались болтать все одни и те же фразы:

«Смотрите, везде перед вами открыто небо. Неужели вы не хотели войти, когда же вы попадете в него? О, вы нелепые и ослепленные люди—вы похожи на диких зверей и не умеете ценить папскую милость. Смотрите! Столько душ вы можете избавить от чистилища! О, вы упрямцы и медлители! Двенадцать грошами вы можете вырвать своего отца из чистилища, и вы такие неблагодарные, что не хотите помочь своим родителям в беде. Я не хочу перед страшным судом взять на себя вину в этом» и т. д.

Тецель умел выставлять дело в гораздо более убедительном виде и не было девушки, которая не уплатила бы несколько грошей за какой-нибудь грешок, который она собиралась совершить. Как быстро он умел собирать деньги, показывает следующий случай: В Герлице выстроили церковь в честь святого Петра, и не-

доставало только медной крыши, для которой потребовалось 1.800 центнеров меди, которые тогда стоили 48.600 талеров. Обратились к Тецелю и он собрал эту сумму в течение 3 недель.

Лютеровские 95 тезисов подорвали всю торговлю патера. Может быть огорчение, вызванное этим, служило причиной его болезни, от которой он умер в Лейпциге. Он погребен в этом городе на кладбище св. Павла, где, вероятно, до сих пор существует его памятник.

Расчет при отпусках — курьезный расчет и нелегко разобраться в нем. Некоторые люди покупали отпуск грехов на несколько сотен лет, между тем, как они могли рассчитывать только на одну сотню лет. Но годы в чистилище тоже принимались в расчет, и это, конечно, изменило дело! За такой-то грех полагалось, по указанию рясников, жариться двенадцать лет, за такой-то—тридцать лет, и, таким образом, у опытного грешника быстро набиралось несколько сотен годиков. Если он, несмотря на это, хотел прямым путем прогуляться в рай, то он должен был купить отпуск грехов за столько лет, сколько ему полагалось бы сидеть в чистилище.

Дело, положим, кое-чем облегчалось: кто поцеловал реликвию, а особенно, кто за это заплатил, получал сразу отпуск на три или четыре года, смотря по степени святости реликвии. У архиепископа Альбрехта был такой арсенал реликвий, что ими можно было приобрести отпуск грехов на: тридцать девять раз тысяч, двести раз тысяч, сорок пять тысяч, сто двадцать лет, двести двадцать дней. В числе реликвий, которые он велел переправить из Галле в Майнц, в самом деле, находились чрезвычайно редкие и чрезвычайно святые экземпляры! Восемь номеров «волос девы Марии», пять номеров «ее молока», потом «рубашка, в которой она была, когда родила Иисуса», половина челюсти св. Павла с четырьмя зубами» и т. д.

Не надо думать, что эти вычисления отпуска грехов относятся к былым временам и исчезли вместе со средними веками, нет, их производят священники еще в настоящее время и преподносят верующим. В «новогодних духовных подарках» епархии Ман во Франции, изданных около 20 лет тому назад, приводится следующий расчет отпуска грехов: «Если иметь освященные четки, говорит св. Бригитта, то можно получить отпуск грехов за 100 дней, если прочесть одно «Верую», одно «Слава отцу», одно «Отче наш» и одно «аве». Если, значит, прочесть обычные четки, которые состоят из 53 «аве», 6 «Отче наш», 6 «Слава отцу» и одного «Верую», то можно набрать отпущение грехов за 6.600 дней, которые можно предоставить душам в чистилище. Если прочесть четки в размере 150 молитв, то получится 19.000 дней и

сверх того 7 лет и 7 сорокадневных сроков! — За «четверть часа благочестивого созерцания» отпускаются грехи за 7 лет и 280 дней; за сопровождение святых даров, когда их несут к больному, отпускаются грехи за 5 лет и 200 дней, если при этом нести свечу, то прибавляются 2 года и 83 дня».

Суммы, которые набирало духовенство, благодаря такой торговле, не поддаются исчислению, их можно только установить приблизительно на основании отдельных указаний.

Когда во время французской революции закрыли монастыри и реквизировали имущество духовенства, духовенство предложило национальному собранию 400 миллионов франков наличными деньгами! — Венецианцы оценили состояние духовенства в 206 миллионов червонцев.

Из доходов духовенства, которое само любило жить припеваючи и немало тратило на себя, только маленькая доля попадала в папскую казну, и указание размеров этой суммы может быть мерилом для определения, сколько же ряски высасывали у без того измученного народа.

Венецианская область, насчитывавшая только $2\frac{1}{2}$ миллиона жителей, в течение 10 лет доставила Риму 2.760.164 скуди, Австрия при Марии Терезии в течение сорока лет 110.414.560 скуди! Если эти данные верны, а они взяты из достоверных источников, то вычисление, согласно которому католический христианский мир уплатил Риму в течение 600 лет только 1.019.690.000 гульденов, кажется слишком скромным.

И за что платили эти деньги? За то, что больше всего на свете способствовало унижению и деморализации народа. И кому платили эти деньги? Какому-то итальянскому епископу, до которого нам столько же дела, как до японского императора, и который себя именует «наместником Христа», с таким же правом, как это мог бы сделать я, и который под этой фирмой претендовал на господство над всем миром, от которого у того, чьим наместником он себя именует, не было столько земли, чтобы голову свою положить! Какие люди были эти «наместники Христа-в Риме» и как мало они были достойны даже тени того почета, который им оказывали христиане, мы узнаем с чувством безразличия и отвращения в следующей главе.

Наместничество бога в Риме.

Настоящая история папства превысила бы те размеры, которые я должен был себе наметить. Я хочу только, как и раньше, показать путем набросков, что папство основано на самом грубом обмане, хочу указать, какими подлыми путями и какими преступными средствами пользовались римские папы, чтобы мир сделать своим данником, и какая была нравственная цена тех людей, которых римская церковь ставила во главе в качестве «наместников бога».

Я пишу, не скрывая намерения уничтожить религиозную веру, характеризованную мною раньше, как суеверие. Так как последняя опирается на авторитет пап и римских священников, то я стремлюсь, прежде всего, к тому, чтобы подорвать этот авторитет: я устанавливаю историческим путем нечистые источники тезисов веры и, излагая поступки римских пап, доказываю всем верующим, что они полагались на свидетельства людей, во всех отношениях недостойных их доверия.

Эта цель, высказанная открыто мною, предписывает мне крайнюю осторожность в проведении фактов и позволяет мне сообщить только те из них, которые настолько явно исторически доказаны, что всякое опровержение невозможно.

Я указал вкратце, как возникли рясники и каким образом епископы присвоили себе духовную власть над своей паствой.

Епископы не удовлетворились достигнутой властью, и чем лучше им удавалось поработать своих братьев, тем меньше они знали меры в своих претензиях. Власть иудейских первосвященников служила для них образцом, к которому они стремились, и образ священника Самуила постоянно витал перед их глазами.

Какой-то обманщик состряпал ложные сочинения, которые он приписал апостолам и которые известны под названием апостольских постановлений. Их целью было возвысить авторитет и власть епископов, и содержанием их служило все самое сумасбродное, что когда-нибудь только говорилось в честь последних. Епископов называли в этих постановлениях земными богами, отцами всех верующих, судьями на месте Христа и посредниками между богом и людьми. В таком же смысле высказывались относительно епископов многие видные отцы церкви. (Рис. 9).

Когда римские императоры принимали христианство, они отстаивали свой сан верховных священников (*pontifex maximus*) по—с другой стороны — они содействовали возвышению авторитета епископов по отношению к их пастве. Некоторые императоры были даже настолько ослепленные и недаленовидные, что доверяли этим епископам воспитание своих детей; естественным последствием этого было то, что питомцы выросли «в страхе божьем», т.-е. в смиренности перед рясниками и, сделавшись императорами, преклоняли перед ними колени и целовали им руки. Что рясники вследствие этого становились все более надменными и высокомерными, глубоко основано на человеческой природе, и нет ничего удивительного, что триполитанский епископ Леонтий потребовал от императрицы Евсевии, супруги императора Констанция, чтобы она встала и преклонилась перед ним, чтобы принять его благословение.

Протестантские епископы новейших времен с удовольствием добивались бы того же самого. Когда Фридрих Вильгельм III прусский однажды в Магдебурге вышел из кареты и при этом нагнулся, епископ Дрездеке уже поднял руки и возвысил голос, чтобы ему преподать свое благословение. К великому огорчению епископа обычный столяр набожный король отодвинул его в сторону и сказал сердито своим обычным резким тоном: «Глупости! не выношу!».

Главное стремление епископов было направлено на то, чтобы устранить вмешательство светской власти в церковные дела, или даже по мере возможности подчинить себе императоров. Епископ миланский Амвросий самым наглым образом положил этому начало. Он осмелился отлучить от церкви императора Феодосия, т.-е. исключить его из церковной общины.

Некоторые императоры, которых рясники запугали адом, были настолько малодушны, что не давали им надлежащего отпора, и народ, видя, как их грозные повелители относились так смиренно к епископам, естественно, приходил к заключению, что последние являются какими то сверхчеловеческими существами. В некоторых местах христиане встречали епископов евангельским «Осанна!».

Таким образом высокомерие рясников увеличивалось из года в год. Уже в 341-ом году на Антиохийском соборе было запрещено духовен-

Рис. № 9. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПАПЫ И ГНЕВ СВЯТОГО ПЕТРА ИЗ-ЗА КЛЮЧА ГОСПОДА ХРИСТА, „ЧТОБЫ ВЯЗАТЬ И РАЗВЯЗЫВАТЬ“.

Немецкая летучка из эпохи Реформации (16 стол.) на „нехристианский“ образ жизни пап и их посягательства на верховную власть над миром. „Герой с бестрепетной душой“ (см. реплику апостола Петра) — есть никто иной, как реформатор Лютер, продавшийся немецким помещикам, способствовавший свирепейшему разгрому крестьян, восставших против этих помещиков не без агитации в тому вначале со стороны самого Лютера.

Апостол Петр.

Эй, что такое! Папа стой!
С тройной короной зверь
ты злой!

Позорил имя лишь мое, —
Что мой престол добротвое.
Насильем и ханжеством
Ты овладел могуществом,
И все, что ты с блудничи
сребраешь.

Моим наследьем называешь?
Наместник, будто, ты хри-
ста...

Да чортов ты лишь ста-
роста!..

О нет, сейчас же ключ
верни, —

Иль свою рожу бережи.
Ведь я разгневан не шутил,
Так убирайся ты туда,
Ко дьяволу. Ты и по праву
Его наместник и по праву.
Грabitель душ, к тому же,
завязтый,

Ах ты антихрист пре-
проклятый.

Аминь.

Римский папа.

Стой, Петр, хватил ты че-
рез край.

Ты говоришь сначала дай.
Твои слова не пахнут лестью.
(Хотя к убыткам я и чуток),
Но я хочу без всяких шу-
ток —

Богоугодных заведений
Настроить... просто загля-
день!

Оставь мне ключ хоть на показ,
Ведь от работы я отстал,

Бока себе я отлежал,
Пока пирами увлекался,

А еслиб рыбой лишь питался,
Как ты, — меня бы уж не
стало,

И все монашество б пропало.
Так дай мне ключ твой добро-
вольно,

Иль я возьму его крамольно.
И до Христа, и до тебя,

Поверь, — нет дела у меня.
Ты ересью мне не мешай,
Ведь я антихрист, так и знай.

Аминь.

Апостол Петр.

Твой час настал. Открыт
обман.

Придет из полунощных
стран

Герой с бестрепетной ду-
шой

И счета он сведет с тобой.
Князья, служившие опорой,
Накиннутся все общей сво-
рой

На власть твою в бою же-
стоком.

Ты богу служишь лишь по-
роком.

Клятвопреступник, ты ху-
литель,

Ты педераст лишь и гра-
битель.

Теперь ты ключ изволь
оставить

И во своей путь напра-
вить.

Аминь.

етву, обращаться к императорам в церковных делах без особого разрешения епископов. Низшее духовенство перабощалось все больше и больше, и институт сельских епископов, пользовавшихся когда то такими же полномочиями, относительно своих епархий, как и городские епископы, был отменен в 360-ом году на Лаодицейском соборе.

Есть немецкая поговорка: «ворона вороне глаз не выколет», однако, ряски не оправдали поговорки и не только выкалывали друг другу глаза, но и были готовы снять друг у друга головы, когда только могли и когда это им было угодно. Ради самых нелепых богословских споров они наполнили весь мир смятием и убийством. Значительное участие в богословских спорах принимали также многочисленные монахи, которые сражались за свои взгляды не только духовным оружием, но и весьма действительными земными дубинами. Они образовали настоящие партизанские отряды, которые обслуживали фанатичных епископов и часто совершали отвратительнейшие эцессы. Римский полководец Виталион должен был в 314-ом году вступить в Константинополь, чтобы спасти город от всебесившихся монахов.

Второй церковный собор в Эфесе в 449-ом году прозван собором убийц, потому что монахи с мечом в руках заставили принять тезисы веры, которые им были удобны. Один из величайших фанатиков был александрийский епископ Кирилл. Его ненависть обрушилась на евреев, живущих в этом городе уже свыше 700 лет. Он натравил на них монахов и чернь, велел разрушить их синагоги и убить каждого еврея, попавшегося им в руки. Таким образом, Александрия потеряла 40.000 самых трудолюбивых граждан. Римский префект Орест хотел помешать этому гонению, но сам из-за этого чуть не лишился жизни, так как был ранен в голову камнем, брошенным в него бешеным монахом. Римское правительство молчало, не осмеливались карать виновных. Настолько тогда уже выросла власть монахов. Самую позорную жестокость совершили эти христианские монахи по отношению к возлюбленной этого префекта, дочери математика Феона, достойной любви философа Ипатию. Во время великого поста монахи вытащили ее из телеги, раздели ее до нага и повлекли ее, как жертвенного агнца, в церковь: озверелые ряски раковинами срывали у нее мясо с костей и еще трепещущие члены бросили в огонь.

Гордость, властолюбие и алчность в сердце христианских священников заменили христианскую любовь, и демократическое христианское равенство давно было оклеимено антихристи-

анским. Всякий епископ стремился только к тому, чтобы возвыситься над другими епископами, и, таким образом, возникли всевозможные иерархические ступени.

Епископы в столицах и больших городах областей скоро достигли своего рода суверенитета над епископами других городов и именовали себя митрополитами. Среди них некоторые, опять-таки, претендовали на более высокий сан и сумели подчинить себе епископов нескольких областей. Они именовали себя сначала экзархами, а впоследствии — патриархами.

Во время царствования императора Феодосия II было уже пять патриархов: в Константинополе, Антиохии, Иерусалиме, Александрии и Риме. Они были совершенно независимы друг от друга и совершенно равные по сану и по правам.

Рим был столицей тогдашнего мира; отсюда исходили все декреты, которыми мир управлялся. Пастыри римской общины, которые замечали, как великоленно можно править, сидя в Риме, захотели управлять христианским миром таким же образом, как императоры политическим.

Остальные настоятели общин, епископы совершенно справедливо считали подобные стремления самодурством и восставали против тех ложных доводов, при помощи которых их римские каллеги свои претензии хотели превратить в права. Исследуя эти ложные доводы, действительно не знаешь, чему больше удивляться: их нелепости и наглости, или глупости людей, дающих себя околпачить таким грубым способом.

Римские епископы утверждали: «Иисус назначил Петра верховным апостолом; остальные апостолы были ему подчинены. Петр 24 года, пять месяцев и десять дней был епископом в Риме; мы — его преемники, значит, — все епископы и иерархи христианства находимся под нашим владычеством!».

Папы начинают весьма последовательно свой ряды с Петра. После него перечисляют множество отчасти совершенно вымышленных имен, чтобы только пополнить пробелы, так как ранняя история римских епископов еще более темная, чем история римских царей. Было бы бессмысленно приводить поименно этих господ городских священников, так как они только и были таковыми; я хочу только осветить тех из них, которые совершили наиболее крупные шаги по пути к апогею, к которому они все стремились. Ряды римских императоров, ряды азиатских деспотов, одним словом — ряды всех княжеских особ в мире — даже «компаты

ужасов» мадам Туссо в Лондоне, не насчитывают столько нравственных уроков, как ряды пап, именующих себя заместителями бога. — Но они могли безобразничать, сколько им было угодно, одурелые люди не прозрели. Повелители и их народы позволяли этим вызывающим чувство брезливости злодеям сдирать с себя шкуру и еще смиренно целовали туфли этих деспотов.

Как только какой-нибудь более рассудительный князь не глядел по лысине надменных римских священников, глупый народ сейчас кричал «режут!», и как только народ оказывался достаточно разумным, чтобы восстать против римских претензий, немедленно являлся какой-нибудь одурелый князь с освященным мечом и в освященной короне и метал гром и молнии против проклятых еретиков.

Так и получилось, что папы до настоящего времени пользуются правами, которые им никто не предоставил. При помощи самой расчётливой эксплуатации людской глупости — папы шаг за шагом завоевали себе те права, в которых им отказывали христиане первых столетий. Несправедливость никогда не станет правом, даже если она продолжалась в течение тысячи лет и была признана законами. Те, кто страдал от нея, имеют полное право сбросить навязанное им ярмо, как только смогут. А это может всякий, как только он перестанет верить; не веруя, он уже свободен без дальнейших усилий.

Первый римский епископ, про которого мы знаем, что он хотел играть более важную роль, чем его коллеги, назывался Виктором (192—201). Он требовал очень бурно, чтобы все остальные христиане ели пасхального агнца в то же самое время, когда это делалось в Риме, а именно, в день воскресения Иисуса, а не тогда, когда это делали остальные христиане, в день еврейской пасхи, по примеру Христа.

Остальные епископы полагали, что у их многоуважаемого коллеги «не все дома» и на его ссылку на Петра, который будто-бы ввел этот обычай в Рим, ограничились ответом, данным Эфесским епископом Поликротом: «что не Петр, а Иоанн лежал у груди Иисуса». Провластво Петра над остальными апостолами в те времена, столь близкие к источнику, как будто, еще ничего не знали, но спустя тысячу лет упорная ложь сумела завоевать себе всеобщую веру.

Когда христиане в Риме однажды собрались для производства выборов епископа, случайно голубь спустился на голову человека, по имени Фабян, и все христиане, воодушевленные истинно языческой древнеримской верой в чудеса, воскликнули: «он должен стать епископом!». С тех пор полагали, что святой дух присут-

ствует при всех выборах епископов и управляет ими. Это было весьма удобно, так как отныне всякие нелепые выборы могли быть поставлены в строку святому духу.

Стефан, который сделался епископом в 253-м году, первый утверждал, что «он представляет собою больше, чем остальные епископы, так как он преемник святого апостола Петра». Этот эмбрион папства дошел до того, что он отказался от общности церкви с азиатскими епископами, так как они не хотели подчиняться его предписаниям.

Последние не мало удивлялись этому нахальству своего брата во Христе и епископ каппадокийский Фирмилиан в циркуляре, разосланном епископам, высказался в следующих выражениях: «Я совершенно прав, если в этом отношении сержусь на явную и непреложную нелепость Стефана, хвастающегося своим епископским саном и выдающего себя за преемника апостола Петра».

Когда император Константин признал христианство государственной религией, римские епископы немедленно использовали это обстоятельство для возвышения своей власти. Пользуясь тем, что император их всегда выслушивал, они сумели низкопоклонством и лестью вырвать у него все больше и больше привилегий. Таким образом они разбогатели, а их надменность росла соответственно их богатству.

Место римского епископа стало теперь весьма желанным и предметом зависти. Языческий заместитель римский Претекстат говорит: «Назначьте меня римским епископом, и я немедленно сделаюсь христианином». Конкуренты на эту должность давали друг другу самые кровопролитные сражения, во время которых сотни людей лишались жизни. Благочестие и святость римских епископов давно отошли в область предания и мы уже видим на епископском престоле убийц и прелободеев.

Уже в четвертом столетии римские епископы предъявляли требование, чтобы за ними признали первенство среди патриархов, другими словами, среди всех епископов. Если это случилось, то это было не потому, что они выдавали себя за преемников Петра, а потому что их престол находился в тогдашней столице всего мира. Но тогда еще не думали уступать им более высокое достоинство, чем другим патриархам.

Больших успехов они не достигали ни в пятом, ни в шестом, ни в седьмом столетии, хотя они сами начинали претендовать на более высокое положение и все утверждали, что в силу доверенной им Петром власти им вручено попечение о вселенской церкви.

Подобные претензии, однако, никем не признавались. В течении этих столетий продолжали считать вселенские церковные соборы единствен-

ной правомочной церковной инстанцией, которая должна была заботиться о сохранении единства в церкви. О соблюдении церковных уставов должен был заботиться всякий епископ в пределах своей епархии и всякий патриарх в своей области.

Общины, основанные апостолами, конечно, служили каноном для других, и так как римская община на Западе была единственной в таком роде (так как она была учреждена Павлом), то, естественно, епископы Запады иногда в спорных вопросах обращались, как коллеги, за советом к римским епископам.

В подобных случаях последние не упускали возможности придавать своим советам форму приказов, и прибавляли: «Так угодно апостольскому престолу». Хотя некоторые епископы не возражали на подобные претензии, но все же со всех сторон протестовали и никто не думал о главенстве римского престола, кроме самих римских епископов. Император Юстиниан даже объявил в особом законе, что константинопольская церковь является главой всех христианских церквей, а другие, к величайшему огорчению римского епископа, придавали константинопольскому патриарху титул и характер вселенского епископа.

Даже на Западе, где римский епископ пользовался весьма высоким авторитетом, ему не желали в то время предоставить особый титул. Все епископы именовали себя папами (от «папа» — отец), первосвященниками, или даже наместниками Иисуса, и друг другу придавали этот титул, значит, также и римскому епископу, которого звали, то папой города Рима, то просто папой.

Титулом патриарха величали на Западе даже не только епископа римского, а так именовали себя большинство митрополитов, и еще в 883-ем году называли патриархом епископа Лионского, председательствовавшего на II Массонском соборе. Это доказывает, что даже на Западе несколько не думали предоставить епископу римскому первенствующее положение. Об отношениях между римскими епископами и императором я уже говорил в первой главе. Эти отношения не изменялись, ни в пятом, ни в шестом, ни в седьмом столетии. Если некоторые императоры выказывали по отношению к епископам некоторую уступчивость, то это было основано на их личности. Римский епископ, как и всякий другой государственный сановник, был подчинен императору, и последний, также, как и его наместник, являлся его судьей. Государственные соборы созывались императорами, и последние председательствовали на них в лице своих комиссаров, а если на Халкедонском соборе председательствовал легат римского епископа Льва, то это случилось потому, что Лев это вымолвил

у императора, как особую милость. Постановления этих соборов утверждались не епископом римским, а самими императорами, и даже если подобный собор происходил вопреки желанию римского епископа, то это обстоятельство несколько не умаляло его значения.

При спорных выборах епископов решающее слово принадлежало императору, и ни один епископ не мог вступить в свой сан без предварительного утверждения со стороны императора. Хотя высокомерие иногда сводило с ума того или другого епископа, но все же они не осмеливались ставить себя выше императора.

Даже Григорий I (590—604), в котором волился дух позднейших пап, был перед императорами смиренен, как собака. В своих письмах к императору Маврикию он употребляет унижительные выражения; так он, например, пишет: «Кто я такой, чтобы осмелиться говорить со своим владыкой, я — жалкий прах и червь». Он называет императора своим «благочестивейшим владыкой, которому небом дана вся власть над людьми» и себя называет его «недостойным слугой». Этим он был в самом деле, да вдобавок до мозга костей порочным ханжой и негодяем. Его поведение по отношению к тирану Фоке вполне это доказывает.

Император Маврикий, один из немногих благородных людей, которые когда нибудь восседали на престоле, был свергнут одним из своих военачальников — Фокой. Даже Нерон кажется добрым и человеколюбивым существом в сравнении с этим кровожадным извергом. Фока велел казнить самым жестоким образом сначала на глазах отца пятерых детей Маврикия, а потом казнить его самого. Он истребил всю императорскую семью и подвизался в убийствах до конца своей жизни.

Григорий со стороны Маврикия испытал только одно хорошее и сам его всегда называл своим благодетелем; тем не менее он из-за низкопоклонства оклеветал императора перед Фокой. Он пишет этому кровожадному тирану: «До ныне мы подвергались тяжелым испытаниям, но всемогущий бог избрал ваше величество и возвел на императорский престол, чтобы посредством милосердного духа и милосердных постановлений вашего величества ставить предел нашей горести и печали. Да возрадуются небеса, да возликует вся земля, и да принесет свою благодарность весь народ за такую счастливую перемену!»

И так унижал себя Григорий, чтобы привлечь на свою сторону Фоку и его не менее подлую супругу, чтобы они предпочли его епископу Константинопольскому, принявшему, к величайшему неудовольствию Григория, титул вселенского епископа.

Однако, я должен сдерживать свои выражения презрения по отношению к этому жалкому раснику, иначе я не находил бы слов, чтобы охарактеризовать еще более подлые поступки его еще более злодейских преемников.

Этот Григорий I пользуется особым почетом в римской церкви, так как последняя ему обязана введением множества бессмысленных или, лучше сказать, нелепых церемоний, не потерявших своего значения даже в настоящее время. Он, между прочим изобретатель чистилища, этого папского жульнического института, приносившего лучшую ренту, чем какое либо другое надувательское предприятие. Григорий кроме того, самый усердный покровитель монашества. Он оставил нам в наследство уйму собственных произведений, пестрящих чудеснейшим сумасбродством. В них мы находим правила для духовенства, из которых я приведу несколько образчиков, чтобы читатель, принадлежащий к римской церкви, мог судить о том, соответствует ли его епископ этим правилам. Вопрос идет о том, каким должен быть нос епископский. «У епископа не должен быть маленький нос, так как—он должен различать добро от зла, как нос зловоние от благоухания; поэтому и говорится в песне песней: «Твой нос точно башня на ливанских высотах». «Но у епископа также и не должен быть нос слишком большой, или изогнутый, дабы он не был мудрствующим или пришибленным заботами; — его глаза не должны быть слезоточивыми, ибо он должен иметь ясный взор; тем более он не должен быть паршивым и во власти плоти».

В седьмом столетии произошла перемена, которая—с одной стороны явилась тяжким ударом для христианства, а—с другой стороны—впоследствии была весьма выгодной для авторитета римских епископов. Магомет учредил новую религию. Магомет учил: «Есть только единый бог, властвующий над всем миром; он требует от людей верность почитания в виде добродетели. Добродетель состоит из покорности божьему велению, благоговейной молитвы, благодетельности по отношению к нищим и чужестранцам, честности, целомудрия, трезвости, чистоты и мужественной защиты дела божьего до самой смерти. Кто выполнит эти обязанности, может назваться верующим и примет награду вечной жизни».

Это учение должно было найти в то время живой отклик благодаря своей простоте и ясности, между тем, как христиане так далеко отпили от учения Иисуса, что они стали более темными, более туманными, более мистичными и безрассудными, чем когда либо бывали язычники. Прибавьте ко всему этому магометанское представление о рае, правда, основанное на чувственности, но именно этим прикличное и соблаз-

нительное, в то время как христианский рай, описанный монахами, для человека со здравым смыслом не мог быть ни ясным представлением, ни приманкой. Реальная ценность ислама, сравнительно с той религией, которая в те времена считалась христианством, должна была одержать победу особенно у народов востока, и учение Магомета распространилось с чрезвычайной быстротой по всей Азии и северной Африке, уничтожая в этих странах христианскую церковь. Вследствие этого исчезли патриархи Антиохии, Иерусалима и Александрии, и вместе с ними исчезли самые опасные противники римских притязаний. Магомет и калифы работали в пользу римских пап.

Последние, однако, до конца седьмого столетия были еще очень далеки от своей цели. Императоры еще не целовали им туфлю, как это они делали впоследствии, а обращались с ними также, как прусское правительство обращается с протестантскими епископами, т. е. они смотрели на них, как на государственных чиновников.

Епископ Либерий, не пожелавший покориться в вопросах веры императору Константину, был смещен и изгнан. Гордый епископ Лев «Великий» (452) должен был не по своей воле отправиться к королю гуннов в качестве посла императора Валентиниана, и епископ Аганет также в качестве посла был отправлен остготским королем Феодатом к императору Юстиниану. Мы увидели, каким смиренным бывал Григорий, и это было весьма умно с его стороны, так как императоры не всегда позволяли шутить с собою, что наглядно доказал Констанций епископу Мартыну (649—655).

Мартын осмелился действовать вопреки приказам императора, он даже затеял государственную измену. Это побудило императора поручить своему наместнику в Риме захватить римского епископа и отвести его на остров Наксос, более известный благодаря Ариадне, чем благодаря Мартыну, просидевшему там целый год в тюрьме. Отсюда перевезли святого отца в Константинополь, заперли на 39 дней и представили его потом суду, на котором председательствовал государственный казначей. Римский папа страдал обычным папским недугом, подагрой в ногах—его преемники часто страдали тем же недугом в голове—и он явился на суд сидя в кресле. Судья, однако, велел ему выслушать допрос стоя, и так как он не мог это сделать, то его поддерживали двое мужчин. Вина была очевидная, и по этому ему скоро вынесли приговор: «Ты—как изменник—поступил с императором», сказал государственный казначей, «ты покинул бога, и бог тебя покинул и отдал тебя в наши руки». После этого он передал римского епископа губернатору Константинополя с предписанием, если

ему угодно, разрубить епископа на части. Изменянику — паше на шею надели железное кольцо, потом его на цепях тащили по городу. Впереди шел палач с обнаженным мечом, в знак того, что преступник осужден на смерть. После этого Мартына унесли в тюрьму, цепями приковали к скамье и выставили под открытым небом, как это делали с преступниками накануне казни.

Над бедным германским королем Генрихом никто не сжалился, когда он полураздетый стоял в снегу на дворе замка Каноссы, а Мартын нашел чувствительных душ. Тюремные сторожа уложили его в постель и камерарий императора велел принести ему пищу. Умиравший константинопольский патриарх Павел, благочестивый человек, которого Мартын предал анафеме, как еретика, лежа на смертном одре, даже просил императора пощадить жизнь своего врага. Его просьбу уважили, и Мартын был только изгнан из страны. Какой римский папа когда либо просил о жизни своего врага? Я не знаю такого случая в истории и был бы каждому весьма обязан, кто бы мог мне указать на таковой.

Преемник смещенного Мартына отличался только тем, что он его заставил умереть с голоду. В восьмом столетии палы на целый скачек подвинулись вперед, на что они в начале этого столетия не могли питать ни малейшей надежды. Когда лангобарды стали хозяевами Италии, власть римских епископов была ограничена их епархией, так как варварские лангобардские короли их даже не признавали патриархами итальянскими, а остальные епископы этой страны отстаивали свою независимость.

Но эта картина быстро изменилась, когда лангобардское государство подпало под власть франков. Благодаря последним римские епископы стали самыми крупными землевладельцами в Италии, и это обстоятельство, также, как и поддержка франкских королей, доставило им главенство в Италии. (Рис. 10).

Хотя они в течение этой эпохи лишились всякого влияния на Испанию, но зато они вошли в более близкое соприкосновение с Галлией и положили основание своему владычеству в Германии. В Англии они утвердились уже к концу шестого столетия, так как тамошние церкви были основаны по их инициативе.

С 715-го до 735-го года епископский престол в Риме занимал Григорий II. При нем вспыхнуло иконоборство, про которое я говорил уже раньше, расслабившее еще больше восточно-римскую империю, без того разоренную спорами о престолонаследии.

Собственно уже с первого столетия христианства начались дряги по поводу поклонения иконам и самые видные и набожные наставники церкви осудили поклонение иконам, как отвратительнейшее идолопоклонство. Чтобы привести

один из многочисленных примеров, я цитирую слова Тертуллиана: «Всякая икона по закону божьему является кумиром, и всякое поклонение ей — идолопоклонством».

Также, как и он, Евсевий из Цесарии, Климент из Александрии, Ориген, Иоанн Златоуст и многие другие из самых чтимых отцов церкви осуждали поклонение иконам, как идолопоклонство. Но римские епископы и монахи, которые прекрасно понимали выгоду, которую их казна извлекала из этого явления, отстаивали иконы телом и душой.

Григорий II был маниаком по части икон и когда восточно-римский император Лев хотел насильно удалить иконы из церквей Италии, дело дошло до самых кровопролитных столкновений, которыми воспользовался лангобардский король Лунтиранд, чтобы расширить свое господство в этой стране.

Григорий натравливал всех друг на друга и взбудораживал народ против императора. Последнему он написал дерзкое послание, в котором он его обозвал «невеждой, болваном, пеленым и сумасшедшим человеком, безбожным еретиком». Император, вместо того, чтобы карать надменного рясника по всей строгости закона, ответил ему с большой сдержанностью, но теперь дерзость Григория не знала пределов и он написал в одном из своих писем императору: «Пусть Иисус христос вселит в твое тело чорта, чтобы спаслась хоть твоя душа».

Лев затронул непокорного епископа за самое чувствительное место: он отнял у него все владения в Сицилии и Калабрии и передал их константинопольскому патриарху. Вследствие этого Григорий лишился 224.000 ливров ежегодных доходов. Но зато римская церковь чтит Григория II — как святого.

Его преемник, Григорий III, действовал в таком же духе и возбуждал парод к открытому восстанию против императора. Когда же он также оскорбил лангобардского короля, то последний явился перед Римом. Запуганный епископ, которого теперь не могли защищать все святые мощи и который опасался за свои собственные, просил о помощи франкского мажордома Карла Мартеля и извивался перед ним как червь. Наконец, франкский мажордом согласился защитить его, когда Григорий обещал отречься от императора и подчинить ему Рим.

После смерти Григория и Карла Мартеля, следующий епископ римский Захарий опять был сильно стеснен лангобардами и нигде не находил ни утешения, ни помощи, как только у франков. Здесь охрана государства находилась в руках сына Карла Мартеля, Пипина, которому очень хотелось бы лишиться престола слабого короля Хильдериха III. Захарий сумел делу дать такой оборот, что франкские представители обратились

Рис. № 10. МОШЕННИЧЕСКАЯ ИНСЦЕНИРОВКА ЦЕРКОВНИКАМИ КУЛЬТА ПОМЕЩИКА И БАНДИТА ДАГОБЕРТА.

(Барельеф на гробнице короля франков Дагоберта, изображающий видение отшельника сицилийского Иоанна. Собор в Сен Дени).

Дагоберт I был глава всей франкской монархии. Умер в 638 г. Его жизнь была полна уголовщины и распутства. Он был женат одновременно на трех женах и, кроме того, держал еще при себе гарем наложниц. Он ценил ту помощь, которую церковники оказывали в деле усиления его монархической власти, и богато их одаривал—даже основал аббатство святого Дионисия⁴.

Для большего удобства политической и экономической эксплуатации крестьянства монахи создали культ св. Дагоберта, основоположника их личного благополучия.

Предлагаемая к обозрению читателя настоящая икона живописует, как церковь в союзе с феодальным государством проделывала (и проделывает до сих пор) мошеннические операции по части открытия мощей и тому подобных поповских диковинок.

Внизу: святой Дионисий отгрызает во сне Иоанну отшельнику, что черти посадили душу Дагоберта на лодку и держат нуть в ад.

В середине: душа Дагоберта освобождена благодаря вмешательству трех святых: Дионисия, Маврикия и Мартина.

Наверху: эти трое святых поднимают душу Дагоберта на покрывале и предлагают библейскому Аврааму принять ее в свое лоно.

«ему с запросом: «Нельзя ли лишить престола трусливого и негодного короля и заменить его более достойным?» Римский епископ ответил: «Да», и этим приобрел друга в лице Пипина, избранного королем франков.

Захарий не дождал до плодов своей политики. Про него стоит еще упомянуть, что он отлучил от церкви епископа, по имени Вергилия, и предал его анафеме, как еретика, потому что тот заявил: «что земля—шар, и что на противоположной стороне ее живут люди, ступни которых направлены против нас».

Епископ Стефан II (752—757) пожал то, что посеяли его предшественники. Стесненный лангобардами, он лично отправился к Пипину. Последний выслал ему на встречу своего сына Карла за 30 миль и сам за целую милю выехал ему навстречу. Он не допустил, чтобы епископ слез с коня, а сопровождал его сам пеньком, словно конюх. Так рассказывают папские историки. Пипин принял в Париже помазание от Стефана, и этот торжественно освободил его от клятвы, принесенной Пипином своему королю; кроме того, он грозил франкам отлучением от церкви, если они не признают Пипина и его потомков своими королями. Этот храбрый народ был уже настолько ошутан сетью папского суеверия, что бесстыдство Стефана никого не возмутило, а—наоборот—укрепило власть Пипина. Последний не оставался в долгу; он подарил римскому епископу экзархат, т. е. нынешнюю Романию и Анкону, область, которую Пипин не мог подарить, так как она ему не принадлежала!

Когда Стефан вернулся в Рим, и франки слишком долго медлили, чтобы освободить его от лангобардов, он писал Пипину одно письмо за другим, а когда Пипин все еще не являлся, Стефан прибегнул к столь же нелепому, как и бесстыдному обману, оказавшемуся вестакки довольно хитрым, так как он подействовал на суевенных франков. Стефан отправил Пипину, его сыну и франкской нации письмо апостола Петра, в котором апостол во всю ругает лангобардов, настойчиво просит о помощи, но при этом предупреждает франкского короля, «что в случае отказа в помощи, король будет недопущен в царство божье».

Испортив свои отношения с «небесным приятником»—было дело серьезное, и франки решились вступить в Италию. Лангобарды были принуждены очистить экзархат, и епископ Стефан был водворен во владение области, которая принадлежала восточно-римскому императору, суверену Стефана!

В то время, как римские епископы сами заботились о стрижке своих ягнят в Италии, за них работал в Германии Бонифаций, вполне достойный своих покровителей. Я уже раньше говорил про этого горе-апостола, которому Герма-

ния обязана всеми злами, постигшими ее по милости римской церкви. Этот Бонифаций явился в Рим и принес Григорию II над ложной могилой апостолов клятву верности, которой он душой и телом отдал себя папству, но только не христианству.

Вооруженный святыми мощами всех разрядов, он вернулся в Германию и пользовался всеми усвоенными у своего великого мастера в Риме средствами, чтобы покорить германских епископов римскому престолу.

Христианство давно уже успело укорениться в Германии, но Бонифаций опять искоренил его, как ересь, и предоставил Германии взамен христианства современное язычество, которое в Риме называли христианской религией. Он в качестве легата римского епископа основал в Германии массу церквей и подчинил их последнему, и плодом его стараний было, что в 744 г. все германские епископы клялись римскому престолу в вечном повиновении. Также над франкскими епископами римский добился своего рода верховной власти; однако, здесь также, как и в Германии, последняя была еще сильно ограничена, и никто еще не думал уступить ему законодательную власть над всей церковью. Но было достаточно, что ему предоставили хоть некоторую авторитетность; не брезгая ни ложью, ни обманом, римские папы скоро добились дальнейших успехов. Пипин, правда, выказал большое смирение, но его сын, Карл Великий, хотя короновался папой в Риме, был весьма далек от мысли подчиниться ему; он смотрел на папу, как на первого епископа государства, так как он сам вступил во все права, присвоенные раньше римскому императору. Но этот человек, столь разумный во всех остальных отношениях, пробиравший так сурово духовенство за алчность, роскошь и распутство, совершил нелепость: предоставить рясникам важное право, послужившее впоследствии к укреплению их власти, от которой так жестоко пострадали преемники Карла; он утвердил за ними право взимания десятой части сбора.

Когда христианские священники с'организовались по образцу еврейских, они также, как и те, стали требовать десятую часть сбора и т. д. До тех пор они только посредством уговаривания склоняли верующих христиан к уплате этого налога, и хотя уже в конце седьмого столетия франкский церковный собор объявил взимание десятой части сбора божественным учреждением и грозил всякому, уклоняющемуся от уплаты, отлучением от церкви, но это было только одно из многих доказательств развязности рясников.

Карл Великий придал этому налогу законную силу, и рясники скоро распространили его на всевозможные предметы. Они требовали не только десятую часть полевых плодов, овец, коз, те-

лят, кур и заработка, но хотели взимать ее даже с таких предметов, которые являлись не совсем благопристойными для духовных лиц. Примером может служить следующий случай:

В Бреции священник во время исповеди разъяснил женщинам, что они обязаны предоставлять ему также и десятую часть брачных обрядов. Одна из женщин, которую ему удалось убедить в справедливости подобного требования, подвергла опросу со стороны супруга по поводу долгого отсутствия; прижатая к стене, она супругу призналась во всей этой затейливой исповедальной тайне. Оскорбленный супруг придумал горькое наказание для исповедника. Он устроил большой пир, на который он также пригласил священника, любителя палогов. Когда гости развеселились, хозяин рассказал всему обществу про подлость рясника и потом вдруг обратился к последнему со словами: «Так как ты требуешь от моей жены десятую часть всего, что у нея бывает, то прими же и эту десятую часть!» С этими словами он подал ряснику стакан с мочей и т. п. и заставил священника опорожнить стакан на глазах всего общества. После этого у рясника ашкетит, вероятно, стал скромнее.

Недостойные преемники Карла Великого сохранили глупость, что позволяли папам короновать их, и, таким образом, у народа получилось представление, что папа является хозяином короны, так как он только путем коронования создает императора. Утверждение, в котором нуждались папы при своих выборах со стороны императора, всегда выпрашивали без громкого шума и втайне, чтобы это не было заметно для народа.

Папа Евгений сам выработал формулу клятвы, которую он принес «своим повелителям, императорам Людовика и Лотарю», и которую его преемники должны были приносить императорам. Эта клятва, которую я здесь не хочу привести во всех подробностях, встречается также в дипломах, найденных императорами Оттоном I и Генрихом I в замке ангелов в Риме. Это вполне ясно доказывает, что папы сами тогда себя еще считали подчиненными императорам.

Прямо остоленеешь перед безграничным бестыдством, с которым папы старались отрицать этот факт! Особенно этим отличался Николай I (858—868). Он утверждал: «что императоры, когда считали необходимым созыв собора, всегда обращались сначала в Рим и не приказывали, а только просили, чтобы созвали собор, а потом одобряли или осуждали, все, что было угодно Риму».

Этот Николай утверждал: «что подданные не обязаны повиноваться королям, которые не исполняют волю Божию (т. е. волю пап)». Он своим во всех посланиях ставил раньше имени

короля, он даже осмелился отлучить от церкви Лотаря, и тот — действительно просил у него отпущение грехов!

Архиепископ Теутгауд Триерский и Гюнтер Кельнский смело выступали против зазнавшегося Николаски. «Ты — волк среди овец!» заявили они. «ты поступаешь со своими коллегами епископами не как отец, а как Юпитер: ты называешь себя рабом всех рабов и разыгрываешь роль владыки всех владык. — ты оса — но ты только воображаешь, что можешь делать, что тебе угодно. Мы не знаем тебя и твоего голоса и не боимся твоего грома и молнии. — божий град, гражданами которого мы являемся, выше Вавилона, хвастающегося своею вечностью и кичащегося своею непогрешимостью». Но подобные отдельные выступления мало помогали. Сильный паук-крестовик римский ткал паутину своей лжи над всей Европой и опутал в конце концов ею и князей, и епископов, и народ! А папам все казалось, что дело движется слишком медленно, и они придумали обман, который должен был их быстрее довести до цели, и — к сожалению — действительно их довел до нее благодаря глупости людской. Никто пока еще не хотел верить в законность тех прав, которые папы мало по малу присвоили себе. Это обстоятельство во многих случаях имело досадные последствия, и папы, естественно, очень желали иметь какие-нибудь доказательства, что уже первые римские епископы обладали тем могуществом, на которое они претендовали.

Для этой цели, папский обманщик состряпал в начале девятого столетия поддельные документы, известные в истории, как «Лже-Исидоровы Постановления». Их распространяли за подписью весьма чтимого епископа Исидора Севильского, который умер в 636 г. Они начинаются с 60 писем самых первых римских епископов, а после писем приводится масса епископских постановлений, в том числе и настоящие и поддельные.

Главной целью этой фальсификации было — перетасовать всю церковную дисциплину, сделать римского епископа неограниченным церковным монархом, уничтожить власть митрополитов и синодов, подчинить всех епископов непосредственно римскому папе, сделать церковь совершенно независимой от светского судопроизводства и уничтожить всякое влияние государства на дела церкви.

В этой мошеннической проделке содержится также дарственная грамота, в которой император Константин дарует апостолу Петру все западное государство вместе с его столицей Римом.

Обман настолько явный, что не поймешь, каким образом даже епископы могли верить этим

письмам и документам. Но большинство епископов тогда были людьми неучеными, которые не имели понятия даже об истории своей церкви. Как только какой-нибудь умник интересовался оригиналами этих постановлений, которые должны были находиться в Риме, так как с них, будто бы, сняли копии, то ему отвечали уклончиво, с хитрыми увертками, на что большинство епископов смотрели сквозь пальцы, так как они предпочитали зависимость от отдаленного епископа римского — зависимости от **своего** митрополита, который мог бы следить за их делами.

В этих письмах, будто бы написанных римскими епископами первых столетий, встречаются названия предметов, которых в то время совсем не знали. Невежественный фальсификатор, который состряпал эту книгу, заставляет этих епископов цитировать места из библии в переводе святого Иеронима, жившего гораздо позже, или из книг, написанных только в седьмом столетии! Еще чище! — встречаются места из постановлений парижского церковного собора 829 г.

Но, как это смешно не звучит, эти «Лже-Исидоровы Постановления», эта явная фальсификация, составляют юридические основы папской власти. Благодаря им — папы стали неограниченными законодателями в делах духовных и светских; благодаря им — они возвысились над князьями и народами, требовали, чтобы им поклонялись, как полубогам; произвольно распоряжались обширными государствами и даже раздавали целые части света. К так — титул, дарованный кровожадным негодяем Фавкой; дарование не принадлежавшего ему владения со стороны узурпатора Пипина, и самая грубая фальсификация, эти «Лже-Исидоровы Постановления», составляют ту нечистую тропку, на которой основано папское могущество.

Убийство, кража, обман!

Прекрасный фундамент!

Здание, выстроенное на этой основе, продержалось до сегодняшнего дня, так как его скрепили глупостью людей, а брешь, которые пробивал в нем иногда рассудок, быстро заполнялись кровью миллионов людей!

«Лже-Исидоровы Постановления» проявляли свою силу уже при вышеупомянутом папе Николае I, а еще более при Иоанне VIII, занявшем папский престол в 872 г. Тот вел себе уже, как настоящий папа и говорил про императора Карла Лысого: «так как он желает, чтобы мы его короновали, он должен быть сначала нами призван и избран». Иоанн был первым, который претенденту на коронование предложил предварительно форменную капитуляцию. Карлу Толстому, раздавшему кое какие монастырские владения, он написал: «Если ты таковые

не доставишь обратно в 60-дневный срок, ты будешь отлучен от церкви, а если и это не поможет, то более крепкие удары заставят тебя поумнеть».

В послании к германским епископам он объявляет без обиняков, на что направлены все стремления пап: «Что же мы сделаем для церкви на месте Иисуса, если мы не станем бороться за Иисуса против надменности князей? Нам приходится, говорит апостол, сражаться не против крови и плоти, а против князей и сильных мира сего».

Стефан V (885—891) не удовлетворялся тем, что он был человеком — он говорит: «Зачатие пап происходит, как и зачатие Иисуса, от святого духа; все папы — в своем роде богочеловеки, чтобы они могли быть посредниками между богом и людьми, и им дана вся власть на небе и на земле».

Но не только папы тех давних времен претендовали на божественность своей натуры; все римские священники и попы делают то же самое. Как доказательство, я приведу одно место из проповеди, которую произнес в 1868 г. Обердорфский кооператор Антон Геринг в церкви в Эберсберге. Этот бого-Геринг говорит: «Предоставляя священникам право отпускать грехи. Иисус предоставил им власть, страшную даже для ада, власть, против которой не может устоять сам сатана; власть, которая простирается до неизмеримой вечности, где предел и конец всякой власти земной; власть, говорю я, которая может разорвать вечные цепи, скованные тяжким грехом».

Во истину! эта власть отпущения грехов превращает священника в бога, так как — грехи может, конечно, отпускать только бог. И это еще не высший предел священнической власти; самого бога он может привлечь к своим услугам! Каким образом? — Когда священник подходит к алтарю, чтобы принести святую жертву, тогда встает со своего престола Иисус христос, сидящий по правую сторону от бога-отца, чтобы быть готовым к призыву священника на земле. И лишь только священник приступает к освящению святых даров, как опускается Иисус, окруженный сонмом ангелов, с небес на землю, на жертвенный алтарь и превращает по мовению священника хлеб и вино в свою безгрешную плоть, и кровь, и он поконяется в руках священника, если тот даже самый грешный и недостойный из всех священников. Во истину! такое могущество превосходит даже могущество небесных владык, даже могущество царицы небес. Поэтому звантой Францией ассизский справедливо говорит: «Если бы я встретил одновременно и священника и ангела, то я приветствовал бы сначала священника, а потом только ангела, потому что свя-

ценник обладает гораздо большим могуществом и величием, чем ангелы».

Я привожу это место из произнесенной еще недавно проповеди, чтобы доказать, что нелепая вера среди римско-католических христиан еще не является отжившим свой век предрасудком.

Петок папской грязи становится все шире и зловоннее. С десятого столетия начинается эпоха, пользующаяся в истории дурной славой, как «римское царство блудниц». Самые низкопробные блудницы управляют христианством и распоряжаются по своему желанию так называемым апостольским престолом.

Я мог бы казаться пристрастным, если бы я сам характеризовал эту позорную эпоху правдиво и точно; пусть поэтому за меня говорит абсолютно папский писатель, а именно, Кардинал Бароний. Бароний говорит: «В эту эпоху ужас разорения царил в храме и святые господней, и на престоле Петра сидели отъявленные безбожники, не папы, а изверги. Какой отвратительный вид приняла римская церковь, когда распутные и наглые блудницы в Риме управляли всем, по своему произволу распоряжались епископскими престолами и своих любовников и наложников сажали на престол Петра».

Однако, не думайте, что только папы вели такую позорную жизнь, нет, как глава, так и все члены были испорчены. Король Эдгард говорит в одной речи про английское духовенство: «Среди клериков только и видишь плотоядие, распутную жизнь, чревоугодие и блуд. Свои дома они превратили в притон позора и в притоны блудниц. Днем и ночью там пьют, пляшут и играют. Вы, злодеи, так ли следует пользоваться наследием королей и щедротами князей?» — Я в дальнейшем приведу достаточно доказательств того, что король Эдгард говорил правду, и что его карательная речь касалась не только духовенства Англии, но и духовенства всех остальных стран.

Не святой дух, а наложница могущественного маркифа Тосканского Адальберта, Мароция возвела на папский престол Сергия III и родила от него сынишку, который впоследствии также стал папой. Когда Сергий умер, Мароция и ее сестра Феодора дали ему преемника в лице своего любовника Анастасия II. За ним последовал очень скоро, так как эта парочка сестер поглощала очень много пап, Иоанн X, который — однако — не поладил с Мароцией, так что последняя его велела взять под стражу и задушить. Лев VI, его преемник, также через несколько месяцев был убит.

Наконец, Мароция возвела в папы сына своего от Сергия III, Иоанна XI, который был почти еще ребенком. Рим наполнился убийствами.

Один из врагов папы захватил его в свои руки и велел его отравить в темнице.

Безумная суматоха, которая в эту эпоху царилла в Риме и вообще в Италии, слишком пестра и запутанна чтобы я мог ее описать детально. В 956 году внуку Мароции, Октавиану, удалось завладеть папским престолом, хотя ему было только девятнадцать лет и он никогда не был духовным лицом. Он принял имя Иоанн XII и был просто жемчужиной среди ночи; он вел себя еще почище, чем его современник и коллега, греческий патриарх Феофилакт, — шестнадцатилетний мальчишка. Иоанн продавал с торгова епархии и церковные должности и тратил безумные деньги на лошадей и собак. Он держал 2.000 лошадей и кормил их ради мотовства фишашками, изюмом, миндалем и финиками, мочеными заранее в хорошем вине, — хороший овес и сено, вероятно, им были бы более по вкусу. Во время его правления царилла веселая жизнь, смеялись и плясали в церкви и пели при этом непристойные песни. Папский дворец Иоанн XII превратил в гарем. «Ни одна женщина не была настолько смела, чтобы где нибудь показаться, так как Иоанн изнасиловал всех, и девиц, и замужних, и вдов, даже на могилах святых апостолов», рассказывает про него Кремонский епископ Луитпранд.

Император Оттон I созвал церковный собор и на этом соборе узнал про «святого отца» весьма несвятые вещи. Самые почтенные епископы выступали в качестве обвинителей. Один из них заявил, что он видел, как папа кого-то из конюшине посвящал в епископы. Другие доказывали, что он за деньги продавал епархии, и что он десятилетнего мальчика назначил епископом Лодийским. Про распутство я уж не говорю, так как заняло бы слишком много места. Его, кроме того, обвиняли, что он оскобил кардинала, что он поджег несколько домов, во время попойки вышел за здравие чорта и за игрой в кости призывал на помощь Венеру и Юпитера.

После того, как синод торжественной клятвой подтвердил правдивость этих показаний, просили императора не судить папу, не выступавшего его, не смотря на все доказательства. Святого Иоанна вызвали на суд, но вместо него было получено письмо, в котором он заявил: «Мы узнали, что вы хотите выбрать нового папу. Если это ваше намерение, то я вас всех именем всемогущего бога отлучаю от церкви, чтобы вы впредь не были в состоянии осудить папу или служить литургии».

Теперь Оттон I больше не церемонился с распутным Гансом, сместил его и заменил его Львом VIII, избранным народом, дворянством и духовенством. Гансюша удрали, унеся с собою сокровища собора святого Петра. Как только

император Оттон со своими неуклюжими немцами покинул Рим, римские дамы требовали возвращения своего любимца Иоанна и при помощи своих приверженцев добились, что его торжественно привезли обратно в Рим. Льву удалось во время скрыться, но некоторые из его сторонников попали в руки Иоанна, который велел их искалечить. Отгар, епископ Шпейерский, один из этих сторонников, очутившийся в Риме, был засечен до смерти.

Святой отец Иоанн XII, однако, не долго наслаждался возвращенным ему счастьем. Он похитил одну красавицу, супруг красавицы поймал его на месте преступления и убил его на самой брешии завоеванной крепости. Странное смертное ложе для его святости!

безгрешным или святым, право, которым до тех пор владел каждый епископ.

Иоанн XVI был взят в плен своим противником Григорием V (996—998) и был предан жалкой смерти. Григорий велел изуродовать его глаза, уши и нос, одеть его в замаранную священническую одежду, вести его по улицам верхом на осле, лицом к хвосту, держа хвост в руке, а потом предать голодной смерти.

Я должен в этом месте упомянуть про легенду, которую всегда противники папства приводили с большим злорадством, хотя новейшие писатели признают ее вымыслом. Это—известный рассказ про «папессу» (женщину—папу) Иоанну. (Рис. 11).

Рассказывают, что в промежутке между

Рис. № 11. РАЗРЕШЕНИЕ ОТ БРЕМЕНИ ПАПЕССЫ ИОАННЫ НА УЛИЦЕ В РИМЕ.

По итальянской гравюре.

Легенда о папессе возникла, очевидно, во время так называемого «царства блудниц» в Риме. Папские историки признавали достоверность легенды.

Лев VIII и Бенедикт V просуществовали недолго и после них занял папский престол Иоанн XIII (965—972), которого римляне прогнали, потому что он был слишком высокомерным и деспотичным, и на его месте был избран папою Бенедикт VI. Но и Бенедикта VI скоро бросил в темницу и задушил сын Мароции и папы Иоанна X.

Иоанн XIV одного из своих конкурентов приказал заключить под стражу и отравить; этот отравитель вскоре умер и его труп рассвирепевшие римляне таскали по всем лужам и потом бросили на улице, точно какую-то падаль. Некоторые клерики унесли труп и тайком похоронили его. Иоанн XV (985—996) оставил за собою исключительное право объявлять кого-нибудь

Львом III и Бенедиктом IV на папском престоле восседала женщина под именем Иоанна XIII. Эту «папессу» легенда считала то англичанкой, то немкой, и называла ее то Иоанной, то Гуттой, Доротеей, Гильбертсгей, Маргаритой или Изабеллой. Она, — буди бы — вместе со своим любовником, переодетая юношей, отравила в Париж, там занималась науками и приобрела такую ученость, что после своего прибытия в Рим, там была избрана папой.

Но этот папа, рассказывает дальше легенда, находился в более близких отношениях к своему камерарию, чем к святому духу, и скоро святой отец почувал, что ему придется стать святой матерью. К ней явился ангел — ангелы тогда еще летали, как воробьи — и этот ангел

предоставил ей на выбор, хочет ли она быть навеки проклятой или публично опозоренной перед всем светом.

У всякого двора бывает его секретная история и происшедшие при нем позорные дела в большинстве случаев запутываются настолько тщательно, что добросовестному историку случайно всплывшие, но противоречащие друг другу рассказы про них, приходится отвергать, как недостаточно обоснованные.

После того фатального случая, продолжает легенда, вновь избираемые папы должны были всегда в присутствии всего духовенства и народа садиться на особое кресло с отверстием в сидении. Диакон должен был протянуть руку под стул и ощутить удостовериться в том, что у папы на-лицо то, чего не хватало у Иоанни, и что в ту эпоху считалось для всякого папы необходимым аксессуаром при управлении христианским миром. Если все оказывалось в исправности, диакон провозглашал торжественно: У него есть, есть, есть! (*habet, habet*) и народ ликова! Слава всевышнему!—Это кресло называлось креслом испытания. Только Лев—будто бы—отменил этот обычай.

Григорий V, последний из пап десятого столетия, был первым, который отлучению от церкви подвергнул целую страну, а именно Францию. Отлучение от церкви целой страны, так называемый «интердикт», было «самой страшной и сильнодействующей тактикой церковных деспотов и служило главным рычагом для создания духовной всемирной монархии».

В настоящее время папа может отлучать от церкви, сколько его душе угодно, никому от этого не станет ни тепло, ни холодно. Но в те темные времена не было для страны более страшного бедствия, как подобный «интердикт». Печаль и отчаяние водарались в стране, словно в ней свирепствовала чума. Земледелец бросал свою работу, так как он полагал, что проклятая земля может приносить только плевелы вместо хлеба; купец боялся отправить свой корабль в плавание, опасаясь, что молния сожжет их, солдат становился трусом, предлагая, что бог протит него.

Нигде не бывало ни паломничества, ни крестин, ни венчания, ни церковной службы, ни похорон! Все церкви стояли закрытыми, алтари и амвоны были лишены своих покровов, иконы и кресты лежали на земле; не было слышно колокольного звона, не раздавались святые дары: покойников зарывали без песнопений. Браки заключались над могилами, а не перед алтарем,—все должно было возвещать людям, что проклятие святого отца тяготело над страной. Одним словом, временно приостанавливалась

вся деятельность расников и все, что было с ней связано. Такое состояние — за исключением народной темноты — я от всей души желал бы для германского народа.

Отлучение от церкви, или анафема, встречается в христианской церкви уже гораздо раньше; но оно постигало только отдельных лиц, и им приходилось не сладко, даже когда они относились к нему равнодушно. Народ считал их во власти сатаны, и всякое общение с ними избегали, как будто они были охвачены чумой. Обедки с их стола, будь это даже стол императорский, не трогал даже беднейший из бедных, их сжигали.

Отлучение от церкви означало для отлученного гражданскую смерть. Он не мог вести никакой судебной тяжбы, не мог быть свидетелем, не мог отдавать имение в ленное владение или в аренду и т. д. Перед дверью отлученного ставили погребальные носилки и его труп не смели хоронить в «освященной» земле. Поэтому вполне понятно, что даже короли трепетали перед анафемой.

Сильвестр II, преемник Григория V, единственный из всех пап, про которого папские историки определенно сообщают, что его унес чорт. Дело было в том, что Сильвестр был исключительно умен, много занимался математикой, покровительствовал наукам, и был виновен в другой чертовщине подобного рода. Ему мы обязаны введением арабских, т.-е. наших обыкновенных цифр.

Этому умному папе, согласно преданию, чорт сулил папский сан, обещая унести его не раньше, пока он не отслужит литургию в Иерусалиме. Это было трудно ожидать, так как этот город находился в руках сарацинов, и Сильвестр считал это условие для себя приемлемым. Каким образом справился со святым духом, руководящим, как известно, папскими выборами, я—право—не знаю; однако, Сильвестр был избран, и не чувствовал ни малейшего желания служить обедню в Иерусалиме. — Но чорт — продувная бестия. В Риме существовала часовня, прозванная Иерусалимом; в ней папа отслужил обедню, не забываясь о названии часовни, и чорт его унес самым добросовестным образом. Из могилы Сильвестра в продолжении долгого времени выступала влага в виде пота и слышен был треск его костей. Какой ужас! Лже-Исидоры Постановления уже в десятом столетии дали цветы, а в одиннадцатом принесли уже обильные плоды. В одиннадцатом столетии могущество папства достигает своего кульминационного пункта, и на самой вершине его находится Григорий VII.

Раньше, чем говорить про этого могущественного папу, приходится упомянуть, что уже до

эпохи его правления, коллегия кардиналов достигла большого значения. Первоначально существовало только семь кардиналов («кардо» — дверная петля), и они являлись самыми видными церковными сановниками. Так как влияние этих господ очень росло и все стремились к достижению этого сана, папы были принуждены, значительно увеличить число этих «дверных петель церкви», вводя между ними разные ступени, пока число кардиналов не достигло 70, так как «у Иисуса было 70 учеников».

Постепенно отнимали у духовенства и народа право участия в папских выборах, или — говоря немецким дипломатическим языком — у них «украли» это право, и кардиналы прислали его исключительно самим себе. Эта коллегия, из среды которой отныне избирали пап, была непосредственно заинтересована в расширении авторитета папского престола, так как каждый член коллегии при случае мог сделаться папой.

Кардиналы сумели завоевать себе величайшие привилегии. Они претендовали на первенство после королей и преимущество перед всеми князьями-избирателями, герцогами и принцами. Они — специальные личные слуги папы, занимали более высокое положение, чем архиепископы и епископы, которые, собственно, все были такими же, как и сам папа. Но ведь и в некоторых из наших германских государств камергеры обязаны нести за своим князем бинюкль, пользуются полковническим чином.

Кардиналы носили порфиру. Когда они встречали преступника на пути к виселице, они могли освободить его. Они сами сплось и рядом бывали достойны виселицы; однако, я не думаю, чтобы когда либо какой-нибудь кардинал был осужден на казнь в силу законного приговора, — так как было почти невозможно изблечь их в каком-нибудь преступлении, если для этого требовалось бы 72 свидетеля. Кардиналы имели право каждую королеву или княгиню целовать в губы, и никто из них не смел иметь меньше 4.000 скуды дохода. Пост кардинала был один из самых уютных постов во всем христианском мире.

Григорий VII (1073—85) был сыном ремесленника и его собственно звали Гильдебрандом. Он был мал ростом, но одним из самых больших умов, когда либо занимавших папский престол. Его современник, кардинал Дамиани, называл его «святым сатаной» и позднейшие реформистские писатели его называли не иначе, как «адской головешкой». Будучи еще кардиналом, он уже при своих предшественниках управлял «апостольским престолом» и при помощи интриг и притворства добился, чтобы его избрали папой и чтобы Генрих

IV утвердил его вопреки предостережениям благонамеренных епископов. Этот сын кузнеца, Гильдебранд, сковал те цепи, в которых стонет мир уже свыше 800 лет. Он — собственно — учредитель папства. Неустанно он стремился к осуществлению своей идеи всемирной монархии и его чисто ряснической гениальности удалось действительно осуществить эту идею.

Рис. № 12. ПАМФЛЕТ НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЦЕРКОВЬ.

Рисун. Л. Крауха. Слова М. Лютера.

Достойная награда его дьявольскому величеству папе и его кардиналам.

Папа и кардиналы на виселице, а черти забирают их души в виде теней в ад.

*Если б кардиналов с папой
Суд настил бы своей лапой,
Был бы их конец таков,
Как здесь видно и без слов.*

Мартин Лютер.
1545.

Сделавшись папой, он немедленно заявил: весь мир — ленное владение папского престола. Некоторые князья были настолько глупы, что согласились с его мнением и принимали свои государства от него в качестве ленных владений. Тех князей, у которых его подлые хит-

роплетения и ложь не помогли, он предавал анафеме. Король, отлученный от церкви, по взгляду Григория, этим же лишился власти и достоинства, и все его подданные становились свободными от своей клятвы повиновения. Так как уже привыкли считать папу наместником бога, то для него было не трудно добиться признания своих притязаний со стороны оглуевшего человечества. Для лучшего проведения своих честолюбивых замыслов Григорий считал нужным разрезать все узы, связывающие духовенство с гражданским обществом и с государством; у духовенства не должно было быть никакого другого интереса, как только интересов церкви, и оно должно было быть преданным церкви душой и телом. Так как семейные узы самые цепкие и сильные из всех уз, Григорий решил искоренить во что бы то ни стало брак у духовенства. Григорий VII — творец вынужденного безбрачия священников или так называемого «целибата».

Кто испытал сладость семейной жизни, поймет, почему духовенство оказывало папе в этом пункте сильнейшее сопротивление. Борьба священников за своих жен продолжалась два века; наконец они были побеждены. В дальнейшем — а подробнее распространюсь об этой борьбе, в которой нелепый фанатизм народов оказывал папам сильнейшую поддержку, а также о пагубных последствиях, вытекавших из «целибата» для человеческого общества.

Вторым шагом Григория на пути к своей цели, была отмена права инвеституры. Князья осыпали высшее духовенство своими щедротами, даровали ему и землю и людей, предоставляли ему княжеский почет и привилегии, но архиепископы, епископы и настоятели монастырей были государственными вассалами. В виду этого князья при назначении их предавали им кольцо, как знак обручения епископа с церковью, и пастырский посох, как знак духовной пастырской должности. Духовный сановник вступал в пользование своим достоинством только после того, как совершался этот обряд, прозванный инвеститурой. Инвеститура служила связью, соединяющей епископов с князьями соответствующих стран.

Эту связь хотел Григорий разорвать, чтобы светскую власть лишить всякого влияния на церковь и ее слуг. На одном синоде (1075) он провозгласил декрет, запрещающий духовенству принимать инвеституру из рук светских лиц под угрозой потери должности, и запрещающий в одно время всем светским лицам производство инвеституры под угрозой отлучения от церкви.

Князья были ошеломлены новой выходкой надменного рясника и не обращали никакого внимания на его приказы.

Но Григорий прекрасно знал свою силу, он не тратил пороха на мелких князей; он хотел им показать свою власть, направляя удар против самого видного из них, самого императора, своего повелителя.

У Генриха IV среди сильных князей было много противников. Григорий разжигал костер раздора и заступался за врагов императора. Наконец, он дошел до такой наглости, что он вызвал императора в Рим, чтобы тот оправдал себя перед ним!

Генрих, отец которого сумел сместить трех пап, был возмущен этой наглостью и созвал синод в Вормсе, на котором Григорий единогласно был отлучен от церкви и смещен.

Пока все это происходило в Вормсе, также и в Риме взорвалась мина, направленная против Григория. Масса отлученных от церкви лиц соединились, напали на Григория в церкви, когда он как раз служил торжественную мессу и потащили его за волосы в темницу; но ослепленная римская чернь опять освободила его.

Григорий жаждал мести. На декреты о смещении он ответил тем, что предал анафеме Генриха IV и всех его приверженцев, освободил от клятвы подданных императора и сместил самого императора! Одновременно, монахи, эти услужливые приспешники пап, наводнили всю Германию и обрабатывали народ. Сначала здесь почти единодушно кричали про наглость папы, так как в криках немцы уже тогда были сильны; но противники Генриха не кричали, а действовали. Под влиянием интриг Гильдебранда, приверженцы императора, один за другим покинули его, только герцог Лотарингский Готфрид оставался ему верным; Григорий устранил его убийством. Жалкие германские князья собрались в Тибуре и заявили императору: «что его царствованию настал конец, если он не очистится от анафемы до истечения года».

Подавленный темным духом своей эпохи, покинутый всеми — только немного солдат остались ему верными — германский император решил отправиться в Рим и помириться со своим противником. — Во время сильной стужи, в нищенском одеянии, он перешел Альпы. Итальянцы стекались вокруг него и требовали, чтобы он во главе войска привлек к ответственности строптивого великого рясника; но подлость германцев сломило мужество и сердце и без того малодушного императора. Он хотел смиренно выпросить прощение у Григория.

Последний никак не ожидал такого похода. Он находился как раз на пути в Аугсбург и достиг уже Ломбардии. Когда он узнал о прибытии императора, он поспешно скрылся в укрепленный замок Каноссу, принадлежавший его

наложнице, богатой маркиграфине тосканской Матильде.

Сюда явился германский император. В шерстяном рубище, с непокрытой головой и с босыми ногами стоял он на дворе перед внутренней стеной замка, — три дня и три ночи, в середине января, дрожа от стужи и измученный голодом и жаждою.

А из окон замка Григорий со своей наложницей глядел на своего униженного врага и с радостью приветствовал бы его смерть. Бесчеловечная жестокость папы заставила роптать всех домочадцев, и наконец он уступил просьбам маркиграфини, которая, хотя и была противницей Генриха, но была милосерднее папы, и подвел императора к алтарю. Здесь Григорий преломил облатку: «Если я повинен в тех преступлениях, в которых ты меня обвинял в Вормее», обратился он к императору, «то пусть бог докажет мою невинность или пусть покарает внезапной смертью!». С этими словами он съел половину облатки. Григорий не был суеверен и не страдал слабостью нервов. Он остался живым.

Проклятие сняли с Генриха, но при самых унижительных условиях. «Если ты», говорил Григорий, «оправдаешь себя на имеющем быть государственном сейме и вновь получишь корону, то ты должен быть мне послушным и верноподанным».

Вернувшись в Германию, пораженный горем всякого рода, император взглянул на выстроенный им собор в Шпейере и сказал своему старому другу — епископу: «Вот, я потерял и царство и надежду, предоставь мне духовную должность, я умею читать и петь. «Епископ ответил: «Да, хранит меня мать божия! Я этого не сделаю!». Ломбардские города и князья были возмущены этим унижением Генриха и открыто высказывали ему свое мнение. Тогда подавленный император воспрянул духом и стал во главе быстро собравшегося вокруг него войска. Но германские князья выбрали нового императора в лице Рудольфа швабского.

Григорий ничего не предпринимал, пока не случилось ничего решительного; но, когда Генрих был побежден в одном сражении, папа послал императору противной партии корону с гордой надписью: «Скале (церкви) дал ее Петр, Петр даст ее Рудольфу». Генриха вновь предали анафеме.

Но император вновь обрел свое мужество. Синод сместил опять Григория и выбрал папою Равеннского архиепископа Гвиберта, под именем Климента III. Григорий пустил в ход прежние козни. Он уверял повстанцев, что до истечения года еще раньше дня святого Петра умрет лжекороль. Чтобы оправдать свое пророчество по отношению к Генриху, он выслал наемных убийц; но злой умысел папы спас Генриха. 15

июня 1080 г. он нанес поражение Рудольфу и последний погиб от раны, полученной им в бою.

Теперь Генрих подвинулся на Рим, уничтожил войско папской блудницы Матильды, завоевал город и держал под осадой бешеного от злобы Гильдербранда, укрывшегося в замке ангелов. Норманны, вызванные папой на помощь и господствующие в южной Италии, освободили Григория, но он должен был спастись от злобы римлян. Он отправился в Салерно к норманнам и здесь окончил свою жизнь, отягченную проклятиями.

Григорий был первым «настоящим» папой. Он приказал на одном синоде, чтобы впредь только один носил название папы во всем христианском мире, между тем, как раньше все епископы именовали себя папами. Писатель той эпохи говорит: употребить слово «папа» во множественном числе так же кощунственно, как употребить во множественном числе имя божие.

Григорий хотел подчинить своей власти всех императоров и королей и не допускал на свете другого владычества помимо своего. В таком духе он и писал Герману, епископу города Меца: «Чорт изобрел монархию».

В одном из писем, оставшихся после его смерти, Григорий изложил свои тезисы. (Иногда оспаривали подлинность этих писем, но, кажется, нет основания в них сомневаться). Всего таких тезисов там встречается 27, но я приведу только несколько таковых:

Одному папе полагается одеть царское облачение. — Все князья обязаны целовать папе ногу и не смеют оказать такую честь кому-нибудь другому. — Папа имеет право смещать императоров. — Его приговор никем не может быть отменен, но он может отменить всякий приговор. — **Римская церковь никогда не ошибалась и, согласно писанию, никогда не ошибется.** — Тот — не католик, кто не сторонник римской церкви. — Папа может освободить поданных от клятвы верности, принесенной ими злomu правителю. — Кажется, не нужно прибавлять еще какие-нибудь замечания относительно Григория. Епископ верденский Тиерри говорит про него: «Его жизнь обвиняет его, его извращенность осуждает его и его упорная злоба предаёт его проклятию».

Мы проследили папство до апогея его могущества. Место мне не позволяет продолжать такие подробности, и я должен ограничиться биографическими набросками нескольких пап отдельных столетий, чтобы показать, как они все старались подражать Григорию: осуществлять установленную им систему универсальной монархии и давать таковой твердую основу. Все увлекались представлением: «Считать себя Иисусом, светских правителей — ослицей, на

которой он ехал, а народ — осленком». Ослина погибла, а осленок стал старым ослом, который терпеливо позволяет на себе ездить.

В одиннадцатом столетии греческая церковь окончательно отделилась от западной церкви, так как греческая церковь утверждала, что ни учение, ни дисциплина западной церкви не согласуются со священным писанием и со священной традицией, следовательно — являются еретическими. Главенство римского престола греческая церковь отвергла, как антихристианское установление.

При Адриане IV, который занял «апостольский престол» в 1153 г., началась борьба пап с германскими императорами из династии гогенштауфенов. Фридрих I, рыжебородый, энергично выступал против притязаний этого папы, и оказывая ему почести, которые тот требовал от него, доводил их до абсурда.

Фридрих поддерживал папе стремени с правой стороны, с которой слезает всегда с лошади живодер, а на соответствующее замечание Адриана ответил: «Я никогда не был конохом, ваша святость простит меня».

Самую тяжелую борьбу пришлось вести Фридриху с Александром III (1159—1181). Это был один из самых мужественных и умных пап, он никогда не падал духом при несчастии и никогда не становился самонадеянным в счастье, но при этом постоянно заботился о сохранении завоеваний своих предшественников. Великий император Фридрих встретился с ним впервые в Венеции и поцеловал ему туфлю.

Поповская традиция утверждает, будто бы папа при этом поцелуе поставил ногу на шею императора и сказал: «По змеям и гадам ты пройден и наступишь на молодых львов и драконов».

Также и сильный английский король Генрих II должен был подчиниться словам могущественного папы. Генрих осыпал щедротами своего любимца, Фому Бекета, и, наконец назначил его архиепископом Кентерберийским. Теперь этот негодяй достиг своей цели. Он вступил в заговор с папой против своего повелителя и благодетеля и отравлял последнему жизнь всякого рода поповскими подлостями. Измученный король воскликнул однажды с досадою: «Какой я несчастный, что даже один священник может мне не давать покоя в моем собственном королевстве! Неужели не найдется никто, кто бы меня освободил от этого мучителя?»

Эти слова услышали четыре рыцаря, преданные королю; они тотчас ушли, нашли архиепископа перед опозоренным им алтарем, рассекли ему голову и этим произвели его в святые, так как чумеса не заставили себя ждать. Несколько конохов короля однажды отрубили

хвост у лошади архиепископа и за такое святотатство у них родились все дети — с хвостами!

Папы жаждали мести за это убийство. Александр грозил интердиктом, и Генрих, не желая, чтобы пострадал его народ, подвергся наказанию, на которые осудил его папа. Король торжественно покаялся, что он не желал смерти архиепископа; но это ему не помогло. Он должен был отправиться босиком к могиле новопреставленного святого, здесь благовейно преклониться и принять бичевание со стороны восьмидесяти священников! Каждый дал ему удар — значит всего двести сорок.

С императорами и королями папы часто обращались, как с собаками. Когда Целестин III (1191—1198) короновал Генриха VI, сына погибшего в Палестине Фридриха I, и Генрих ему целовал туфлю, он ногой столкнул с головы императора корону, в знак того, что он ее может дать и может отнять.

Самым могущественным из всех пап был Иннокентий III (1198—1215). Все права, которые Григорий VII только приписывал себе, Иннокентий осуществлял на самом деле. Когда он вступил на папский престол, он был в расцвете своих сил, так как ему было только 37 лет. Короли трепетали перед ним, как школьники перед строгим учителем. Всем он давал почувствовать свои розги. Иоанн английский однажды воскликнул при виде особенно жирного оленя: «Какое толстое и ожиревшее животное, а ведь оно никогда не служило мессу!». Но даже этот насмешник смиренно покорился, когда святой хищник в Риме показал ему апостольские зубы. Иннокентий III — изобретатель сумасшедшего учения о пресуществлении, т.-е. учения, будто бы вследствие манипуляции священник хлеб и вино во время обряда причастия действительно превращаются в плоть и кровь Иисуса.

При этом мне вспоминается ответ индейца, которого миссионер, причастивший его, спросил: «Сколько есть богов?». «Ни одного» — ответил индеец, «ведь ты мне дал его только-то съесть». Для этого грубого человека тайна этого возвышенного пожирания божественной плоти очевидно было недоступна. Такое же представление о причастии было у одного лютеранского мужика. Господин пастор был большой любитель игры в вист, и случайно белая круглая марка из слоновой кости очутилась среди круглых облаток в дарохранительнице. «Примите и ядите, сие есть тело мое», сказал священник и сунул мужику в рот роковую марку. Мужик укусил ее по совести; но марка не поддалась. Тогда мужик воскликнул: «Чорт знает, господин пастор, должно быть, мне досталась одна только кость!».

Иннокентий III ввел также и тайную исповедь, про которую я говорил уже раньше и собираюсь говорить подробнее в последней главе книги; кроме того, он учредил самый отвратительный трибунал, который когда либо позорил людей — а именно инквизицию.

Самый опасный враг папства вступил на германский императорский престол в лице великого Гогенштауфена Фридриха II. В молодости своей он находился под опекой Иннокентия, но тем не менее несколько не сделался поповским прислушником, а стал человеком, который своими религиозными взглядами далеко опередил свою эпоху. Если бы он нашел поддержку со стороны своего народа, то уже тогда подрезали бы крылья папству. Девизом Фридриха было: «Пусть шумят и грозят, да пусть олухи кричат». Его канцлер Петр де Винеа оказывал ему бойкую поддержку и, между прочим, писал в 1240 году против юрисдикции папы.

Самую ожесточенную борьбу пришлось Фридриху вести с Григорием IX (1227—1241). Последний не раз отлучал его от церкви и приписывал ему преступления, которыми он хотел его заклеймить самым отъявленным еретиком. Фридриха обвинили в том, что он сказал: Мир обманут тремя мошенниками, из которых двое умерли в потестах, а один на виселице: Моисеем, Магометом и христом. — Кроме того, он смеялся над предположением, что всеильный владыка неба и земли будто бы рожден девой, и заявил, что следует верить только тому, что доказано природой и рассудком. Это, правда, учение, столь же преступное, как и зловерное, так как оно мигом сломало бы шею всей поповщине, если бы оно нашло всеобщее признание. Приведенные здесь слова совершенно в духе императора, который с востока, куда он должен был предпринять крестовый поход, привез весьма вольные взгляды на религию. Однажды он высказался: если бы бог иудеев увидел Неаполь, то он, наверно, не избрал бы себе Палестину. При виде святых даров он воскликнул: «Как долго прдержится этот обман!». Когда он однажды проезжал мимо пшеничной нивы, он остановил свою свиту со словами: «Стойте, здесь растут наши боги». Ведь облатки пекут из пшеничной муки.

Григорий очень полюбил немецкий рыцарский орден и, так как ему принадлежал весь мир, то он подарил ордену Пруссию. Однако, рыцари не выказывали особой благодарности по отношению к папскому престолу и поповщине. Один из великих мастеров ордена, Рейф фон Плауэн, сказал: «Не следует давать духовенству имения, а только жалованье, как и всем другим служащим государству; им следует придерживаться простого текста евангелия». Мастер ордена Валленроде сказал: «Для каждой страны с избыт-

ком хватает одного папа, и даже того следует держать взаперти и выпускать только на время службы».

Иннокентий IV (1243—1255) продолжал борьбу с Фридрихом II. Иннокентий был графом Фиско и в свое время близким другом императора. Когда поздравляли императора с избранием своего друга на папский престол, Фридрих ответил: «Фиско был моим другом, Иннокентий IV будет моим врагом; папа не может быть гибельным» (т.-е. либералом).

Слова императора оправдались: его скоро предали анафеме, которую Фридрих стал считать своим естественным положением. Он не выказывал никакого раскаяния, а выступил против папы со своим войском, и святой отец, переодетый солдатом, от страха должен был совершить ускоренную поездку в 54 мили за одну короткую летнюю ночь, чтобы не попасть в плен.

Папа бежал в Лион, где он в 1245 г. собрал синод, на котором Фридрих снова был отлучен от церкви и смещен. Фридрих боролся стойко, но люди увязли в своей глупости и везде ему связывали руки. Особенно германские князья относились к этому великому человеку с подлой мелочностью! Жалкие поповские прислушники! Только в Швейцарии бились верные сердца, несмотря на анафему и интердикт. Несколько кантонов послали ему на помощь вспомогательные войска и Люцерн и Цюрих оставались ему верными до последней минуты.

Император Фридрих умер от папского яда. Иннокентий ликовал; теперь для него вновь открылась дорога в Рим. Он покинул Лион, поблагодарив лионцев за радушный прием. Но последние не имели основания благодарить со своей стороны римского папу, так как кардинал Гуго заявляет в своем прощальном послании с чисто поповским цинизмом:

«Мы за время нашего присутствия в этом городе, друзья мои, оказали благотворительность. Когда мы прибыли, мы встретили здесь не больше трех или четырех блудниц; уезжая же, мы оставляем вам один объединенный притон распутства, простирающийся по всему городу от восточных ворот до западных». Таким образом, Лион оказался очень похожим на одну германскую католическую столицу, про которую ее король сказал то же самое, и которую папа Пий VI назвал «Германским Римом».

Иннокентий предоставил кардиналам в виде отличия право носить красные шляпы. За ним следовал ряд ничем не выдающихся пап, в том числе Урбан IV, сын сапожника, учредивший праздник тела господня в честь святых даров. Сумасшедшая монахиня увидела дыру в луне, и эту дыру папский сапожник почтил новым церковным праздником.

Мартын V, родом француз, был ярким ненавистником немцев. Он высказал желание, «чтобы Германия была большим прудом, немцы — рыбою в нем, а он сам — щукой, который е'ел бы всю рыбу, как аист — лягушек».

Рис. № 13. САТИРИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ НА ПАПСТВО 1545 г.

Рис. Луки Кранаха, текст Лютера.

Папа благодарит кесарей за огромные щедроты.

СВОЯ СВОИХ НЕ ПОЗНАША.

Страничка из спора между раскофрными и светскими помещиками — кому главенствовать в делах грабежа народного труда.

Конрадин, сын императора Конрада IV, король Неаполя и Сицилии, казненный папой Климентом IV в 1268 г.

„Прими от папы коварство и считай преступление общим“.

*Не мало кесари щедрот
Бросали папе в жадный рот.
А папа их вознаградил,
Как я тебе изобразил.*

Мартин Лютер.

Гогенштауфены были побеждены в борьбе с папством. Габсбургцы не следовали их примеру и предпочитали быть заодно с папами и сообща с ними сдирать шкуру у бедного народа. Поэтому и папы и Габсбургцы одинаково долго продержатся. (Рис. 13).

Иннокентий V был первым из пап, избранным в «конклаве». Его предшественник Григорий X распорядился, чтобы после его смерти заперли всех кардиналов в одной комнате, где для каждого была особая келия и один только выход — в отхожее место. Каждый кардинал имел при себе только одного слугу. Комнату они не смели покинуть, пока не состоялись выборы нового папы. Если это не было сделано до истечения трех дней, каждый кардинал в течение следующих 14 дней получал только по одному блюду, а потом только хлеб, вино и воду. Такое лечение посредством голода заметно способствовало общению со святым духом!

Во время церковного владычества Николая IV (1288—1292) правил Тиродем умный граф Мейнгард. Последний наложил крепкую узду на распутных попов и этим привлек на себя гнев папы, так что тот отлучил его от церкви. Мейнгард храбро защищался; он говорил: «Не я играю роль наступающего, а — мои епископы, которые не пастыри, а волки. Вместо того, чтобы быть наставниками, они только стараются обогатить себя, производить на свет убудков, пировать и выпивать. Разве так пасут овец Иисуса? Они извращают слова его: «Отдай им свою рубашку»; и берут себе не только чужую рубашку, но и плащ — они хуже турок и татар. Они дурманят народ церемониями, они не довольствуются тем, что доят и стригут овец, они режут их».

Целестин V из недалекого отшельника превратился в еще более глупого папу. Кардинал Каетан ночью крикнул ему в потайную трубу, проведенную в спальню папы: «Целестин, Целестин, Целестин! Откажись от своего сана, это бремя тебе не по плечу», и этот дурак вообразил, что сам бог удостоил его личной беседы, и отказался от сана.

Кардинал Каетан занял его место под именем Бонифация VIII (1295—1303). Он поехал на коронацию на великолепно убранный белой лошади, которую вели под уздцы короли Апулии и Венгрии. После возвращения из церкви, во время которого сорок человек обрели вечное блаженство, так как они были раздавлены в толпе, он естоловался на глазах народа, и оба короля стояли, как лакеи, за его креслом и прислуживали ему. Нового папу очень огорчало, что многие считали недействительным отречение от папского престола Целестина, и восхищались им, как святым и чтобы покончить раз навсегда с этим делом, Бонифаций велел поймать Целести-

на. Бедный святой лесной осел просил на коленах отпустить его в свою пещеру; но его мольбы были напрасны. Его заперли в тесную клетку в укрепленном замке Фумоне и давали ему настолько мало пищи, что он умер с голоду.

Этот Бонифаций в гордости не уступал Григорию VII и Иннокентию III. В его булле 1294 г. говорится:

«Мы заявляем, утверждаем, определяем и постановляем, что вся человеческая тварь подвластна папе, и что не удостоится вечного блаженства, кто не верует в это».

Его гордость, не знающая границ, служила причиной столкновений с гордыми светскими монархами. Филипп IV Красивый французский имел резкое столкновение с ним. Но король не был похож на Генриха IV, его вельможи не были немцами, и папа не был Гильдебрандом, хотя он написал Филиппу: «Епископ Бонифаций Филиппу, королю французскому.

Побойся бога и исполняй заветы его! Да будет тебе известно, что ты нам подвластен в делах духовных, как и в делах светских. — Кто иначе мыслит, тот в наших глазах — еретик». Филипп, сильно поддерживаемый своим парламентом, ответил Бонифацию: «Филипп, божьей милостью король французский, Бонифацию, выдающему себя за папу, с малым приветом или без всякого привета! Да будет известно вашему архидурачеству, что мы в светских делах никому не подвластны. Кто мыслит иначе, тот в наших глазах дурак и сумасшедший». Каким жалким кажется сравнительно с Филиппом датский король Эрик, который пишет, испугавшись анафемы и интердикта: «Милосердие, милосердие! В чем повинны мои овцы? Я сделаю все, что предпишет ваше святейство. — Говори, твой раб слушает тебя».

Но гордый «архидурак» потерпел жестокое унижение. Посланник Филиппа Ногарет вместе с Сциаррой Колонной, против семьи, которого папа совершил неслыханные жестокости, напали на замок папский Ананьи и взяли самого папу в плен. «Уступишь ли ты тиару, которую ты украд?» — накинулся на него с яростью Колонна. Бонифаций дал надменный ответ. Тогда пострадавший римский дворянин воспылал гневом, он ударил по лицу папу и закричал: «Заткнешь ли ты свою глотку, сын сатаны! старый грешник!». С трудом удалось Ногарету сдержать рассвирепевшего Колонну, чтобы он не удовлетворил окончательно своей мести над восьмидесятишестилетним злодеем, у которого хватило силы духа крикнуть Колонне: «Вот моя шея и вот моя голова!».

После этого усадили заместителя бога на пседланную лошадь, лицом к хвосту, и увезли в жалкую темницу, где он, боясь отравления,

в течение 3-х суток не ел ничего кроме куска хлеба и 3 яиц, которые ему сунула одна старушка. — Хотелось бы пожалеть старика, но он был старым злодеем, и невольно вспоминаешь бедного Целестина, которого он предал голодной смерти.

Народ в Ананьи освободил Бонифация, и его с торжеством увезли в Рим. Но полученная обида свела с ума гордого старика. Он велел своим

Рис. № 14. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ КАТОЛИКОВ: ХАМСКОЕ ЦЕЛОВАНИЕ ПАПСКОЙ ТУФЛИ.

БОЖЬИ ЗАПОВЕДИ.

„Чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя“. Апокал. 13.

Быть подчиненным римскому первосвященнику — для всякого человеческого существа первое условие спасения души. Из богословских упражнений Фомы Аквинского († 1274), виднейшего церковного авторитета.

слугам удалиться и заперся в своей комнате. Утром нашли его мертвым. Его белые волосы были в крови, у его рта виднелась пена, и палка, которую он держал в руках, была изгрызана его зубами. Так умер Бонифаций VIII, как и предсказали: «Он подкрадется, как лиса, будет править, как лев, и умрет, как собака». Он умер, как собака, а жил, как свинья. Он заявлял открыто, что блуд, прелюбодеяние и распутовство вовсе не грех, потому что именно для этого бог создал детородные органы. Он одновременно

жизнь с замужней женщиной и ее дочерью и употреблял своих пажей для противоестественного удовлетворения своей похоти, так что они называли друг друга «папскими блудницами». Что приходится думать о его вере, станет ясным по тем изречениям, в которых его обвиняет Филипп перед Климентом V: Пусть бог мне даст хорошую жизнь на этом свете, а будущим я мало интересуюсь. — У животных такие же души, как у людей. Одинаково нелепо — верить в единого бога, как и в троицу. В деву Марию я так же мало верю, как в ослицу, а в ее сына, как в осленка. Мария была такой же девственницей, как и моя мать. — Тайнства только одна комедия и т. п.

Философы и другие вольнодумцы не раз высказывали подобные мысли; но они звучат странно в устах папы, когда инквизиция сжигала тысячи людей за гораздо менее сильные выражения. — Климент V, тем не менее, объявил Бонифация благочестивым католическим христианином, так что мы теперь знаем, каким должен быть таковой, чтобы поправиться папчан.

Бонифаций VIII, это тот папа, который изобрел юбилейный год. Он первый из всех пап завел себе герб и прибавил к тиаре вторую корону. Раньше римские епископы носили так называемую фригийскую шапку жрецов Кибелы, прозванную митрой. Епископ Гормидас прибавил к ней корону, полученную от короля Хлодвига. Третья корона появилась на папском штурмовском колпаке только при Иоанне XXII или при Бенедикте XII.

С Климента V начинается так называемое вавилонское пленение пап (с 1305—1374). Король Филипп Красивый счел для себя удобным иметь пап под рукой и заставил их всякими приманками перекочевать в Авиньон, где была их резиденция в течение 70-ти лет. Они, здесь, находились в абсолютной зависимости от французских королей, но зато жили под их покровительством гораздо спокойнее, чем в Риме. Они занимались во время своего изгнания придумыванием новых финансовых жульнических проделок и деморализовали все окрестности своим собственным распутством и распущенностью своего двора.

По свидетельству самых почтенных историков позднейшая распущенность пап во Франции имела своим главным источником семидесятилетнее пребывание пап в Авиньоне.

Климент V был таким же твердым, как и Бонифаций, но действовал с большей сдержанностью, а потому и умнее, чем тот, достиг лучшего успеха. В лице германского императора Генриха VII люксембургского, папство приобрело бы врага не менее опасного, чем Фридрих II, если

бы не ускорили благообразно его смерть. Доминиканец Бернар Монтепульчанский, говорят, угостил его во время причастия отравленной облаткой, а император был слишком религиозен, чтобы последовать совету своего врача и принять рвотное. И так он умер от набожности. Величайший памятник позора воздвиг себе Климент V подлым процессом против ордена тамплиеров и незаконным осуждением несчастных рыцарей. Положим, он в этом деле играл только роль кошки, предоставившей свои святые лапы Филиппу Красивому, чтобы достать для него из огня каштаны. Распутство среди тамплиеров, конечно, было велико, но разве другие клерики и сами папы были чище их?

Впрочем, распутство отчасти погубило тамплиеров: их главным преступлением было то, что они имели более вольные религиозные взгляды, чем остальная духовная чернь, а — кроме того — они были слишком богаты. Осуждая их, можно было — так сказать, — убить двух мух одним ударом.

Иоанн XXII был сыном сапожника, и был отъявленным мошенником и негодяем уже раньше, чем он вступил на папский престол; он только — зная его — еще более усовершенствовал свою мошенническую добродетель. Я успел уже в предыдущей главе рассказать про него много душевспасительного и хочу только кое-что еще прибавить.

Он был в постоянном раздоре с германским императором Людовиком баварским и с королем французским. Первый из них долго защищался довольно смело, а в конце-концов примирел, так как у него были две души: «одна — императорская, а другая — баварская». Филипп Красивый велел передать самонадеянному папе, что он сожжет его на костре, как еретика». К сожалению, он этого не сделал; Иоанн умер 90 лет от роду. Он оставил наследство в виде 33 миллионов, которые пошли на улучшение пищеварения церкви, и известного церковного гимна: стояла скербящая мать. «Его преемником был Бенедикт XII, большой добряк, единственным недостатком которого было то, что он был папой; но даже этот недостаток он старался смягчить тем, что он заявил: «что у папы не должно быть родственников», чем он пристыдил своих предшественников и преемников, которые не знали границ в своих щедротах по отношению к так называемым «племянникам» и т. п. Высокопоставленные лица просили у него руку его племянницы, а он ответил: «Для такого коня не подходит такое седло», и выдал ее замуж за купца.

Климент VI, преемник Бенедикта XII, был, по словам современного историка, «с рыцарскими поклонностями, но не благочестия»; это, пожалуй, можно было бы сказать о многих «свя-

тых отцах». Климент вел себя весьма надменно по отношению к королю Людовику и пути справился с противником Людовика, «поповским» королем Карлом IV. Хотя он сам вел очень распутную жизнь, однако, — он считал своим долгом пробирать высшее духовенство за их распущенность и, между прочим, говорил этим господам в одной из своих проповедей: «Вы, как стадо быков, пабрасываетесь на коров народа!». Климент любил роскошь и с небывалой пышностью короновал второго сына кастильского короля, Дона Санхеса, королем «счастливых островов» — так назывались тогда Канарские острова. Во время коронационного шествия в виде дурной приметы выпал ливень, благодаря которому и папа и король промокли до костей; и королевство действительно уплыло, так как им завладели храбрые норманны и его уже не вытескали из своих рук. Он обещал ему поставить его во главе крестового похода и дать ему титул «короля египетского». Принц был вне себя от благодарного восторга и воскликнул: «Так я ваше святейшество сделаю калифом багдадским!» — так рассказывает знаменитый поэт Петрарка.

Пример Филиппа Красивого принес дурные плоды для пап, так как анафема начала терять свою силу. Это испытал Урбан V. Какой-то архиепископ отказался посвятить в сан монаха, которого прислал к нему с рекомендацией его государь Барнабо Висконти Миланский. Тогда этот безбожник вызвал к себе архиепископа и сказал ему: «Разве ты не знаешь, ты, старый греховодник, что я в своем государстве и король, и папа, и император!». За такое страшное преступление Урбан продал его анафеме, а на его страну наложил интердикт! Когда же папские легаты привезли буллу в Милан, Висконти повел их вместе с той бумажкой на мост через Навигио и спросил серьезным тоном: «Что хотите? есть или пить?». Легаты посмотрели с вытянутыми физиономиями на реку и упавшим голосом попросили поесть. «Так жрите же эту бумажку!» — Господа легаты сожарили ее.

Григорий XI наместничество божье опять перенес в Рим. Я уже упомянул, какие деморализующие последствия имело для Авиньона и вообще для Франции пребывание там римских пап. Историки не знают предела рассказам про царившее там распутство, несмотря на то, что они из скромности не о всем говорят.

Прекрасным образчиком папской породы был Урбан VI (1378—1389), но он был скорее тигром, чем обезьяной. Его жестокость была возмутительная. Пять кардиналов, не голосовавших за него, а также нескольких церковных сановников он велел сначала пытать, потом часть из них сунуть в мешки и бросить в море,

другую часть ежечь живыми, задушить или казнить. Шестого кардинала, настолько измученного пыткой, что он уже не мог двигаться, он велел задушить дорогою. Когда вели кардиналов на пытку, этот наместник бога сказал палачу: «Ты пытай их так, чтобы я слышал, как они кричат», и он в это время гулял по саду, читая свой молитвенник.

Трупы двух кардиналов этот палач в образе папы велел высушить в печках и потом растолочь в пепел. Пепел насыпали в мешки и во время путешествий везли перед ним на мулах вместе с красными кардинальскими шляпами, другим для острастки. К концу 14-го и в начале 15-го столетия мы встречаем одновременно двух или даже трех пап, при чем каждый из них рассматривался своей партией, как единственный настоящий наместник божий. Мне надоело по горло сообщать про отвратительные поступки этих людей, превращающих в позорную насмешку звание «наместника божьего», но у меня окончательно не хватило бы сил, если бы я хотел перечислить подвиги и злодеяния этой серии антипап. Попробуйте пройти по каторжной тюрьме или по исправительному дому и заставьте каждого каторжника рассказывать, какие он совершил преступления, и то вы получите слишком неполный список злодеяний, совершенных папами этой эпохи.

Дурной пример пап и вообще духовенства имел самые роковые последствия. Трудно себе теперь представить ту разнузданность, которая тогда царяла среди народа, особенно среди привилегированных классов. Все законы морали и нравственности были уничтожены поповской распущенностью. Необходимость прекращения такого положения чувствовалась всеми, в которых еще сохранилась искра добра, и — наконец — условились созвать большой собор с тем, чтобы восстановить порядок в церкви.

Этот собор состоялся в 1414 г. в г. Констанце и был одним из самых «блестящих», которые когда либо происходили. В нем приняли участие кроме одного папы и императора, все князья-избиратели, 153 князя, 132 графа, свыше 700 баронов и рыцарей, 4 патриарха, 29 кардиналов, 47 архиепископов, 160 епископов, свыше 200 настоятелей монастырей, целое войско монахов, клериков всех категорий, юристов и — обычная свита папского двора: около 1.000 публичных женщин, не считая частных сопержанок и тайных блудниц.

Трое пап оспаривали друг у друга титул: Иоанн XXIII, какой-то Григорий и какой-то Бенедикт. Иоанн был достаточно наглым, чтобы появиться на соборе, но когда приступили к рассмотрению его биографии, святой отец предпочел бежать, переодевшись почтовым копитом.

Все его преступления составляли 70 пунктов и этот список передали святому отцу для предварительного ознакомления. Но он не выразил желания прочесть реестр своих грехов и решил сорвать собор своим бегством, что, однако, не удалось. Деяния Иоанна читали во всеуслышание, т.-е. только 54 пункта из них, так как остальные произнести громко было непристойно. 37 свидетелей подтвердили, что Иоанн не только был виновен в блуде, прелюбодеянии, кровосмешении, содомитстве, симонии, вольнодумстве, разбое и убийстве, но,—кроме того,—еще соблазнил или изнасиловал 300 монахинь, которых он потом в награду назначал настоятельницами монастырей. Его собственный секретарь Ним рассказывает, что папа в Болонье содержал гарем из двухсот девушек. Кроме того, обвинили Иоанна, что он отравил своего предшественника Климента V.

Иоанн был смещен. Григорий отказался добровольно, но старый Бенедикт разыгрывал роль «заместителя бога», в каком-то испанском захолустье, где он нашел себе приют; однако, никто не обращал внимания на его проклятия. Наконец, новоизбранный папа Мартын V велел устранить при помощи яда девяностолетнего Бенедикта. Непонятным остается, как этот святой отец, кушающийся в разврате всякого рода, мог дожить до такой старости. Известные проповедники публично изобличали его отвратительную жизнь и один из них сказал: «Я предпочел бы скорее поцеловать зад старой шлюхи, страдающей геморроем, чем рот этого папы!».

Собор в Констанце приговорил к смерти на костре Иоганна Гуса и Иеронима Пражского, признав их еретиками, и вызвал этим целый ряд кровопролитных войн; но цель собора, произведи оздоровление главы и членов церкви, не была достигнута. В 1418 году господа реформаторы разошлись. Город Констанц в течение 4 лет извлекал крупную выгоду благодаря пребыванию там 100.000 гостей и 40.000 лошадей. За свое хорошее поведение граждане Констанца удостоились со стороны императора драгоценнейших наград, которые ему ничего не стоили, а именно, право служить 14-дневную мессу, прикладывать печать красным воском, во время военных действий содержать собственных трубачей и украсить свое знамя красным хвостом, который, вероятно, должен был им напоминать многочисленных кардиналов; я не достаточно сведущ в геральдике, чтобы объяснить значение этой странной геральдической птицы. Бургомистра произвели в рацари, так как мелкая монета княжеского благоволения, ордена, тогда еще не были в ходу.

Я не стану говорить про пап Евгения VI, Каликста III и Пия II, прибежавших к румянам и

носивших корону стоимостью в 200.000 червонцев; или же про позорного убийцу Сикста IV, учредившего в Риме первые публичные дома и даровавшего каждому из своих кардиналов доход с 20—30 публичных женщин, выдававшего за деньги разрешение заменить у жены отсутствующего мужа, имевшего сына от своей сестры, злоупотреблявшего своими сыновьями для удовлетворения своей извращенной похоти и совершавшего много других позорных подвигов. История всех этих пап, без сомнения, весьма правоучительна и полезна для души.

Иннокентий VIII (1484—1492) с отцовской печальностью заботился о своих детях и скопил чрезвычайно много денег. Но это умели все папы. Он отличался еще установленнем твердой таксы на грехи, содержащей в 42 главах 500 такс. Я уже раньше упоминал об этом и хочу здесь только привести несколько образчиков из этого позорного документа: «Духовное лицо, совершившее умышленное убийство, платит по государственной валюте два гульдена золотом и 8 грошей. Убийство отца, матери, брата и сестры оценивается одним гульденом и двенадцатью грошами! Если еретик хотел получить отпущку своего греха, то он должен был заплатить 14 гульденов и 8 грошей. Домашняя месса в городе, отлученном от церкви, стоила 40 гульденов».

Папа Иннокентий VIII уделял особое внимание вопросу о ведьмах, и его можно считать отцом всех процессов против ведьм, стоивших жизни столь многим старым и молодым женщинам. В своей нелепой булле по этому предмету он много фантазирует о злых духах, которые ложатся на человека, и о таких, которые ложатся под него! (Рис. 15).

Александр VI (1492—1502) был преемником Иннокентия. Хотя он не был хуже и порочнее многих других пап, но его подвиги как-то приобрели большую известность, чем подвиги других, и его обычно считают квинтэссенцией папской порочности. Он родился в Валенсии, и его звали первоначально Родерихом Ланголо; но его отец переименовал имя на Борджие. Родрих был студентом, потом сделался солдатом и соблазнил вдову, по имени Ванноццу, и ее обеих дочерей. От одной из них у него было четыре сына: Франциск, Цезарь, Людовик и Готеррид, и еще дочь Лукреция. Его дядя Альфонс Борджиа сделался папой под именем Каликста III, и Родерих немедленно отправился в Рим. Папа осыпал племянника должностями и подарками и назначил его кардиналом. Теперь последний направил свой взор на папскую корону. Когда умер Иннокентий III, он подкупил обещаниями 22 из числа 27 — кардиналов и сделался папой. Достигнув своей цели, он советовал подку-

Рис. № 15. ЧОРТ ОБНИМАЕТ ЖЕНЩИНУ.

(По средневековой гравюре на дереве).

ОДНО ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЧЕВЕ-РИЙ.

В начале 13 ст. ольденбургские крестьяне восстали против эксплуатации их со стороны церковников. Папа Григорий IX принял, естественно, сторону своих агентов и обратился (в 1233 г.) к своему духовному стаду с призывом к крестовому походу против восставших крестьян.

Учитывая народную темноту, папа Григорий IX, скрыв классовый характер восстания, в своем воззвании по всем церквям обвинил восставших крестьян... в сношениях с чертом!!! Этому папскому вымыслу поверили, образовалась целая крестовая армия. Было убито свыше 4.000 крестьян... Восстание было подавлено.

Обвинения в сношениях с чертом таким уже были обычным явлением и заканчивались кострами святой инквизиции.

пленным кардиналам исправиться и мало по малу устранял их, как людей неудобных, при помощи разных папских домашних средств. О судьбе своих детей Александр VI заботился самым нежным образом. Он всем устроил превосходные браки и заботился о их дальнейшем преуспевании. Цезарь Борджиа был назначен кардиналом и имел удовольствие сочетать браком своего брата Готфрида с Санцией, дочерью французского короля Карла VIII, которому пришлось принести еще более крупные жертвы, чтобы склонить папу к поддержке его планов насчет неаполитанского королевства. Карл должен был потратить безконечную массу червонцев, так как деньги были у Александра VI главным девизом. (Рис. 18).

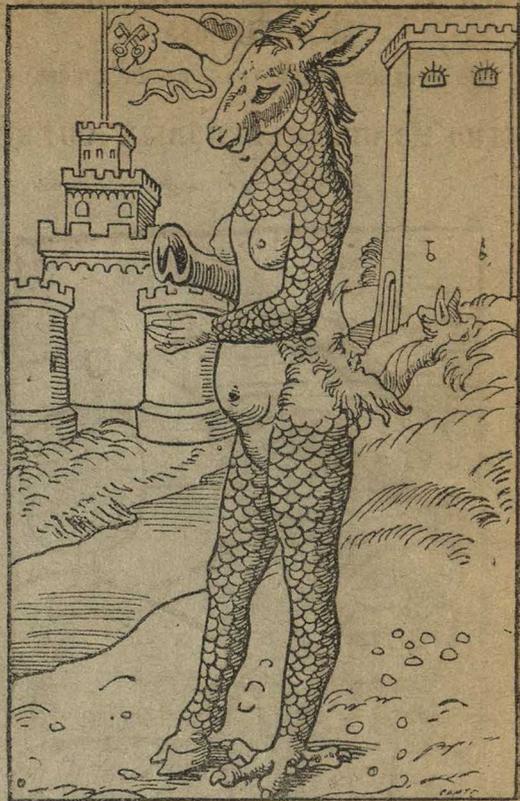
Чтобы добывать деньги, Александр не брезгал никакими средствами. Прекрасным образчиком его образа действия служит его поведение относительно несчастного принца Джема. Последний восстал против своего брата, султана Баязета, попал в плен и был отдан на хранение мале Иннокентию за ежегодную плату в размере 40.000 червонцев. Чтобы выудить деньги, Александр VI велел внушить султану, будто-бы Карл VIII после завоевания Неаполя отправится против него и уже выпросил у Александра брата султана Джема, чтобы последнего поставить во главе предприятия. В одно время с этим Александр напомнил султану о срочном платеже в 40.000 червонцев. Султан, озабоченный не на шутку, немедленно выслал 50.000 и написал «достойному отцу всех христиан», так он называл Александра, весьма ласковое письмо, в котором он его подбадривал, «чтобы он возможно скорее избавил его брата от горестей этого света и способствовал ему попасть в более счастливый свет». Если папа исполнит его просьбу, то он обещает ему торжественно и клятвенно 300.000 червонцев, неоцененную реликвию натальной одежды Иисуса и свою вечную дружбу.

Но Александр хотел еще больше выгод извлечь из изычника, находившегося под его охраной; он выдал его за 20.000 червонцев Карлу VIII, напоив его заблаговременно напитком, отерывшим ему ворота рая Магомета. Один из историков говорит: «Он умер от какой-то пищи или от какого-нибудь напитка, оказавшегося для него неподходящим». Баязет в честности не уступал папе и с радостью уплатил условленную сумму.

Александр назначил своего старшего сына Франциска, которого он любил больше всех, герцогом Беневентским. Но это погубило Франциска, так как его ревнивый брат Цезарь велел его убить. Из реки Тибра извлекли труп Франциска с девятью кинжальными ранами и римляне говорили с насмешкою: «Александр—самый достойный преемник Петра, он вылавливает из Тибра не только рыбу, а даже—детей». Алек-

Карикатура худ. Луки Крапаха на невежество средневековых монахов.

Карикатура на папство средних веков.

Оба эти памфлета были самыми популярными в эпоху реформации. Аллегорический характер памфлетов соответствовал настроению народа в ту эпоху, когда еще верили в чудеса, ожидали чудес, и во всяких явлениях видели таинственное откровение.

Оба эти листка первоначально вовсе не были карикатурами на монахов и на папство, а просто — изображали уродцев. В листке «монашеский теленок» первоначально изображался уродливый теленок, который родился во Фрейберге, в Саксонии. Панский осел — уроженец Рима.

Но Лютер истолковал все подробности рисунка, как видимый «перст божий», которым бог хочет напомнить людям о необходимости возрождения церкви, ее главы и членов. С такими толкованиями листки вновь распространялись среди масс, — то был ловкий способ внушить народу, что борьба Лютера против папства в интересах немецких помещиков происходит по желанию и велению, якобы, самого бога.

Аллегория в монашеском теленке сравнительно несложна. Идиотизм теленка должен изображать идиотское невежество монахов. Более сложная аллегория связана с панским ослом.

„Во первых, говорит Меланхтон, ослиная голова означает папу, так как ослиная голова подходит к человеческому телу столько же, сколько папа подходит для главы церкви. Правая рука, в виде слоновой ноги, означает духовную власть папы, которая растаптывает всякую неустойчивую совесть; левая рука означает светскую власть папы; бычачья нога означает панских слуг, которые поддерживают папство при угнетении душ. Женские груди и живот — кардиналы, епископы, рясники, монахи, схоляры и т. п. Голова, помещенная на зад, указывает, что папству настал конец“. Лютер прибавил к этому толкованию еще свое жреческое аминь, т. е. „истинно так“.

И „как панский осел означает гибель папства, говорит Лютер, так монашеский теленок означает гибель монашества. Достаточно ясно (!) выражено в этом теленке, что сам бог — враг монашества“.

Рис. № 18. АНОНИМНАЯ КАРИКАТУРА 15 СТОЛ. НА ПАПУ АЛЕКСАНДРА VI, ОДНОГО ИЗ РАЗВРАТНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ.

(По франц. гравюре на дереве).

Я ЕСМЬ ПАПА!

сандр был вне себя от отчаяния, когда узнал о смерти своего любимца, но он простил Цезарю скоро это маленькое убийство и перенес на этого достойнейшего отпрыска всю свою отцовскую

нежность. Чтобы духовное звание не помешало женитьбе, необходимой для достижения власти, кардинал Цезарь Борджиа отказался от своего сана—небывалый до тех пор случай. Француз-

ский король назначил его герцогом Валанским, и Цезарь женился на дочери королевы Наваррской.

Также остальных детей нежный отец не оставлял без своих забот. Лукреция много раз выходила замуж и, наконец, досталась герцогу Бисцеглии Альфонсу, который, однако, был убит и должен был уступить место принцу Феррарскому.

Папское семейство наслаждалось весьма уютной семейной идиллией. Братья и отец попеременно пользовались ласками прекрасной Лукреции, и отец дожил до радости иметь от нее сына, которого звали Родерихом, и который таким образом—был братом своей матери и сыном и внуком своего счастливого родителя, который этого «вундеркинда» назначил герцогом Сермонатским.

Итальянские князья, которых святой отец и его сын Цезарь грабили самым бесстыдным образом, наконец, восстали против их правонарушений, но почти все без всякого желания со своей стороны были отправлены в рай. Полдюжина из них обрела вечный покой благодаря заботливости Цезаря, другая полдюжина этим была обязана его почтеннейшему родителю. Цезарь под крылышками своего святого отца, вероятно, награбил бы себе порядочное государство, если бы этот примерный папа по ошибке не скончался. Это случилось таким образом.

У Александра была привычка отправлять в лучший свет богачей, имущество которых он хотел унаследовать, и его любимым средством для этой цели был яд, которому он не без юмора дал название «Реквиескат ин расе» («Да упокоится в мире»). Кардинал Корнето, не по христиански богатый человек, должен был найти такой «вечный покой» и для этой цели был папою приглашен на ужин. Слуга ошибся и подал папе вино, предназначенное для кардинала, приправленное ядом», и папа на следующий день кончил свою святую жизнь в возрасте 72 лет. Цезарь, выпивший также отравленное вино, круглый год его не мог переварить. Подвигами Александра можно было бы наполнить целую книгу, но я сообщу читателям только некоторые из них.

О могуществе и положении пап у Александра было весьма возвышенное представление—он говорил: «Папа настолько выше короля, насколько человек выше скотины», а религия, которую тогда звали христианской, его вполне удовлетворяла, так как он говорил: «Всякая религия хороша; но самая лучшая из них та, которая глупее всех», а разве можно было найти что-нибудь глупее христианства римской церкви той эпохи—Александр сам стоял вне религии. Очень оригинальна его беседа с ученым принцем Никодими Мирандола, когда у Лукреции родился Родерих. Александр спросил принца: «Николо, кого ты считаешь отцом моего внука?»—«Ну, конеч-

но, вашего зятя!»—(Альфонс, как всем было известно, страдал половым бессилием).—«Как же ты можешь в это верить?»—«Вера, ваше святейшество, в этом то и заключается, чтобы верить в невозможное», и принц начал выкладывать такое множество невозможностей, в которые верили люди, что святой отец весь затрясся от хохота. «Да, да», сказал папа, я сам чувствую, что мне придется попасть в рай посредством веры, а не посредством своих дел».—«У вашего святейшества ключи от рая», ответил принц; но что было бы со мной, если бы я спал со своей дочерью и так часто пользовался книжкой и ядом!»—«Серьезно», продолжал папа, «скажи, как может вера доставлять богу какое-нибудь удовольствие? ведь мы называем лжецом того, кто говорит что он верит в то, во что невозможно верить?» «Боже праведный!» воскликнул принц и перекрестился, «мне кажется, ваше святейшество—не христианин!»—«Ну, говоря по правде, я действительно не христианин».—«Так я и думал!» сказал принц, и этим окончилась самая странная беседа, которая когда-либо бывала между каким-нибудь папой и мирянином. Распутство папы нельзя описать нашим скромным языком, его только можно сравнивать с распутством Цезаря Борджии, его сестры Лукреции. Все варианты сладострастия, названия которых даже не знают в Германии, которыми прежние папы когда-либо занимались, служили развлечением для этого прелата, возведенного в папский сан. Буркард, церемониймейстер Александра VI, в своем дневнике описывает жизнь при папском дворе, и самое распутное изображение не придурает дел, которыми там не занимались бы. Буркард говорит: «Апостольский дворец сделался притоном распутства, и более позорным притоном, чем когда либо бывал публичный дом»—«Однажды», рассказывает Буркард, «в комнате герцога Валанского (Цезаря Борджии) в апостольском дворце устроили ужин, на котором присутствовали также пятьдесят именитых куртизанок, которые после ужина должны были танцевать с слугами и другими присутствующими, сначала одетые, потом раздетые. Потом расставили на полу подсвечники с зажженными свечами и разбросили между ними каштаны, которые должны были собирать эти голые женщины, ползая среди подвечников на четвереньках, в то время как любовались этим зрелищем его святейшество, Цезарь и Лукреция. Наконец, принесли множество одежды для тех, которые с этими жрицами Венеры развлекались бы, не стыдясь зрителей, после чего были розданы призы. Эта прекрасная сценка произошла накануне праздника всех святых в 1501 г.». Однажды Александр велел привести к своему окну кобыл, находящихся в поре течки и жеребцов и вместе с Лукрецией наслаждался зрели-

жем. Эта женщина была неопишимо распутная, но еще вопрос, заслужила ли она прозвание блудницы, согласно папским канонам, так как некоторые толкователи установили, что только та женщина может быть названа блудницей, которая успела бы согрешить 23.000 раз! Лукреция пользовалась неограниченным доверием своего отца; в его отсутствие она вскрывала все письма, в случае надобности отвечала на них, и по своему желанию собирала кардиналов. Для нее сочинили следующую эпитафию: «Здесь покоится Лукреция, которая была по существу Таис, бывшая одновременно, супругой, дочерью и невесткой Александра»; невесткой Александра ее можно было назвать, потому что одним из ее многочисленных мужей был сын папы от другой матери.

Возрождение наук и широкое распространение адекого изобретения книгопечатания очень заботили папу. Он боялся, что вольная печать помешает распутной жизни пап. Поэтому он ввел книжную цензуру, существующую до сих пор и перешедшую в наше время там, где она была побеждена публичным мнением, в чуть не худшую фазу преследования печати судебным порядком; а это преследование часто производится в духе Ришелье, который утверждал, что писатель не напишет и пяти слов, не совершив преступления, достойное бастилии. Тот, которому он это говорил, тогда написал: «Два плюс один будет три». «Несчастный!» воскликнул кардинал, «вы отрицаете святую троицу!» Подобную картину мы можем встречать и в современных процессах.

Юлий II (1502—1513) также добился папского престола посредством хитрости и подкупа. Он был хорошим солдатом—это единственная и весьма странная похвала, которую можно приписать этому наместнику бога. Он натравливал князей друг на друга, заставлял войска совершать походы, сам командовал ими, осаждал и завоевывал города. Его противники созвали собор в Пизе, чтобы помешать воинственному сыну церкви продолжать свое неподходящее ремесло. Церковный собор лишил его всей духовной и светской власти, как «нарушителя общего мира, как сеятеля раздора среди народа божьего, как повстанца и кровожадного деспота и как человека, ушедшего в свою злобу». Юлий, конечно, не обращал никакого внимания на этот приговор, который его еще больше раздражал против врагов, особенно против французского короля Людовика XII, которого он сместил. Вся Франция подверглась интердикту, но молнии, которые метал Ватикан, уже не действовали. Во время войн, которые вел папа Юлий II, из жажды мести и крови, лишились жизни 200.000 людей. Он умер во время приготовлений к новой войне.

Юлий был не менее распутным, чем Александр VI и превосходил его тем, что он был пьяницей. Император Максимилиан I однажды сказал: «Боже праведный, что стало бы с светом, если бы ты не наблюдал за ним, при таком императоре, как я, который только жалкий охотник, и при таком папе, как Юлий, который только порочный пьяница». Церемониймейстер этого папы, де Грасси, рассказывает, что святой отец заразился так сильно болезнью, которую рыцарь Байард называет «ле мал де селюи л'я» («специфической болезнью»), что он в страстную пятницу никого не мог допустить к поцелую ноги.

Не менее распутным человеком был его преемник Лев X (1513—1521), который своим папским саном обязан той же болезни, которая помешала Юлию в допущении целования ноги. Когда Лев явился в конклав для выборов папы, у него была на задку венерическая язва, которая распространяла убийственное зловоние. Другие кардиналы, опасаясь заразы, опрашивали врачей конклава, и эти заявили единогласно, что Лев скоро умрет. Чтобы поскорее избавиться от зловония, кардиналы избрали Льва папою.

Папа Лев X принадлежал к знаменитому дому Медичи, был очень умным человеком, любителем наук и искусств и обладал кое-какими качествами, весьма ценными для светских правителей. Он жил «весело, как папа» и мало думал о христианстве и его делах, пока его не принуждали к этому его огромные расходы. Во время восьмилетнего своего правления он истратил 14 мил. червонцев. По случаю своего коронавания он раздал 100.000 червонцев. Поэты и художники получали от него громадные суммы; но добрые христиане покрывали его расходы. Однажды сказал Лев кардиналу Бонибу: «Весь мир знает, как много доходов мы извлекли из басни о христе». Его двор был самым пышным во всем свете и деньги выбрасывали полными горстями, как во время римских императоров. Поэтому было не удивительно, что он, несмотря на торговлю с отпуском грехов, оставил после себя значительные долги. (Рис. 19).

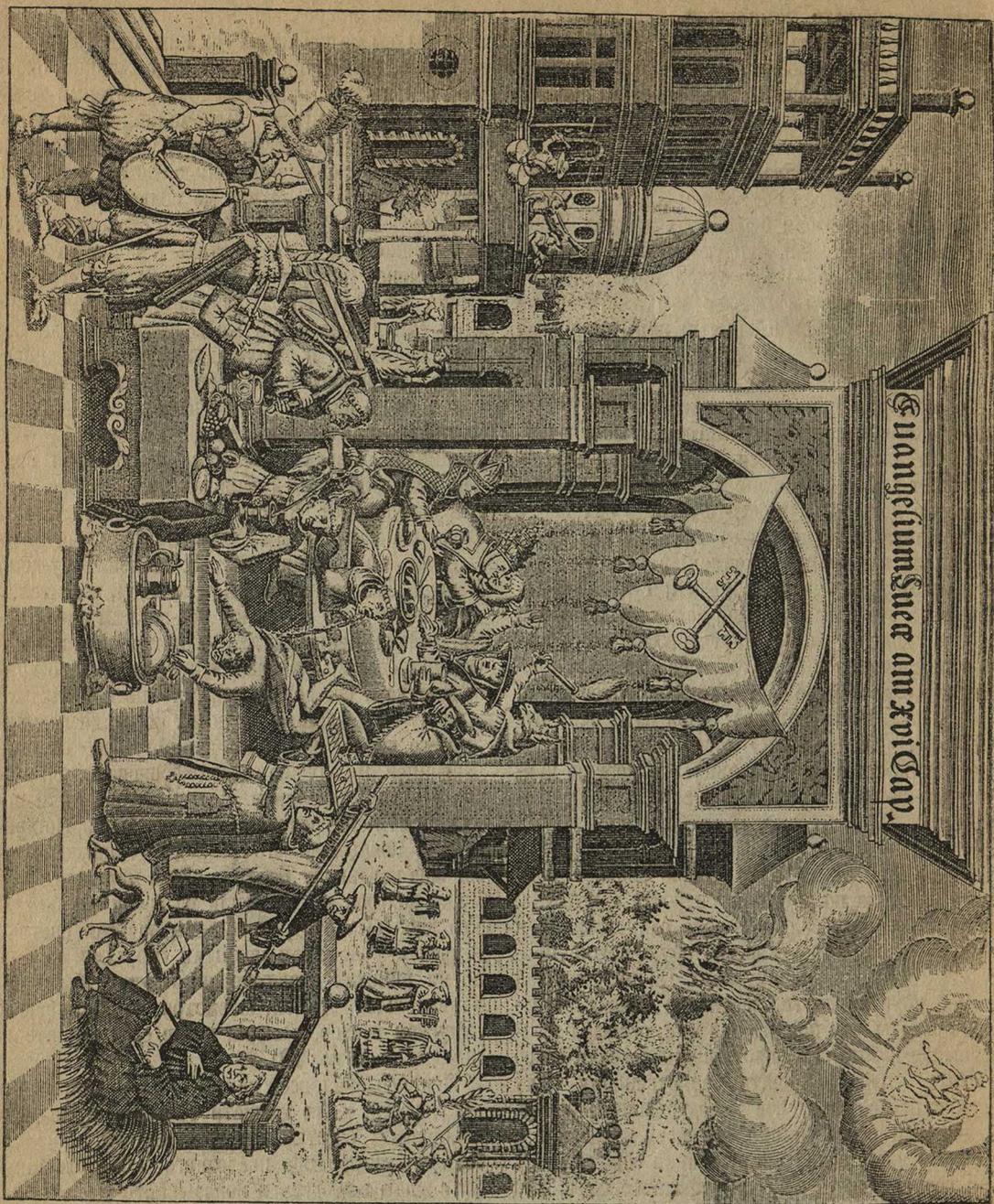
Лев продавал все, на что только находились покупатели, и его министр финансов Армеллино был самым бесстыдным кровопийцей. Однажды Колоппа сказал про последнего: «Сдерите шкуру с этого живодера и показывайте его за деньги, это принесет нам больше доходов, чем нам нужно».

Внезапная смерть унесла Льва от его невздержанной жизни и он даже не успел причаститься. Это дало одному поэту повод для эпитаграммы: «Вы спрашиваете, отчего Лев в час смерти не принял святые дары?—Он их продал». (Рис. 21).

Торговля с отпуском грехов, про которую я уже говорил, служила ближайшим поводом для реформации.

Рис. № 19. КАРИКАТУРА НА РАЗНУЗДАННУЮ ЖИЗНЬ ПАПЫ
ЛЬВА X.

По гравюре на меди XVI стол.

Под гравюрой помещены стихи:

*Смотри, читатель милый мой,
Как на картине: муж святой,
И вместе с ним весь папский двор—
Лишь стадо пьяниц и обжор.*

*Сравнить их можно с богачем,
Который только кутежом,
И сладострастьем увлекался,
И всем на свете наслаждался.*

Папа Лев X здесь изображен в виде богача из притчи, а роль Лазаря, которого стражники прогоняет алебардой, играет протестантский священник. На заднем плане справа изображены: богач в адском огне и Лазарь на небе.

Рис. № 20. РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ СРЕДНИХ ВЕКОВ.
(Голландская карикатура).

Справа: „ненасытность“ рясыков заставляет народ плясать вокруг иконы. Слева, около ворот церкви—три фигуры; одна из них в папской митре, другая в кардинальской шапке; объединяющая их третья фигура, стоящая за ними, носит название „корыстолюбие“. На ногах у первых двух написано: „обол“ (греш). Они играют роль привратников, заманивающих в своих корыстных интересах темный народ в церковь. Под этими фигурами выгравированы слова из пророка Иезекииля, 16 „Уцелеет ли тот, кто это делает“.

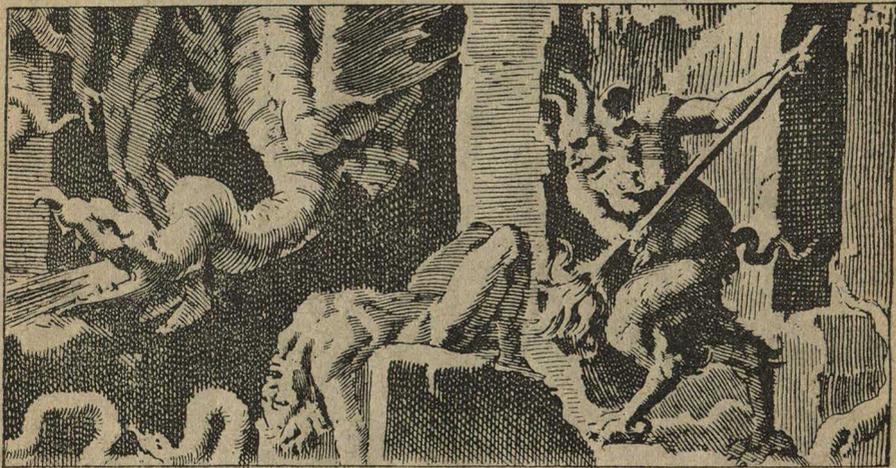
Критическое положение папского престола требовало энергичного папы; но таким не был преемник Льва папа Адриан VI. Адриан был ограниченным ученым, более способным «надоедать и себе и мальчишкам», чем поддерживать над водой дырявое судно Петра, хотя его отец был корабельным плотником в Утрехте.

За его ученость его избрали учителем Карла V, и когда его воспитанник сделался императором, он назначил своего учителя ректором университета в Левене. Лютер говорит про него: «Папа—магистер ностер—из Левена, там коронуют таких ученых ослов». Поневоле присоединишься к такому категорическому приговору, когда слышишь, что Адриан проходил мимо чудных произведений искусства в Риме, мимо групп Лаокона, Аполлона Бельведерского и т. п. и сказал, окидывая их небрежным взглядом:

«Все старые идолы».

Когда этот «немецкий варвар» пешком явился в Рим, тратил на свою жизнь только 12 талеров в день— («страшно сказать!») предпочитал вино пиво,—тогда у кардиналов вытянулись физиономии и они пришли к заключению, что «святая дух понимает только итальянцев». Адриан был деревянным педантом и достаточно честным, чтобы его могли терпеть на папском престоле. Сатирики не щадили его. Поэт Берни характеризует правление этого папы: «Правление, полное раздумывания, взвешивания и слов, со всякими «если» и «но», «однако» и «может быть», со множеством слов без сока и силы, с надеждой, верой и любовью, т.-е. с простофильством,—мало по малу возведет Адриана в святые».

Рис. № 21. ПАПА ЛЕВ X—В АДУ.

Бес обжигает у него тот орган, которым он грешил. (Папа Лев X даже умер от венерической болезни, полученной им от его кабацкой жизни).

(Икона „Страшный суд“—в аббатстве минаритов в Венсенне, кисти художника Жана Кузена).

Адриан совершил поступок, являющийся в глазах всех кардиналов и всего духовенства страшным преступлением; он признал, что Лютер уже вовсе не так неправ, когда он требует реформации церкви. А Адриан писал: «Бог допустил гонения из-за грехов; грехи народа исходят от священников; поэтому Иисус прежде всего отыскал их во храме, а потом только отправился в город. Даже от нашего святого стула исходило столько нечисти, что неудивительно, если болезнь переходила с главы на членов, с пап на сановников. Мы приложили все старания, чтобы реформировать прежде всего этот двор, от которого—может быть—исходило все зло, тем

более, что весь мир ждет таких реформ». Это перешло все границы и Адриану «помогли умереть». Ликование римлян, когда они узнали о его смерти, было чрезвычайно велико, и они даже совершили бестактность: дверь его придворного врача украсить гирляндами и надписью: «Либератори Патриае С. П. К. Р.» (сенат и народ Рима избавителю отечества).

Чтобы не поддавались искушению через жалеть о судьбе этого честного ученого дурака, я укажу на то, что он в течение пяти лет был в Испании великим инквизитором и там велел сжечь 1620 людей живыми и 560—ин эффигие,

(когда преступник оказывался недоступным для правосудия, то приговор исполняли над его изображением), и приговорил 21.845 людей к конфискации имущества, лишению гражданских прав и т. п.

Климент VІІ (1523—1543), как и Лев из рода Медичи, был преемником этого «Магистри по-стри осла» и лучше чем тот умел играть роль церковного монарха; но и он не сумел подавить реформацию. Ему приходилось туго, так как Карл Бурбонский штурмовал Рим со своим войском, не получившим жалованья. Начальник сам был убит во время штурма, но это только еще больше разжигало ярость солдат, жаждущих добычи. Среди солдат были 14.000 немцев под начальством Георга Фрундсберга, который питал особенно недружелюбные чувства к папе и носил при себе всегда золотую веревку, чтобы при помощи ее собственноручно его святейшество отправить в рай. Папа бежал в замок ангелов, и Рим подвергся безжалостной расправе. Кардиналам приходилось плохо, так как даже католические испанцы обращались с ними очень жестоко. Дамы смотрели на все дело с более симпатичной стороны; они интересовались коренными немецкими ландскнехтами, и историки рассказывают с ехидством, что они не могли дожидаться, когда, наконец, начнется изнасилование.

Солдаты грабили, что только находили; так как войны тогдашней эпохи, чужая только деньги, временно отрекались от всякой религии, крали и убивали, сколько душе было угодно, а потом просили отпущения грехов. Добыча состояла в золоте, серебре и драгоценных камнях на сумму десять миллионов золотом, и в еще большей сумме различных деньгами, которой должны были купить свою жизнь знатные лица.

У меня старинная книга 1569 г., в которой Адам Рейснер, бывший под начальством Фрундсберга в Риме, простодушно описывает сумасбродное хозяйничанье солдат в Риме в течение девяти месяцев. Я дословно привожу одно место из этого описания: «Ландскнехты надели на себя шляпы кардиналов и их длинные красные сутаны, раз'езжали по городу на ослах и забавлялись и кривлялись. Вильгельм фон Зандицелл со своим отрядом, одетый римским папой, с тремя коронами, не раз являлся перед замком ангелов, там другие ландскнехты, одетые в кардинальские сутаны, поклонились своему папе, спереди приподымали свои длинные сутаны, а шлейф тащился по земле, потом низко опускались головой и плечами, становились на колени и целовали ноги и руки. После этого мнимый папа вышел за здоровье Климента, переодетые кардиналы стояли на коленях, выпивая по стакану вина, и кричали, что они пап и кардиналов сделают совсем благочестивыми, так что те

будут слушаться императора и не станут чинить войну и кровопролитие, как прежние строптивые папы и кардиналы. Наконец, они громко кричали перед замком ангелов, мы хотим Лютера сделать папой! кому это нравится, пусть подымет руку, и сразу все подняли свои руки и закричали: Лютер теперь папа! и много других подобных ругательств и насмешек.

Грюневальд, один из ландскнехтов, кричал громким голосом перед замком ангелов, что ему очень хочется вырвать у папы из тела кусок мяса, потому что тот—враг бога, императора и всего мира» и т. п.

После того, как папа Климент уплатил войскам еще около 400.000 червонцев, позволили ему бежать из замка ангелов в одежде слуги.

У Климента не было счастья, но не было и ума. Иначе он мог бы своим умом добратся до понимания, что время Иннокентиев прошло; но он был настолько недалеким, что он испортил свои отношения к деспотичному Генриху VІІІ английскому, которого он отлучил от церкви, после чего Генрих вместе со всей своей страной отрекся от Рима.

Вследствие этого папский престол потерял «трои св. Петра», налог, который с 740-го года платили Риму с каждого английского дома, приносивший до тех пор около 38 миллионов пульденов.

Реформация при этих двух последних папах распространялась все больше и больше и государственные представители, собравшиеся в 1522 г. на сейме в Нюрнберге, заявили: «что они отказываются проводить папские и императорские постановления, так как народ, привязанный к учению Лютера, мог бы подозревать, что хотят подавить евангельскую истину и поддерживать прежние злоупотребления, что служило бы поводом к восстанию и смуте».

Германские князья на этот раз на сейме не церемонились в своих словах и в «сотне жалоб германской нации», они прямо говорили о мощенничестве пап, чего даже не рискнули бы сделать современные князья. Вообще, тогда защитники реформации говорили многое, встречая полное сочувствие со стороны князей, чего в настоящее время нельзя было бы говорить приличным языком, не рискуя навлечь на себя бесконечную массу процессов. «Сатиры» Лютера беспрепятственно распространялись, хотя они, собственно, представляли собою только непристойные ругательства.

«Божий человек» Лютер выказывал мало уважения перед папами или князьями, когда дело шло о защите его учения. Он обращался с ними, как с ничими мажычишками и давал королю английскому также, как и герцогу Георгию саксонскому, самую бесцеремонную отповедь. Герцога брауншвейгского он называет не ин-

че, как «шутом», но хуже всего он чистил папу.

В своей книге: «Папство—учреждение сатаны», он называет папу—«кукушкой, которая пожирает яйца и вместо них оставляет в гнезде свои нечистоты в лице кардиналов». Он называет его святейшество «фокусником», римским блюдолизом, его папским адеким величеством и мошенничеством, эпикурейской свиньей, зародившейся от дьявольского зада и требующей,

Рис. № 22. САТИРА НА НЕПОТРЕШИМОСТЬ ПАПЫ. 1545.

Гравюра на дереве Луки Кранаха.

*Писанье папе толковать лишь можно,
А толкование других все ложно...
Так и осел один вольнку знает,
И правильно все ноты подбирает.*

Мартин Лютер. 1545.

чтобы ей целовали зад,—замаранным нечистотами вонючим папским ослом, воня которого боятся императоры». Если бы современный писатель так написал против папы или против какого-нибудь князя, то половина Европы упала бы в обморок (Рис. 22).

Противники Лютера не оставались в долгу и доктор Экк, которого реформатор всегда называл доктором «дрекк» (т.-е. грязью), платил ему той же монетой.

Обычные титулы, которые ему давал, были: «Дрек-Мертен», (грязный Мартин), «доктор сукли сын из Витенберга» и т. п. Иезуит Вейслингер говорит про него в связи с его «застольными речами»: «Лютер церемониймейстер при том дворе, где нагружают навоз, присяжный поверенный в «Заухейме» (свинятнике), или даже городским судьей в «Швейнфурте» (свинячем броде)». Это, как я уже говорил, в XVI стол. называли «сатирой».

Климент VII был другом монахов. При нем возник орден «капуцинов», варианта «францисканцев», но отличающихся от последних более высокой степенью нелепости и скотства. Заостренные копытоны, которые они носили, похожи на приборы для тушения свеч и могут им служить боевыми знаменами, так как Климент надеялся при их помощи гасить свет, зажженный Лютером.

Павел III (1539—1549), сделавшийся папою после Климента, уже в 26-летнем возрасте, был назначен кардиналом, потому что он свел свою сестру, прекрасную Юлию Фарнезе, с Александром VI. Он был одним из самых распутных пап. Кровосмешение, убийство и т. п. преступления были для него привычным делом. Он отравил и свою мать, и свою сестру! Но это все семейные дела, до которых нам нет дела. Более важно для мира, что Павел 27 сент. 1540 г. утвердил орден иезуитов. Мы в дальнейшем ближе познакомимся с этой породой летучих мышей и тогда выскажем, чем они были и что сейчас представляют собою, так как они сами не хотели и не могли давать соответствующую справку и всегда заявляли, что они «Талес квалес», т.-е. «именно те, которые» (таковые, как есть). (Рис. 23).

Юлий III был папой, еще более негодным, чем его предшественники. Он содержал сообщца с кардиналом Кресцентием наложниц и детей, родившихся от них, папа и кардинал их воспитывали сообщца, так как никто из них не мог установить авторство.

Сторожа своих обезьян, противного мальчишку 16-ти лет, он назначил кардиналом, и когда остальные кардиналы высказывали претензии, он воскликнул: «Господи! что же вы во мне нашли особенного, когда меня назначили папой?!». Святой отец велел однажды устроить парад всем публичным женщинам в Риме, и их собралось не менее 40.000. При таком распутном папе, как Юлий, конечно, их профессия должна была процветать. Его нунций Иоанн Каза, архиепископ Беневентский, написал книгу о «содомитстве», в которой он последнее защищает. Эта книга напечатана в 1552 г. в Венеции и — посвящена папе.

Павел IV был восьмидесятилетний дурак, пологий от гордости, и вместе с тем, крово-

Рис. № 23. ИЕЗУИТЫ И ВЕРНОСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ ИХ ОБЩЕСТВА.

Эта гравюра (1632 г.) находится в Берлинской королевской библиотеке.

*О лицемерье, гость дурной,
Для иезуитов ты... родной!
Он ловко прикрывает вас,*

„Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные“ (Матфея, 7).

„Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь“. (Матфея, 7).

„Уста их мягче масла, а в сердце их вражда; слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи“. (Псалмы, 54).

„Вот они изрыгают хулу языком своим; в устах их мечи: „ибо, думают

*Пока не пробил мщенья час,
Ниспосланный самой судьбой,—
Тогда всем—виден лик святой.*

они, кто слышит?“ Слова языка их есть грех уст их; да уловятся они в гордости своей за клятву и ложь, которую произносят“. (Псалмы 58).

Это безводные источники, облака и мгла, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении; обещают им свободу, будучи сами рабы тления“. (II посл. Петра).

жадный папа. При нем меч инквизиции не имел отдыха. Послушаем, что говорит о нем Пасквино. Но, прежде всего, несколько слов об этом Пасквино.

По преданию—это был веселый портной в Риме, который своими шутками заманивал людей в свою лавку. Против лавки стояла искаленная статуя, на которой часто находили приклеенные к ней сатиры, которые приписывали портному Пасквину. Отсюда слово «пасквиль». Но существуют еще другие версии по этому предмету.

Скоро выбрали другую статую на capitoлии для того, чтобы принимать ответы на те вопросы, которые встречались на первой статуе

и, таким образом, началась игра в вопросы и ответы, которая была не только очень забавной, но и очень полезной. Это было—своего рода—римский «Кладератин» или сатирический журнал в первобытном виде.

Когда Павел IV умер в 1559 г., Пасквино предложил следующий эпиграфий: «Здесь покланяется Караффа, (папа принадлежал к этому роду) проклятый на небесах и на земле, душа которого в аду, а падаль которого в земле. У земли он похитил мир, у небес молитву и обеты; он преступно погубил и духовенство и народ; перед врагами своими он извивался, своим друзьям он изменял: хотите все сказать одним словом? — Он был папой!».

Слово «папа» стало в Риме ругательством. Пасквино ответил на вопрос: «Отчего ты плачешь?» — «Ах, сердце разрывается у меня от позора!» — «В чем же дело?» — «Ты не угадаешь — они меня — они меня», кричит он рыдая, «они меня — назвали папой!».

Павел был яростным врагом императора Карла V и после его отречения от престола не хотел признать выборы императора Фердинанда, потому что сын и наследник Фердинанда, Максимилиан, вырос преимущественно среди лютеран. Император мало обращал внимания на папу, под влиянием заместителя государственного канцлера доктора Зелда, который играл при Фердинанде I роль — своего рода — министра Беуста.

Этот министр говорит в одном заключении: «Теперь смеются над анафемой, перед которой раньше трепетали; раньше все, что исходило от Рима, считалось святым и божественным, теперь всякий отплеивается, будь он старой или новой веры. В старину, императоры брали пап за шиворот, сажали в тюрьму, пытали и смещали; мы сами видели, как Карл обращался с Климентом; в таких серьезных мерах ваше величество даже не нуждается. Впрочем, известно, что его святейшество кардиналов, которые высказывали правду, называя бестиями и дураками, бил таковых палкою, отчего можно заключить, что его святейшество из-за старости или чего-нибудь другого не пребывает в своем уме».

При Пие IV закрылся знаменитый Триентский собор (в декабре 1563), который продолжался 18 лет и имел назначение произвести давно признанную необходимой реформацию церкви, т.-е. «главы и членов» ее. Собор находился под непосредственным надзором папы. Кардиналь Монте находился в постоянном общении с папой, при помощи непрерывной линии курьеров между Триентом и Римом, и инструкции папы имели решительное влияние на все постановления собора. Весь свет кричал, что собор не в своем уме, но никто не мог дать делу другой оборот.

Епископ Дубит из Тины в Далмации и другие говорили: «Святой дух, просветивший отцов церкви в Триенте, явился в римской почтовой сумке».

Святые отцы не переутомляли себя. Раз в месяц бывало заседание, если время не было занято праздником или вакациями, а когда состоялось заседание, оно проходило обыкновенно в пустой болтовне. Спорили совершенно серьезно, как это требовалось для столь важных вопросов, о чине делегатов, об одежде, о яствах и т. п. Потом ставили вопрос, с чего начать? С веры или с реформации?

Наконец, решили начать с веры, так как некоторые длинные языки были столь дерзки, что высказывали мнение, будто бы реформация должна начаться с верхов! Французы и даже обычно столь терпеливые немцы вышли из терпения. Императорский посол утверждал, что «папа и его легаты прибили к своим ногам подковы в обратном направлении, чтобы казлось, что они идут вперед, в то время, как они двигаются назад».

Когда народ, ожидавший после всех прекрасных обещаний, постановления собора с таким же радостным нетерпением, как дети — праздник рождества, через своих представителей предъявлял соответствующие запросы, всегда получался один и тот же ответ: «Доклад еще не готов».

Когда же, наконец, доклад оказался готовым, то весь свет испытал сильнейшее разочарование и «ужаснулся». При закрытии синода кардинал Гиз встал со своего места и крикнул! «Проклятие всем еретикам!» «Проклятие! Проклятие. Проклятие!», заревели все господа делегаты общим хором, и «святой дух» в Риме ехидно улыбался. Это, конечно, не была та дорога, по которой можно было бы вернуть протестантов в лоно церкви, что, собственно, составляло главную роль безконечного собора.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать с уверенностью, что собор, предполагаемый в этом году (1868 г.), окончится таким же истинно-римским провалом, как и Триентский. Старец, являющийся сейчас носителем чревогочивой тиары (Пий IX), страдает болезненной идеей, что мы все еще живем в 1368-ом году, и действует под влиянием такого представления. К счастью, довольно безразлично, что постановит этот собор, так как никто на него не станет обращать внимание, и дни этого наместника божьего сочтены:

«Кончай же с небом счеты все, наместник, Настал конец, уж пробил час последний».

Триентский собор был последним, и его постановления до сих пор являются законом для римской церкви. Юм говорит, в связи с историей королевы Елизаветы английской:

«Триентский собор является единственным собором, состоявшимся в столетии возрождающихся просвещения и научных исканий; наука должна была бы притти в глубочайший упадок, чтобы человечество снова поддалось такому грубому обману».

Протестантский писатель Гейдеггер сравнивал папство с блудницей, которая становится все более бестыдной, чем больше занимается своим делом. Это сравнение не особенно вежливое: но — по прочтении всех постановлений Триентского собора — приходится присоединиться к сравнению Гейдеггера. Вся нелепость,

которая с течением времени вкрадывалась в христианскую церковь, получила на соборе торжественную санкцию, и всем, уклоняющимся от догматов Триентских, «грозит потеря вечного блаженства». Что собор не мог дать никаких хороших результатов, совершенно ясно, так как иезуиты его взяли под свою опеку и последствия от этого собора были весьма чувствительные, и хуже всего было то, что папы играли роль суфлеров для святого духа. Но бывшие до тех пор всегда в оппозиции к светской власти, стали с ней за одно, чтобы парализовать пробудившееся всюду стремление к прогрессу и политической свободе.

Пий IV «отдал душу тем же путем, каким он ее получил». За ним последовал Пий V, бывший великий инквизитор. Во время своих выборов он, будто бы, сказал: «Будучи монахом, я надеюсь удостоиться рая; будучи кардиналом, я сомневаюсь в этом, а будучи папой, я отвергаю всякую возможность». «Папа Пий V, прошедший самую подходящую школу в бытность свою великим инквизитором, был самый жестокий из всех пап. Он жил вдохновением Варфоломеевской ночи, страшных гонений в Нидерландах при герцоге Альбе, который хвастался, что он в течение шести лет казнил 18.000 людей, и, наконец, всех заговоров в Шотландии и Англии. Причиной жестокости этого папы был не только религиозный фанатизм. Он велел, например, повесить Николая Франко за невинное друштиние по поводу вновь выстроенного в латеране (папском дворце) отхожего места?

«Чтобы живот отягченный не мучился ношей напрасно,

Здесь, в латеране, уют папа, жалея, создал».

Вот строки, которые поэта довели до виселицы. Бедняжка воскликнул совершенно справедливо: «Это черзучур!» и стоя на лестнице, все еще не хотел верить, что это — не шутка и спросил: «Как, Николая на виселицу!». Когда Пий, страдая ужасно от камней, отдал свою душу палача, везде царил радость. Публичные женщины, почти отставленные от своего ремесла во время своего правления, ликующе собрались вокруг его трупа, и даже турецкий султан радостно отпраздновал его смерть. Пий, между прочим, вел очень строгую жизнь; как отшельник, носил пояс из колючей проволоки, шириною в ладонь (киликий), на голом теле и не носил рубахи. Его пища состояла в овощах, и он пил только воду.

Григорий XIII не уступал своему предшественнику в фанатичной ненависти к еретикам, но зато уступал ему в строгости жизни. Он заявил, что протестантам, особенно ученым, князьям, высшим чиновникам и другим влиятельным лицам при их переходе в римскую церковь

следует по особой папской милости разрешить скрывать свою веру и участвовать в протестантских церковных обрядах, одним словом, вести себя и дальше, точно протестанты.

Преемником Григория был Сикст V (1585—1590). Его отец был виноградарем, его мать — служанкой, и он сам в детстве пас свиней. Поэтому он часто шутил: «Я из светлейшего дома; солнце, ветер и дождь имели свободный доступ в хижину моих родителей». Его, собственно, звали Фериче Перетти, и он родился в 1521 в Гротта а Маре, недалеко от Монтальято в графстве Анконе. Францисканец, которому понравился мальчик, увез его от свиней и поместил его в монастырь, значит — поставил его на первую ступень лестницы, ведущей к папскому престолу. — Он быстро поднялся вверх. Папа Пий V питал к нему благосклонность и назначил его кардиналом Монтальято; но Григорий не мог его терпеть и считал более целесообразным оставаться в стороне и, как будто, превратиться в абсолютного францисканца. Он играл свою роль так хорошо, что он обманул всех кардиналов. Он притворялся весьма смиренным, простофилей, физически дряхлым, и допускал, чтобы его звали «ослом из графства»! думая про себя: кто последний смеется, — лучше всех смеется. Кардиналы во время выборов раскололись на шесть партий, и так как ни одна из них не хотела допустить другой, то большинство кардиналов воскликнуло «чтобы осел из графства сделался папой». Как только Монтальято, еле еле передвигавшийся при помощи костыля, заметил, что он получил большинство голосов, он мигом бросил в сторону костыль, выпрямился во весь рост, плюнул в потолок часовни и зашел громовым голосом. «Тебе, боже, хвалим», так что окна дрожали. Можно себе представить испуг всех обманутых кардиналов. Когда церемониймейстер спросил нового папу, согласно обычаю, принимает ли он сан? последний ответил: «У меня сил хватит даже для двух таких санов», и когда один из самых гордых кардиналов ему сделал комплимент по поводу его бодрого вида, он ответил со смехом: «Да, да, будучи кардиналом мы согнувшись искали ключи царства небесного; мы их нашли и теперь выпрямившись смотрели на небо, так как на земле нам нечего больше искать».

Один из кардиналов, всегда принимавший в нем участие, хотел привести в порядок сдвинувшийся его канюшон, но Монтальято отстранил его рукой и сказал: «Не фамильярничайте с папой». Кардинал Фарнезе, который, никогда не доверял теперешнему папе и его всегда называл пожирателем молитв, сказал теперь своим коллегам: «Вы думали, что вы снигиря выбираете в папы, а вы выбрали такого, ко-

торый со всеми вами будет обращаться, как «со снигирями»! Сикст V и в папском сане оставался суровым монахом и энергично брал в руки бразды правления, которыми раньше управляли с таким жалким бессилием. Прежде всего он заботился о том, чтобы очистить страну от многочисленных разбойнических шаек, которые при Григории XIII приняли такие размеры, что ни один человек не мог быть спокойным за свою жизнь. 500 преступников ожидали амнистии, которая обыкновенно бывала при смене правления, но Сикст велел всех предать суду и ими наполнить виселицы. «Я предпочитаю, чтобы виселицы были полные, а тюрьмы пустые», говорил он.

Весь Рим пришел в ужас, так как его строгость обрушивалась и на богачей, и на бедных, к чему раньше не привыкли. Граф Пасквино, который покровительствовал бандитам, был казнен в Болонье, и виллу духовного сановника Цезарино папа велел разрушить, так как она служила убежищем для бандитов.

«Я прощаю», сказал он, что было сделано при кардинале Монтальто; но, сделавшись Сикстом, я должен разрушить этот дом и на его место поставить виселицу». Цезарино от страха удалился в монастырь. Один из сельских стражников, которые часто действовали сообща с бандитами, хотел скрыться, когда он увидел Сикста. Последний велел его заковать в цепи и вернуть ему свободу только с тем условием, что он ему спустя восемь дней доставит определенное количество голов бандитов. Папа в своем увлечении правосудием дошел до того, что он велел перебирать старые уголовные дела, чтобы отыскать преступников. Какого-то Бласхи, убежавшего из-за убийства 36 лет тому назад из Флоренции, он велел отыскать и казнить. Эта строгость служила материалом для Пасквино. Однажды на статуе был изображен мост ангелов с статуями апостолов Петра и Павла. Петр был в сапогах и в дорожном плаще. Павел высказал свое изумление и спросил о причине дорожного костюма, а Петр ответил: «Я собираюсь бежать, так как я 1.500 лет тому назад отрубил у Малха ухо». Сикст занимался своим правосудием с увлечением и однажды после большой казни сказал за столом: «У меня бывает больше всего аппетит после такого акта правосудия». Пасквино явился с тазом, наполненным маленькими виселицами, колесами, топорами и т. д. и сказал: «Этот навар улучшит аппетит святого отца».

Матери пугали теперь своих детей именем папы, и когда он показывался на улице, все скрывались—примета, что в Риме было не мало жуликов и других людей, которым приходилось опасаться строгости папы. Он преследовал не только бандитов, а также торговцев живым то-

варом, или сводней, которые продавали кардиналам и распутным богачам своих жен и дочерей.

Одному сапожнику Сикст однажды за пару башмаков уплатил только 6 паоли и сказал: «Остальное я уплачу, когда буду папой» Теперь он уплатил свой долг с процентами и дал сыну сапожника—епископство. Также он вознаграждал настоятеля монастыря, который ему 40 лет тому назад одолжил 4 скуди. О своих родственниках он также не забывал; но, несмотря на все расходы и значительное уменьшение доходов папского престола, он прибавил к папской казне три миллиона скуди, между тем, как другие папы только делали долги. Сикст был умен и не без юмора; но очень чувствительный по отношению к чужому остроумию. Пасквино однажды сушил свою рубашку в воскресенье.—«Отчего ты не ждешь до понедельника?»—«Я сушу рубашку, пока еще не продали солнце»,—а свою невыстиранную рубашку он оправдал: «Папа мою прачку (свою сестру Камиллу) назначил принцессой».

Эта насмешка сильно оскорбила Сикста. Он обещал тому, кто откроет автора, 1.000 червонцев, обещая последнему подарить жизнь. Насмешник хотел сам заработать награду и был настолько глуп, что явился сам. Сикст подарил ему жизнь, согласно своему обещанию, но велел у него вырвать язык и отрубить руки, после чего ему выдали 1.000 червонцев.

Несмотря на разные хорошие качества, несмотря на его ненависть к иезуитам и к испанскому деспоту Филиппу II, он, всетаки, оставался фанатичным монахом и находил совершенно правильным, что еретики должны быть сожжены. Убийство Генриха III французского он одобрил и, когда мстительная Елизавета английская велела казнить Марию Стюарт, он воскликнул: «Счастливая королева! Коропованная голова у ее ног!»

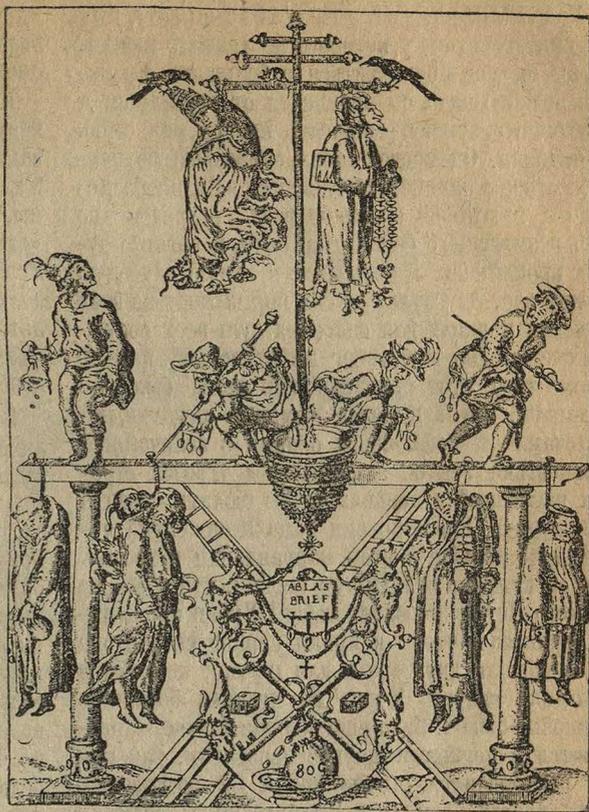
Короля Генриха IV и Елизавету он уважал и однажды сказал: «Я знаю только одного мужчину и только одну женщину, достойных короны». Елизавета узнала об этом и говорила шутя: «Если я когданибудь выйду замуж, то только за Сикста». Последний воскликнул, когда ему сообщили эти слова: «Мы произвели на свет Александра!».

Сикст V был слишком строг для вкуса кардиналов и римлян, поэтому неудивительно, что он скоро начал хиреть. Его придворный врач ощущал нос больного, но тот вскочил гневно и воскликнул: «Как! Ты смеешь папу хватать за нос?» Бедный доктор заболел от испуга. В 1590 г. умер этот папа, последний папа, которого еще боялись. Не повредило бы, если бы он прожил дольше, так как он питал намерение уничтожить большинство монашеских орденов. Может быть, это намерение и было той болезнью, от которой

Рис. № 24. „ГРАМОТА ПАПСКОЙ НЕЧЕСТИВОСТИ — В ЧЕСТЬ И НА БЛАГО ВСЕМ ЧЕРНЫМ, СЕРЫМ, БЕЛЫМ И ЯРКО-СИНИМ РИМСКИМ БРАТЦАМ—РЯСНИКАМ“.

Наверху—папа и чорт в иезуитской рясе, вороны клюют их бесстыжие глаза. Ниже — перевернутая папская митра, служащая уже не предметом религиозного поклонения, а лишь горшком для испражнений. В руках у сидящих на горшке—папские индульгенции (акты об отпуске грехов за деньги), которые находят здесь и подобающее употребление. Ниже—повешенные на перекладинах папские кардиналы и иезуиты. В их руки вложены награбленные у народа мешки с золотом.

Эта летучка—характерная картина отражения средневековых крестьянских революций в Богемии, Моравии и Силезии.

он умер. Римляне были рады, что избавились от своего строгого наставника и выразили свою радость тем, что разбили его статую, стоящую на капители. Пасквиль писал: «Если я когданибудь опять назначу монаха папою, то пусть редька вечно останется у меня в заду».

Первым папой в 17-ом столетии был Павел V, которого выбрали в конклаве после весьма запутанных и странных интриг. Он с удовольствием подражал бы Сиксту V, но реформация сильно поколебала авторитет пап. Павел хотел Венеции показать свою власть, но сенат этой республики мало обращал внимания на анафему папы, которая успела превратиться в пустой звук. Папа был вне себя от бешенства и требовал повиновения, но савойский посланник разъяснил ему его положение по отношению к правительству и правителям; он ему говорил напрямик: «Слово повиновение неприлично, когда говорят о правителе. Весь свет считал бы более разумным, если бы ваше святейшество пользовались большей умеренностью». Иезуиты напрасно старались толкнуть венецианский народ на восстание и, наконец, покинули город вместе с множеством других монахов. Народ сопутствовал

их проклятиями. Сенат вообще, выказывая большую энергию против притязаний духовенства; все священники повиновались ему и не обращали внимания на интердикт. Только верховный викарий епископа Падуанского велел передать сенату в ответ на его запрет интердикта, что он поступит так, как бог положил сенату на душу и повесит того, кто не повинуется, герой в рясе покорился. Во время этой борьбы между Венецией и папской властью отличился особенно Павел Сарпи, прозванный также Фра Паоло, сражаясь своим ловким пером против папских притязаний.

Кардиналы Белламин и Бароний напрасно собирали все свои умственные силы, чтобы победить Сарпи, и вся оружейная палата папской лжи оказалась недостаточной помощью.

Чтобы избавиться от этого опасного противника, решили убить Сарпи. Однажды вечером (1607) напали на него бандиты и нанесли ему пятнадцать ран. Когда он был ранен, этот мученик правды воскликнул: «Я знаю, чем пишется римская курия!» Однако, Сарпи не умер от своих ран, и участие, которое венецианцы принимали в его участии, вознаградило смелого писателя

за то, что он испытал. Так как теперь познакомилась с «римским куриальным стилем», то Сарни всегда окружала стража телохранителей, когда он выходил из дому, а врача, вылечившего его, назначили рыцарем ордена св. Марка.

Урбан VII, который умер в 1644-ом году, был мелким деспотом, у которого не хватало власти, чтобы он мог превратиться в большого. Еретиков всякого вида он ненавидел от всей души и усиленно старался разжигать против них огонь фанатизма. Он провозгласил сумасбродную буллу, которая начинается словами: «Ин дона Домини», в которой еретиков всех разрядов «во имя всемогущего бога, отца, сына и святого духа» проклинают и посылают в самую глубокую бездну ада. Эту буллу до сих пор читают во всех римских церквах для спасения душ всех верующих ежегодно в четверг на страстной неделе. Кроме того, этот приятный тип папы был еще педантом. Он занимался самыми ничтожными мелочами и обращался с ними с величайшей важностью. Так он запретил под угрозой строгих наказаний в церквах табак нюхать, жевать или курить. Впоследствии папа Иннокентий пошел еще дальше в этом направлении и грозил, что он каждого отлучит от церкви, кто в соборе святого Петра понюхает табак! Урбан кроме того, приказал, чтобы клирики церкви св. Антона не щекотали друг друга для шутки, и чтобы в праздник святого Марка не пускали больше в церковь—быков. Зато еще больше быков отправляются в церковь в другие праздники, так как он распорядился, чтобы кроме 52 воскресных дней праздновали еще 34 праздника; если их не праздновать, то это будет смертным грехом. Он скопил 20 миллионов скуди, которые он, однако, большей частью потратил на свою семью, и оставил долг в размере 8 миллионов скуди.

Иннокентий X был жалким папой, который находился всецело под башмаком Донны Олимпии, вдовы своего брата, которая была его содержанкой. Эта бесстыдная женщина управляла христианской церковью и безцеремонно торговала должностями и приходами. Чтобы набрать деньги, она обратила в светское владение две тысячи монастырей, т.-е. закрыла их и реквизировала их имущество. Еще за десять дней до смерти папы она успела захватить полмиллиона скуди. Когда она однажды проиграла значительную сумму, она сказала со смехом: «Ах, это только немецкие грехи». Подобные слова приписываются также Александру VI.

Папа протестовал против вестфальского мира, который вернул свету мир после тридцатилетней войны, потому что благодаря этому миру десять духовных учреждений были обращены в светское владение. (Рис. 25).

Даже в Австрии были возмущены подобной низостью, и буллу, которую папский нунций велел

прибить к дверям всех австрийских церквей, срывали, а типографа, который ее отпечатал, взяли под стражу и заставили платить 1.000 талеров. Даже император Фердинанд, несмотря на свою богомольность, сказал нунцию Мельци: «Хорошо рассуждает папа, в государстве все вверх дном, пока он развлекается со своей Олимпиадой».

Последним папой в 17-ом столетии был Иннокентий XII, человек, которого в сравнении с другими папами можно назвать «разумным». Он дождался до великой радости, что государь той страны, где возникла реформация, вернулся в лоно «единой спасающей» римской церкви; это был курфюрст саксонский Фридрих Август, который должен был решиться на этот шаг, чтобы сделаться королем польским, и рассуждал, как французский король Генрих IV, что «за королевскую корону можно и слушать мессу».

В душе Фридрих Август не был римским католиком, а был человеком с очень религиозными взглядами. Будучи еще принцем, он близко был знаком с будущим императором Иосифом I. Последний жаловался ему, что во дворце явилось привидение, которое предостерегало его, чтобы он не поддавался никакой ереси, и угрожало ему явиться вновь через три дня, если он не исправится. Саксонский принц просил Иосифа разрешить ему переночевать в его комнате, так как ему очень хотелось ближе познакомиться с привидением. Привидение, действительно, явилось, но Фридрих Август схватил его так крепко, что бедная скотина—привидение от страха застопала: Иисус, Мария, Иосиф! Принц выбросил привидение в окно и что же? это было—его преподобие господин духовник!

Про пап XVIII-го столетия приходится говорить немного: большинство из них плясало под дудку иезуитов и старались разными происками вернуть себе подорванную власть, подкапываясь под основу государства при помощи своих придворных кротов—иезуитов, которые, однако, только настолько заступались за интересы папы, насколько это соответствовало их собственным интересам. В общем, святые отцы становились более человекоподобными, т.-е. скотскими непристойностями, которые раньше марали папский двор, теперь занимались тайком, так как приходилось опасаться публичного скандала. В былое время в Риме не считались с публичным мнением, но реформация научила, что это нельзя делать безнаказанно, и что даже заместителям богов не разрешается жить по свински.

Бенедикт XIV (1740—1758), был самый ученый и юристический из всех пап, которые когда либо сидели на мнимом престоле Петра. Его положение, конечно, заставляло его поддерживать и защищать традиционные при-

тязания пап, особенно такие, которые были связаны с финансами, но он по мере сил старался смягчать обстоятельство. Я про него расскажу только два анекдота, характеризующие его, как человека. После того, как он однажды герцогу Йоркскому показал все достопримечательности ватикана, он обнял его и сказал: «До отпуска грехов вам нет дела, но благословение старика вам не повредит».

Старый морской капитан, по имени Мирабо, вместе со своими молодыми офицерами пред-

ли для него — религией. Он ждал спасение от иезуитов и ими окружал свой престол. Это давало Пасквино часто повод для насмешки. Однажды, сказал этот каменный римский «Кладдератт»: «Я посадил себе виноградник и ждал, чтобы он мне принес виноград, но он принес мне только дикие плоды». Климент назначил премию за открытие автора; на следующее утро ответил Пасквино: «Это — пророк Иеремия!». Папа дождал до катастрофы, что богомольная Португалия, даже Франция — прогна-

Рис. № 25. ЖАЛОБЫ КРЕСТЬЯН НА ЖЕСТОКОСЕРДЫХ „КРЕСТЬЯНСКИХ НАЕЗДНИКОВ“.

„КРЕСТЬЯНСКИЕ НАЕЗДНИКИ“.

Памфлет на истязания крестьян дворянским воиством всех вероисповеданий во время тридцатилетней бойни (1618—1648), конец которой открыто оплакивал папа Иннокентий X.

ставился папе. Молодые люди не могли удержаться от смеха по поводу этикета. Капитан пробормотал извинения, а Бенедикт перебил его: «Не беспокойтесь; я — положим папа, но не имею права мешать французам смеяться».

Климент XIII (1758—1768) был фанатиком. Ему все мерещились те времена, когда императоры ползали на коленях перед папами и народы безрапотно позволяли сдирать с себя шкуру. Все папские притязания, даже те, которые давно признаны совершенно неосновательными, ему казались святыми установлениями, они бы-

ли иезуитов к их родителю — чорту, а последняя даже объявила их врагами светской власти, всех суверенов и публичного порядка». Климент, однако, не вразумился; он вновь утвердил иезуитов, но ему не повезло. Его булла по этому поводу во Франции была сожжена палачем, а распространение ее в Португалии запрещена под угрозой смертной казни. Даже богомольная Испания решилась на токой же шаг. Все иезуиты в этой стране были в одно прекрасное весеннее утро собраны и отправлены в церковное государство. Одним словом, со всех сторон

охотились на этих опасных насекомых. Почти с'еденный ими папа—ему приходилось кормить всех этих черных кровопийц! — вел себя так, что Франция захотела проучить римского упрянца, но смерть избавила его от такой участи.

Его преемник Климент XIV, наконец, уступил публичному мнению. 21 июня 1773 г., орден иезуитов был закрыт. В Европе царил всеобщее ликование. Когда Климент подписал буллу о закрытии ордена, он сказал: «Это закрытие мне будет стоить жизни».

Он знал, с кем имел дело. Климент умер от иезуитского яда. Какой-то вельможа в Вене спросил наивно одного бывшего иезуита: «Климент умер, неправда, вы простили его? — «Да, как мы всегда прощаем виновных!»—ответил с самым кротким выражением лица достойный ученик Лойолы.

Папа Климент XIV (с 1768—1774), подписал знаменитую буллу: *dominus ere redemptor* буллу отмечают всегда первыми словами. — Этой буллой был закрыт орден иезуитов, и он подписал этим свой смертный приговор. — Уже во время страстной недели 1774 г., иезуитский яд начал действовать. Все противоядия оказались бессильными; он умер 22 сентября. Тело было настолько разрушено ядом, что даже кожа отстала от головы, так что при выставлении покойника лицо пришлось покрыть маской.

После продолжительной, ожесточенной борьбы в конклаве, иезуиты добились, что папой был избран один из их друзей, по имени Браахи, — Пий VI (1775—1799). Он был необразованный, хитрый, нетерпимый, гордый, надменный, распутный, упрямый, корыстолюбивый, тщеславный и влюбленный в себя. — Хорошая галерея отрицательных качеств; но—зато—серия хороших качеств много много короче, так что, пожалуй, их не стоит перечислять. Он был хорошим комендантом и красивым стариком — вот все его заслуги.

Император Иосиф II мало церемонился с папой и с папами. Он закрыл много монастырей и считал более целесообразным деньги своего народа оставить в стране, вместо того, чтобы их отправить в Рим. Врские веселы не поступали, и так как Пий VI не мог обходиться без них, он решил поехать в Вену, чтобы устранить финансовый запор. Император велел ему передать, «что он сам намерен в скором времени отправиться в Рим, чтобы посоветоваться с его святейшеством», — но Пий не хотел понять намек. Венцы сходили с ума от присутствия папы, в их городе. Со времен собора в Констанце ни один папа не был в Германии, и вот теперь, папа даже в Вене! И какой еще? умеющий прекрасно играть в комедии. Дамы не знали, что делать, от восторга и все толпи-

лись во дворце, чтобы целовать выставленную в передней туфлю папы.

Император Иосиф пожал плечами, видя энтузиазм венцев, и оказывал папе всякие почести, но свел на нет главную цель его путешествия. Когда Пий хотел приступить к главному пункту, Иосиф просил его изложить все в письменном виде, так как он ничего не смыслит в богословии и указал ему на государственного канцлера Кауница. Папа ждал, по крайней мере, визит этого министра; но он ждал напрасно, и святой отец должен был решиться отправиться к нему под предлогом осмотра его картин. Пий подал канцлеру свою руку для поцелуя, но последний удовольствовался тем, что он ее крепко пожал, и святой отец был ошеломлен. Он был еще более ошеломлен, когда Кауниц его без церемоний перед самыми красивыми картинами передвигал направо и налево, чтобы он нашел правильную точку зрения. Но насчет правильной точки зрения Пию, вообще, не повезло в Вене, и миллион скуди, которые ему стоило путешествие, оказались выброшенными на воздух. Император подарил папе прекрасную венскую дорожную карету—вероятно дипломатический намек!— и алмазный крест, который стоил 200.000 гульденов, в виде пластыря для раны, нанесенной папскому авторитету. На обратном пути Пий проезжал через Мюнхен и здесь совершенно забыл про все пережитые унижения. Он назвал этот город немецким Римом, название, не сделавшееся предметом зависти для других городов.

Пий не только дожид до измены ему австрийского императора, он даже дожид до великой революции, которая спровадила всю поповщину. В 1798 г. Бергие вступила в Рим и новоримские республиканцы цели:

Мы вышли из терпения, не нужны нам сиятельства, не нужны нам и святости, свободу дайте и равенство.

Надеялись, что уже очень старый святой отец от волнения отправится на небо; но, так как он все еще не собирался в такую дорогу, то республиканцы подумали о том, как бы его хотя бы удалить из Рима. Генерал Церони поэтому отправился к нему и сказал: «Первосвященник! твоему царству настал конец; народ взял в свои руки бразды правления». После этого у папы отняли все его драгоценности и даже его кольцо и потребовали, чтобы он надел трехцветную кокарду. Но старик Пий отказался и сказал: «Моя форма—форма церкви». Так как ничего нельзя было сделать со стариком, то его уложили в карету и под верным конвоем отвезли в Сиену и, наконец, в Флоренцию в картезианский монастырь. Богомольные католики оказывали ему щедрую поддержку, и униженный старик с удовольствием здесь остался бы до кон-

Рис. 26. ПАМФЛЕТ XVIII СТОЛ. ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТИЯ МО-
НАСТЫРЕЙ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ИОСИФЕ II.

Il en prit une grande
quantité et leur fêles rompoit
dit ne craignes point, votre emploi desest
mais sera de prendre des hommes.

Sie jingen eine große Menge und die Netze zerriß. aber Sprach fürchte dich nicht, von nun an wirst du
Menschen fischen.

Concluserunt multitudinem
ent capias omnes disruppebatur aute m
tate locum et aut noti timere. et hoc
jam homines oris capiens est.

На горе изображены: Иосиф II и мифический апостол (рыбак) Петр. На апостола Петра ниспадают лучи справедливости и истины. Эти лучи справедливости и истины берет в руки обездоленный крестьянин (см. левую сторону средней части горы). У подножия горы расположены церковные сановники, с удовлетворением наблюдающие за наполнением сетей невода при помощи работы их низших духовных агентов. Внизу изображены орудия обмана и насилия над темными массами: бандалы, колодки, монашеские четки, иконки, церковные стяги, кропило, кадило, листки с отпусками всяческих грехов и т. д.

Внизу помещены слова от Лукия, 5: «Они поймали великое множество рыбы и даже сеть у них прорывалась. И сказал: не бойся, отныне будете ловить человека»

па своей жизни; но такая хорошая участь ему не была суждена. После того, как его родственник ему причинил горе, убежав с остатками его богатств, республиканцы заставили его при приближении неприятеля отправиться во Францию. Пий был болен и показал врачам свои распухшие ноги и раны, со словами Пилата: «Ессе Номо! Но все страдания, которые народ так долго терпел со стороны пап и князей, сделали сердца республиканцев нечувствительными к страданиям старого папы. Они должны были мстить за гнет многих столетий и за кровь миллионов людей, пролитую «во имя веры». Пий должен был перебраться через Альпы по льдам и снегам, путешествуя преимущественно ночью, во избежание сборищ католиков, пока он не прибыл в Валанс на Роне. Мы, немцы,—мягкотельные дураки и чувствуем сострадание к старому, больному, униженному врагу, несмотря на его злобу. И со мной это бывает, но, чтобы, не сделаться сантиментальным, я представляю себе жертвы инквизиции на столбах пыток,—и я только рад, что месть республиканцев обрушилась на порочного папу.

Пий попробовал увековечить себя многими безвкусными постройками, на которых он обязательно велел поместить свое имя и герб, он даже пробовал заниматься сушкой известных понтийских болот, но безуспешно. Он потерял огромные капиталы и приобрел за это прозвище «Ле Сиккаторе», что значит «сушитель», по вместе с тем, обозначает «надоедливый человек». После смерти Пия, у Пасквино было много дела. На вопрос: «В каком положении очутился труп святого отца?», он ответил: «В голове были его родственники, в желудке — церковное уложение Иосифа, а в ногах — понтийские болота».

Кто подумал бы, что Франция, положившая 1.000 лет тому назад основу власти пап, когда-нибудь превратит «заместителя бога», в пенсионера. Но время чудес вернулось, только чудотворцем был не какой-нибудь верующий святой, а Наполеон I.

Великий Бонапарт изменил свободе и был достаточно мелочным, чтобы стремиться к императорской короне, а это он только мог, способствуя людской глупости, и для этого ему понадобился папа, так как попы и деспоты неразрывно связаны друг с другом, как молот и рукоятка. Новый папа Пий VII помазал на царство Наполеона. Пасквино не мог держать язык за зубами; он ответил на вопрос: «Отчего вздорожало масло?»—«Потому что, так много приходится помазывать королей и печь столько республик».

С робостью Пий отправился во Францию, но свирепые львы республики вновь стали кроткими агнцами церкви, и папа сам сказал: «Я

расчитывал, что меня встретят, как честного человека, а вовсе не как папу».

Но парижане были парижанами, профильтрованными сквозь решето революции. Коронационное шествие было для них не священным зрелищем, а фарсом, и когда Пий VII благословлял народ, уличные мальчишки кричали: «Бис, бис!».

Осел, на котором носитель креста ехал впереди папской кареты, вызвал у них особый взрыв веселия: «Вон, смотрите, папская кавалерия! Ах, апостольский осел, святой осел, осел девы!» и громкий смех раздавался перед собором божьей матери.

Император заставил папу целый час прождать в церкви и сам надел корону на себя и на свою супругу. Пий VII играл роль статиста.

Со злобой в душе святой отец вернулся в Рим. Насмешки парижан, может быть, действовали на его ум. Он запултас в календаре, ему мерещилось, что он живет на восемь столетий раньше, и он серьезно думал о том, чтобы всех правителей и все церкви поставить в зависимость от себя. У него сделалась папская лихорадка.

Наполеон добился того, чего хотел, и дальше не щадил рехнувшегося папу. 2 февр. 1808 г. генерал Миолли вступил в Рим. Пий вышел ему навстречу и спросил: «Вы католик?»—«Да, святой отец», пробормотал смущенный генерал. Пий молча благословил его и ушел в свой кабинет. Нам притязания папы кажутся смешными, но мы должны признать, что он хорошо сыграл свою роль перед всемогущественным императором. Римский народ жестокое обращение с кардиналами и с папой, так восстановило против французов, что было бы не трудно для папы устроить, что-то на подобие сицилианской вечерни. Ему, пожалуй, очень хотелось бы это сделать, но он боялся рискованности предприятия, и решил притворяться благодушным. Наполеон, однако, хотел его держать во Франции под своим специальным надзором. Однажды ночью солдаты ворвались в ватикан, спустили святого отца на кресле через окно и увезли во Францию. Здесь «заместитель бога» жил, как говорится в немецкой поговорке, «не как господь бог во Францию», а в большом уединении и простоте, довольствуясь своими протестами против учиненного над ним насилия. Он не уступал императору ни на шаг, и это было мужественно с его стороны. Во время частной беседы, которую поделушали, он назвал Наполеона презрительным тоном «Комедиант», что привело императора в такую ярость, что он схватил драгоценную фарфоровую вазу и разбил ее.

Когда Наполеон был сослан на остров Эльбу, Пий VII (в мае 1814) вернулся в Рим и вел себя, как настоящий папа.

Его первым делом было восстановление ордена иезуитов (7 авг. 1814 г.). За ним последовало восстановление других монашеских орденов, а также и восстановление буллы «In coena Domini», проклинающей всех еретиков. Даже инквизиция и пытки воскресли и их жертвами были несколько несчастных карбонариев. Все безумие прежних столетий ожило. Пий открыл давно закрытый чулан с хламом папского арсенала и оттуда вылетели средневековые совы и летучие мыши.—Процессии, паломничества, иконы и другие скоморошеские атрибуты вновь приобрели силу; новый свет хотели во что бы то ни стало погасить.—Пий VП поскользнулся на мраморном полу своей комнаты, сломал бедро и умер 20 авг. 1823 г., в возрасте 81 г.

Его память должна быть еще более ненавистной, чем память какого-нибудь папы из эпохи средних веков, так как Пий жил в XIX столетии и из-за властолюбия и алчности пускал по земле римских паразитов, не заботясь о несчастии, которое, благодаря этому распространялось; он был похож на того мальчика, который поджигал сарай, чтобы добыть гвозди, вырчку от которых он тратил на лакомства. Лев XII, следовавший за ним, был веселым жуиром, хорошо известный многим германским дамам. Он был, кроме того, любителем охоты, одним словом—веселый парень. Пасквино говорил: «Если папа—охотник, то кардиналы—его собаки, области—его леса, а подданные—его дичь». Ах, добрый Пасквино! **Подданные всегда были дичью и перестанут быть ею, когда возьмутся, да одичают!**

Когда Лев сделался папой—он, именно, стал папой! Он провозгласил в 1825 г. юбилей и пригласил всех верующих: «Сосать млеко веры непосредственно из груди римской церкви». Бон аппетит! Этот Лев был настолько папой, что он запретил прививку оспы, потому что при ней... чей животного смешивается с кровью человека! При прежних папах за деньги разрешалось даже содомитство с животными, а папы претендуют на непогрешимость.

Лев шел по стопам своего предшественника, и церковь, поддерживаемая с деспотичной любовью правительствами, особенно австрийским, все более и более отдыхала от удара, нанесенного ей революцией. В 1827 г. генеральный штаб армии папства состоял из 55 кардиналов, 10 принцев, 118 архиепископов и 642 епископов.—численность армии светского духовенства, количество монахов и иезуитов я не могу установить.

Лев умер в 1829 г. и за ним последовал Пий VIII, который также умер 30 ноября 1830, после того, как он по мере сил способствовал помрачению умов. Кто сомневается в этом, тот пусть прочтет его «Генеральный эдикт священ-

ного ведомства от 14 мая 1829 г.». В этом эдикте предписывается на основании священной дисциплины и под угрозой отлучения от церкви, помимо других наказаний, объявленных святыми канонами, декретами, установлениями и буллами пап, — всем, всем и каждому, подчиненным судопроизводству генералинквизитора, указать в месячный срок все, что им известно относительно следующих пунктов: кто—еретик, кто подозревается в ереси или ею заражен, или покровительствует ереси; кто сопротивляется постановлениям святой инквизиции; кто или лично, или посредством других, каким бы то ни было образом, оскорбил личность или честь или привилегии слуги, обвинителя, или свидетеля святого суда, или же грозил им оскорблениями, или угрожает таковыми,—кто владеет или владел книгами еретических авторов, сочинениями, содержащими ересь или рассуждающими о религиозных предметах без разрешения святого престола, и т. д., и т. д.

В 1831 занял папский престол кардинал Марко Капеллари под именем Григория XVI. В папской области царил сильное недовольство, и скоро после его вступления на папский престол вспыхнули беспорядки, которые, однако, были подавлены при помощи австрийских и французских войск. Вместо того, чтобы—как он обещал—облегчить положение своих подданных, он под влиянием некоторых кардиналов еще больше подтянул бразды правления, и всякое свободное слово в папской области каралось еще строже, чем даже в Австрии или Персии.

Еще во время правления Пия VIII, Григорием XVI пользовались для дипломатических переговоров; так он, между прочим, руководил переговорами с Пруссией по поводу смешанных браков. Будучи папой, он сумел перессориться со всеми правительствами, стремясь восстановить свою духовную власть в прежних широких размерах. Он с упорством отстаивал все притязания папства и иерархии, боролся со всеми противниками этих притязаний и покровительствовал всем учреждениям и установлениям, служившим в течение веков поддержкой этих стремлений. Науки преследовали, иезуитов поддерживали и монастыри расширяли или строили заново.

Он умер в 1846 г., и весь мир обрадовался, что избавился от человека, все стремления которого были направлены к тому, чтобы перевести назад стрелку на часах истории в то время, как везде уже началось брожение и народы рвались к прогрессу.

Его преемником был избран Пий XI, относительно которого надеялись, что он будет последним папой. Будучи еще молодым человеком, он пользовался успехом у дам. В 1815 г. хотел всту-

пить в папскую гвардию, но его не приняли, так как страдал падучей болезнью. Поэтому он решил посвятить себя духовной карьере и начал изучать ту бесполезную науку, которая называется богословием, которая имеет одну сравнительно выгодную сторону, что она может довести до высоких почестей и важных должностей.

Но римско-католический священник не должен страдать никаким физическим дефектом, и у церкви для этого весьма веские мотивы; молодому графу Ферретти с его падучей болезнью, вероятно, также отказали бы в приеме, если бы само небо не пришло на помощь соответствующим чудом.

Редко, когда какой-нибудь папа вступал в правление при более благоприятных обстоятельствах, так как суровость его предшественника всякую миролюбивую меру, всякое улучшение с его стороны, выставляла в двойне выгодном свете.

Настал 1848 год; также и папа не мог устоять против этой бури и не согласиться на конституцию марта 1848 года, хотя против своего желания. Конституционный образ правления — непривычное дело для папы, и для заклинания вызванных духов он назначил министром графа Пеллегрини де-Росси, который обещал сдерживать народ строгими мерами. Но это нельзя было сделать в 1848 году, и последствием были восстания в Риме и убийство ненавистного министра. Возбуждение возрастало и народ, направляемый народным союзом, явился перед квириналом, чтобы изложить свои требования. Папа не хотел «поддаться запугиванию», но когда направили против него пушки, ему пришлось уступить и назначить демократическое министерство, во главе которого стоял граф Мамини дела Ровере. Так как Пий видел себя лишенным всякой власти, то он считал более целесообразным, под защитой баварского графа Шпаура, бежать из Рима 24 ноября 1848 г. в костюме аббата в город Гаэта и там отдать себя под защиту неаполитанского короля. Вследствие этого Рим был объявлен республикой.

Насколько беспокойная и смутная была карьера папы Пия IX в качестве светского правителя, настолько же выгодны для него было его завоевания в качестве главы церкви. Он шел строго по стопам своего предшественника, но делал это менее резким образом, чем тот. Ему удалось почти со всеми державами заключить конкордаты, благодаря которым были восстановлены могущество и авторитет римской церкви. Особенно повезло ему во Франции и в Австрии, где церковь восстановила все свое пагубное влияние на школу.

Князья, испуганные 1848 годом, считали необходимым для поддержки своих собственных деспотических наклонностей призвать на по-

мощь дурманящее и порабощающее влияние церкви на народ. Римская церковь, с своей стороны, особенно в Германии, стремилась к тому, чтобы избавиться от влияния светских правительств. Для этой цели учреждали, так называемые «Союзы Пия».

От этих союзов под различными названиями происходили другие союзы, работающие самым широким и реальным образом для восстановления римского могущества.

Пий IX был далек от того, чтобы признать несовершенство учений римско-католической церкви, а наоборот, усиленно старался воскресить веру во все догматы, созданные средними веками, и мир дождался поразительного факта, что он 8-го декабря 1854 г. торжественным актом в соборе св. Петра возвел в догму противоречащее здравому смыслу учение о так называемом беспорочном зачатии девы Марии.

В то время, как деятельность римской церкви одержала такие успехи в Германии, она теряла все больше и больше почву в Риме и во всей Италии, особенно в Сардинии и в теперешнем королевстве Италии, конституционное правительство которого решительно выступало против претензий церкви. Самый тяжелый удар нанес римской церкви, или скорее папской власти, переворот 1866 года. Объявленная австрийским парламентом частичная отмена конкордата, лишила церковь управления школами и контроля над браками, т.-е. самых сильных рычагов власти.

Широкая деятельность, которую развивает римская церковь, благодаря своим союзам и другим доступным ей средствам, и все возрастающая дерзость ее заставили не только некоторые правительства призадуматься, но и побудили представителей науки, даже тех, которые никогда не обращали внимания на религию, восстать энергично против дурманящих и тормозящих прогресс стремлений церкви.

Разлагающее влияние церкви прекратится только тогда, когда будут достигнуты честные конституции, с которыми не согласуется теперешнее положение церкви, и которые требуют отделения церкви от государства.

Папа Пий IX умер 7 февр. 1878, будучи, как он всегда старался внушить всему миру, бедным узником в ватикане.

За ним последовал Лев XIII (Печчи), о правлении и церковной политике которого мы не будем рассуждать, так как мы не знаем их итогов, и относительно живущих лиц мы воздерживаемся от своих суждений. Мы можем только утверждать, что также и Лев XIII никогда не делает серьезной уступки прогрессу, так как всякая уступка папы равносильна своего рода самоубийству.

V.

Содом и Гоморра.

Реформация была собственно вызвана скандальной жизнью римско-католического духовенства, так как безобразие с отпущением грехов только служило ближайшим поводом. Поэтому нелишне бросить взгляд на эту духовную попойку и исследовать, чем это объясняется, что, как раз те, которые чтут себя призванными быть образцом благонравия для других людей, так замарали себя разнузданными половыми эксцессами, что они вызвали к себе всеобщее отвращение.

Уже в предыдущей главе мы убедились, что попы не останавливались перед самым бесстыдным обманом, если дело шло о расширении их власти, поэтому нас не поражает, что они и в вопросе о браке действовали непоследовательно.

Брак, это «святое таинство», был объявлен запретным плодом для духовенства, потому что он их «оскверняет!». Священники, благодаря «целибату», так называли принудительное безбрачие римского духовенства, были совершенно изолированы и связь между ними и остальными людьми, а также и государством была расторгнута; за то они, тем теснее были прикреплены к церкви, т. е. к папе, так как последний является высшей инстанцией, от которой зависит вся участь римско-католического священника. Старый заместитель бога в Риме для него все, и семья, и отечество. Истинный римско-католический священник не может быть патриотом или хорошим гражданином. А до отвратительных последствий «целибата» папам дела нет. Они хотят властвовать, властвовать абсолютно, и во что бы то ни стало, если бы даже, благодаря их позорному эгоизму, нравственность всего мира вместе с христианством провалилась в бездну. Для святых в Риме есть только один стимул—их корыстолюбие, на который они накидывают благовидный плащ в виде каких-то возвышенных мотивов.

Но ни пострижение, ни посвящение не могут вытравить у духовенства «человеческие слабости», такое нелепое название придумали для проявления естественного инстинкта. Природа со святым телом расника, также мало церемонится, как с телом всякого другого животного организма и борется с ним за свое право.

Эта борьба у добросовестных священников, которые относились серьезно к своему обету целомудрия, нередко кончалась самоубийством или сумасшествием, или противоестественным удовлетворением полового инстинкта, или добровольным искалечиванием. Самая худшая часть духовенства, которую я, главным образом, подразумеваю под названием «рясников», рассматривает брак, как цепь, от которой их избавил добрый Григорий, и поступает по образцу того монаха, который после долгой борьбы, последовал совету старого практика: «Если чорт меня дразнит, то я делаю то, чего он добивается, и борьба окончилась». Они в деле удовлетворения полового влечения, за невозможностью вступить в брак, вознаграждают себя тем, что, по выражению Климента VI, «накидываются на коров народа, как стадо быков».

Этих рясников называет святой Бернгард «лисицами», которые гадят виноградник господа и воздержанием прикрывают свое бесстыдство и свою похоть, против которых предостерегал уже апостол Петр.

«Надо быть скотиной, продолжает он, чтобы не заметить, что открываешь двери настежь для всех пороков, осуждая законный брак».

Но вернемся к нашим «шутам откровения» и рассмотрим, какие у них были взгляды на брак.

Юлий Кассиан, один из главных шутов, объявляет брак прелюбодеем и вся многочисленная секта «энкратитов» избегала соприкосновения с женщинами, как грех. К ним принадлежали «абелониты» в окрестностях Гиппо, в Африке, которые воздерживались от всяких половых сношений. Но для того, чтобы буквально исполнять предписание апостола Павла (I Кор., 7, 29) «что, имеющие жен должны быть, как не имеющие», мужчины брали себе в компаньонки девушку, а женщины в компаньоны—мальчика, чтобы жить в общении с другим полом, а все-таки в безбрачии.

Некий Марцион, который из язычества перешел в христианство, особенно подвизался в воздержании и, вероятно, страдал каким-нибудь недугом в области живота, об этом свидетельствуют его человеконенавистнические фантазии. Своих товарищей он обыкновенно называл «Товарищи в ненависти и страдания!».

Этот тоскливый дурак объявил всякую радость грехом; он требовал, чтобы каждый питался самой скверной пищей, а про брак подавно ничего не хотел знать, так как он считал его привилегированным распутством. Он требовал от своих приверженцев, если они были женатыми, чтобы они развелись или давали обет не смотреть на своих жен, как на жен. Эта секта существовала до середины четвертого столетия, под руководством особых списков.

Некоторые учения этих философских христианских сект доводили до уничтожения всякого видимого порядка.

Капократ, который, вероятно, жил во время царствования императора Адриана в Александрии, учил: что «удовлетворение естественного влечения никогда не может быть делом запретным, и что женщины природой назначены для общего наслаждения ими. Кто подчинится нравственности, тот останется во власти земного духа; но предаваться всем наслаждениям без страсти, это значит: бороться с ним и не поддаваться».

Другой экстатик, по имени Марций, ввел таинственные обряды и знакомил с ними преимущественно женщин, после чего у этих женщин стыдливость окончательно исчезала. Про приверженцев Капократа рассказывают, что они во время своих собраний тушили свечи и между собою занимались тем, что предпочитают делать без того, чтобы кто-нибудь светил. Адамиты занимались тем же. Перед их храмом, который они прозвали раем, была крытая галерея. В этой галерее они раздевались до нага и потом попарно отправлялись на собрание. Здесь каждый Адам со своей Евой осуществляли, так называемый, «мистический союз». Это напоминает наши добрые протестантские духовно-нравственные собрания. «Духовные невесты!» весьма старинное изобретение.

Другие «еретики» — так назывался весь этот класс странных философов — разрешали брак, но не допускали беременности, учась у Ована, праотца онанизма.

Валезианцы, секта третьего столетия, требовали от своих сторонников оскотения и так увлекались этой операцией, что они часто чужих людей хитростью заманивали в свои дома, чтобы и их удостаивать той же операции.

Чем сильнее был половой инстинкт и, чем больше чувственного наслаждения доставляло его удовлетворение, тем большей заслугой казалось побороть его, и те, которые добились этого в совершенстве, пользовались высочайшим почетом и были предметом всеобщего восхищения.

Отцы церкви первых столетий большею частью держались того мнения, что души павших ангелов в наказание заточены в тело, и что нравственная свобода человека состоит в его способности победить «плоть» и этим подняться над низшим разрядом.

Пристрастие к безбрачию завоевывало себе все большее и большее распространение, и пристрастие превратилось в фанатизм, так что один из первых наставников церкви Игнатий видел себя принужденным заявить, что грешно уклоняться от брака из-за ненависти к нему.

Философ Юстин, который умер смертью мученика, признал за великую заслугу полное подавление в себе полового инстинкта, так как человек, таким образом, приближается к состоянию воскресших. Он поэтому, совершенно отвергал брак и указал на Иисуса, который был рожден девственницей, чтобы доказать, что бог может производить людей без полового акта. Юношу, оскотившего себя, он очень хвалил.

Ориген, который сам оскотил себя, его ученики Иеракс и Мефодий осуждали брак и их учение находило много сочувствия среди египетских монахов.

Одним из самых яростных противников брака был карфагенский священник Квинт Септимий Флоренций Тертуллиан. Он заявил что брак не грех, но не чистое дело, так что человек должен стыдиться его. Второй брак он прямо называет прелюбодеянием. На вопрос, что станет с родом человеческим, если не будет брака, он ответил: «Что его мало заботит вопрос, вымрет ли человечество или нет; следует желать, чтобы дети скорее умерли, так как светопреобразование уже близко». — А Тертуллиан сам был женат.

Учение этого высокочтимого отца церкви имело громадное влияние.

Этот взгляд уже в V столетии сделался всеобщим, и те священники, которые оставались безбрачными не по убеждению, оставались такими по лицемерию, а женатые старались показать вид, что они живут со своими женами, как с сестрами. Случаи оскотения случались часто; но, несмотря на все это, тогда безбрачие священников не было всеобщим и не предписывалось церковью.

Первую попытку в этом направлении сделали на синоде в Эльвире в Испании (305—309), на котором присутствовали 19 епископов. Тогда не только запретили назначение женатых священников, но и предписали женатым священникам отказываться от всяких половых сношений со своими женами.

Другие синоды последовали этому примеру, и так как с тех пор часто оттавали предпочте-

ние неженатым священникам, то это побуждало многих к безбрачию, и лицемерию и ханжеству широко были открыты двери.

На первом вселенском Никейском церковном соборе (325) испанский епископ внес предложение, чтобы везде воспретить брак священников, однако, тогда встал епископ Верхней Фиванды Пафнутий, восьмидесятилетний старик, который сам даже не был женат и стал защищать брак с такой горячностью и с такой убедительностью, что собрание удовлетворялось тем, что запретило священникам лишь иметь наложниц.

Громадное влияние на увлечение целибатом имело монашество. Фанатичным монахам брак и всякие половые сношения казались предметом отвращения, они в своем извращенном усердии доходили до того, что проклинали женщин вообще и утверждали, что от них надо бежать, как от чумы или от ядовитой змеи. Они, встречая друг друга, обменивались сентенциями, которые должны были им напоминать, что женщины надо презирать, например, «Женщина — это неразумие, наталкивающее разумную душу на распутство» и т. п.

То, что, пользуясь таким почтением монахи объявляли достойным осуждения, таким же казалось и мирянам, и хотя не каждый чувствовал себя способным к монашеской жизни, но все-таки старались, живя даже в миру, приобретать возможно больше прав на ореол аскетизма.

Эта погоня за святостью часто наталкивала на геройские решения, которые, правда, с субъективной точки зрения, достойны удивления, но в то же время вызывают чувство сожаления, что столько нравственного пороку потрачено впустую.

Юноши и девицы увлекались целомудрием. Пелагий, который впоследствии сделался епископом в Лаодикии, на брачном ложе уговорил свою невесту дать обет воздержания; других в таком же критическом положении направляли на тот же путь невесты.

Некоторые секты, как евстафианцы и армяне, заявляли категорически, что никто, состоя в браке, не может удостоиться рая, и из рук женатых священников не принимали причастия и вообще избегали всякого общения с ними. Но так как они питание мясом тоже объявили грехом и утверждали, что богатые только могут попасть в рай, если они откажутся от всего имущества, то их учение на соборе осудили, как ересь.

Дальнейшее распространение монашества способствовало также и распространению предубеждения против брака и положение женатых священников становилось все более и более затруднительным.

Многие отцы церкви, сочинения которых нашли широкое распространение, выросли в аскетических взглядах и с яростью выступали против брака. Это сделали Евсевий и Зенон, епископ Веронский, тот же самый, который заявил, что «величайшая слава христианской добродетели — растоптать в себе природу».

Амвросий, римский наместник провинции Лигурии Эмилии, принял христианство и спустя восемь дней после крещения был назначен епископом Миланским. Он едва знал христианское учение, и так как он не мог надеяться, что отличится своею ученостью, то он хотел отличиться аскетической жизнью. В виду того, что тогда еще считалось ересью осуждать брак — апостолы были женаты, — то он допускал кое-какие светлые стороны брака; но он не знал предела своей восторженной хвале, когда речь шла о безбрачии, и в особенности увлекался задачей спасти девственность девиц. Он постоянно выставлял им в пример Марию и рассказывал самые странные чудеса, которые будто бы произошли для спасения девственности у той или другой девицы. Он доходил до того, что восстанавливал детей против родителей, так, например, он говорит в одном воззвании к девицам: «Надо прежде всего в себе победить почитание родителей! Кто победил свой дом, победит и мир!».

Своими проповедями он вызвал в Милане такой фанатизм целомудрия среди девиц, что молодые люди пришли в отчаяние, и разумные родители должны были запретить своим дочерям посещать его проповеди. Его слава так распространилась, что к нему из Африки присылали девиц, чтобы он их наставлял на путь целомудрия.

Августин, который после бурной жизни принял христианство и, наконец, сделался епископом в Гиппо, правда, не осуждал брак, но своими сочинениями много способствовал увлечению целибатом. Он учил, что неженатый сын и незамужняя дочь гораздо выше стоят своих родителей и говорил: «Безбрачная дочь на небе займет гораздо более высокую ступень, чем ее замужняя мать; между ними такое же отношение, как между сверкающей звездой и потухшей».

Брак между Иосифом и Марией он выставляет, как образец брака, так как они жили в браке, но друг другу дали обет воздержания. Раньше брак был необходим, чтобы расплодить народ божий, но теперь, после распространения христианства, следует всех, желающих производить детей, увещевать, чтобы воздержались. Надо желать, чтобы все оставались безбрачными, чтобы город божий скорее наполнился и скорее настало счастливое представление. Августин,

вропрочем, несколько не требовал, чтобы священники были безбрачными.

Самое сильное влияние на celibat и на монашескую жизнь проявлял уже известный нам Иероним. Он собственным опытом убедился в могуществе полового инстинкта и описывает свою борьбу в таких живых красках, что страшно становится: «Я, осудивший себя,—пишет он Евстохию,—от страха ада на заключение в такую темницу, где я пользовался только обществом скорпионов и диких зверей, часто, тем не менее, видел себя окруженным целыми хорами девиц. Мое лицо было бледное от поста, а дух пылал от желаний холодного тела, и в плоти, умершей раньше, чем сам человек, пылал огонь похоти. Лишенный всякой помощи, я упал к ногам Иисуса, я окрошил их своими слезами, я сушил их своими волосами и строптивую плоть я победил долгим постом». Особенно Иероним старался завоевать для аскетической жизни женщин. Это ему превосходно удавалось, так как он, благодаря своему обхождению с знатными римлянами, приобрел тонкое знакомство с женской душой и ее слабостями.

Одно место в одном из его писем показывает это и доказывает и то, что женщины тысячу лет тому назад были такими же, как и в настоящее время. Он пишет молодой девице, которой становится тесно в доме матери: «Что же ты, девица, с здоровым телом, нежная, полная, румяная, возбужденная мясной пищей и вином и пользованием ваннами, хочешь делать у женатых мужчин и юношей? Если ты даже не исполнишь то, чего они от тебя требуют, так и то позорное свидетельство для тебя, что такие вещи от тебя требуют. Сладострастная душа непристойные вещи требует с двойной пылкостью, и о том, что запретно, делает себе тем более заманчивое представление. Даже твоя простая коричневая одежда выдает твой скрытый нрав, когда она не имеет складок и тащится по земле, чтобы ты казалась выше ростом,—когда она где-нибудь умышленно распорота, чтобы в одно время некрасивое было покрыто и красивое бросалось в глаза. Твой темные и блестящие панталоны, когда ты двигаешься, своим шуршанием возбуждают внимание юношей. Твои груди сжаты лентами и суженная грудь выдвигается вверх, благодаря поясу. Волосы мягко опускаются или на лоб или на уши. Короткий плащ иногда соскальзывает, чтобы обнажить белые плечи, а потом их поспешно покрывают, как будто не хотелось показать то, что нарочно открыли».

Чтобы побудить девиц избрать Иисуса своим женихом, он иногда прибегает к очень странным средствам, описывая эти деликатные отношения чрезвычайно неделикатным образом. Так

он пишет Евстохию: «Тяжело для человеческой души—ничего не любить; что-нибудь она должна любить. Плотская любовь побеждается духовной любовью. Вздыхай поэтому и говори в своей постели: ночью я ищу того, кого любит моя душа. Твой жених должен в твоей опочивальне шутить с тобой. Проси своего жениха, говори с ним и он будет говорить с тобою. И когда тебя сон одолеет, он придет через стену, просунет свою руку в отверстие и коснется твоего чрева».

Целомудренное безбрачие Иероним ставит выше всего и относительно брака он знает только одну хорошую сторону,—что плодами брака являются монахи и монахини!

Сильный спор завязался между ним и Иовианом, который защищал брак. Иероним оспаривал с большой ловкостью его учение, хотя его доказательства часто вызывают у нас улыбку. В одном из своих полемических сочинений он выводит Иовиана в качестве говорящего лица. Он заставляет его предложить вопрос, для чего бог сотворил половые органы и для чего он вложил в человека желание соединения с другим человеком? На это отвечает Иероним, что эти части тела сотворены для того, чтобы отводить жидкости, наполняющие сосуды тела!

«А на то,—продолжает он,—что наблюдается половое различие в самих половых органах, в стремлении детородных членов, в различии между мужчиной и женщиной, в матке, которая способна для зачатия и питания плода, я отвечу вкратце. Следует ли из этого, что мы никогда не должны переставать удовлетворять свою похоть, чтобы не носить с собою напрасно эти члены? Зачем тогда вдове оставаться безбрачной, если мы родились только для того, чтобы жить по образцу скота? Какой же ущерб для меня в том, что кто-нибудь другой оберемнит мою жену? Зачем апостол приглашает быть целомудренным, если целомудрие против природы? Не следовало ли апостолу ответить: Для чего ты носишь с собою свой детородный член? для чего ты отличаешься от женского пола бородой, волосами и другими свойствами членов? и т. д. Будем подражать Иисусу, который также имел детородный член, а не пользовался им».

Способ полемики, которым пользовался святой Иероним, чтобы бороться против брака, не находил сочувствия, хотя многие были согласны с ним по существу, и он чувствовал себя принужденным защищаться.

«В полемических сочинениях,—говорит он,—допускается большая вольность, чем в речи, и можно даже в них пользоваться своего рода притворством, чтобы лучше побороть противника».

Так он пишет против монаха, который хотел на него навести подозрение, что он, вообще, осуждает брак, совершенно старой своей манерой и кончает: «Долой Эпирюка, долой Аристиппа! Когда не будет больше свинопасов, и супоросная свинья не будет больше хрюкать. Если он не хочет против меня писать, то пусть он услышит мой крик через все страны, моря и народы: я не осуждаю брак! Я не осуждаю брак! Я хочу, чтобы каждый, кто не может лежать один из-за ночных потребностей, взял себе жену».

Большую роль при запрещении священнических браков играли и скупость и алчность повелителей церкви. В случае разрешения браков, наследство священников переходило к их законным детям и все блага, собранные хитростью и обманом, пропадали для церкви.

Я не намерен писать историю борьбы за священнический брак, я хочу только показать пагубные последствия celibата, и так как я успел изложить, как идея о заслугах безбрачия среди христиан завоевала себе признание, то я могу не особенно распространяться по поводу первого пункта, тем более, что при исследовании второго, — мне часто придется коснуться той борьбы.

Греческая церковь пришла к убеждению, что такой противозаконный закон, как celibат, не может быть проведен без пагубных последствий, и на Синоде в Трулле (692), при Юстиниане II, постановили, что священники по прежнему могут вступить в брак и жить со своими женами. Трульский синод не удовольствовался молчаливым допущением браков священников по примеру Никейского собора, так как это не помогло бы делу; нет, постановили, что каждый, кто осмелит воспретить священникам и диаконам, после их посвящения, брачное общение с их женами, будет смещен; а дальше, что получившие посвящение, если они под предлогом благочестия разойдутся со своими женами, будут отлучены от церкви.

Папы Константин и Адриан I были достаточно разумны, чтобы одобрить постановления Трульского синода, и папа Адриан II (867—873), даже сам был женат. Еще в начале XI столетия можно считать за правило, что везде лучшая часть духовенства жила в законном браке или, по крайней мере, в сношениях, которые признавались равными браку.

Папы Виктор II, Стефан IX и Николай II, однако, продолжали попытки отменить священнические браки. Главным же врагом браков был Григорий VII — он их прямо воспретил и женами священников заставил пожинать жен.

Борьба священников за свои общечеловеческие права продолжалась два столетия. Наконец они были побеждены, но победа не принесла благотворных плодов римской церкви. Плачевные последствия celibата вызвали, как

я уже говорил в начале, реформацию. Но даже реформация не смогла сломить упорство пап. Князья на Триентском соборе настаивали на отмене celibата, который считали корнем всех зол, но напрасно; celibат вновь был утвержден на этом соборе, и его постановления до сих пор в силе.

Предрасудок о заслуге самоистязания, и предпочтение, которые фанатичные священники отдавали безбрачным священникам, побуждали многих из них к безбрачию, если даже оно не соответствовало их наклонностям. Но они сумели сохранять вид святости и жертвовать втайне ревущему бесу плоти. Этому благоприятствовал странный обычай, что холостые священники или миряне брали к себе в дом девиц, давних также обет целомудрия. — Эти девицы назывались «агашетками» или «сестрами любви». С ними священники жили «в духовных близких сношениях и платонической любви». Они даже всегда бывали вместе с ними и спали даже с ними на одной кровати, но утверждали, что они — именно только рядом «спали».

Чтобы этому поверить, — надо иметь твердую веру. Относительно некоторых можно утверждать с уверенностью, что они уцелели среди бурного пламени сладострастия. Святой Адгелм, например, лег с красивой девушкой на одну кровать; она добросовестно старалась вызвать повстанческое настроение в духовной плоти, но святой подражал трем юношам в раскаленной печи. Он закинал беса похоти пением псалм.

Праздная жизнь рясыков и их аскетические упражнения нисколько не благоприятствовали целомудрию. Мы узнаем из уст уважаемых и достойных наставников церкви, которые серьезно боролись со своим половым влечением, как туго им приходилось и чего стоила им эта борьба.

Базилий сделался отшельником в очаровательной местности, но он сознался, что он мог уйти от суеты мира, но не мог скрыться от себя самого. «Что я делаю в этом уединении днем и ночью», пишет он другу, «мне стыдно и говорить; — я ношусь с пожирающими меня страстями и, таким образом, не вышел из суеты. Поэтому уединение, в общем, мало мне принесло пользы».

Все эти святые мужи воспламенялись, как спички и похожи на того почтенного священника из Нурсии, который был достаточно добросовестным и стойким, чтобы после своего посвящения избегать сношения со своей женой. Когда он уже был в преклонном возрасте, он заболел лихорадкой и собирался умирать; его жена наклонилась над ним, чтобы прислушаться, дышет ли он еще. Тогда умирающий собрал свои последние жизненные силы: «Уйди, уйди, милая жена, уйми солому, огонь еще жив!»

Климак также знал по опыту, что «бес плоти» труднее всего поддается искоренению. Он говорил: «Кто победил свою плоть, победил природу, он выше ее, он ангел.—Я могу говорить словами Давида, что я приметил в себе врага бога, который своей свирепостью смущал мою душу,—постом и истязаниями он лишен своего пыла, и когда я искал его, я не находил больше в себе примет его власти». Для чего он его искал, благочестивый муж забыл указать.

Святой Бернгард также был достаточно честен, чтобы признать власть этого «врага бога»: «От этого врага мы не можем убежать и не можем его обратить в бегство, хотя Иероним советует бежать от женщин, этих врат дьявола, дороги порока,—мужчина, как солома: лишь приближается, так и горит».

Какие удивительные вещи проделывали святые, чтобы задушить любовный жар! Святой настоятель монастыря Вильгельм лег на кровать—с раскаленными углями и пригласил свою соблазнительницу лечь рядом с ним! Этот святой велел разрыть могилу своей покойной возлюбленной, потому что не мог искоренить из себя память о ней, и взыл гниющее тело в свою келью, чтобы его совать под нос в качестве подкрепительного, когда к нему приставал «бес плоти».

Между прочим святой Златоуст писал: «Блажен, тот, кто живет с девицей и не принимает никакого ущерба, и я сам желал бы быть столь сильным; я хочу даже допустить, что это возможно. Но я также желал бы, чтобы меня убедили, что молодой человек, который живет вместе с девицей, находится бок о бок с ней, с ней ест за одним столом, беседует с ней целый день—не говоря ничего другого,—смеется, шутит, обменивается ласкающими и нежными словами,—никогда не почувствует похоти.—Я слышал, что многие почувствовали влечение к камням и статуям. Если произведение искусства может иметь такую силу, какая же должна быть сила нежного живого тела?».

Во всяком случае такое сожительство детям мира сего должно было доставлять много повода для насмешек и подозрений, и когда хотели нападать на ясника, то всегда прежде всего нападали на его «сестру любви». Многие девицы настаивали на исследовании своей девственности через повивальных бабок, но святой Кириан говорит совершенно справедливо: «Глаза и руки повивальных бабок не трудно обмануть».

Более верным способом, конечно, было, если священник сам мог доставить доказательства своей невинности, как патриарх Акакий, которого обвиняли в распутстве на церковном соборе в Селевкдии (489). Он поднял свою рясу и воочию доказал святым отцам, что распутство для него предмет неосуществимый.

Уже Тертуллиан говорит о встречающейся нередко беременности подобных «девиц» и о тех преступных средствах, к которым они прибегают, чтобы ее скрывать, так как они тогда еще не могли оправдывать себя, что родят папу, как это бывало впоследствии, когда распространилось учение, что в должности отца всех пап состоит—святой дух!

Синод в Эльвире признал также необходимыми обратить внимание на платонические союзы и распорядился, чтобы епископы и священники имели около себя только сестер или дочерей (из прежнего брака), которые дали обет целомудрия. Но в постановлениях архиепископа Эгберта Йоркского (около 750) мы находим список наказаний для епископов и диаконов, которые совершили блуд с матерью, сестрой и т. д., или даже с четвероногими животными! Это служит доказательством того, что такие преступления встречались!

Впоследствии старались бороться с этим злом таким путем, что для сестер любви назначали очень преклонный возраст. Уже Феодосий II считал необходимым постановить, чтобы диаконы, состоящие на церковной службе, были не моложе 60-ти лет, так как однажды случилось, что один диакон изнасиловал знатную женщину в Константинопольской церкви. Однако, даже этот возраст не препятствовал распутству, и один анонимный епископ, который выступал против последнего, хорошо знал блудливую натуру «воробьев в рясе»—так называли впоследствии францисканцев, чтобы их различить от доминиканцев, которых называли «ласточками»,—когда писал: «Даже старую и некрасивую женщину нельзя священникам взять к себе в дом, потому что скорее всего грешнишь, когда ты застрахован от подозрения; кроме того, похоть не разбирается в красоте, так как черт умеет и безобразие выдавать за красоту».

Я уже раньше отметил, что корыстолюбие епископов играло большую роль при осуждении священнического брака. Пока у женатого священника не было детей—смотрели сквозь пальцы. Последствием этого отношения к вопросу было то, что они принимали предохранительные меры против беременности своих жен по образцу Опана или прибегали к еще более рискованным средствам.

Говорят, что у одного южно-американского индейского племени существует великолепное, совершенно безвредное средство, чтобы предохранить женщину от зачатия, и средство это применяют часто жены, не желающие немедленно иметь потомство. Меня удивляет, что никто еще не отыскал это средство, чтобы привести его в Европу; он приобрел бы большие заслуги о римской церкви.

Доказательство того, что церковь главным образом была заинтересована в том, чтобы у духовенства не было детей, из-за наследства, составляет церковный собор, созванный архиепископом Турским Иоганном в 1278 г. в Лондоне.

Там говорится в одном из постановлений: «Так как угождение плоти часто оскверняет духовенство, особенно, если последствием является деторождение, то мы постановляем, чтобы духовные лица, особенно принявшие посвящение, не смели завещать что-нибудь своим сыновьям, родившимся во время пребывания отцов в духовном звании, или своим наложницам. Такие наследства должны быть предоставлены церкви завещателя.»

Базилый пишет Евсевию, епископу Самосатскому: «Только в руках самых наиполезнейших людей теперь бывает епископская власть»; в другом письме, направленном ко всем епископам Галлии и Италии, он с глубокой печалью описывает опозоренное состояние церкви: «Порочность епископов и начальников церквей теперь столь велика, что жители многих городов не посещают больше церквей, а с женами и детьми исполняют молитвы за стенами городов под открытым небом.»

Григорий Назианский, Златоуст, Кирилл Иерусалимский и т. д. не находят достаточно ярких красок, чтобы нарисовать испорченность нравов среди духовенства. Духовенство достигло того, что распутство считали необходимым аксессуаром всякого ясника и не признавали больше преступлением. Африканские церковные соборы должны были постановить, чтобы ни один священник не отправлялся без свидетелей к какой-нибудь девице или вдове!

Очень яркую картину духовенства и упадка нравов тогдашней эпохи дает опять таки святой Иероним. Он пишет в письме к Евстохию: «Есть и такие люди, которые домогаются пресвитерской должности или должности диакона, чтобы свободнее видеться с женщинами. Все их заботы касаются только одежды, чтобы она хорошо пахла. Волосы завиваются колечками, пальцы сверкают в перстнях, и чтобы дорогой не замочить подошв, они касаются земли только кончиками пальцев. Когда ты их видишь, ты скорее их принимаешь за женихов, чем за священников. Некоторые из них всю свою жизнь стараются только запоминать имена, дома и привычки матрон. Одно из них я тебе опишу вкратце, чтобы ты по наставнику узнал учеников его.»

Он встает с солнцем, составляет список своих визитов, выбирает кратчайшую дорогу, и назойливый старик чуть не входит в комнаты спящих. Когда он видит изящную подушку или платок, или какую-нибудь домашнюю утварь, то он

расхваливает их, восхищается ими, трогает их; жалуясь, что ему недостает ее, он скорее ее выманивает, а не требует, потому что каждая женщина боится обидеть «городского извозчика». Ему не по душе посты и целомудрие; обед он одобряет, если аромат его тонкий и имеется откормленный молодой журавль. У него варварский нахальный язык, всегда снаряженный льстивыми словами. «Куда не повернешься, везде он первый бросается в глаза». Такие «духовные городские извозчики» и в настоящее время встречаются нередко и я мог бы этому Иерониму доставить целый список таких, которые подходят под его портрет. Подобные описания, конечно, создавали Иерониму много врагов, которые ему мстили клеветой. Немало неприятностей наделал ему один диакон, по имени Сабиниан. Последний предпринял паломничество во всем распутным домам Италии и мимоходом изнасиловал массу девиц и соблазнил замужних женщин, «из которых несколько за эти проступки были публично казнены. Наконец, он соблазнил также жену одного знатного гота, который раскрыл свой позор, расвирепел по готски и начал преследовать распутного ясника не на жизнь, а на смерть. Диакон с рекомендательным письмом явился в Вифлеем к Иерониму, который его отправил в монастырь. Здесь он однажды увидел монахиню из монастыря Паулины, влюбился в нее, писал ей любовные письма и получил уверение, что все его желания будут исполнены,—но вдруг все это интимное дело было раскрыто и чуть не погибшее целомудрие монахини спасено. Сабиниан бросился к ногам Иеронима, тот его простил, но с условием, чтобы он выдержал известное покаяние. Сабиниан обещал все, не исполнил ничего, жил весело, как и раньше и клеветал на Иеронима, где только мог. Такие фрукты с виселицы уже тогда украшали святую рождественскую елку церкви!»

Церковное уложение Юстиниана было неблагоприятным для священнического брака, так как в постановлении 528 г. говорится: «Исполняя предписание святых апостолов, мы постановляем, чтобы в случае освобождения епископской должности в каком-нибудь городе, жители последнего условились относительно 3-х лиц чистой веры и добродетельной жизни, чтобы из них выбрать самого достойного кандидата. Но выбор должен упасть только на такого, который не сребролюбив, всю свою жизнь посвящает богу, не имеет ни детей, ни внуков. Любовь к детям по плоти не должна мешать ему сделаться духовным отцом всех верующих. По этой причине мы запрещаем посвящать в епископы, у кого дети или внуки». В том же постановлении воспрещается епископам в своем завещании оставлять своим родственникам какое-нибудь имущество, приобретенное в бытность их епископами.

Следующие постановления еще строже, и в декрете 531 г. Юстиниан предписывает, чтобы посвящали в епископы только тех, кто не имеет никаких брачных сношений с женщинами и не производит детей. Место жены должна заступить святая церковь; последняя же, по яркому описанию св. Амвросия, нагая соблазнительная невеста, красота и чары которой возбудили у Иисуса желание обладать ею и заставили его избрать ее себе в жены!

Что все строгие законы мало чего достигали, не трудно доказать. Все соборы старались издавать все более и более суровые постановления и на одном соборе 751 г. было решено: «чтобы священника, предающегося распутству, бросали в тюрьму, а перед тем бичевали и секли розгами.

Ратерий Веронский, который жил в начале X столетия, жалуется: «какие изверги все эти постриженные! нет среди них никого, кто бы не был прелободеем или содомитом!»

При таких условиях, было неудивительно, что многие христиане призадумались, пристойно ли принимать причастие, которое они считали высшей святыней, из таких грязных рук.

На вопрос, обращенный к нему по этому поводу, ответил папа Николай I: «Никто, будь он сам даже осквернен, не может осквернять святые дары, которые сами очищают от всякой скверны. Солнечный луч, проходя через помойные ямы и отхожие места, не может тускнеть от них. Каков бы ни был священник, он не может осквернять святыню». По этому успокоительному ответу и меткому сравнению, мы можем заключить, что ряски не пользовались особенной хорошей репутацией в глазах папы!

Взгляд церкви на брак не только имел деморализующее влияние на ряски; общее отношение к браку пострадало от него, так как было естественно, что сношения, которые пользовались презрительной оценкой со стороны уважаемых наставников, и в мирян не могли пользоваться уважением. Распутники поэтому охотно пользовались взглядом той эпохи, чтобы оставаться безбрачными и тем более непринужденно предаваться своей разнузданности; женатые, которым надоели жены, легко находили святой предлог, чтобы воздержаться от них и вознаграждать себя вне дома.

С большой резкостью выступал против священнического брака, но в то же время и против распущенности духовенства, кардинал Петр Дамиани, XI века, который своими сочинениями оказывал большое влияние на celibат, но не на исправление духовенства. Дамиани рисует грустную картину позорной жизни ряски в своей «Книге о Гомморе». Он описывает в этой книге их блуд, их развратное распутство, особенно их содомитство, их блуд с юношами и мальчиками, их грязные сношения с животными, распут-

ство священников и монахов между собою и со своими духовными чадами, и передает, как эти сообщники по преступлениям, чтобы свободно продолжать свои эксцессы, отпускают друг другу грехи в исповеди.

Дамиани в своих выходках против священнических жен бывает забавным, и его обращение к ним оригинально: «Теперь же я к вам обращаюсь, вы сокровища клериков, приманка сатаны, отбросы рая, яд всех душ, меч души, волчье молоко для жаждущих, яд для голодных, источник грехов, зацепка для гибели. К вам я обращаюсь, вы увеселительные дома врага рода человеческого, вы удода, совы, сычи ночные, волчицы, пивки ненасытные. Так слушайте же меня, вы б. . . и блудницы, вы жрицы распутства, навозные лужи для ожиревших свиней, подушки для отдыха нечестивых духов, нимфы, сирены, ведьмы, продажные девы, не хватает для вас достаточно крепких ругательств. Вы—ница чертей, назначены, чтобы жариться в вечном огне. Вами откармливается сатана, как своим изысканным блюдом, и жиреет от изобилия вашей невоздержанности. Вы—сосуды гнева господя, оставленные на день страшного суда. Вы—свирепые тигрицы, кровожадная пасть которых жаждет крови людей, гарпии, окружающие и расхищающие жертву господню и пожирающие посвященных господу богу. Я левцами хотел бы вас назвать, вас, распускающих свою гриву по образу зверей и заключающих легкомысленных людей на их гибель в свои кровавые объятия. Вы—сирены и лешие, распевające заманчивые песни, когда готовите гибель кораблю. Вы—свирепые гады, убивающие от похоти в своих любовниках Иисуса, главу всех служителей церкви».

Дамиани, должно быть, был забавным чудачком—его лексику ругательств могла бы позавидовать любая торговка на базаре. Не менее странные бывают его сравнения. Так, например, желая объяснить маркграфине Туринской Адельгейде невыгодные стороны священнических браков,—он сравнивает священников и их жены с лисицами, которых Самсон связал хвостами и, сунув между ними зажженные факелы, гнал на нивы филистимлян.

Закон Григория VII о celibате встретил решительное сопротивление. Все придерживались того мнения: «что лучше жениться, чем мучиться своей похотью, и что благодаря запрету брака открыли настеж двери для блуда. Если Григорий хочет настаивать на своем мнении, то они лучше откажутся от священнического сапа; пусть он сам посмотрит, откуда ему достать ангелов для управления народом в церквях». Некоторые сторонники Григория, которые хотели насильно провести закон о celibате, из-за этого чуть не лишились жизни. Когда насауекский

— епископ Альтаман огласил с амвона приказ папы, присутствующие там же знатные миряне должны были защищать его от расевирепевших священников, которые хотели разорвать его на куски. — Епископ Курский Генрих, благодаря своему усердию в пользу celibата, также подвергся опасности для жизни. Когда Руанский архиепископ Иоганн на одном церковном соборе прочел закон, поднялся страшный шум и бомбардировали архиепископа камнями, так что он весьма поспешно должен был покинуть церковь.

В Англии закон Григория также наталкивался на сопротивление, но один из английских прелатов утешал себя тем, что говорил: «Можно отнять у священников жен, но нельзя отнять у жен священников».

Английское духовенство особенно отличалось своей разнузданностью, и ради соблюдения приличия папа, наконец, должен был официально вмешаться. На синоде в Лондоне (в 1125 г.) священникам под угрозой смещения было запрещено сожителство с женщинами. Нунций папы с большим трудом провел это постановление, но вечером того же дня его застали в обществе продажной женщины. Он обладал достаточной наглостью, чтобы заявить, что «он только наставник для священников».

Епископ Дургемский Ранульф был одним из самых распущенных священников на свете. Он вел жизнь турецкого султана. Красивые девушки, сильно обнаженные, за столом подавали ему вино, и чтобы иметь средства для веселой жизни, он прижимал и грабил своих духовных чад. Его дурная слава дошла до папского нунция. Тот велел ему предстать перед церковным собором в Лондоне, но Ранульф не считал нужным последовать этому приглашению, и кардинал Иоганн решился отправиться сам в Дургем, чтобы воочию убедиться в правдивости слухов. Ранульф умел жить. Он принял нунция его святейшества самым любезным образом, устроил большой пир, во время которого подавали самые изысканные лакомства и вина, так что кардинал был вне себя от восторга, тем более, что одна прекрасная, так называемая «племянница» епископа, хорошо знающая свою роль, всячески старалась развлекать его и, наконец, даже согласилась спать с папским нунцием. Когда глупая птичка попала в силки, епископ собрал всех своих клериков и мальчиков, которые должны были нести кубки и шандалы, и все торжественной процессией отправились к ложу нунция. Там все кричали хором: Виват! Виват! Смущенный нунций спросил с удивлением! «Что это? — Знак почитания для святого Петра?» — «Милостивый государь», ответил епископ, «у нас в стране принято оказывать такую почесть при женитбе знатного лица. Встаньте и выпейте содержимое этого кубка. Если ты отка-

жешься, то тебе придется пить из такого кубка, после которого не захочешь больше пить. Нунций должен был притвориться благодушным, поднялся, «оголенный до пояса», и выпил кубок за здоровье своей прекрасной компаньонки. Потом епископ ушел вместе со всем шествием и мог больше не беспокоиться насчет своей епархии.

Архиепископ Бордосский содержал разбойничью шайку, которую он для своей выгоды рассылал на экспедиции. Однажды, он с целым отрядом распутных женщин и негодяев явился в аббатство святого Епархия, кутил здесь в течение трех дней и ушел, ограбив монастырь до чиста. «Остальные его преступления перечислять было бы непристойно», сказал папа Иннокентий III.

Кто хочет изучать позорные подвиги рясников, пусть читает эти папские письма. Папе докладывали о стольких преступлениях, что ему пришлось бы скоро одному только совершать мессы, если бы он карал все преступления по заслугам; поэтому он предпочитал быть снисходительным, как ни возмутительным кажется это снисхождение. Священник-монах имел запретные сношения с одной девушкой. Когда девушка сделалась беременной, он однажды схватил ее, как будто в шутку, за поясницу и нанес ей такое повреждение, что у нее был выкидыш. Случай этот представили на суд папы Иннокентия III, и тот решил: «Если у плода еще не было жизни, монах может оставаться церковнослужителем, в противном случае, чтобы он не служил больше у алтаря».

Уже в 428 г. папа Целестин был принужден установить кары для священников, соблазвивших своих духовных чад. Такие случаи были чрезвычайно распространены и мне придется говорить о них подробнее в главе об исповеди. Подойти близко к сильной обезьяне в зверинце, для женщины, было менее опасно, чем иметь соприкосновение с рясником. Благодаря своей ленивой жизни они днем и ночью растапливали свою фантазию плотоядными картинами и только и думали о том, как удовлетворять свои блудливые наклонности. Чрезвычайно часто бывали случаи изнасилования. Во время царствования Генриха VI, священники в Англии просили, чтобы их освободили от наказания за совершенное ими изнасилование.

В Базеле, в 1297 г., священник изнасиловал девицу. Его в наказание за это оскотили, и его орудие преступления вывесили в самом многолюдном месте для острастки других рясников.

Венецианцы, в более позднюю эпоху, велели четвертовать августинского монаха, который изнасиловал и потом убил одиннадцатилетнюю

девочку. Содомитство и педерастия среди духовенства были обычным явлением уже в самой древней эпохе христианской церкви, что доказывают приведенные уже раньше постановления церковных соборов. В 1212 году, на одном соборе было запрещено, чтобы монахи и каноники лежали вдвоем на одной постели и занимались содомским грехом.

В 1409 г. в Аугсбурге, по постановлению совета, четыре священника и один мирянин за педерастию были со связанными руками и ногами посажены в деревянную клетку, которую повесили у Перлаховой башни, где она висела, пока преступники не умерли с голоду. В главе о монастырях я укажу примеры, по которым видно, что содомский грех до сих пор часто встречается у ряских, как последствие целибата.

Из всего, сообщенного мною, видно, что епископы обыкновенно еще превосходили своих священников распущенностью нравов, хотя, может быть, не все доходили до подвижничества Лютихского епископа Генриха, у которого место содержанки занимала настоятельница монастыря. Он завел у себя форменный гарем и хвастался, что он в течение 22 месяцев произвел 14 сыновей.

При таких условиях миряне бывали рады, если этим церковным быкам разрешали содержать наложниц, чтобы только спасти своих собственных жен и детей. Фризы даже дошли до того, что не терпели у себя священников без наложниц.

Уже раньше я говорил, что папы больше интересовались уничтожением священнических браков, чем спасением целомудрия священников, так как они не хотели, чтобы законные дети наследовали имущество, которое папы считали церковным. Если поэтому церковные соборы под влиянием отдельных лиц хотели покончить с наложничеством, издавая соответствующие постановления, то не особенно строго следили за соблюдением таких постановлений. Многим епископам даже было бы не по душе, если бы какой-нибудь папа принял решительные меры, так как наложницы для них были средством вымогательства денег. Часто, когда им были нужны деньги, они вдруг строжайше запрещали своим священникам содержать наложниц, так как им нужны были пени.

Генрих фон Гевен, который был епископом в Констанце около середины XII стол., сам вел разнузданную жизнь, и подати, которые ему платили его священники с наложниц, доставляли ему ежегодный доход в размере 2.000 гульденов.

Во время реформации, священники в Ирландии должны были платить своему епископу от

8 до 12 талеров с каждого ребенка, прижитого с наложницей. Папы постановили, что каждый священник, будь у него наложница или нет, должен платить ежегодную определенную «блудную подать».

Как свидетельство того, что наложничество у священников в XV столетии было всеобщим явлением, и для того, чтобы познакомиться с нравами духовенства по словам современника, я хочу привести несколько цитат из сочинения Николая де Клеманси, который жил в начале XV столетия, некоторое время был папским секретарем, казначеем и каноником Лангрской церкви и умер в должности кантора и архидиакона в Лизере в 1440 г. Его описание истинно отвратительное. Согласно ему, епископы сами занимались всеми пороками и разрешали таковые за деньги. Особенно каноники и их заместители отличались своей порочностью. Они предавались алчности, высокомерию, праздности и плотоядству. Они без всяких церемоний держали у себя в доме своих внебрачных детей и своих блудниц приравняли к супругам. Священники и клирики совершенно открыто жили с наложницами и платят своим епископам «блудную подать». Миряне во многих местах не знали, чем спасти своих девиц и жен, как заставить священников содержать наложниц.

«Если в настоящее время», пишет Клеманси, «ктонибудь, ленив и склонен к праздности и плотоядству, то он торопится скорее сделаться священником. Потом они усердно посещают дома распутства и кабаки, где они проводят все время в пьянстве, обжорстве и игре. В пьяном виде орут, дерутся и шумят, имя божие и святых проклинают своими нечестивыми устами, и, наконец, из обятий своих блудниц отправляются к алтарю».

Клеманси упоминает про пьянство священников. В этом они были особенно сильны и искали свою славу в том, чтобы перещеголять в этом искусстве мирян. Уже в первом столетии мы натаккиваемся на епископов, бывшими пьяницами до белой горячки. Ряские сами говорили про себя, когда они бывали в хорошем настроении: «Мы соль земли, и соль надо мочить, а то нехороший дух в сухой соли». Особенно мастерски пили в монастырях. Но про это мы поговорим после.

К хорошей выпивке полагается и хороший стол, и каждому известно, какой хороший стол и в настоящее время бывает у католических священников. Епископы несметные суммы гнали через свою глотку и, чтобы нашей пресной современности дать понятие о их дорогих обжорствах, я приведу меню для пиршества, который устроили в день вступления в сан архиепископа Иорского Георгия Ньюилса.

Для этого праздника потребовалось: 300 четвертей пшеницы, 330 бочек эля, 104 бочки вина, 1 пипа пряного вина, 80 откормленных быков, 6 буйволов, 1.004 барана, 300 свиней, 300 телят, 3.000 гусей, 3.000 каплунов, 300 поросят, 100 павлинов, 200 журавлей, 200 козлят, 2.000 цыплят, 4.000 голубей, 4.000 кроликов, 204 выи, 4.000 уток, 200 фазанов, 500 рябчиков, 4.000 вальдшнепов, 400 водяных курочек, 100 больших куропаток, 100 дроздов, 1.506 паплетов из дичи, 1.400 бигод желе, 300 шук, 300 лещей, 8 тюленей, 4 дельфина и 400 тортов. — 62 повара и 515 помощников поварам работали над приготовлением кушаний, и за столом прислуживали 1.000 слуг.

Сильно воевали против наложничества епископ Штрасбургский Бертольд и епископ Бранденбургский Стефан. Последний с горечью отзывается о священниках своей епархии и говорит, что очень многие содержат наложниц и своим распутным поведением вызывают осуждение «и народа, и князей, и вельмож». «И у этих священников», сказал он, на синоде в Бранденбурге, «такой блудливый лоб, что они считают мелочами распутство и прелюбодеяние. Когда по слабости плоти их кухарки и служанки беременны от них или от других, то они не отрицают свой грех, а принимают за честь то, что они отцы детей, порожденных таким предосудительным соитием. — Они даже приглашают в кумовья соседей духовного или мирского звания и устраивают большие торжества и пиршества по поводу рождения таких детей. Да будут проглты те, которые собственным признанием оглашают то, что могло бы остаться под сомнением, так что они сами могли бы избавиться от законной кары!». Это прекрасный образчик епископской морали.

Правительства, некоторых стран, сознавая, что этим можно предупредить худшее зло, предоставляли наложничеству у священников почти силу законного брака. Это делали, например, несколько правительств в Швейцарии, и светское начальство защищало там наложниц, священников и их детей, против алчности духовного начальства, признавая за ними, наследственные права.

Епископу Тарентскому, папскому нунцию в Швейцарии, кто-то сказал, что монахи там могут делать, что угодно, не рискуя никаким следствием; но, как только у них родились дети, их ожидает страшная, мрачная темница. На это возразил нунций «Блаженны бесплодные!». Но пока мы оставим в стороне монастыри, и займемся только светским духовенством. Наложничество у последнего, даже, когда оно находило себе защиту со стороны закона, никогда не могло заменить брак и служило только к тому, чтобы духовенство выставить в не-

достойном и смешном виде. Характер этих сношений обуславливал собою то, что редко женщина, имеющая какую нибудь цену, соглашалась на них. Если случалось, чтобы какая нибудь девушка по любви пренебрегала существующим предрассудком, то это бывали в большинстве случаев женщины низкой пробы, которые потом только думали о том, как обчистить священника.

«Что патер нагребет, все в наперсток уйдет», говорит старинная немецкая поговорка.

Эти наполовину терпимые сношения, никогда не могли превращаться в уважаемые и всегда останутся унижительными. Бывало, что отдельные священники относились к своим наложницам с тем уважением, на которое может претендовать супруга, но большинство из них, особенно более образованные, обращались с ними, как с кухарками или служанками. Такие личности умели использовать свое положение для своей выгоды. Они не стыдились своих сношений, а это делал образованный священник, который был их хозяином, и который переносил многое, часто даже совершенно находился под их башмаком, чтобы они только не выносили из дому его человеческие слабости, а люди, конечно, не пропускали случая, чтобы не отпустить свои шутки на счет «кухарки патера», и, иной раз, священник должен был незаметно удрать, когда парни пели:

Девки, патеры вас ждут,

Чтоб вы к ним засели,

Без работы там живут,

Лишь трудясь в постели.

Подобные типы священников не скрывали свое распутство, они даже кичились им, и современные достоверные писатели рассказывают, что, во время попок и обжорских пиршеств, эти «святые быки» и «жеребцы в рясах», с крестьянами держали пари на такие скабрзные предметы, что я даже не ренаюсь намекать на них, хотя я далек от всякого жеманства.

Эти рясики даже не стыдились упоминать про свои распутные сношения с амвона, и часто они еще подчеркивали непристойность, приправляя ее грубой шуткой.

Во время церковных праздников они устраивали дикие и разнузданные оргии. Все соседние священники со своими кухарками приходили в гости к тому священнику, у которого был церковный праздник и тогда начинались обжорство, пьянство и всякого рода распутство.

«Так как мы достаточно занимались блудом», говорится в одной проповеди, «то мы перейдем к прелюбодеянию».

Нажничество, собственно, было еще самым невинным результатом закона о целибате. Гораздо более пагубное влияние на нравственность народа имели остальные последствия.

Можно принять за правило, что это была все же еще лучшая часть духовенства, которая жила с постоянными наложницами в сношениях, похожих на брак. Настоящие ряски смотрели на жен и дочерей мирян, как на дичь, на которую они охотились, и которую они старались завлечь в свои сети всякими подлыми

проделками. Эти старания тем легче должны были увенчаться успехом, так как их духовное звание ряски часто приводило в соприкосновение с женщинами, и глупость мужей еще облегчала их общение с ними. Несмотря на наглядные примеры и все подлости, творящиеся у них на глазах, мужья не умнели, так как ря-

Рис. № 27 и № 28. ПОПОВСКОЕ РЕКЛАМИРОВАНИЕ ПОЛЬЗЫ ПОКУПКИ АКТОВ ОБ ОТПУСКЕ ГРЕХОВ.

*С молитвой девы на устах
Аббат, свершивший грех блудливый,
Потоплен силой нечестивой
В кипящих яростно волнах.*

*Он деву призывал не зря:
Ворясь со силой сатанинской,
Она защитой материнской
Спасает душу из огня.*

В то время, как некий священник переплывал Сену, чтобы вернуться в аббатство, на него напали бесы с целью потопить лодку. Волны, поднятые напором ветра, поглотили грешника за грех с чужой женой. Его наложница, следившая у порога своего жилища, с отчаянием видит страшную кару.

Три дня душа каноника была в аду, когда, наконец, святая дева спустилась, чтобы спасти ее, так как грешник в момент смерти прочел часослов матери божией и купил индульгенцию.

Второе окно (направо) выводит на сцену деву и черта, спорящих об обнаженной душе каноника. Демон пытается оттолкнуть деву Марию, но ее небесные связи побеждают агентов ада. Душа каноника спасена.

Легенда хорошо иллюстрирует учение о всеильном могуществе молитвы и об отпуске грехов римской церкви.

ники умели придавать себе такой вид святости, что болваны-супруги не смели питать малейшего подозрения.

Все рассказы про их распущенность рясники, конечно, объявляют бесстыдной ложью, и когда какойнибудь факт становился очевидным, тогда они запрещали говорить про него и ссылались на пример императора Константина, который однажды одного священника застал на месте преступления и прикрыл его своей царской мантией, или они внушали своим духовным чадам то, что говорил благочестивый Рабан Маур: «Если бы ты увидал священника, который положил свою руку на грудь женщины, то ты должен был бы предполагать, что он ее благословляет!». Только нередко результатом такого рукоположения бывало у объекта «интересное» положение.

Скотская грубость некоторых рясников превосходит всякое представление. Даже постановления церковных соборов доставляют доказательства этого. То в них воспрещается священникам служить мессу полураздетыми, босыми или в разорванных куртках и штанах; то воспрещается им: делать у алтаря скабрзные жесты или петь скабрзные песни.

Эта предварительная заметка была необходима, чтобы можно было верить следующему факту, который передает Хеммерлин: Один священник находился в запретных сношениях с очень важной женщиной. Дело раскрылось, и он должен был бежать из своего прихода. Когда он в отчаянии бродил по лесу, он встретил монаха, который его спросил о причине его отчаяния. Священник протодушно рассказал про свое горе. Но мнимый монах был—чорт—или, может быть, шутник в рясе,—и сказал: «Не правда, если бы у тебя не было зловердного члена, ты мог бы спокойно оставаться в своем приходе?» — «Правда, господин», ответил священник. «Так подними свою рясу, чтобы я прикоснулся к нему, как и она прикоснулась к нему, тогда ты без страха можешь показаться своему приходу, зловердный член в тот же миг исчезнет». Священник сделал, что от него требовал монах и стремглав побежал обратно в свой приход, велел звонить в колокола, собрал весь приход и поднялся на амвон. С твердой верой он поднял полы своей рясы и тотчас его член предстал перед глазами в еще большей мощности, чем раньше.

Иоганн Франциск Пико де Мирондола, который вел странную беседу с папой Александром VI, описывает в своем докладе папе Льву X (1513) разложение духовенства и особенно возмущается тем, что воспитывали для церковной службы мальчиков, служивших прелатам для удовлетворения их противозаконных половых наклонностей.

Гейлер фон Кейзерсберг (ум. 1510) был преподавателем богословия в Фрейбурге, а потом проповедником в Штрасбурге.

В одной из проповедей он говорит: «Если хочешь, чтобы на ветках твоего дерева выросли плоды супружеского целомудрия, то берегись, будь предусмотрительным и стыдливым. Прежде всего берегись монахов, они не покинут твоего дома, не унеся кое-что из плодов.

Ты спрашиваешь, как тебе их узнать? Во-первых, ты узнаешь их по маленькому послушнику, которого он привезет с собою, когда он придет в твой дом, он величиною в кулак и его оставляют в углу и дают ему яблочко, пока жена гостя не проведет по всему дому.

Во-вторых, посмотри на его руки, которыми он приносит свои дары, один дар тебе, другой жене, третий—детям и четвертый—служанке.

Третья примета—если он тебе оказывает чрезмерную честь. Если ты ремесленник, он тебя называет юнкером. Если ты видишь монаха белобрысого, то перекрестись, если монах черный, то это чорт; если он белый—то это его бабушка; если он серый—то он и то и другое. Но также остерегайся рясников, держись подальше от них, особенно исповедников, помощников и капланов. Ты говоришь: моя жена ненавидит монахов и рясников, она клянется, что недолюбливает их. Не верь ей, так как черт побуждает жен привязываться к посвященным людям».

Интересные доказательства распутства священников содержат сочинения врачей. Из них мы узнаем, как ужасно отражался celibat на телах рясников. И эти последствия они к несчастью передавали другим и еще физически губили тех, кого губили и духовно. Все врачи жаловались, что сифилис, который немецкие ландскнехты привезли из Франции, благодаря рясникам распространялся ужасающим образом.

Все советы быть более умеренными, были бесплодными. Каспар Торелла, первый кардинал при дворе Александре VI, епископ Санкт-Юстский и личный врач папы, упрасивал кардиналов и всех священников: «чтобы они не распутничали утром, сейчас после мессы, а только после обеда, когда закончилось пищеварение; иначе им придется искупить свой грех истощением, слюнотечением и другими болезнями, и церковь лишится своих лучших украшений».

Некоторые врачи были даже столь ехидными, чтобы высказать опасение, что священники сифилис перенесут и в рай; врач Венделик Хокк приглашает герцога Вюртембергского поставить предел распутству рясников, так как иначе вся страна будет зачумленная. Это опасение вовсе не было пустым словом, так как венерические болезни так разрастались, что в большинстве крупных городов строили особые госпитали, которые назывались «домами французской болезни».

Варфоломей Монтанья, профессор медицины в Падуе, имел возможность особенно подробно изучить сифилис на телах своих друзей духовного сана и поэтому написал книгу, в которой он довольно страшно описывает некоторые кардинальские болезни. Александр VI сам из-за нее подвергся страшным страданиям и кардинал-епископ Сеговии, которому принадлежал надзор над всеми домами терпимости в Риме, посвятил им столько внимания, что он заплатился за это жизнью.

Лютер, Меланхтон, Цвингли и другие громко требовали освобождения священников от цели-

бата, и последний из них от имени многих священников обращался не раз к своим начальникам, но напрасно.

Эразм Роттердамский, который своими сочинениями много способствовал подрыву папской власти, называл реформацию «лютеровою горячкой» или комедией, так как она закончилась женитьбой. Когда он узнал о женитьбе Лютера, он сказал шутя: «Это старая сказка, что антихрист произойдет от монаха и монахини». Он также был против celibата, но утверждал, что пены едва отменят его, так как им слишком приятно собирать «блудную подачу».

Рис. № 29. НАРОДНАЯ КАРИКАТУРА НА „РЕФОРМАТОРА“ ЛЮТЕРА, КЛАССОВОГО ВРАГА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН.

Слева—Катарина фон Бора, жена Лютера, с его сыном Гансом, в сопровождении собачки. Собаки служили в женских монастырях для распутных целей, и присутствие собачки среди „святого семейства“ должно указать на то, что Катарина фон Бора была монахиней. Лютер с животом, настолько отяжелевшим, что его приходится везти на тачке, держит в левой руке кубок в виде папской митры, чем автор карикатуры хотел указать на то, что Лютер любил хорошо позить. Впереди, на тачке, торчат головы сподвижников Лютера, в том числе—Бугенчаген и Буцер; на спине, в коробе—германские князья, поддерживавшие Лютера и поддерживаемые Лютером.

По поводу крестьянских революций Лютер от имени Христа проповедывал так:, Нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем восставший человек (?). Он подобен бешеной собаке, которую надо убивать!.. Кто падает в борьбе за власть имущих (т. е. помещиков), тот будет мучеником перед господом! Умирающие же—на стороне крестьян.. обречены на муки вечные! Пусть всякий, кто в силах, их режет, бьет и душит!!!“

В тех странах, где реформация завоевала себе почву под ногами, священники, конечно, старались позорные стороны своей жизни скрывать от глаз света, но — понятно — правдивость от этого нисколько не выиграла, а, наоборот,

очутилась в худшем положении. Рясники, независимо от всех постановлений соборов, оставались людьми, «алчущими любви», чтобы выразиться поделикатнее, и так как неосторожность в наслаждениях угрожала суровыми ка-

рами, то священникам пришлось усовершенствоваться в тонком искусстве притворства и ханжества.

Ремесло соблазнителя жизни теперь требовало более иезуитской тонкости и от этого не стало привлекательнее.

В настоящих католических странах, однако, не стеснялись и кардинал Беллармин, например, вел такую жизнь, как будто никакой реформации и не было. Про него рассказывают, что у него были 1.624 возлюбленных и еще вдобавок четыре красивые козы! Больше нельзя требовать даже от кардинала!

В семнадцатом столетии вышло еще много постановлений, касающихся распутства рясы и так как не могли искоренить наложничество, то определили возраст кухарок и ключниц в 50 лет, и несмотря на этот возраст, обеспечивающий от нежелательного процесса деторождения, что было важнее всего, «патовые кухарки» должны были еще подвергаться строгому испытанию.

Убедившись в том, что рясычская плоть — живучая плоть, и так легко ее не умертвить, и приемы стали более дипломатичными. Вместо того, чтобы при нарушениях целомудрия звонить во все колокола, затушевывали их и старались внушить миру, что целомудрие рясычских без всякого ущерба и дефекта. Когда понадобилось напоминание, то заботились о том, чтобы про него не говорили, и в циркуляре Иосифа Конрада, епископа Брейзингенского и Регенсбургского от 7 января 1796 г. говорится опре-

деленно: «Мы, впрочем, не желаем, чтобы сведения об этих постановлениях распространялись среди народа, чтобы не навлечь насмешки и презрение на духовенство. Мы пользовались нарочно латинским языком, чтобы заботиться о репутации духовенства и не испортить хорошее мнение о нем среди народа, так как бывают, такие, которые полагают, что даже подозрение в позорном проступке не должно падать на священников и пастырей душ».

Циркуляр епископа Аугсбургского Игнатия Альберта, от 1-го апреля 1824 г., в общем чрезвычайно дипломатически составлен и тем более вдруг ошеломляет одно место в нем: «Да, мы знаем, что у некоторых священников уже вошло в привычку во время церковных праздников и на ярмарках являться с кухарками и посещать дом священника или кабаки и поздно ночью возвращаться домой обожравшись и напившись».

В Испании с благообразием духовенства в начале этого столетия дело обострялось неблагоприятно, и великий инквизитор Бертрам заявил: что необходима вся строгость инквизиции, чтобы удерживать от преступлений духовенство и монахов и предупредить, чтобы исповедная не превратилась в публичный дом. — Как обстоит дело с нравственностью в Швейцарии, укажут несколько примеров в следующей главе.

— В южной Америке рясычские превосходят все остальные сословия распущенностью, а это что-нибудь да значит для южной Америки!

VI. МОНАШЕСТВО.

В средние века монастыри выросли из земли, как грибы. До эпохи реформации, одних монастырей нищенствующей братии было учреждено 14.993! Вследствие реформации и последующих за ней войн погибло в Германии 800 монастырей, в одной Саксонии—130; но, тем не менее император Иосиф II при своем

вступлении на престол застал в своих государствах еще 1.565 мужских и 604 женских монастырей. Во времена Мартина Лютера, число монахов доходило до 2.465.000 и постоянная армия нищенствующей братии насчитывала одна чуть не миллион монахов!

Рис. № 30. INSICNIA IESVITARVM

Т.-е.

всех иезуитов или исаавитов правильный, собственный и природный, разукрашенный щитом и шлемом, герб, которым они все свои кровавые постановления и советы, ежедневно ими творимые, подкрепляют и снабжают взамен печати.

L
K I K
I G I
G
B
F C D F
E

A

A

Иезуитский герб.

Сатирический намплет на роковую роль для людей труда, которую иезуиты играли во всех международных событиях 1620 г.

Они рыли ров, и выкопали его, и унали в яму, которую приготовили. Их злоба обратится на их головы и злодейства их унадут на их темя.

Внимай, читатель дорогой,
Тому, что видишь пред собой
На этой грамоте с гербом,
Снабженным всяким грозным
злом.

Ты сам почуял уж душой,
Кому присвоен герб такой:
И то: какой святой природы
Стоящие с боков фигуры.

A. Особенно присвоен он
Исаавитам всем гуртом.
Но им владеет весь синклит,
Кто к чадам пап принадлежит,
Постриженные братцы все,
Без исключенья, в том числе.
Босая братья, капуцины,
Изнеженные хиацины,
И оборванцы, августинцы,
Да амадейцы и павлинцы,
И орден Клары, святых врат,—
Все этот герб имеют хотят.
И орден нищей братьи весь,
Монахов-сборщиков вся смесь,
Да минориты, францисканцы,
Конвентуалы, бозуанцы,
А также орден реформатский—
Все делят этот герб по братски.
И ряски всех орденов
Сообщники его основ.
Но если б захотел ты знать,
Как герб с'умели сей создать?
Отвечу я тебе сейчас:
Исаавит тут дело спас.
Когда Исаавит сознал,
Что папству уж конец настал,
Что устарел уж римский герб,
И ключ Петра терпел ущерб,
Тогда он долго не зевал
И новый, страшный герб создал.
Боченок под щитом стоит.

B. И весь он порохом набит.
Но чтоб он не был поврежден,

C. Он слева панцирем снабжен.

D. Перчатка справа, щит и меч—
Исаавита, чтоб стеречь,

E. Торчащего там за веревкой,
Под страхом вражьей потасовки.

F. Да пушки там стоят потом
В свободном поле за щитом.

Заряды кучкой сложены,
На черный день припасены.
G. А в честь владыки сатаны
Огонь и меч поднесены,
Что ясно видно по рукам,
Торчащим здесь по сторонам.
А шлем тот грозный над щитом,—

Не даром и вся суть-то в нем,—
Вот истый папский аппарат,
Тот василисками богат.

А сзади все—огонь сплошной,
И в нем витает, словно рой,
Исаавитская напасть,
Чтоб указать вам на их страсть
К сожженью городов и стран
И к разорению поселян.
Но, чтобы не было прорех,
И ясен был их дух потех,

K. Там алебарды, ружья, цепи—
Любимые святые скрепы.
А чтобы всем вам показать,
Что в сих делах нельзя дремать,
И для охраны их герба,
Чтоб сохранился навсегда,
Торчит на шлеме, как султан,

L. Исаавитский атаман.
Веревку с кошельком несет,
Руками волосы он рвет.
Тот кошелек—он весь битком
Набил награбленным добром.
Ведь исповедь князей, господ
Немало доставляет льгот.
И у сирот и бедных вдов
Он совершает свой улов.
Теперь избалованный вор
Грустит, что гласным стал
позор,

Позор ему сей герб создал
В глазах всех честных он упал,
И ныне висельником стал.

Торговля папы.

Торгует папа всем добром:
Крестами, алтарем, христом;
И чтоб торговлю оживить,
Запас большой успел скопить.
Теперь с пороков дань собирает,

*В чистилище, в аду гуляет.
И всем тот римский краснойбай
Сулит усердно папский рай.
Сам столько зла он совершал,
Что к аду путь себе устал,
Вот иезуитский их зачал!*

*Что значит „ROMA“ ты узнаешь,
Когда с конца все прочитаешь:
„AMOR“, т. е. любовь, выходит,
Но там любовь на блуд походит,
И грех содомский их отрада,—
Прибавить ничего не надо.*

Печатано в 1620 году.

Почти, что невозможно перечислить все сорта этих монахов и монахинь и я не берусь за это также, как Марникс де Санкт-Альдегонде в своей знаменитой книге «Улей святого римского пчелиного роя», а замечу только вкратце его же словами: «как некоторые ходили в бело-снежном, другие в черном, как смола, другие в сером, как ослы, в зеленом, как трава, в красном, как огонь, в голубом, как небо, в пестром и пятнистом одеянии; одни носили светлый, другие мрачного цвета капюшон; одни дымчатого цвета, как от дыма чистилища; другие мертвенно-бледного, как от реквиема. Одни монахи — серые, как воробьи; другие—светло-серые, как монастырские кошки; одни—смесь черного с белым, как мокрицы, гусеницы и виши, другие цвета серы и цвета волка; третьи цвета осины и цвета дерева; одни в целой серии подрясников, другие в одной рясе: некоторые в рубашке над подрясником, другие без рубашки, или в кольчуге, или в рубище, или с верблюжьей шкурой св. Иоанна на голом теле; одни наполовину пострижены, другие—наголо; одни бородастые, другие безбородые и безобразные; одни ходят с непокрытой головой, многие с босыми ногами, а все вместе взятые—**праздно**; одни одеты в шерсть; другие в холст, одни в овечьи шкуры, другие—в свиную шкуру; одни носят на груди еврейские кольца, другие два меча крест накрест, третьи — распятие, четвертые — два ключа, пятые—звезды, шестые—веночки, седьмые — зеркало из Эйленшпитгеля, восьмые — епископскую шапку, девятые—крылья, десятые—ножницы для стрижки сукна, одиннадцатые — кубок, двенадцатые—раковины и посохи Якова, тринадцатые—бичи, четырнадцатые—щиты, где еще другие странные фантазии, патерностры, кольца и очки. Вот смотрите, знамена распределены, не хватает только начальнических султанов, и они могут выступить в поход».

Это была огромная сила, особенно, благодаря своему богатству, которого они достигли посредством пожертвований со стороны богомольных идиотов и посредством мошеннических

проделок. Как только церковь или монастырь хотели завладеть каким-нибудь красивым земельным участком, то немедленно находили в монастырском архиве пожелтевший от времени документ, выданный тем или другим правителем былых времен и дарующий желаемый участок монастырю. В монастыре св. Медарда, в Суассоне, существовала целая фабрика поддельных документов.

Монах Гернон исповедывался на смертном одре, в том, что он проходил по всей Франции, чтобы везде для монастырей и церквей готовить поддельные документы. Неудивительно, что во время революции состояние духовенства во Франции могло быть оценено в 3 миллиарда франков!

Рясники не брезгали никакими средствами, лишь бы разбогатеть, так как они давно уже поняли, что деньги—могущество, а кроме того они—хотели хорошо пожить. Их обеты не служили помехой и то, что учредили фанатичные основатели монастырей для того, чтобы оградить их от роскоши, их преемники так ловко выворачивали и извращали, что оно стало для них источником наживы и приятной жизни.

Так, например, картезианцы, которым их монастырский устав запретил употребление мяса, разводили плодовые деревья и рыболовство в таких размерах, что на доходы от них и без мяса можно было вести жизнь в роскоши. Питомник плодовых деревьев картезианцев в Париже ежегодно приносил 30.000 ливров. Зато их приор и мог во время своей болезни уничтожить щучьего бульона на 15.000 ливров!

Месса, по учению монахов, была единственным освежением для бедных душ в чистилище, самым могучим пугалом для черта, и стоила всего только 30 крейцеров, а нищенствующие монахи уступали ее даже за полцены и этим еще выгадывали.

Некоторые монастыри чрезвычайно разбогатели благодаря отпущению грехов, для чего папа им предоставлял особые привилегии.

Отпуск «Портигункулы» приносил францисканцам миллионные доходы. — Монастырь Иеронимитов около Валладолыда с 80 монахами обладал исключительной привилегией продавать крестовую буллу, что давало доход в 12.000 червонцев.

Как охотно монахи брали, так неохотно они давали, и каждый, кто только смел заставить их насильно раскошиться, был проклинаем с пожеланием провалиться в самую бездну ада, как это показывает следующая формула, которой кончалась каждая дарственная грамота: «Да будет его имя вычеркнуто из книги живота; да обрушатся на него все кары Египта—да выкинет его господь из его владений и отдаст таковые его врагам—да будет его доля у предателя Иуды, у Датана и Авирамы—да станут его пашни, как Содом, и сера пусть сожжет его дом, как Гоморру — да ниспослет на него воздух легионы чертей—да будь он проклят с головы до ног, чтобы черви его с'ели с зловонием и его внутренности рассыпались, как у Иуды — да будет его труп пищей хищных и диких зверей и будет стерта его память с лица земли—да будут прокляты дела его—да будет проклят его приход и уход — да будет он проклят в смерти, как со-

Рис. № 31. ЧЕМ ТОРГУЮТ МОНАХИ.

Изображение амулета, служившего предметом шантажной торговли в часовне Сен-Гургон или Гордон, Готеле в Гамбодю Женетей. Это место поклонничества посещается еще и поныне. Там продаются амулеты из эмали, изображающие половые органы обоих полов: «девицы и юноши украшались ими» для подкрепления половой энергии. Их называли амулетами «забавными и фаллическими Сен - Гор - дои'а». Большая коллекция находится у П. Делатиньи, известного археолога в Руане. Там же в музее выставлен один экземпляр.

„В роцу Вуа-Гильом отправлялись в былое время женщины, страдающие болезнями матки или бесплодные; они преподносили хлеб в виде ножиц, но представляющий собственно — половой орган“. (Др. П. Нури. Хроника медицины).

бака и пусть погибнет, кто схоронит его. Да будет проклята земля, хранящая его, и да пребудет он с сатаной и его ангелами в адском огне!»—При таких милых обещаниях у христианина средних веков волей неволей сократился аппетит к монастырскому имуществу!

Хотя главные занятия монахов состояли в торговле духовным товаром, но они также несходительно торговали земными благами, когда курс духовных начинал падать. Многие монастыри с'умели приобрести право на продажу вина и пива в распивочную и на вынос и зарабатывали на этом деле крупные суммы. В Нюринберге один монастырь ежегодно продавал 4.500 ведер пива. Каждый нищий, приходящий в его пивную, получал по пфеннигу, а стакан пива отпускали ему за десять пфеннигов.

В общем, монахи больше пили, чем продавали, и монастырские погреба у всех старых любителей пользуются благодарной памятью. Благочестивые монахи имели в своих погребах бочки, которые своим объемом превосходили келии их предшественников, бедных отшельников.

Когда закрывали в Австрии монастыри, то находили даже в женских монастырях погреба с великолепным запасом вин. Канониссы в Гиммельсфорте в Вене в своем погребе имели 6.800 ведер и хватало еще места для двойного количества. Там существовали: погребок бога отца, погребок бога—сына и святого духа, погребок божьей матери, погребок святого Иоанна, погребок святого Ксаверия и погребок святого Непомука. Самый большой, погребок бога—сына был пустой, в нем только осталась одна бочка.—Какие же, должны быть, были запасы в монастырях!

Пьянство у старых рыцарей считалось добродетелью, и было единственной добродетелью, которой они могли хвастаться, но монахи их далеко превосходили в ней; хотя бывали исключения, бывали даже случаи, когда монахи не выдерживали состязания с рыцарями и напивались до смерти.

Один уважаемый протестантский священник в Каен'е во Франции был обвинен, будто бы он дурно отзывался о тайной исповеди католиков. Дело было строго исследовано, но не могли найти какую-нибудь вину и священник был оправдан. В Каен'е царило всеобщее ликование и каждый старался чемнибудь проявить свою радость. То же самое сделал один рыцарь, пользовавшийся не особенно хорошей репутацией. Он пригласил двух монахов капуцинов, и вино полилось рекой. Началось состязание в выпивке, которое кончилось тем, что монахи остались на месте мертвые, как дохлые мыши.

Рис. № 32. ПРЕКУРЬБЗНАЯ МЕЛЬНИЦА ДЛЯ РИМСКИХ ЗЛАКОВ.

Сатирический памфлет 1577 г.

Каково зерно—такова мука:
В зерне одном здесь вся беда,

Чтоб ты его красу узнал,
Не с легкой также и руки,

Гяслики и монахи—пшеница для мельницы чорта. Или: каково зерно—такова и пшеница.

Как всем покажет образец,
Хотя суров и мой резец.
Зерно и мельник и батрак—
Всегда похожи, как ни как:
Зерно здесь к мельнику подходит
И щедро он его изводит,
Чтобы зерну не праздным быть:
Нельзя добро свое зарыть.
Чуднее только, чем мука,
Зерно, что сыплют в жернова:
Оно на рясников похоже,
В муке же обезьяны рожи.
Зерно духовного все нрава,
Мука же—адская приправа.
Хоть матерьял не молодой,
Но льется щедрою струей.
И если б дольше пролежал,
Его бы ветер разбросал:
Он во-время сюда попал,

Что столько странной здесь муки;
А если б привезли мякину,
Тогда б увидел ты картину.
При разных качествах зерна
Мука не может быть одна.
Ты по муке узнал давно,—
Какой породы здесь зерно.
Но если б тут протестовали,
То мы б мякину показали,—
И каждый чуял бы тотчас;
Какая погань внутри ряс.
Как спрятался ханжа монах
Под шапкой, взятой с черепаш.
Стрекоз там много, морд крысиных,
И туш свиней—все в рясах длинных,—
Всех отравили бы людей
Зловонной мерзостью своей.
Да надо бы просеять дрянь
В мешках для римских христиан,

Но воздух портити б они;
 От ряшников добра не жди,
 Что папа Пий и сам признал,
 Когда он всем провозглашал:
 „У чорта нет того размаха,
 Как у старухи и монаха“.
 То папа Пий ведь сам сказал,
 Пока ключей он не достал.
 Он понял, что монашьи рожи
 Не станут на людей похожи;—
 Свинья останется свиньей,
 Не даст нам шерсти никакой.
 Хотя мука и столь дурна,
 Достойна лишь зерна она.
 И раз она нам негодится,
 Пусть мельник ею насладится!
 Ему оставим и плоды,
 Пусть он их ест на все лады!
 Куда он сам не попадет,
 Тот плод прекрасно там растет.
 И приняла вся погань вид,
 Что просто святостью разит.
 А все они — лишь волчье стадо,—

Об этом спорить нам не надо,—
 Так уж христос назвал сих чад
 Отродьем ядовитых гад;
 Все—склены, скрытые для глаз,
 Жилище жаб и злых зараз;
 Ехиднино и волчье семя,
 Со слов Иоанна, это племя.
 Они же—римский Вавилон,
 Где семиглавый тот дракон
 И стаи хищных птиц живут
 И нечестивых духов блуд.
 И если так назвал народ
 Весь этот плутовской помет,
 Я не найду других названий
 Для всех их дел и злодеяний.
 Пусть тот, кто нос свой опустил
 В горшок и лижет из всех сил,
 Свечей большой украсив зад,
 Найдет источник там услад.
 Ему мила вся эта гадость.
 И вся мука ему на радость.
 Все, что внушает отвращенье,
 Ему одно лишь наслажденье.

Лишь автору Декамерона
 Мука не принесет урона:
 В горшок он нос свой опустил
 И лижет тут же из всех сил,
 Свечу себе он вставил в зад,
 Чтоб осветить плоды услад.

В чрезвычайно веселом настроении протестантский рыцарь отправился к священнику и заявил ему, «что он так был рад его оправданию, что ему казалось лучшим способом проявления своей радости, если он принесет ей жертву в виде монаха. Собственно, следовало бы для этой цели выбрать иезуита, но такового он не достал, так чтобы священник удовольствовался на сей раз двумя капуцинами».

Когда монастыри бывали недостаточно сильными, чтобы сами защищать себя, то какойнибудь владетельный князь считал за честь сделаться их покровителем, за что монастырские хозяева уступали ему те или иные права. Но не все покровители воспользовались этими правами так серьезно, как герцог Брауншвейг-

ский Юлий. Последний велел настоятельницу Гандерсгеймского монастыря, урожденную фон Варберг, заведшую слишком нежный роман со своим заведующим, отвести в Штауфенбург и—замуровать живой!

В большинстве случаев монастыри не нуждались ни в какой защите; настоятели и прелаты были важные господа, имевшие вассалов, которые были обязаны им всякими услугами, кроме того крепостных. Часто при этих ленных обязанностях, впрочем, имелись в виду только снисходительные шутки, которые временами бывали грубыми, в духе средних веков.

Вассал одного монастыря в Болонье должен был ежегодно приносить горшок с рисом

Рис. № 33. В АДСКОЙ ПАСТИ.

Карикатура на плотоядную жизнь пап и монахов.

По гравюре из эпохи реформации.

В раскрытой пасти адского чудовища пируют ряски, подготавливая прощальный пиром к дальнейшей веселой для них дороге в глубь ада. Бесы со всех сторон приносят новых клиентов.

и с курицей и последний совать под нос его преподобия, чтобы тот его понюхал, так как он ему был должен—тлько пар этого блюда.

Одна крестьянская усадьба в Зоесте в Вестфалии была обязана доставлять ежегодно доминиканскому монастырю одно яйцо на телеге, запряженной четверкой лошадей. В Кведлинбургской области невесты должны были платить господам рясникам свой «грош прокола» и в Падерборнской области должны были доставлять «козлиную кожу». Нескольким монастырям в Швабии невесты должны были подносить медный котел «такой величины, чтобы они могли сидеть в нем», и проверка, конечно, доставляла благочестивым господам большое удовольствие.

Графиня Гидда фон Эйленбург заставляла вдов, которые вновь выходили замуж, доставлять «кошелек без пива с двумя Шрекенбергскими талерами», и бесплодные супруги в Гильдесгеймской области должны были, в виду того, что не могли дать заработка крестинами, преподносить «петуха терпения», чтобы терпеливо относились к ихнему бесплодию.

Лисья натура рясников проявляла себя также в их погоне за курами ленных вассалов. Так бывали: куры — с головы и тела, куры — с оцага, куры — с наследственной подати, куры — масляницы, куры — с троицина дня; куры — с лета, куры — с осени, куры — с жаты, куры — с леса, куры — с садов, куры — с сена и просто почетные куры. Одюбон в своей естественной истории птиц забыл про эти куриные породы.

Некоторые настоятели монастырей и епископы содержали войска в таком количестве, что это было бы не под силу князьям. Епископ Мюнстерский Гален имел 42.000 чел. пехоты, 18.000 всадников и прекраснейшую артиллерию, и большинство монастырей были обязаны доставлять более или менее многочисленный контингент солдат своему епископу. Когда реформация и революция потрепала монастыри, как следует, некоторым из них стало не под силу выполнять эту повинность и одна настоятельница писала окружному правлению: «что она и ее канониссы так пострадали во время последней войны от французов, что они не в состоянии доставить хоть полчеловека».

Защитники монашества все подчеркивают, что монахи распространили христианство по самым отдаленным частям света. Это сомнительная заслуга, так как христианство монашеской марки, куда оно не попадало, приносило больше проклятий, чем благодати, особенно тем пародам, которые выросли под влиянием вечно ясного, ласкового неба: для них это отвратительное монашеское христианство

со своими человеконенавистническими аскетическими взглядами было нравственной невозможностью. Первый монастырь основали в Мексике в 1525 г., значит, 4 года после завоевания Мексики, и 12 миллионов несчастных индейцев были принесены в жертву кроваждному богу рясников. Марианновы острова населяли 150.000 счастливых детей природы, «а с течением времени христианские болезни, христианское пьянство и францисканское евангелие сократили их число до 1.500 жалких субъектов, носящих название христиан». (Рис. 34).

Чтобы отдать должное и чорту, я хочу отметить, что иезуиты, которые много занимались миссионерской деятельностью, помимо всего дурного, авторами чего они являются, в некоторых странах развивали благотворительную деятельность, так что приходится пожалеть (?) гибель их миссий в южной Америке, на берегах Амазонки и Ориноко.

Миссионерская деятельность, которой занимались и занимаются католики и протестанты—взывающая к небу несправедливость, совершенная по отношению к человечеству. Протестантские миссионеры, особенно те, которые выходили из пуританской Англии, имеют перед монахами только то преимущество, что их фанатизм был менее кровавым. Жители островов товарищества доставляют самую яркую иллюстрацию этого тезиса, которая должна каждому броситься в глаза, когда он читает описание индейцев живущих там до и после введения христианства. Люди, как Др. Ливингстон, среди миссионеров исключения. Он и немногие люди одинаковых с ним взглядов являются благодетелями человечества, но их понятие о христианстве не находило бы одобрения перед судом инквизиции или правоверных английских христиан. Я упоминаю про Ливингстона и подобный ему людей, потому что было бы жестокой несправедливостью, не выделить их, когда порицаешь тех людей, которые также, как и они, называли себя миссионерами.

Монахам мы обязаны, говорят их защитники, сохранением искусства и наук, а также большинством древних классиков. В этом, без сомнения, есть толика правды. Особенно бенедиктинцы приобрели заслуги в этом отношении; но еще вопрос, не развивались бы гораздо быстрее и богаче искусство и науки без монахов и без христианства.

Древние греки и в настоящее время в некоторых отраслях искусства—наши неподражаемые образцы, и разве науки при господстве римской церкви когда либо так проникали в народ, как у них? Все чудесные результаты достигнутые ими...—они достигнуты без христианства, без монахов, и это—факт, что науки

Рис. № 34. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ „ВАРВАРОВ“.

Из „Americae partes“ Франкфурт 1590 г.

В 1522 году испанцы во время путешествия по Тихому океану узнали про богатую страну Инков. В 1532 году Пизарро отправился в Перу, в целях грабежа. До прихода испанцев страна Инков представляла государство с развитой промышленностью и цветущим земледелием. Испанцам удалось насадить там свою культуру и при помощи миссионеров образовать целый ряд теократических владений, основанных на рабстве туземного населения, зато... очастливленных католическим пракобесием.

в Европе только тогда начали процветать, когда монашество начало вымирать.

Сравнительно много сделано монахами в области живописи, скульптуры и архитектуры; но какая резкая безвкусица царит в этих монашеских произведениях перечисленных нами отраслей! Некоторую техническую ловкость, правда, они приобрели, но зато в композиции картин и скульптур везде им преграждало дорогу их невежество, и они производили вещи, которым нет равных по безвкусице. Кто видел старинные картины, особенно такие, которые вышли из монашеских рук, согласится со мной.

Из бесконечного числа образцов монашеской безвкусицы и ограниченности в области картин, я хочу привести только два примера: В Эрфурте находилась—а может быть, находится и сейчас—картина, цель которой: прославить учение о пресуществлении. Четыре евангелиста бросают бумажки в ручную мельницу,

и на записочках читаешь слова: «сие есть тело мое». Четыре великих наставника церкви представляют потир, и из мельницы опучается в потир младенец Иисус в размолотом виде. В другом месте находится изображение жертвоприношения Авраама. Исаак в жалобной позе стоит на коленях на костре, и его отец направляет в его грудь пистолет. Курок наготове, и видно, что еврейский патриарх собирается спустить его; ты содрогаясь, но в облаках наверху витает избавитель, ангел, который так ловко направляет свою природную струю на пистолет, что от этой святой мочи промывает порох на полке—и Исаак будет спасен.

Меня завело бы слишком далеко, еслибы я хотел подробно изложить влияние монашеского христианства на живопись и искусство вообще; я это предоставляю специалистам и ограничиваюсь указанием на произведения, скопившиеся в музеях и обязанные своим происхождением подобному религиозному убеждению.

Конечно, среди них встречаются и великолепные произведения, но их следует сравнить с теми, которые возникли в то же самое время из рук художников, эмансипировавшихся от римского христианства.

Мы монахам обязаны и драмою, кричат друзья рясников. Положим, благочестивые мужи, для которых представления являются предметом отвращения, не особенно будут гордиться этой славой; но дело действительно так обстоит. Наша драма возникла на почве так называемых мистерий, которые разыгрывались в монастырях. Но увы... Шекспир, Лессинг, Шиллер, Гете, и другие нечестивцы, изменившие чисто христианским образам и слишком увлекавшиеся драмою старых язычников, совершенно испортили мистерии.

В этих монастырских представлениях монашеское идиотство достигло своего зенита, и кому хочется смеяться от всей души, тот пусть отыщет подобные произведения, а кто это не сумеет сделать, тот пусть прочтет великолепное произведение Карла Юлиа Вебера. «Монашество». Этот редкий человек уже умер; но если-бы он еще интересовался тем, что происходит на свете, то он, наверно, был бы очень рад, что я в этой книге пользуюсь его баснословной начитанностью.

Излюбленной темой для монахов, кажется, было сотворение мира; его очень часто представляли и очень душеспасительное впечатление производит бог отец, являющийся в халате, с очками на носу, и в парике, в то время, как вдали, ползая на коленях, умоляет его Адам, чтобы он сотворил его.

В трехактной мистерии, которая была представлена в 1782 г. в Ингольштадте под названием: «Потоп», бог отец жалуется на греховную жизнь людей:

О люди! как они живут!

Палач пусть будет богом тут!

Мне так обидно и досадно,

Что сотворил их так нескладно.

Нептун и Эол предлагают богу свои услуги, чтобы уничтожить эту грешную породу, и первый говорит недовольным тоном:

Зачем так долго их щадить?

Они начнут нас скоро бить,—

Не нужно по головкам гладить,

А то они наш дом загадят.

Наконец ковчег выстроен и готов к отплытию. Ангел с Ноем опораживает бутылочку вина; наконец последний уходит в ковчег, ангел задвигает засов, и теперь начинается гром, дождь и буря, так что люди летят по воздуху. Когда вся история окончилась и Ной приносит жертву, говорит бог:

О батюшки! вот аромат!

Я этой жертве очень рад—

И в знак, что я тебя жалею,

Возьми же радугу на шею.

Фома, божий слуга, трубит об этом во все четыре стороны, распевая великолепную арию.

Так пусть отныне знает свет,

Что богом дан такой завет,

Пум, пум, пумбидинум, пум!

В одной комедии, изображающей страсти господни, которую разыгрывали в одном швабском монастыре, Иуда является к собравшимся фарисеям:

Иуда: Хвала Иисусу, милые вы господа!

Фар: Во веки! Иуда, в чем твоя нужда?

Иуда: Я хочу вам предать Иисуса Христа,

Который умер за нас у креста.

Более свирепую нелепость трудно поместить в четырех строках.

Особенно отличались подобным сценическими произведениями иезуиты. Хотя они избегали подобные грубые нелепости, но зато они их заменяли в изобилии нелепостями по внутреннему содержанию. Прекрасное оригинальное произведение—пьеса патера Сауттера: «Гений любви» и театральный антрепренер мог бы составить свое счастье, если бы он эту блестящую оперу инсценировал с Оффенбаховской музыкой.

Святые девы (из моей второй главы) приносят гению «дары любви» в золотых чашах. Гений поет:

Гений: Что же, милые невесты,

Собрались вы в этом месте?

Св. Лючия: О Господи! тебе на радость,

Очей я выколола сладость.

Св. Евфимия: Я для тебя, Иисус христос,

Отрезала губу и нос.

Св. Аполлония: Слоновой кости нет такой.

Как эти зубы, гений мой!

Св. Магдалина: Тебе я жертву принесла,

Свои густые волосы,

Мой друг, теперь я без

из'ян.

Прими запас белил, румян!

Хор: И глазки,

И перси,

И жемчуг зубов,

Кудри девиц,—

Губы, носы и много вещей,

Все для тебя лишь святая любовь!

Процессии также изобретены монахами, и странный вкус последних превратил их в самые причудливые и смешные фарсы. Особенно пестрыми и сумасбродными бывали процессии в великую пятницу и в праздник тела господня. Все лица из ветхого и нового завета являлись в соответствующих костюмах в шествии—конечно по монашеским указаниям и по их распределению. Потом эта дикая ватага людей и животных неслась по всем улицам.

Каждая группа пела свое, так что у зрителя жужжила голова. Но, если он не снимал с благоговением шляпу, или даже осмеливался смеяться над сумасбродной возней, тогда он рисковал весьма неприятными последствиями, так как священники даже с амвона наставляли народ карать насмеянников.

Еще при Карле Теодоре кармелитский монах Дамасцен проповедывал в Мюнхене: «Дорогие христиане, завтра будет процессия. Вы тогда во многих домах увидите масонов и вольнодумцев—нехристей, которые смеются над нами. Вооружитесь тогда усердием господним, схватите камни и бросайте в них! Вместо того, чтобы наказывать фанатика, Карл Теодор велел ему передать свое одобрение!

Эти процессии сплошь и рядом кончались распутными эксцессами и попойками, если они этим не начинались. Ангелы, аностолы и черти сообщая напивались, и крестьянский детина, играющий роль Иисуса и бывший обыкновенно самым глупым из всех,—попадал в большинстве случаев на крест уже в пьяном виде и начинал тогда импровизировать. Один из таких Иисусов, которого всадник Лонгин, у которого тоже уже в глазах двоились все вещи, пощекотал в боку, вместо того, чтобы попасть в свиной пузырь, наполненный кровью, крикнул разозлившись: «Чорт меня побрал, я тебе руки и ноги перелому, как только спущусь!»

Кто из вас не слышал про знаменитого проповедника патера Абрагама а Санта Клара! Они вышли в новом издании, для забавы еретиков, и я недолго остановлюсь на них, так как они всем доступны. Эти проповеди, содержащие часто самые оригинальные и странные сравнения и обороты, в свое время имели сильное влияние на народ. В своем увлечении он иногда преподносил самые неожиданные вещи, примером чего может служить, заключение одной проповеди о прелюбодеянии:

«Да, Да! Бывают столь испорченные мужчины, которые устремляются за этим пороком, хотя бы они имели дома самых красивых жен! Мы с удовольствием, с своей стороны, были бы на месте этих мужчин!» В таком же духе, только грубее и более сильно, проповедывал в середине 16 столетия патер Корнелиус Адриансен в Брюгге во Фландрии, где он во время большой революционной войны, которой тогда была охвачена страна, играл довольно видную роль. Он говорил всегда, что ему попадало на язык, а попадали ему на язык временами весьма крепкие вещи в нидерландском духе. Однажды он сравнил сладость рая с бараньим жарким и репами, т.-е. с блюдом, которое он, вероятно, очень любил. Городской совет никак не мог ему угодить и он основательно ругал его

публично с амвона, так что, наконец, ему запретили проповедывать. Одну из своих речей, направленных против совета, он заключил новым пунктом обвинения и подготовил слушателей к этому пункту при помощи следующих слов: «Только еще одну репейную шишку для его зада!» С этим патером Корнелиусом придется ближе познакомиться в следующей главе, когда мы будем говорить о злоупотреблении исповедью.

Еще более популярным был в Неаполе патер Рокко, умерший не долго до революции. Последний высказывал королю Фердинанду самые крепкие истины и никто не смел ему мешать, так как тогда в его руках была судьба Неаполя. Все лаццарони трепетали, когда он открывал только рот и никто не осмеливался хоть улыбнуться, когда он преподносил самые комичные вещи. Однажды он согнал с эстрады фигляра, стал на его место и воскликнул громовым голосом, подняв крест: «Вот вам настоящий полишинель!» Все затрепетали и он произнес грозную проповедь против прелюбодейных жен на странный текст: «и Буцефал Александра никому не позволял сесть на свою спину, как только своему повелителю, и превосходил людей добродетелью». — «Я посмотрю», сказал он, «серьезно ли вы каетесь в своих грехах. Кто серьезно кается, пусть подымет руку!»—Все руки поднялись. «Ну, святой Михаил, ты, который стоишь со своим пылающим мечом у престола всевышнего, отруби все руки, которые подняты по ханжеству!»—и все руки мигом опустились. Потом Рокко начал грозную проповедь, которую он заключил рассказом про видение или сон, во время которого он через отверстие отхожего места взглянул вниз в глубокую бездну на огромную толпу лаццарони, которых черт всех сунул себе в задний проход, такой большой, как озеро Аньяно.

Римская церковь среди своих монахов—проповедников насчитывает столько «оригинальных» людей, что я могу привести только немногих из них. Один капуцинский монах у другого заказал себе проповедь на время страстной недели; она закончилась словами «и христос скончался». Это заключение казалось ему слишком скудным и он быстро прибавил: «Да простит бог сего грешника».

Любимцем вюрцбургской публики в конце прошлого столетия и одним из самых ярых врагов просвещения был восьмидесятилетний капуцинский монах пагер Вингер. Одну из проповедей он заключил следующим вопросом: «Кто же эти новаторы?»—Длинная пауза.—«Ослы, аминь».

Один францисканец в 1782 г. при пострижении монахини в Гмюнди произнес проповедь,

которую во всей Германии читали с большим веселием. Особенно оригинально—заключение: «И так, духовная невеста, будьте молодой обезьяной, которая обезьяничает у своей матери, почтенной настоятельницы; все—обезьяничайте у старой обезьяны: ее добродетель, и истязания, ее дела покаяния,—обезьяничай, молодая обезьяна, ее целомудрие, ее смирение, ее терпение и ее набожность!—И вы, достойнейшая настоятельница! будьте похожи на старого медведя, который необлизанный кусок мяса лижет до тех пор, пока мясо не примет вид молодого медведя, — облизывай, старый медведь, вот этот духовный кусок мяса до тех пор, пока он не станет вполне похожим на тебя; — облизывай ты весь свой конвент со всеми монахинями, и всех пансионеров!—Облизывай, старый медведь, всю семью духовной невесты и всех собравшихся здесь во имя Христа;—и наконец облизывай и меня, чтобы мы все хорошо облизанные и очищенные десили до вершины совершенства. Аминь?»

Однако, один из самых оригинальных проповеднических талантов был так называемый «Луговой паптер» в Исманинге в Баварии, живший 100 лет тому назад. Его проповедь о четках «святые четки одолеют крепость ада» и его проповедь «о хвосте» весьма забавны. Последняя преследовала цель, чтобы крестьянские парни бросили привычку называть друг друга «свинным хвостом» (Заушванц), вместо того чтобы называть друг друга по имени. В этой проповеди встречается следующее место: «Для чего, милые христиане, у собаки хвост? У собаки хвост, чтобы им вилять и махать, чтобы комары не попали ей в задний проход.— Мы, священники, также собачьи хвосты; «мы должны вилять и махать, чтобы души верующих христиан не попали в задний проход черта!»

Хотя отдельные насмешники смеялись над такими проповедями монахов, но они действовали на народ и соответствовали степени развития его. Не будь этого, то Лютер едва проповедывал бы в таком же духе. Однажды он проповедывал о трубе страшного суда: «Так бывает во время битвы; бьют в барабан и трубят в трубы—тара-тан-та-ра!—поднимают боевой клич сюда! сюда! сюда!—Начальник кричит вперед! вперед! вперед! В Содоме и Гоморре там действовала труба бога, там слышалось пумперленум-плиц-плац! Дрян! Если бог гремит, тогда слышится, как будто в большой барабан бьют пумперленум!—боевой клич и таран-тан-тара бога, что все небо и весь воздух загремит кир! кир! пумперленум!» Надо при этом представить себе жесты пылкого человека и удивившихся слушателям, которые трепетали, а не—смеялись!

У евангелических, протестантских, лютеранских и других неримских священников тоже временами встречаются бредни, которые не уступают вышеприведенным. Я знал одного гарнизонного пастора Цихе в Берлине, который часто проповедывал в виршах. Но в большинстве случаев эти господа говорят только скучную бессмыслицу.

Если бы монахи не сделали бы ничего худшего, как только устраивали плохие представления и проносили сумашедшие проповеди, то можно было бы мириться с их существованием, однако, они оказывали бесконечно роковое влияние тем, что забрали в свои руки народное воспитание и заразили народ пороками, возникшими в монастырях. Там, за монастырской стеной, вырабатывались величайшие низости и подлости, которые «в миру» без сомнения встречаются только редко и караются самыми суровыми и унижительными наказаниями.

Кто относительно монастырских представителей только знает их смешные стороны, тот бывает склонен считать их безобидными дураками, но кто заглянет глубже в монастырскую жизнь, тот ужаснется злобой и порочностью этих «благочестивых» господ, которые в истинно римско-католических странах даже в настоящее время обладают громадным влиянием.

Сделать монахов наставниками народа—величайшее и самое пагубное преступление, которое можно совершить, и непонятно, что опыт целых столетий не мог это раз'яснить людям, и что во многих странах Европы школа находится в самой тесной связи с монашеством и что она даже в протестантских странах поставлена в зависимость от церкви.

Просто невероятным кажется, что прусское правительство еще в начале этого столетия могло разрешить трапистам, самым сумасбродным из всех монахов, учредить школы в Бирене и Вальда в Падерборнской области.

Фанатичные, ограниченные монахи принимали молодых людей, даже детей обоого пола в возрасте от 3 до 4 лет на—воспитание! Настоятель сам раз'езжал повсюду, чтобы соблазнять легковерных родителей отдать им своих бедных детей. Таким образом набрали сотни несчастных жертв. Лучше было бы для них, если бы их задушили при рождении! Матери сошли бы с ума, если бы они увидели, как траписты обращались с невинными детьми.

Это заставляет содрогаться всякого, еще неочерстевшего человека! Дети, большую частью, в возрасте 4 до 10 лет, жили в мрачных келиях, вся утварь в которых состояла в мешке с соломой, черепе, лопате и кирке, которыми они обрабатывали свои картофельные

еда, которые их питали помимо хлеба и воды. Они были одеты, как сами траписты и должны были жить той же жизнью, какую вели их наставники. Они не смели разговаривать, и все учреждение было похоже на приют для глухо-немых. Если какоенибудь бедное дитя не во время заговорило, посмеялось, ело или совершило какуюнибудь другую ошибку, его бичевали до крови. Постоянные побои, направленные немного латинским языком—в этом состояло все воспитание, так как все остальные науки были в загоне.

Неизбежным последствием являлось, что многие дети хотели спастись бегством от этого варварского обращения; но бедных созданий скоро ловили, и ужасные наказания отучали от дальнейших попыток бегства. Жаловаться было некому, так как родители не смели видеться со своими детьми: дети принадлежали до 21 года монастырю! Вследствие всего этого дети часто заболевали или сходили с ума.

Климак говорит: «Лучше грешить против бога, чем против своего настоятеля». Первый закон в монастыре—безусловное повиновение, и поэтому стремятся прежде всего заковать и дух и тело в оковы. У послушника не должно быть своей воли; он должен следить за мановением благочестивых отцов или надзирателя послушников, как пудель во время дрессировки. Он должен быть по приказу и больным и здоровым; бросаться в огонь или воду, совершать самые нелепые вещи, когда их ему предписывают.

Послушники—придворные шуты отцов монахов—должны терпеливо переносить все вспышки хорошего или дурного настроения последних, а то проделывают со своими воспитанниками самые сумасшедшие вещи, чтобы их приучить к повиновению и смирению.

Послушники должны были, например, иногда в тяжелых сапогах скакать на одной ноге вокруг стола или 12 раз перекувыркнуться, как умели. Или им приказывали сеять в земле рыбу икру или соль, или их запрягали в телегу и заставляли возить соломинку или перо.

Капуцины заставляли своих послушников есть сено или солому, или заставляли их кушать из свиных корыт. Удовольствие, которое они себе часто доставляли, состояло в том, что они мелом проводили черту по полу и приказывали послушнику слизать ее. Это само по себе было достаточно крепкое дело, но они, вдобавок, проводили черту нарочно через плевки, которыми они обыкновенно разукрашивали пол.

Часто заставляли бедных страдальцев производить фронтное учение. На голову надевали старый котел, сбоку подвешивали вертел или метелку и сковороду кляли через плечо в виде ружья. Горе тому несчастному, который

осмелился бы поморщиться, или позволил бы себе противоречить; его ожидали суровые наказания. Если послушник во время пения не во время брал ноту или сильно захлопнул дверь, или что-нибудь ронял и т. п., то это считалось «кульпа левис»—маленьким проступком, и его наказывали тем, что заставляли его, лежа на коленях с протянутыми вперед руками, читать длинную молитву, или читать молитву, засунув палец в землю—это называли «сажать бобы».

«Кульпа медиа»—средним проступком—было, если послушник забывал целовать старшим руку или пояс, или преклониться перед святыми дарами, когда их проносили мимо, или, когда он бежал со двора без разрешения. За такие проступки ему приходилось голодать или со своим поясом вокруг шеи есть на полу.

Если он ложился спать без «духовного сружия», т. е. без подрясника, параменика (плечная повязка) и пояса; если он имел какое-нибудь имущество; если он писал письма или даже сопротивлялся начальникам, — тогда он совершал «Кульпа гравис», тяжкий проступок, и его наказывали ужасными побоями, постом и заключением.

«Кульпа грависсима»—самым тяжелым проступком, — бывало, если он кого-нибудь ударил, ранил или убил, или если застали послушника на вторичном нарушении целомудрия, или если он сделал попытку бежать из монастыря. Эти преступления, смотря по обстоятельствам или по настроению начальников, наказывались заключением на хлеб и воду в течение года, или ежедневным бичеванием и вечным заключением.

А что это было за тюрьмы, в которых бедняки часто должны были просиживать целыми годами за мелкие проступки!!! Патер Франциск Севастьян Амман, описывает темницы в капучинском монастыре на Везамлине при Людерне.

Темница находится в сыром и отвратительном месте, выстроена из толстых балок, снабжена двумя дверьми и маленьким окошком с крепкой решеткой, внутри длиною в 12 ф. и шириною в 6 ф. и такой же высоты. Так как постройка не отапливается, уже многие вследствие стужи и плохого питания лишились жизни. Какое, должно быть, были подобные места заключения в средние века?!

Обычные занятия послушников были как раз способны человека превращать в скотину. Их научные занятия состояли в том, что они читали аскетические сочинения или молитвенник, из которых не много вынесешь мудрости! Потом они должны были упражняться в молчании и в опускании глаз, одним словом, в притворстве. Кто не кстати открывал рот, должен был некоторое время носить во рту конские

удила, кто давал слишком много свободы своим глазам, получал очки или конские наглазники. Делом послушников было, кроме того, звонить в колокол, подметать лестницы, корридоры и даже отхожие места. Кто не вставал во время, должен был являться с матрацем или ночным горшком на шею или должен был спать в гробу. Дрова, свет и воду приносили также послушники, и, кроме того, они должны были неть в хоре до изнеможения.

При этом не было недостатка в истязаниях плоти. Они должны были при величайшей жаре терпеть жажду, пока чуть не умирали от нее, должны были есть помой от посуды вместо супа, или когда бывали голодными, с каждой ложкой еды подыматься на лестницу и могли пищу только брать, когда дошли до самого верха, если в ложке еще что-нибудь осталось. В Мерапе и Тироле в 1747 г. во время одного праздника один послушник капуцинов должен был в течение 3 часов оставаться подвешенным к кресту и все время кричать: «Милосердие мне, великому грешнику!» — Он разбил кувшин!

Фишлинген, в котором пробыл вышеупомянутый бывший настоятель Амман от своих 7 до 14 года, пользовался славой одного из самых чистых и выдающихся монастырей Швейцарии, и сколько подлостей здесь совершались! Распутные патеры жили друг с другом, как собака с кошкой, и каждый старался при случае другому повредить. Амман один из учителей тяжелой линейкой так долго бил по кончикам пальцев, что кровь брызнула из них и руки все распухли. Другой раз он должен был зимою в течение двух часов сидеть в открытом корридоре на кирпичном полу, и за что? — За то, что он не сумел сказать про другого учителя ничего дурного! Монахи только дружны в своей ненависти к светским священникам, но за то последние пользуются их ненавистью в полном размере. Книга бывшего бенедиктинца Рафаэля Кокки, изданная в 1846 г. у Пирера в Альтенбурге, содержит о монастырских делах такие ужасные подробности, что волосы становятся дыбом. Несчастного заставили поступить в монастырь его родители, находившиеся совершенно в руках священников, и здесь ему приходилось терпеть ужасные вещи, пока ему, наконец, не удалось в 1842 г. бежать в Англию.

Интересно, с какой тщательностью уже с малых лет внушают мальчикам под прикрытием религии самую жестокую ненависть к протестантам. Последние учат их молиться маммону вместо бога и не верят в Иисуса; ежедневно у них бывают случаи убийства; римских католиков, живущих в их странах, они осуждают на смерть, у них нет законов, а они живут в вечной анархии. Если послушник вы-

казывал ум, то он погиб: ему приходилось выдерживать ужаснейшие муки. Применяли самые крайние меры, чтобы сломить строптивый дух мальчика действием на его чувства, что многих доводило до сумасшествия. Кокки однажды после страшной проповеди нашел в своей келии скелет, другой раз отвратительную картину страшного суда, ярко освещенную свечами. Когда подобные средства не помогали, тогда прибегали к жестоким бичеваниям.

В дальнейшем, говоря о последствиях целибата в монастырях, я укажу, каким позорным соблазнам подвергались мальчики, находящиеся под руководством монахов, и каждый отец поймет, как опасно для его детей, обучаться в монастырской школе.

Какие преимущества может иметь воспитание при помощи священников в противовес к тем опасностям, которые угрожают нравственности ребенка! Большая часть священников, называемых ли они католиками или лютеранами или реформатскими, — ограниченные люди, а кто из них лучше, тот должен придавать себе вид ограниченности, так как от этого зависит его существование. Мальчики, выросшие под таким руководством, с юных лет впитывают в себя массу ложных взглядов и предрассудков, которые таскаются за ними всю жизнь, как цепи за рабом, и которые часто мешают им проложить себе дорогу в жизни. **Вырвите воспитание из рук священников и отделите церковь от школы; пока это не будет сделано, мы не сможем воспитывать людей, соответствующих требованиям нашей эпохи.**

Уже среди христиан первых столетий распространилась мысль, что является заслугой и душевспасительным делом, если наложить на себя лишения и телесные муки. Недалеко было до мысли причинять себе таковые при помощи ударов, которые себе сами наносили, и мы уже очень рано встречаем среди христиан бичующихся братьев, особенно среди монахов. В уставах многих монастырей мы читаем: «Когда монахи производят самобичевание, они должны вспоминать Иисуса, как его привязали к столбу и бичевали, и должны стараться испытывать хоть немногие боли, ничтожные сравнительно с его неопикуемыми страданиями.

Другим мотивом для самобичевания было то, что при помощи его успокаивали свою совесть, после совершения греха, и когда, благодаря рябникам распространилась вера, что можно искупить сей грех тем или другим наложенным ими наказанием, то напрашивалась сама собою мысль, что таким наказанием могут быть удары, которые сам себе наносишь. Дальнейшим мотивом служило желание победить при помощи его «искушения плоти».

Мало по малу добровольное бичевание в качестве средства покаяния приобретало широкое

применение. Выработывались особенные приемы и устанавливалось отношение между грехом и числом ударов. Особые книги покаяния установили, какими наказаниями надо было искупить грехи. Удары бича стали, таким образом, разменной монетой покаяния, особенно для тех, которые не могли платить римской церкви звонкой монетой. В середине 11-го столетия существовали в Италии виртуозы самобичевания. Они бичевали себя не только за свои собственные грехи, а принимали покаяние за грехи других.

Из числа виртуозов я хочу привести только самого знаменитого. Это был монах Доминик Забропированный; его так прозвали, потому что он постоянно, пока он не бичевал себя, носил железную броню на голом теле. Петр де Дамиани, кардинал-епископ Остии, был настоятелем бенедиктинского монастыря в Понте-Аваллана, в котором жил Доминик; он рассказывал:

«Не проходит день, чтобы он не бичевал свое голое тело бичами, которые он держал в обеих руках, пока не прочтут два раза псалтырь, а во время поста, или когда он должен совершить покаяние (иногда он брал на себя покаяние за 100 лет), он успеет прочесть 3 раза псалтырь. Покаяние же за 100 лет, как он сам нас учил, совершают таким образом: так как 3.000 ударов, согласно нашему уставу, составляет один год покаяния, и по опыту во время пения десяти псалмов производится 100 ударов, то получают в итоге для «дисциплины» одного псалтыря пять лет покаяния, и кто пропоет двадцать псалтырей «при дисциплине», может быть уверенным, что он совершил покаяние за 100 лет. (Первоначально слово «дисциплина» означает все наказания; но когда наказание посредством бичевания одержало верх над другими видами наказаний, слово «дисциплина» стало техническим термином, которым называли этого рода наказания, и, наконец, даже самый инструмент прозвали «дисциплиной»). Но наш Доминик еще в том превосходит большинство других, что он, как истинный «страдалец», исполняет дисциплину обеими руками, борясь с похотью строптивой плоти. Это покаяние за 100 лет он совершил, как он мне сам сознался, без затруднений в течение 6 дней».

— Он, значит, согласно указанному масштабу (3.000 за год), за эти 6 дней успел нанести себе 330.000 ударов. Он для этого должен был бичевать себя в течение семи часов и наносить по два удара в секунду, что вполне мыслимо, так как он бичевал себя двумя руками.

Какой вид должно было иметь тело этого героя бичевания, если уже при восьмом псалме лицо было разбито, в рубцах и подтеках. Тело Доминика, рассказывает Дамиани с гордостью, имело вид трав, которые аптекарь истолок для примочки!

Среди благочестивых людей возник спор о том, нужно ли во время бичевания быть раздетым или нет, какие удары менее вредные для здоровья и более приемлемые для неба: удары по спине и плечам, или удары по заду? Весь бичующийся мир раскололся на две партии; одна из них отдавала предпочтение «верхней дисциплине» (дисциплина супра, или на монашеском латинском языке — *secundum supra*), другая — «нижней дисциплине».

Противники нижней дисциплины утверждали, что она нарушает стыдливость и аббат Буало говорит в своем знаменитом сочинении об этом вопросе: «Святой Григорий из Ниссы хвалит в своем каноническом послании обычай хоронить мертвые тела, что, по его мнению, делают для того, чтобы срам человеческой природы не был выставлен на свет божий. — Но разве не гораздо более бесстыдно и подло «выставлять на свет божий чресла молодых девиц и показывать их ляжки, которые остаются красивыми, несмотря на то, что они посвящены религии?».

Несмотря на все это, нижняя дисциплина у женщин пользовалась большей симпатией и медицинские рассуждения аббата Буало, которые я цитирую в этом месте, производили мало впечатления:

«Избегая одно зло», говорит аббат, «надо остерегаться, чтобы не натолкнуться на другое, или как говорит латинская поговорка, избегая Сциллы, не надо попасть в Харибду. По крайней мере, бичевание чресел более опасное, так как болезни духа опаснее болезней тела. Анатомы указывают, что чресла простираются до трех наружных мускулов задних частей, до большого, среднего, и малого, так что в них содержатся три промежуточные мускула, или один отдельный, который называется трехглавым мускулом, потому что он начинается в трех местах лобковой кости, а именно в верхней части, в средней и внутренней. Отсюда вытекает, что, когда удары розог или бича попадают в мускулы чресел, жизненная энергия сильно устремляется по направлению к лобковой кости и вызывает нецеломудренныя побуждения. Эти впечатления передаются в мозг, рисуют яркие картины запретных удовольствий, заколдовывают своими заманчивыми чарами разум, и целомудрие — скончалось».

На подлежит сомнению, что природа действует таким же путем, потому что кроме жил для почечной крови, для семян и жировых веществ еще существуют две жилы, которые называются чресловыми жилами, находятся по обе стороны от спинного мозга и от мозга переносят часть семянных элементов, так что материя, разгоряченная от ударов бича, набрасывается на те части, которые служат для расслабления, и щекотанием и толчком лобко-

вой кости натравливают на животные плотские вождения».

Перечисленные здесь последствия нижней дисциплины — которые мы советуем иметь в виду всем матерям — или не были известны ее сторонники, или, может быть, не внушали им страха, так как они считали большей заслугой «побеждать свою плоть», вызывая заранее искусственно плотские вождения. Как господа иезуиты на этом влиянии дисциплины строили свои расчеты, мы узнаем в последней главе.

Церковь долго не хотела признавать бичевание необходимою; но противники его были побеждены, и самобичевание также, как и бичевание в виде карательной меры, стали предметом обыхода и ими занимались с фанатизмом, совершенно непонятым для нашей эпохи. Святой Антоний Падуанский не может нахвалиться модой бичевания, но святой Франциск называет его «скотиной», и я не хочу противоречить святому Франциску, тем более, что эта святая «скотина» стала отцом «шестивий бичующихся», которые положили основу «братствам бичующихся», игравших крупную роль в римской церкви в течение целых столетий. Бичевание находило много любителей среди благочестивых женщин и ему предавались с особенным пристрастием в женских монастырях. О причинах я не позволяю себе устранивать какие-нибудь исследования, скажу только, что, по моему, трехглавый мускул и лобковая часть тут играли большую роль, чем религия и бедные женщины сами думали.

Кармелиты пользовались довольно разумным уставом, пока они не подпали владычеству святой Терезы, которая в буквальном смысле слова — сняла штаны у монахов и одела в них монахинь. В уставе, который она составила, самобичевание играло главную роль. Особенно во время поста некоторые из ее монахов и монахинь бичевали себя 3 или 4 раза в день и даже ночью.

Монастырь в Пастрене был добровольным домом пыток. Келия была своего рода арсенал для бичевания. Здесь существовала целая коллекция инструментов бичевания, и каждый послушник имел право выбирать тот номер коллекции, который ему казался подходящим для его покаяния. — Очень любили вид самоистязания, который назывался „*Es se homo*“ (Се есть человек). Это истязание производили обыкновенно в компании. Братья, нуждающиеся в покаянии, выстраивались в рефектории. Один из них выступал вперед. Он был обнажен до пояса, и его лицо было покрыто пеплом. Под левой подмышкой он таскал тяжелый, деревянный крест и на голове у него был терновый венок, в правой руке он держал бич. В таком виде он ходил взад и вперед по рефекто-

рию, бичевал себя и произносил жалобным голосом некоторые молитвы, прииспобленные к данному случаю. — Как только он кончал, за ним следовали остальные братья.

Орден кармелитов создал знаменитых виртуозов бича обоого пола, я только напоминаю о святой Терезе и святой Екатерине Кардонской, о которой я говорил подробнее в главе о святых. Последняя употребляла для бичевания цепи с крючками или обыкновенный бич, в который она всовывала иглы или гвозди, или она переплетала их тернием. Такими страшными инструментами она себя бичевала иногда в продолжении двух, трех часов.

Кармелитская монахиня Мария Магдалина де Пацци во Флоренции достигла высокой славы благодаря своим самоистязаниям и их последствиям. Она родилась в 1566 г. во Флоренции и была дочерью очень знатных родителей. Еще будучи ребенком, она любила бичевание, и когда ей исполнилось 17 лет, она постриглась в монахини. Величайшей радостью для нее было, если приорша велела ей связывать руки на спине и потом в присутствии всех сестер собственноручно бичевала ее по обнаженным чреслам. Эти бичевания, которыми она увлекалась с юных лет, совершенно расстроили ее нервную систему, и ни одна святая так часто не страдала экстазами, как она. Во время экстаза она все бредила любовью. Небесный жених являлся ей часто и во всевозможных положениях. Однажды она, с распятием в руках, в течение 16 часов оставалась погруженной в созерцание страстей Иисуса и видела духовными очами все пытки, которые он переносил. Это видение так ее растрогало, что будто ее опустили в воду. После этого она упала в обморок, бледная, как смерть, и некоторое время лежала неподвижная. В такой экстаз она обыкновенно приходила после принятия причастия или когда она погружалась в созерцание святого изречения. Особенно часто это бывало, когда она думала о своем излюбленном тексте: «И слово стало плотью». Однажды экстаз у нее продолжался от 5 часов вечера до следующего утра. Во время этого экстаза она вдруг воскликнула: «Вечное слово безконечно большое в лоне отца, а в лоне Марии оно только пятнышко. — Твое величие неисчерпаемо и твоя мудрость неисповедима, мой сладчайший, возлюбленный Иисус!» Внутренний огонь грозил пожрать ее и часто она кричала: «Довольно, довольно, Иисусе! Не раздувай пламя, которое обжигает меня. — Не такую смерть желает себе невеста распятого бога; такая смерть слишком богата наслаждениями и блаженством!» — Таким образом, ее состояние с одной ступени сумасшествия переходило на другую ступень, и, наконец, она вообразила, что она официально замужем за Иисусом и принимает визиты, то его, то тещи,

то адъютанта тестя — святого духа. Истеричность ее достигла кульминационного пункта и «Нечистый дух» внушал ей самые сладострастные и плотоядные фантазии, так что она была близка к тому, чтобы потерять свою невинность. Но муки, которым она подвергала себя, были ужасны. Она ходила в сарай для дров, развязывала кучу терния и валялась на ней, пока она не вся обливалась кровью и чорт распутства покидал ее. Это продолжалось, пока смерть не смилоствовалась над ней и избавила ее от мучений. **Бедную сумасшедшую, конечно, объявили святой.**

Бесконечное множество вариантов ордена картезианцев все отличались по части самобичевания, но больше всех орден трапистов. Даже монахи называли основателя монастыря в Ла Трап'е «Палачем верующих». Орден, благодаря революции, сильно опустился, но Карл X удостоивал его, своего особого покровительства, и с 1814—1827 во Франции существовали не менее 600 женских монастырей этого ордена.

Но, жемчужина всех картезианцев, — высокочтимая мать Пассидеа Сиенская, про которую уже говорил раньше, что она выбрала амиду, подвешивать себя, как окорок, — в дымовой трубе. В бичевании она достигла Доминика Забронированного. Естественным последствием бичевания было состояние, близкое к сумасшествию, во время которого она видела Иисуса. Кровь текла из его ран, он протягивал к ней руки и воскликнул нежным голосом: «Вкушай, дочь моя, вкушай!».

Елизавета фон Гентон благодаря бичеванию приходила прямо в такое вакхическое бешенство, что однако ясновидцы называли святым экстазом. Больше всего она буянила, когда она, возбужденная необычно сильным бичеванием, воображала себя соединенной с богом, которого она представляла себе в виде прекрасного, молодого, голого человека, и в постоянном экстазе жениха со своей земной возлюбленной. Это состояние имело такую сладость, что у нее часто вырывались возгласы, как, например: «О боже! о любовь! о безконечная любовь! о любовь! все творение пусть воскликнет со мной: любовь! любовь! — Я мог бы еще много прибавить примеров, но считаю это излишним.

Что бичевание среди всех наказаний должно было играть главную роль, можно себе представить. Устав святой Терезы так изобилует им, что некоторые монастыри, придерживающиеся этого устава, должны были иметь особый склад для розог.

«Обутые» или ученые кармелиты, которые много занимались науками и поэтому пользовались кое-какими привилегиями, несмотря на свою ученость — за малейшие провинности удостоивались побоев. Суровее всего наказывали грешки с красивыми монахинями, особенно

один из видов, которого не называют, но который, очевидно, часто случался. За одно подозрение в нем монаха без пощады наказывали вечным заточением для того, чтобы «там его мучили», как говорится в примечании к уставу. Менее строго, однако, подобные провинности карали, когда их совершали с женщинами не духовного звания и монахи поэтому заботились, чтобы таковые имелись по близости. Особенно жены монастырских рабочих, которые жили в хозяйственных строениях, так называемом предместьи, обладали для святых отцов большой притягательной силой, а среди них дороже всех им были те, которые были бесплодные, «стирилес», как говорили на монастырском языке. Известный писатель Карл Юлус Вебер однажды присутствовал при беседе между каноником и его кухаркой, которая требовала прибавку к жалованью. Каноник не хотел понять, почему она требовала больше жалованья, чем всякая другая, однако, она подчеркивала все свои преимущества, восклицая: «А ведь я Стерелиза» (у нее слово стерелиза слилось с понятием о Лизе).

Орден Фонтевроля был курьезный орден. В монастыре жили вместе и монахи и монахини, которые часто должны были спать друг с другом, чтобы вызывать у себя искушения и одерживать тем более ценные победы. Устав этого ордена находил так много любительниц, что нередко число их доходило до 2.000—3.000 монахинь. В виду чрезмерно большого количества случаев беременности пришлось устав сделать более строгим.

Этот монастырь в Фонтевроле или Эберардсбрунне имел 50 филиальных отделений. Особенно велико было число послушниц в главном монастыре, и обыкновенно там правили знатные дамы, так как у этого ордена была особенность, что мужской пол был подчинен женскому.

Бичевание молодого брата или послушника для этих дам было истинным наслаждением, и они совершали его собственными почтенными руками, конечно, отдавая предпочтение «нижней дисциплине». Часто обе стороны вместе подвергались дисциплинированию — и монахи и монахини; монахинь дисциплинировал — духовник, монахов — настоятельница. Исправленный устав картезианского ордена был очень щедрый в установлении бичевания, особенно относительно женского пола. Когда умерла одна из монахинь, сестры еще в течение многих недель для спасения души умершей должны были сесть свой зад. Это бичевание для спасения бедных душ, жарящихся в чистилище, происходило во многих женских монастырях и также в Лейдене, как рассказывает ученый, иногда немножко резкий Марникс фон Санкт Альдегонде в своем «Улье»: «Кроме всех этих

душеспасительных средств, милые набожные сестры в Лейдене, в Голландии, и во всех монастырях регулярисс изобрели, что то очень хорошее. Между днем св. Ремигия и праздником всех святых, после того как благоговейно пропели всенощную, мать настоятельница спускается в темный подвал, с розгами в руках, и вот туда приходят сестрицы, одна за другой, с обнаженным задом, некоторые — совсем голые, и ложатся перед ней на пол и получают святую дисциплину или покаяние за души в чистилище. Ведь, как только десять ударов розданы, какая-нибудь душа мигом улетит на небо, как корова в мышиную нору. Разве это не чудная вещь, задами монахинь выдувать души из чистилища? Какие сильные ветры у монахинь, что они могут доставлять такие хорошие меха для чистилища! Мне думается, что остальные монахини и сестры им будут подражать, хоть ради приличия; часто это должен делать патер, когда нет матери настоятельницы».

Севастьян Амман, бывший настоятель капуцинов, про которого упомянул раньше, описывает, как бичевание применяется еще в настоящее время в монастырях калуцинов. Я приведу эту цитату, чтобы читатели не думали, что то, о чем я рассказывал, относится только «к темному средневековью».

«Бич — инструмент, сплетенный из железной проволоки, около 4 футов длины; часть его, которую во время удара навертывают на руку, ординарная; а та, которой ударяют в тело, сплетена из 5 проволочек и в 5 концах обыкновенно снабжена железными острьями. Бичевание происходит у капуцинов двояким способом. Ночью во время мессы «они поднимают ясы и бьют себя по голому задку, пока приор не даст знак, чтобы перестали. Так как они не носят штанов, вся сценка происходит быстро, по приказу. В ректории, где бичевание происходит при свете дня на глазах у всех живущих в монастырях, обыкновенно его совершают следующим образом: тот, которому придется подвергнуться наказанию, раньше, чем пойдут к столу, должен снять шерстяную рубашку и полотняный передник, которые носят под ясой, и в таком виде явиться к застольной молитве. Остальные садятся за стол, а провинившийся бросается на колени; положив бич перед собою на землю, берет обеими руками капюшон и стягивает с себя расу; кладет ее перед своей грудью, так что передняя часть тела покрыта, а задняя — голая. В этом положении он держит левой рукой ясую, а правой — бич. По знаку приора, он начинает произносить громким голосом псалмы покаяния, мизерере, де профундис, и латинские молитвы и бьет себя до тех пор по голой спине, пока приор не будет удовлетворен и даст знак, чтобы он перестал. Если провинившийся недостаточно силь-

но бьет себя бичем, то приор заставляет его подольше молиться и бить себя. — Кто еще не потерял всякий стыд, как его потеряли старые капуцины, тот неохотно подвергается этой операции. Что бесстыдство всей процедуры часто вызывало противоестественные эксцессы, я мог бы каждому доказать, кто в том сомневается».

Последствия celibата проявились у монахов в еще более отвратительном виде, чем у светского духовенства, которое благодаря своему общению с людьми все же находило удобный случай удовлетворить могущественный половой инстинкт естественным образом. Строгий устав во многих монастырях препятствовал этому, и противоестественные пороки разрастались там в ужасающих размерах. Многочисленные запреты, не держать в мужских монастырях самое домашних животных и собачек — в женских монастырях, — достаточно ясно говорит о том, в какие дебри забрело там половое влечение.

Аскетическая жизнь, расслабляющее питание, частое употребление в пищу рыбы, а также же и бичевание, — все способствовало раздражению «беса плоти» у монахов, и меня удивляет только одно, отчего вместо закона о celibате не издали другой закон, предписывающий оскпление всех мальчиков, которые посвятили себя монастырской жизни. Тогда они обрели бы себе покой, и плотские искушения не тревожили бы их среди благочестивого созерцания, и, наконец, они не вносили бы чумную заразу своего распутства в семейства других людей.

Эта мысль не оригинальная, уже до меня были люди, которые ее даже осуществляли на практике. Рыцарь Брессан де ла Рувере, возмущенный скандальной процессией, которую устроили в Риме в честь Варфоломеевской ночи, клялся оскплить всех монахов, которые попадутся в руки. Как индеец скальпы своих врагов, так свирепый рыцарь носил на эфесе своего меча трофеи, свидетельствующие о том, что он держал свою клятву. — Ипгаузские крестьяне, которые разрушили монастырь Бирклинг в графстве Кастель, над пойманными монахами учинили все, что может придумать самая смелая фантазия.

Распутство, царящее в монастырях, превосходило фантазию. Чтобы концы спрятать в воду, часто прибегали к средствам монастырской аптеки, и последней многие девицы были обязаны сохранением своей девственной репутации в глазах света, но и многие мужья благодаря этой аптеке исчезали навсегда.

Амман говорит про одного патера, который дал одной девиче в Рапперсвиле, которую он обеременил, напиток для вытравления плода. Его приор прекрасно знал это; но он «ради чести духовенства» считал неудобным обращать

Рис. № 35. ФУРАЖИРОВКА ДЛЯ МОНАСТЫРЯ.

Святой брат, выпросив у крестьян яички и прочую снедь, — не забыл также о половых потребностях братии, на что указывает женская голова, торчащая среди снопов.

на это внимание. Монахи и монахини жили в самых интимных отношениях и, казалось, пришли к заключению, что они только для того и созданы, чтобы пополнять друг друга.

Деторождение было мрачной стороной жизни монахинь, хотя они умели находить выход. Средство, которым пользовались благочестивые весталки для спасения чести духовенства, было несложное, они попросту убивали детей. Когда сломали монастырь Мариакрон, нашли «в кабинетах уединения и в других местах — детские головки и целые тела детские зарытыми и спрятанными», и епископ Аугсбургский Ульрих рассказывает, что Григорий I, который в свое время был сторонником celibата, изменил свой взгляд, когда однажды из одного монастырского пруда вытащили шесть тысяч детских головок.

Слово епископа может быть залогом правдивости этого сообщения, кажущегося прямо невероятным. Когда император Иосиф II расправлялся с гнездами этих воюющих птиц, он, од-

нажды, спросил одного настоятеля: «Сколько же их?» — «Двести, ваше величество». — «Неужели?» — «Да, ваше величество, но ведь мы снабжаем четыре женских монастыря». — Император отвернулся от откровенного настоятеля, чтобы скрыть свою улыбку.

Но настоятельницы действительно нежно заботились о своих друзьях — монахах. Больных монахинь не принимали в монастырь, было даже достаточной причиной для отказа, если у них был дурной запах изо рта. Чем этот дурной запах может влиять на святость, я не знаю, но что он мешает при совершении несвященных дел, пожалуй, возможно, и для супругов в некоторых странах он является достаточным поводом для развода. «Ничего не может быть забавнее», говорит экс-настоятель (бывший настоятель) Амман, «чем, когда монахини друг друга упрекают в телесных дефектах своих любимых патеров, что вовсе не напоминает дома, посвященные целомудрию, — и многие историки эпохи «папского вавилонского плена» говорят без обиняков: «О монахинях нельзя говорить ради пристойности; их монастыри — дома блуда, и девица, которая постригается в монахини, могла бы прямо объявить себя публичной женщиной».

Уже Руанский церковный собор (650) был принужден издать декрет, что монахинь, которые распутничали с духовными или мирскими лицами, надо сечь и бросать в темницу.

Роберт фон Абриссель, основатель упомянутого раньше монастыря в Фонтевроле, весьма «святая» человек, проводил ночи с монахинями, чтобы испытать силу своей святости. Весьма разумно с его стороны было то, что он для такого экзамена всегда выбирал самых красивых монахинь. В случае победы, победа была бы еще более заслуженная, а в случае поражения — поражение стоило своей цены. Бебель, про которого я уже несколько раз говорил, весьма сведущ в забавных анекдотах насчет монахов и монахинь. Два из этих анекдотов я приведу в этом месте.

Один монах остановился в женском монастыре. Монахини оказали ему ласковый прием и угощали его обильно. Он им наговорил так много о благовании, о страхе божием, и целомудрии, что монахини приняли его за чудо воздержания и на ночь уложили спать на кровати, стоящей в их дортуаре. Ночью вдруг монах начал кричать: «Не хочу! не хочу!». Можно себе представить, как это заинтересовало монахинь, с каким любопытством они к нему прибежали, чтобы узнать причину такого двусмысленного возгласа. Шалунишка рассказал им, что голос с неба ему приказал лечь в постель самой младшей из монахинь и с ней подготовить рождение епископа, а он не хочет. Благочестивые монахини сильно обрадовались, сумели уговорить

его, чтобы он послушался голоса божия и, наконец, повели его к кровати счастливой сестрицы. Когда последняя выказывала кое-какие колебания, все остальные немедленно заявили о своей готовности заменить ее, что заставило избранницу согласиться. — Но результатом было появление — дочери! Та, конечно, не могла сделаться епископом; и когда упрекали монаха в этом недоразумении, он неудавшегося епископа объяснил тем, что монахиня не сразу согласилась.

Подобную же проделку устроил монахиням привратник их монастыря, «который носил странное имя «Омнис мундус», т. е. «Весь свет». Однажды ночью он пролез в каменную трубу и при помощи большой трубы заревел по направлению их спальни: «Монахини, слушайте слово божие!». Монахини трепетали и робели; но когда они в следующую ночь услышали тот же голос, они все бросились на землю, так как они думали, что с ними говорит ангел, и цели: «О ангел божий, возвести нам свою волю!»—Воля божия, чтобы «весь свет» обеременил вас. Что, значит, это изречение оракула? спрашивали друг друга монахини и скоро пришли к заключению, что привратник «Омнис мундус» («весь свет») должен обереминить их, что, может быть, вызовет рождение епископа, а то и папы. Призвали хитрого привратника. Он подчинился оракулу, и настоятельница, первая оставшаяся с ним наедине, пела уходя от него: «Как рада я благой твоей вести». — Потом очередь дошла до приорши. «Она пела: «Слава тебе, боже, слава тебе!» — Третья сестра пела: «Благочестивый возрадуется во имя господина», и четвертая: «Возрадуйся и веселися!». Но, мудрость привратника окончилась, и когда он убежал, все остальные монахини кричали ему вслед: «Когда мы получим отпущение своих грехов?».

Но не всегда являлись по заказу странствующие монахи с благоприятными откровениями, и не в каждом монастыре были талантливые привратники; а желания требовали удовлетворения. Многие кое-как обходились, но это все было не то! Одни влюблялись в Иисуса, и грезили до тех пор, пока им не казалось, что принимают его визиты. Монахиня Армелле воображала, что она действительно живет в боковой ране Иисуса. Марисаля Кок получила даже от него разрешение, положить свое сердце в его сердце. Потом она получила свое сердце обратно, но Иисус посоветовал ей, если у нее от этой операции будет колотье в боку, чтобы ей пустили кровь. Другие, менее склонные к экстазу, мысленно все были с мужчинами, и когда Абрагам а Санта Клара однажды исповедывал монахинь одного монастыря, почти все монахини сознались, что они видят во сне штаны. Благочестивый патер рассвирепел: «И вы

хотите быть невестами Иисуса», крикнул он на них. «У Иисуса не было штанов, он ваш жених без всяких штанов, а вы только думаете во сне и на яву о штанах?»—Ступайте в огонь ада, там вы увидите штаны, раскаленные, огненные штаны, которые вам придется хватать, чтобы играть с ними», и т. д.

Помимо своих грез о мужчинах, штанах и тому подобных фантастических вещах, бедные монашки в виду отсутствия других сюжетов для любви, влюблялись друг в друга. Грекур рассказывает про двух монахинь, которые любят друг друга своими чарами и по святой невинности измеряют их при помощи четок:

Ах, боже мой! Софи сказала ей,

Подумай, милая, она длинней

Всего на одно аве лишь моих.

Монахини, вообще, были оригинальный народ, и недостаток в мужчинах у них, рядом с грустными, вызывал и комичные последствия.

В одном фламандском монастыре одна монахиня вдруг начинала в своей постели производить странные движения. Это было бы не важно: но зараза захватила и других, и скоро все монахини ночью заработали так сильно, что кровати трещали. Странный недуг перебросился на другие монастыри и вызвал такой переполох, что, наконец, духовенство приняло официальные меры и со святой водой и с кропилом выступило в поход против монастырей, чтобы изгнать бесов из монахинь. Послали ли они «чертей», «по образцу рассказа у Бокаччио — в ад», нам хроника не говорит.

В XV столетии вдруг вздумалось одной немецкой монахине укусить другую. Последней это понравилось и она укусила другую, так что получилась эпидемия укусов, которая с бешеной скоростью перебрасывалась от одного женского монастыря на другой. Скоро закусили друг друга все монастырские кфешечки с балтийского моря до Рима!

В одном французском монастыре среди монахинь появилась мода мяукать, как кошки, и дело приняло такие размеры, что получился скандал. Все запреты не помогали: мяукание становилось все хуже. Наконец, приказали роту солдат заклинять кошачий бес, вступить в монастырь и одну за другой монастырских кошек положить через коден и обрабатывать розгами, пока у них не пропадет охота мяукать. Но у тех пропала охота от одного страха и не надо было прибегнуть к экзекуции.

Но эти монахини, особенно, когда они становились старыми и некрасивыми, могли быть чортowymi бабушками, и вся их ненависть тогда сосредоточивалась на молодых и красивых сестрах. Последних они сторожили, как черберы, и горе им, если они их ловили на сношениях с мужчиной. Тогда ведьмы забывали про свою собственную молодость и совершали самые

возмутительные жестокости. Я хочу привести только несколько из этих бесчисленных примеров.

В монастыре в Ваттуме одна монахиня влюбилась в монаха. Такая любовь редко бывала платонической, так и в данном случае, и монахиня вдруг почувствовала, что она беременна. Она скрывала свое положение, пока могла, и, наконец, созналась другим сестрам. Это ей посоветовал ее злой гений, так как последние набросились на нее и осыпали ее бранными словами и оскорблениями. Некоторые из них посоветовали содрать кожу с преступницы или ее сжечь, другие хотели, чтобы ее положили на раскаленные угли! Когда улеглась первая бури, более опытные монахини велели ее заточить в темницу и заключить в оковы. Здесь она должна была лежать, получая только хлеб и воду и терпя все время истязания. Монаху удалось убежать. Когда приближалось время родов, бедняжка умоляла, чтобы ее отпустили из монастыря, так как ее возлюбленный обещал ее взять с собой. Монахини у нее выманили секрет, что монах, по получении известия, ее будет ждать в условленном месте ночью, переодетый в светское платье. Это открытие было на руку мегерам! Дюжий патер, в сопровождении других, отправился, как следует закутанный, и снабженный дубиной, в условленное место. Монаха схватили и с торжеством приволокли в монастырь. Здесь его ожидала ужасная участь. Бедную женщину монахини заставили оскотить своего возлюбленного! После этого несчастную опять бросили в темницу. Бедная мученица однажды здесь заснула, изможденная от поста и плача, и ей снилось, а может быть, казалось, что ей снится, будто к ней подходит епископ с двумя женщинами, и что последние вскоре после этого ушли, унеся с собою ее ребенка, закутанного в сияющие пеленки. Когда она очнулась, она почувствовала, что она разрешилась от бремени. Монахини исследовали ее груди, все ее тело, щупали все части его и не находили никаких повреждений и никаких следов детоубийства. Всю историю признали чудом и в таком виде рассказывали всем любопытным. Все это случилось в середине XII-го столетия в Англии.

Но нам не надо забираться в такие отдаленные времена, гораздо худшие безобразия совершались монахинями в недавние времена. В конце прошлого столетия в одном немецком государстве ликвидировали монастыри. Комиссар, которому было поручено это дело, предложил монахиням одного кармелитского монастыря, очистить его. Так как его приказание не исполнили, он сам отправился в монастырь и повторил настоятельнице и ее духовным дочерям княжеский приказ. В то же время он потребовал все необходимые указания и список лиц.

В этом списке были указаны 21 монахиня; когда он пересчитал присутствующих, у него получилось только число 20. Он считал еще раз—но получился такой же результат. Чтобы избавиться от лишнего труда, он вызывал всех поименно; недоставало монахини Альберты.

Когда он спросил, почему ее нет, он заметил, что все монахини смутились и обменялись взглядами с духовником и настоятельницей. Это его заставило настаивать на личной явке монахини. Настоятельница, между тем, оправилась от своего смущения и говорила, что положение монахини Альберты, сейчас, не допускает личной явки, так как она опасно больна. Комиссар, у которого появилось подозрение, и который предполагал какую-нибудь подлость, настаивал на том, чтобы его повели к больной, так как он желает ее видеть. После разных уверток, наконец, настоятельница заявила, что отсутствующая сумасшедшая, что она никого не узнает; посещение ее бесполезно и т. п.

Странное поведение монахинь, которые стояли бледные, как полотно, и так дрожали, что еле держались на ногах, заставило правительственного чиновника расспросить о подробностях болезни, и он узнал, что присутствующий монастырский врач ничего не знает про сумасшествие монахини. Его предшественник, будто бы, признал болезнь неизлечимой и в интересах репутации монастыря все дело держали под секретом. Уже в течение 8 лет монахиня Альберта находится в жалком состоянии. Более подробные сведения никто не хотел сообщить. Комиссар, счел своим долгом дело выяснить окончательно и после серьезных угроз, наконец две монахини согласились, отвести его к Альберте. Они водили его вверх и вниз по лестницам, по целой массе узких корридоров, в какой-то флигель, где они остановились опять перед лестницей. Комиссар хотел подняться вверх, но монахини сказали, что здесь жилище монахини Альберты. Он, однако, не видел ничего, что походило бы на человеческое жилище, и остолбенел, когда монахини указали на досчатую перегородку под лестницей, за которой и собака не стала бы ютиться. Из этого чулана вышла рослая девушка 35 лет с бледным, пожелтевшим лицом, с босыми ногами и в полусгнивших лохмотьях, еле-еле прикрывающих ее. Длинные черные волосы в беспорядке окружали ее голову и из глубоких впадин глядели на него сверкающие зловещим огнем глаза, не потускневшие от всех страданий и слез. Весь вид ее возбуждал жалость. С раздражающими душу воплями бедняжка бросилась к ногам комиссара, охватила его колени и умоляла, чтобы ее не бичевали опять так ужасно. Когда она заметила сострадание в лице потрясенного человека, она просила спасти и освободить ее.

Ее речи были бессвязные и запутанные, и видно было, что долгие страдания разрушили ум этой сильной девушки. Ее сейчас же повели в приемной покой, куда она отправилась очень неохотно, так как вид ее женских палачей едва ли мог произвести на нее ободряющее впечатление. — Комиссар тотчас же приказал, чтобы ей дали чистую одежду и опрятную постель и покинул на следующий день, крайне возмущенный, монастырь, пригрозив заранее монахиням самыми тяжкими наказаниями в случае дурного обращения с Альбертой.

Вскоре потом вице-президент тогдашней областной коллегии граф Т. вместе с комиссаром отправились в монастырь. Положение бедной девушки, к сожалению, вновь изменилось к худшему и сумашествие опять овладело ею. Она говорила бессвязно и употребляла массу сальных слов. Настоятельница и монахини не могли скрывать свое злорадство. Президент, заметив это, прочел этим нравственным уродам нотацию, какую они едва ли когда либо слышали от своих любезных патеров, так что она произвела на них сильное впечатление. Потом он с Альбертой сел в наемную карету и устроил ее в одном месте, где она могла пользоваться хорошим уходом.

Уход подействовал благоприятно. Физическое здоровье вернулось к ней, но теперь обнаружилась истеричность, которая, вероятно, и была главной причиной ее сумашествия, в ужасной, резкой форме; ее половое влечение принимало такой бурный вид, что она вцеплялась в каждого мужчину, который к ней приближался.

В минуты просветления она сообщила подробности о своей истории. Она была родом из Вюрцбурга в прекрасной Франконии, где ее отец был довольно крупным виноторговцем. В его доме рысички всегда встречали радушный прием. Ее родители, у которых кроме нее еще были дети, были ей недовольны и охотно ее спровадили бы из дому. При таких условиях, предложение кармелитов отправить Альберту в монастырь, встретило у родителей полное одобрение. Альберта, легкомысленная и, в то же время, богомольная, поддавалась лести и угрозам и согласилась, после чего ее увезли в монастырь. Там ее встретили ласково и во время года послушничества обращались с ней очень хорошо, так как отец обещал состояние, причитающееся его дочери, выдать монастырю. Но, когда она постриглась, и уплата обещанных денег затянулась, даже казалось, что это уплата никогда не состоится, тогда за это отомстили Альберте, которую монахини ненавидели за ее красоту и ее антипатию к женским работам. Кармелитские монахини не смеют есть мясо, и их пища состоит, большею частью, из очень пряных

мучных блюд и рыбы, которые разжигают кровь и неблагоприятно отзываются на целомудрии. Альберта старалась свою взбунтовавшуюся чувственность укротить средствами, которые имели как раз обратное действие и привела себя в такое состояние, что она была принуждена обратиться к монастырскому врачу. Был поздно, так как истеричность у нее чуть ли не перешла уже в нимфоманию. Может быть, намеки почтенного врача были неправильно поняты; может быть, пикантность дела играла тут роль: во всяком случае — настоятель мужского кармелитского монастыря и настоятельница женского условились сделать попытку лечить монахиню. Но, скоро он должен был признаться настоятельнице, что лечение ему не под силу и он посоветовал настоятельнице попробовать лечение посредством бича и поста. Но это значило — подливать масло в огонь. Бедная монахиня при этой борьбе чуть не погибла со своею чувственностью, и настоятельница вместо того, чтобы снова призвать на помощь врача, решила отстранить ее от всех взоров. Ее переместили в тот отвратительный чулан под лестницей, питали ее крайне скудно, одевали в лохмотья и подвергали ежедневному бичеванию со стороны злобных монахинь, так что благодаря дурному обращению, которое она испытывала увы! в течение 8-ми лет, ее болезнь перешла в сумашествие. — Альберта уже не выздоровела, она умерла в больнице для сумасшедших.

Хирург Фердинанд Бауман, который жил в теревне Горништейн по соседству с аббатством, питал большое пристрастие к монастырям, которое разделяла также и его жена. Поэтому оба решили посвятить свою младшую дочь Магдалину «небу», так как старшая дочь выказывала большие способности и склонность к сельскому хозяйству. Настоятель соседнего аббатства был у Бауман другом дома и поддерживал родителей в их решении, он даже хлопотал у кларисс в столице о будущем приеме девицы в монастырь и добился, что за ней потребовали очень умеренное приданое. Магдалину обучали всем предметам, полезным для монахини и хирургии, а когда ей исполнилось 16 лет, она обратилась в монастырь с просьбой о приеме.

Она стала редкой красавицей и завоевала все сердца своим милым нравом. Поэтому многие сватались за нее, в числе которых был и молодой Релинг, который имел самые честные намерения и был «завидным женихом». Но Магдалина не хотела изменить своему решению поступить в монастырь, в чем ее поддерживала ее богомольная мать.

Магдалину постригли и прежде всего ее посвятили в мистерию бичевания, которым бедная девушка скоро начала увлекаться. Ма-

ленькая дисциплина состояла из 36, большая — из 300 ударов по спине и задней части. Период послушничества прошел благополучно и Магдалина была посвящена в монахини, к великому отчаянию молодого Релинга. Скоро она увидела такие вещи, которые ей отчасти не нравились, отчасти казались странными, но она должна была скрывать свои впечатления. — Наконец, настал праздник «вознесения Марии» (успение), и с ним должна была совершиться большая дисциплина, которую она до сих пор знала только по теории, но не на практике. В комнате, в которой совершали бичевание, закрыли свет, но через щель ставен проникало достаточно света, чтобы можно было различить все, что там происходило. С чувством отвращения она развязала пояс и раскрыла перед блудливыми взорами старых монастырских кошек и настоятельницы свои безупречные, красивые формы. Магдалина бичевала себя усердно, но заметила, что другие монахини относились к бичеванию, как к игре. Только одна монахиня, по имени Гризельда, так усердствовала, что кровь текла по ее телу и концы бича местами на целых дюйм вонзались в мясо. Магдалина, которая была назначена монастырской аптекаршей, поспешила ей на помощь и скоро восстановила ее здоровье. Но она не могла не высказать Гризельде, чтобы та впредь не бичевала себя так беспощадно. Это узнала настоятельница и очень рассердилась на Магдалину. Когда Магдалина хотела оправдаться, та резко прикрикнула на нее и велела ей замолчать. Последствием этого было еще усилившееся усердие в покаянии со стороны Гризельды. Последняя не только продолжала бичевать себя также жестоко, как и раньше, а даже еще так измучила себя «киликом» — поясом из колючей проволоки, который носили на голом теле, — что иглы глубоко вонзались в мясо. Хирург, которого пригласили, заявил, что только тщательная операция может спасти жизнь монахини, и теперь только настоятельница запретила, с разрешения духовника, Гризельде продолжать свое жестокое истязание. Магдалина, в круг обязанностей которой входило ставить банки и пускать кровь, скоро заметила, что последняя операция производилась над двадцатидвухлетней сестрой Теодорой почти каждый месяц. Она говорила девушке, что такая сильная потеря крови непременно повлечет за собою водянку, и бедная монахиня призналась ей со слезами, что она должна была подвергаться операции по приказанию настоятельницы, чтобы подавить игру крови и связанные с ней сладострастные сны и вожделения, которые являлись вследствие бичевания, и что, действительно, пускание крови помогало хотя на непродолжительное время. — Разговор между Магдалиной и Теодорой и другие тому подобные вещи дошли до

слуха настоятельницы и ее также, как и старших монахинь, восстановили еще больше против Магдалины.

Патер духовник между тем, не отказался от своих видов относительно красивой девушки, а действовал весьма систематически, чтобы добиться своей цели. По его совету, ее назначили старшей сестрой милосердия монастыря, так как эта должность ее часто приводила в соприкосновение с патером Олимнием, против которого, однако, ее предостерегала одна благожелательная сестра. Этот бессовестный ханжа преподносил ей всевозможные духовные подарки и оказывал ей столько внимания, что другие монахини ей даже завидовали. Магдалина постаралась избавиться от порученной ей должности, чтобы избежать соприкосновения с патером Олимнием. Последний заметил ее намерение и во время исповеди ей высказал столь резкие упреки, что она была принуждена покинуть исповедную.

Магдалина теперь уже 3 года прожила в монастыре и глаза у нее раскрылись. Она с ужасом поняла, что обратная дорога в свет для нее закрыта и впала в глубокую тоску. Часто ее заставляли вздыхающей и в слезах. Она стала равнодушна ко всему и вследствие своей тоски не всегда соблюдала установленные правила и совершала ошибки, которые карались легкими наказаниями, раздражающими ее при ее первом настроении. В это время дочь другого хирурга также поступила в монастырь и так как она несколько раз высказывала хорошее знание дела, то Магдалину лишили ее должности, и начали с ней обращаться с пренебрежением. Ее часто попрекали незначительным ее приданым и называли бесполезной дармоедкой. Теперь, бедная девушка потеряла терпение. Вместо того, чтобы спокойно переносить упреки, она отвечала на них со вспыльчивостью и с насмешкой, и не хотела молчать, когда страстная приориша ей это приказывала. Настоятельница донесла о ее строптивости и описали ей Магдалину, как злую, придиричивую и непослушную тварь. Настоятельница выпыхнула от гнева и закричала: «Такое поведение мужички не останется безнаказанным; нужно ее заставить согнуть шею и подчиниться порядку». И она вызвала к себе Магдалину.

Магдалина пришла и увидела, что у настоятельницы уже были две дюжки белочки: одна из служанок держала в руках большой пучок розог. Настоятельница прочла Магдалине нотацию и заявила ей, что она будет наказана. Бедняжка плакала и умоляла, все было напрасно. Наконец, она заявила с запальчивостью, что она уже не дитя и выросла из розог, и что подобного рода наказание неприлично для монахини. Настоятельница рассердилась еще больше и велела Магдалине поцеловать землю.

Та с полной готовностью исполнила приказание, надеясь, что дело на этот раз окончится этим наказанием. Но, как только она наклонилась к земле, одна из беличек накинулась на нее и села ей на спину, в то время, как другая подняла ее платье и ее обрабатывала розгами. Когда процедура окончилась, она должна была поцеловать руку настоятельницы и поблагодарить ее за снисходительное наказание. Монахини подсматривали и насмешками и хохотом провожали ее в келью.

С тех пор несчастной вечно приходилось страдать от преследований, для которых она стала мишенью благодаря ненависти настоятельницы, приорши и духовника.

Она имела неосторожность написать письмо своим родителям, в котором она рисовала свое ужасное положение и в самых трогательных выражениях умоляла их о помощи. Письмо перехватили и заставили ее написать другое письмо, полное лжи, которое ей продиктовал патер Олимпий. За выдачу монастырских тайн она вновь была наказана суровым бичеванием и на четыре недели посажена в башню, где ее питали только хлебом и водой.

Ее положение стало еще хуже, когда умерла настоятельница и место последней заняла приорша, ее главный враг. Напрасно Магдалина просила о том, чтобы ей вернули монашескую фату, она и впредь должна была работать на кухне в качестве белички. За малейшую провинность ее наказывали розгами, и когда она однажды в вербное воскресенье уронила «изображение святого духа», вылитое из свинца, весом в 50 фунтов, так что оно сломалось, Олимпий заявил, что это было сделано по злостному намерению и является преступлением против религии! Бедняжка в тюрьме рядом с рефекторием подверглась суровой дисциплине.

В это время навестили ее несколько родственников, которые, однако, могли с ней беседовать только через решетку. В монастыре исследовали, что она им говорила, и объявили ее погибшей тварью.

Тоска по «миру» все больше и больше овладевала Магдалиной и она задумала бежать. Ей посчастливилось выбраться на волю, но потом ее поймали и она должна была вернуться в монастырь, хотя за нее заступалось видное духовное лицо, к которому она обратилась за помощью. Патер Олимпий подстрекал настоятельницу к новым преследованиям и Магдалину приговорили, наконец, к бессрочному заключению. Когда ее хотели отвести в тюрьму, она защищалась с силой отчаяния и пришлось призвать на помощь францисканского монаха. — Ожесточенная ее сопротивлением настоятельница в присутствии приорши велела ее высечь розгами, там же в тюрьме на связке соломы. Когда однажды производили ремонт

тюремь, Магдалину перевели в другую, где сестра Христина находилась в заключении уже 13 лет, так что она превратилась в скелет, была хромою от бичеваний и близка к сумасшествию.

По праздникам Магдалину допускали к причастию в церковь и один раз в месяц она должна была исповедываться у патера Олимпия. Этот негодяй свои планы все еще не оставил и приставал к ней с нечистыми предложениями, но она кричала о помощи, и патер притворялся, как будто хотел ей дать дисциплину. Чтобы хоть немножко побаловать свою похоть, святой человек приказал ей обнажить себя, но как раз пришли несколько сестер, так что святому патеру пришлось выдумывать в оправдание разные штуки.

Заточение несчастной продолжалось при постоянных истязаниях уже 3 года и 8 месяцев, когда, наконец, один трубочист, который работал рядом с тюрьмой, случайно услышал ее стоны и донес о деле магистрату. Была назначена министерская комиссия, которая в монастыре святой Клары произвела следствие.

Когда Магдалине сообщили, что она свободна, она плакала от радости, но бедняжка была в таком жалком состоянии, что еле еле могла передвигаться. Ее передали на лечение придворному врачу-курфюрста и придворному хирургу. В своем заключении врачи заявили, что постоянные бичевания являются причиной тех сильных болей, которыми она теперь страдает, особенно во время запоров, что эти боли нельзя объяснить болезнью седалищного нерва. Вследствие долгого заточения без моциона и сильных ударов по мускулистым частям и связкам ляжек и ног, — последние пришли в состояние воспаления, и так как не применяли никаких размягчающих средств, то эти части так затвердели и сморщились, что мало надежды на то, что путем лечения удастся ей вернуть пользование прямыми членами. Во время лечения Магдалину четыре раза допрашивали, и как ни вертелась и извивалась-расническая шайка, все совершенные в монастыре подлости обнаружались.

Монахиня Пасхалия, которую также измучили, как Магдалину, сошла с ума и умерла от мозгового удара, но некоторые из числа тех пяти монахинь, у которых хватило мужества показать правду, утверждали, что она с отчаяния повесилась в тюрьме на своей награудной фате. Из документов аббатства явствовало, что ожидали самоубийство и Магдалины. Виновники все-таки сумели улизнуть от наказания — и единственным последствием всех разоблачений было только ограничение власти настоятельницы и более строгий контроль за монастырем.

Магдалине предоставили право пребывать всю жизнь в курфюрстском госпитале, поль-

зуюсь свободой беспрепятственного прихода и ухода; она имела право ходить в гости и принимать таковых. Монастырь святой Клары должен был ей возратить приданое и уплачивать расходы по ее содержанию.

И несмотря на такие случаи, до сих пор существуют монастыри! А, что в них происходит до сих пор подобные безобразия, об этом свидетельствуют сочинения Севастьяна Аммана, Рафаила Кюокки и других писателей.

Относительно черствости, с которой обращались в монастырях с больными, Амман передает нам следующий пример: «В Золотурнском монастыре патер Феофил страдал такой сильной и болезненной грыжей, что он доходил до отчаяния.

Его уложили в одной комнате, рядом с кухней, на мешок с соломой и оставили его там, в корчах. Никто не навещал его, кроме монастырского батрака, который ему три раза в день приносил пищу. Я в течение последних лет его жизни ни разу не видел у него врача. Его боли в животе, жалкое положение и полная заброшенность сделали жизнь для него нестерпимой. — Однажды, перед обедом в половину одиннадцатого я был у него и застал его в очень угнетенном настроении, в одиннадцать часов, он, во всяком случае, еще был жив. В половину двенадцатого монастырский батрак хотел взять у патера Феофила посуду и нашел его уж без дыхания повесившимся на потолке. Когда мы узнали про это несчастие, все вскочили со стола; я первый прибежал к нему и хотел ножом разрезать полотенце, на котором он висел; но приор Раймонд запретил это, заявляя, что «жалко полотенца». Предпочли действовать медленно, не желая делать попытки, чтобы спасти его. Его ноги и руки были еще теплыми и я потребовал, чтобы немедленно послали за врачом, чтобы принять меры для возвращения к жизни Феофила.

Но патер Раймонд был вне себя от ярости и запретил приглашение врача категорическим образом, так как получился бы скандал, если бы миряне узнали, что капуцинский монах повесился. Даже не пользовались щеткой для очищения трупа, а без всяких церемоний положили его в гроб, и известили всех, что патер Феофил скончался от апоплексического удара.

Другой пример, свидетельствующий о том, как быстро расники умеют спровадить на тот свет неудобных или опасных для них лиц, рассказывает Рафаиль Кюокки.

Дон Альберико Аматори, библиотекарь монастыря Санта Кроче ди Иерусалемме в Риме, благодаря чтению библии — убедился во многих заблуждениях и злоупотреблениях римской церкви. Он и пятнадцать других единомышленников, в том числе и Рафаил Кюокки, подали заявление генералу ордена Ниварди Тассини, в

котором они просили о предоставлении им монастырского помещения, где они могли бы жить согласно своим убеждениям. Должно быть эти монахи очень плохо знали характер своей любящей матери церкви, если они могли быть столь простодушными, чтобы предполагать, что исполнят их желание. Неслыханное предложение возбудило всеобщий ужас! Аматори должен был предстать перед трибуналом и господа расники услышали с возмущением, что он по образцу Лютера хочет библию сделать основой церкви. Ему предписали молчание, чтобы не оглашать это дело и тайне приняли решение относительно участи еретических монахов.

Монаха Страмукки отправили в понтийские болота в монастырь святого Северина, где он вследствие «нездорового воздуха» без всякого другого содействия в течение нескольких месяцев из крепкого мужчины превратился в скелет. Дона Андреа Гигли пригласили в Рим. Он тогда был очень здоровым человеком, но с каждым днем худел и спустя два месяца его нашли в постели мертвым. Дон Евгению Гиони остался в Риме, но спустя 4 месяца также и он умер, в возрасте 31 года. Дон Мармани Габриелли, цветущий юноша умер также. Все эти болезни называли «истощением!» Аббат Буккиарели, человек геркулесового телосложения, умер после трехдневной болезни. Аббат Берти умер спустя два месяца после «припадка горячки» от болезни, продолжавшейся всего 10 дней. Дон Антонио Балдини заболел 34 дня спустя страшными судорогами и умер. Остальные шесть монахов целыми месяцами были на грани жизни и смерти. Только Дон Альберико и Кюокки долгое время были пощажены таинственными ангелами смерти. Однако, месь медлила, но не дремала. Однажды вечером, после ужина, с Кюокки сделались страшные судороги в желудке и ужасная изжога в груди и горле. Через несколько минут его лицо пожелтело и почернело и у рта выступила пена. Монахи, прибежавшие к нему, кричали, что он одержим бесом и пустили в ход свое обычное фиглярство с священной водой и реликвиями, чем они еще больше раздражали больного, ненавидящего эти нелепости. Наконец явился врач, но не обыкновенный монастырский, а какой-то «ближайший, которого могли найти». Он дал Кюокки лекарство, от которого усилились боли. Кюокки настаивал на том, чтобы призвали монастырского врача, бывшего ему другом, и так как надеялись, что тот все равно опоздал бы, то послали за ним. Тот ориентировался, рассмотрел лекарство, поданное первым врачом; несколько капель еще остались в стакане; он исследовал их и выбросил стакан в окно, восклицая только выразительным тоном: «ага!». Целесообразные средства, которые применил честный человек, спасли Кюокки.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что здесь не говорится про средневековье, а про эпоху между 1835 и 1845 г.г. и что подобные злодеяния совершаются, по всей вероятности, и в настоящее время.

Поговорка, которая встречается в монастырях, говорит: «Сходятся, не зная друг друга; живут, не любя друг друга; умирают, не оплакивая друг друга». Совместная жизнь при таких условиях должна была для лучших монахов превратиться в ад, и многие бедные пате-

настоятель монастыря святой Марии в епископстве Монденнади в Испании, превратил свой монастырь в публичный дом.

Даже наложничество и брак были очень распространены среди монахов. В десятом столетии в некоторых монастырях и аббаты, и все монахи жили с наложницами или просто в браке и давали своим детям приданое из монастырского добра. При настоятеле Гадамаре в Фульде почти все монахи были женаты. Но нам нечего углубляться в отдаленное средневековье.

Рис. № 36. СТРАШНЫЙ СУД ДЛЯ МИТРОНОСЦЕВ.

Барельеф над порталом собора святого Этьен'а в Бурж'е.

Виден адский котел, раскаленный пламенем, вырывающимся из пасти Левиафана; в котел бросают двух голых митроносцев, между тем, как последний пока только занят монахом и блудницей. Одна жаба поглощает язык постриженного, который олицетворяет хулу, а другая—сосет грудь его соседки,—кара за блуд.—Хула, блу, тонзура и митра составляют здесь стройный квартал.

ры, которых богомольные родители в ранней юности посвятили монастырской жизни, со слезами высказывали желание, чтобы матери их лучше утопили сейчас после рождения вместо того, чтобы их отправить в монастырь.

Обет целомудрия, который мирянам всегда казался самым страшным из всех абатов, в монастырях считали пустой формальностью и Саул,

такие случаи бывали и в новейшее время. В 1563 г., во многих монастырях нижней Австрии можно было встречать жен, наложниц и детей монахов, и еще 20 лет тому назад прелат Августин Блох, в Швейцарии имел очаровательную камеристку, переодетую студентом.

Там, где водятся монахи, почти нет ни дома горожанина, ни дома крестьянина, в

котором не состоял бы какой-нибудь патер в должности «друга дома». Когда является святой муж, взрослые лижут его грязные руки и дети на коленях выжидают его благословение. Самое лучшее — для дорогого гостя, и если даже люди столь бедные, что не могут сами себе позволить стакан вина, для святого отца такой найдется. Он ни от чего не отказывается, так как бедные люди такой отказ приняли бы за презрение. А, как он морщится, когда нет обычного стакана вина или любимого блюда! «То, что жрицы сладострастия для развратников в миру, то же самое монахи для богомолков и тихонь», так как у этих господ «качества», которые женщины умеют ценить, и — главное — они умеют молчать. Перед таким святым человеком не приходится стыдиться своей греховности, так как исповедь, все равно, заставляет говорить о самых тайных грехах. Поэтому исповедь у монахов считается великой святыней. Того, кто нарушит тайну исповеди, постигали ужаснейшие кары и даже перед светским судом. Монахи не только любвеобильные, но и очень удобные друзья дома. Если молодой человек полюбил девушку, то ему только стоит обратиться к своему господину патеру, «дело уладится». А с маленьким грешком можно мириться, у святого мужа такое обилие отпуска грехов, и если грехов даже было целая масса — одна только исповедь, и ты уж чист, как новорожденный ребенок! Поэтому не надо думать, что исповедь способствует правственности; для чего она служит, мы увидим по некоторым примерам в следующей главе.

Монахи очень легко относятся к половым заблуждениям, зато они беспощадны, если кто-нибудь нарушал пост, и с возмущением читаешь, что в 1629 г. в богатом аббатстве Сен-Клоде в Бургундии велели отрубить голову у некоторого Гильона за то, что этот бедняк во время голода в великий пост взял с свалочного места кусок конины!

Как только умирал какой-нибудь настоятель, то распутные монахи старались посадить на его место такого, который не мешал бы их распутству. Таким образом часто выбирали самого распущенного негодяя всего монастыря.

Юганн Буш рассказывает, что монахи одного монастыря после смерти настоятеля приступили к выборам нового, который был бы равен покойнику по части добродетели. Большинство голосов получил патер, который не присутствовал, так как он в это время как раз пьянствовал в корчме. Так как его нельзя было извлечь из этого приятного места, то к нему отправилась депутация от монахов, чтобы ему сообщить результаты выборов. Только после долгих просьб он согласился принять новое достоинство. После этого устроили большой пир, на котором монахи со своими наложницами напи-

лись. В это время вспыхнул пожар и вся жирная, распутная ватага сгорела.

Хотя в распоряжении монахов было бесчисленное множество монахинь, всегда готовых им угождать, — в Германии их было 200.000, — однако, они особенные охотники до детей мира. Часто, правда, это пристрастие им приходится искупать насмешками и побоями. Настоятель монастыря в Гульдгольме около Шлезвига имел любовницу в городе, у которой он часто ночевал. Обыкновенно он для соблюдения приличий брал с собою близкого патера. Но, в конце концов — тот ему стал в тягость, и он спутника оставил дома. Последний был огорчен и чисто по монашески немедленно придумал месть. Когда настоятель опять пришел ночью к своей возлюбленной, ехидный монах разбудил весь монастырь и воскликнул: Наш владыка, настоятель душою умер! (*Dominus noster abbas mortuus est in anima*). Монахи это толковали, как физическую смерть настоятеля и ночью же с факелами, крестом и хоругвями отправились в указанное место за трупом настоятеля; но каково было их изумление, когда застали святого мужа не на катафалке, а в объятиях блудницы. Но опять таки не приходится углубляться в отдаленные времена; новейшие доставляют достаточно доказательств.

Во многих местностях Швейцарии, где были монастыри, женщины вечером боялись выходить на улицу, так как блудливые ряски падали на них и их скотекая похоть не щадила даже детей.

Патер Фридрих из капуцинского монастыря в Анненцелле довольствовался противоестественными половыми эксцессами, пока он был еще фратером и не мог покинуть монастырь; когда же он сделался патером и пользовался большей свободой, он требовал естественные эксцессы. Однажды, он из Анненцелла отправился в местечко Теуфен, в область Санкт-Галлена, чтобы проповедывать и исповедывать в нескольких церквях. Когда он около Теуфена подходил к одному лесу, его догнала девочка и просила у него иконку, как это дети везде делают, когда видят капуцина. Патер Фридрих вынул из капюшона картинку, показал ее девочке и обещал, что подарит ей картинку, если она пойдет с ним. Таким образом он невинного ребенка заманил в лес. Когда он заманил ребенка в кустарник, он совершил над ним скотское насилие. Маленькая девочка кричала о помощи: отец, который услышал ее голос и узнал голос дочери, прибежал и застал блудливого ряски на месте преступления. Он сохранил достаточно самообладания, чтобы монаху не сразу дать ту награду, которую он заслужил, и сейчас же донес о безобразном преступлении патера. Патера взяли под стражу и увезли в Треген, где дело разбирали в суде. Выяснилось, что бедный ре-

бенок был изнасилован и потерпел значительные повреждения. Очень странны те взгляды, которые руководили патером и, впрочем, разделяются почти всеми монахами в монастырях. Он полагал, что протестанты все так дурны, что ничего не признают грехом и что у них все позволено, потому что они не обязаны исповываться! Поэтому он полагал, что он не совершит никакого преступления с их точки зрения, если он изнасилует протестантского ребенка!

Патер был бы приговорен к выставлению у позорного столба и сечению розгами, или к крупной денежной пене, если бы за него не заступились сверху.

Мне становится тошно от распутства рясников и то же самое, вероятно, и читателям, но, ради полности впечатления, я должен еще сказать несколько слов о царящих в монастырях противоестественных пороках, которые являются последствием рокового celibата.

Амман утверждает, что среди 200 капуцинов, по крайней мере, 150 из них—опалисты. Он может судить об этом, так как только капуцин мог знать так основательно капуцинов, как он их знает.

В монастыре в Фишингене подвизался некий патер Бертольд, главной профессией которого было—соблазнять монастырских учеников и молодых монахов. Он нарочно выслушивал исповедь не в исповедной, а в каком нибудь темном углу, и многие мальчики, которые у него здесь исповывались, жаловались, что он хотел их соблазнить; однако приор не обращал на это никакого внимания.

Когда Амман только что постригся, этот педераст ночью подкрался к нему, сел на его кровать, вынул бутылку водки и печенье и начал ему рассказывать о своих подвигах среди жепщин. Когда Амман его просил говорить о чем нибудь другом или покинуть его келию, он сказал: «Да, конечно, это суетно говорить о таких лакомых вещах, которые для нас недоступны. Однако, мы можем друг другу также доставлять радость».

Амман, наконец, был принужден, постучать в тонкую перегородку келии и призвать помощь, после чего соблазнитель его покинул. На место этого негодяя Бертольда был назначен патер Иосиф из Фрейбурга. Он был еще хуже своего предшественника, отличаясь не только всеми упомянутыми пороками, а еще своим продвным ханжеством и изощренной злобой.

Этого негодяя и срамника никогда не наказывали, а только перемещали в новое место, так что его отвратительные дела все больше и больше распространялись.

В Зурзене этот патер Иосиф одного красиво-го юношу довел до такой расслабленности, что

последний умер в тяжелых страданиях, проклиная еще на смертном одре своего соблазнителя и убийцу.

Этот противоестественный порок очень распространен среди монахов и даже среди светских священников в Швейцарии, и в 1835 г. двое из них, профессор Шер и каплан Эйзенринг, в городе Вюл судились по обвинению в содомском грехе и были приговорены к заключению в исправительный дом, но им удалось убежать за-границу. Следствие обнаружило отвратительные факты и публика сначала не хотела верить, что эти люди, которые были учредителями и областными председателями католического союза,—могли совершать такие позорные преступления. В качестве обвинителя выступил Амман, который благодаря этому приобрел много врагов. Благодаря следствию всплыло еще новое открытие. Шестнадцатилетний мальчик пришел к Амману и заявил, что приор картезианского монастыря в Итлингене в Тургау с ним занимался еще более постыдными делами, чем те, в которых обвиняли Шера и Эйзенринга. Приор его всегда успокаивал, что это не грех, но теперь он все понял, так как тех приговорили исправительному дому. Такие же факты всплыли бы, если бы мы получили относительно монастырей других стран такие же подробные и откровенные описания, как те, которые нам доставили Амман и Бюкки относительно Швейцарии и Рима. Нет никакого основания предполагать, что монахи в других странах более чистых нравов, так как одинаковые причины вызывают одинаковые последствия.

И таким людям нам передать своих детей на воспитание! Если у правительств не хватит мужества и желания освободить народ от этой нравственной чумы, то каждый отец семьи сам должен помочь себе. Времена изменились и ни одно правительство уже не осмеливается гнать своих подданных в церковь или на исповедь. Если правительства пока еще оказывают давление на тех граждан, которые ищут государственную службу, то, по крайней мере—те, которые независимы, должны охранять свой дом от влияния распутных ханжей и разумным учением дома обезвредить школьное учение, пока правительство настаивает на посещении так называемых профессиональных школ. Если народ предъявит серьезное требование, не только школа освободится от влияния церкви, а государство перестанет вмешиваться в религию своих подданных.

Выбрасывайте прежде всего рясников из домов и из школ и религиозную веру из своих же сердец.

Рис. № 37. МОНАХ И ДУХОВНОЕ ЧАДО.

И. На исповеди.

VII.

Исповедная.

Одним из самых замысловатых и пагубных изобретений римской церкви является тайная исповедь. При помощи ее она долго управляла светом без особой траты средств и хлопот. Относительно громадного значения исповеди господствует только одно мнение и даже еретик Марникс фон Санкт-Альдегонде уже 300 лет тому назад говорит, что отнять у римской церкви тайную исповедь, это значило бы — выколоть у нее глаза. Он говорит: «Так как эта тайная исповедь для нее, без сомнения, имеет ценность пары глаз: одним глазом она пользуется для того, чтобы узнать все тайны и все скрытые планы всех королей и правителей, благодаря чему она добилась мирного господства над всеми правительствами. Другим глазом она пользуется, чтобы заглядывать в грудь молодых девиц и опечаленных женщин и мысленно ощупывать их, и этим узнавать все их тайны, после чего она налагает на них такое милое покаяние, что их запуганная совесть успокаивается и их сердца заметно облегчаются. Как часто святые ряски и монахи во время тайной исповеди опеча-

ленным и бесплодным бабенкам давали такие хорошие советы, что они после них становились веселыми матерями и с тех пор привязывались к своим духовникам такой же задушевной любовью, как к своим собственным мужьям». Тайная исповедь не находит себе оправдания в евангелиях, так как тексты, приведенные в ее пользу, обосновывают ее столько же, сколько текст псалма «Хвалите господа литаврами» — бичевание. Тайная исповедь также, как и чистилище и другие замысловатые изобретения подобного рода, была одним из средств, при помощи которых римская церковь добилась господства над людьми.

Тайна исповеди должна была быть священной, но иезуиты были особого мнения; доказано, что они содержание исповеди сообщали своим начальникам, особенно если это казалось целесообразным для сохранения и блага их ордена. Чтобы везде господствовать и держать в своих руках нити правления, они усиленно старались, чтобы иезуиты были назначены духовниками правящих государей или других влиятельных

лиц, и так как они были относительно грехов очень находчивы и терпимы, то их охотно выбирали духовниками.

Иезуиты ничего не смели писать или публиковать без решения своего начальства; так что все, опубликованное одним из членов ордена, можно рассматривать, как выражение мнения, одобренного самим орденом. Хотя я мог бы из сочинений иезуитов сделать весьма обильный и интересный выбор цитат, так что каждый честный человек ужаснулся бы от их морали, однако я удовольствуюсь приведением лишь немногих, вполне достаточных для того, чтобы объяснить, почему охотно духовников выбирали из иезуитов.

«Первым правилом пусть будет: Как только слова двусмысленны по содержанию или допускают двойкий смысл, то это не будет ложью, если употребить их в том смысле, который желателен для говорящего, хотя бы слушатели и тот, которому приносят присягу, их приняли в другом смысле—даже если говорящий не руководствуется справедливым делом».

Две страницы дальше говорит ученый иезуит, изложив различные виды допустимой лжи: «Это очень полезно, чтобы скрыть многое, что должно быть скрытым, но без лжи не могло бы быть таковым, если не допустить этот образ действий. Есть, однако, полное основание пользоваться такими двусмысленностями, когда это необходимо и полезно для блага тела, чести и имущества, или для проявления какойнибудь другой добродетели».

«Разрешено убивать того, относительно которого знаешь достоверно, что он посягает на твою жизнь, так что, например, жена, когда знает, что муж ее ночью хочет убить, и она не может убежать, может предупредить его».

И дальше:

«Если кто либо имеет право убить другого: то это может и ктонибудь другой сделать за него, если это предписывает христианская любовь».

«Можно ли приписать тяжкое преступление духовнику, который побудил женщину или мужчину к злым, но мростительным поступкам? Трогать руки или груди женщины, щипать их пальцами: это относительно целомудрия допустимые грехи, если они совершаются только для забавы, без дальнейшего намерения и без опасности занятия».

«Как обстоит дело относительно сожития с невестой другого?» «Оно не превышает обыкновенный блуд, так как она еще не жена другого человека».

«Будет ли это смертным грехом, если мужской член вводит в рот супруги? Санхес это отрицает, но со многими другими я возразил бы доктору Санхесу, что это—не просто женский

детородный орган, а здесь существует попытка производить запрещенный вид соития».

«Кто только наружно присягал, без намерения «присягать», не связан, так как он не присягал, а только играл».

«Обязан ли тот, кто впервые занимается блудом, открыть это в исповеди? Девицы—обязаны, так как с этим связано растление, а юноши—нет». Так говорит Суарез. «Однако я придерживаюсь мнения Васкеса, что девица также не обязана, если она даже еще подчинена власти родительской, так как в случае ее добровольного согласия ее блуд не осквернен; она не совершает никакого правонарушения ни по отношению к себе, ни по отношению к родителям, так как она распоряжается своей девственностью».

Недостатки князя могут быть исправлены, особенно в раннем возрасте, хорошим воспитанием, при помощи которого часто испорченные натуры были обузданы и изменены. Но если это не удастся, и просьбы и старания окажутся безуспешными, то следует на них не обращать внимания, насколько это позволяет общественное благо и насколько испорченные нравы князя касаются только личных дел; но если он подвергает опасности государство, если он презирает религию отцов и не хочет исправиться, то следует его сместить и назначить другого, что, как всем известно, не раз бывало в Испании. Как на разъяренное животное, следует на него направить все стрелы, потому что он отрекся от человечности и сделался тираном».

«Разрешается ли устранить тирана при помощи яда? Похвально всю эту чумную и пагубную породу изъять из человеческого общества. И многочисленны примеры таких убийств и в старое, и в новое время. Правда, трудно подмешать правителю яд, так как он окружен своим двором и, кроме того, каждое кушанье должно быть испробовано. Но если представится удобный случай, кто будет таким тонким и разборчивым, чтобы сделать разницу между двумя видами смерти?».

Эти образчики иезуитской морали, примененные к вопросу об исповеди, достаточно ясно объясняют, почему иезуитам давали такое предпочтение в качестве исповедников. **Исповедь эксплуатировали для достижения политических и церковных целей, а главным образом, она служила рясником для удовлетворения своей похоти.**

Уже в 428 г. папа Целестин счел необходимым назначить особое наказание для священников, натолкнувших своих духовных чад на распутство. Такие случаи были очень многочисленны и ими можно было бы наполнить фолианты.

Поггио Браккиолини, про которого я уже говорил раньше, рассказывает, что исповедью пользовались для развращения девиц и замужних женщин. Если одна из них признавалась в плотском грехе, то случалось часто, что благочестивый духовник ей делал самые непристойные предложения. Чтобы облегчить соблазн, они не пропускали случая, чтобы убедить похотливых чад, что немножко распутства с благочестивым священником ничего почти не значит, и что такой грех в сто раз меньше, чем если бы он был совершен с чужим супругом.

Ансино, августинский отшельник в Падуе, соблазнил всех своих духовных дочерей. Дело стало гласным и он был обвинен. Перед судом требовали настойчиво, чтобы он назвал всех лиц, поддавшихся ему. Он перечислил целый ряд девиц и женщин из самых знатных семейств, потом он запнулся и не хотел продолжать. Секретарь, который вел допрос, угрожал ему самыми суровыми наказаниями, если он не скажет правду и не продолжит свое признание. Прижатый к стене, папер назвал то имя, которое он хотел утаить, и можно себе представить лицо секретаря, когда он услышал имя своей добродетельной супруги.

Иногда рясникам не везло. Один священник, которому исповедывалась красивая женщина, нашел, что место за алтарем как раз самое подходящее, чтобы удовлетворить свою похоть и сделал соответствующее предложение женщине. Она сказала, что находит место недостаточно приличным, но в другом месте она не откажется от исполнения его желаний, а как залог своей любви послала ему красивый торт и бутылку хорошего вина. Обрадованный рясник хотел убить двух мух одним ударом и передал великолепный торт своему епископу, который украсил им во время пира свой стол. Когда разрезали торт, в нем нашли то, что обыкновенно доверяют не духовнику, а ночному горшку.

Исследовали историю происхождения этого ароматного сюрприза и скоро добрались до истины.

Ни одно место не было слишком священным для блудливых рясников и потребовались правительственные меры против использования ими в качестве софы алтаря или другого места в церкви. Один священник в Золотурне додумался до того, что выбрал приютом для своих запретных развлечений—орган!

Про бичевание я уже говорил. Так как последнее было связано с обнажением, то похотливые рясники его, конечно, скоро соединили с исповедью. Сначала они ограничивались тем, что предписывали бичевание в качестве покаяния, но скоро они приписали себе право производить его собственноручно. Сама церковь сметрела на это, как на злоупотребление, и папа Адриан I, который сделался папой в 773 г., установил

«чтобы епископы, священники и диаконы не бичевали тех, которые грешили».

Постановление не помогло. Священники не выпускали из своих рук поправившееся им право, тем более, что их в этом поддерживали видные прелаты. Канцлер римской церкви, кардинал Пуллус, не только рекомендовал бичевание, но и объявил публично, что полное оголение кающихся и падение ниц перед духовником даже увеличивает в глазах бога заслугу грешника, так как они—являются знаками крайнего смирения и унижения.

Такие наставления были очень плодотворны для рясников. Разукрасить зад человека, занимающего высокое положение в свете, конечно, имело свою долю привлекательности для гордости и тщеславия рясников, но гораздо большее очарование для их эстетизма представляло совершение этого акта над женщинами, и все средства из богатого арсенала церкви пускались в ход, чтобы победить врожденную стыдливость женщин и девиц.

Раз мы заговорили о стыдливости, то я не могу лишиться читателей ознакомления со следующим анекдотом:

В сороковые годы нашего столетия однажды молодая девица пришла к своему пастырю, чтобы исповедываться. Сначала она перечисляла ряд мелких грехов, потом она запнулась и покраснела, как рак. Священник отечески увещивал ее продолжать, но стыдливая девица заявила, что не может здесь исповедываться в своих грехах. Добрый священник, для которого это вероятно не было новостью, спросил ее, не хочет ли она лучше исповедываться у него дома, где меньше свидетелей, и девица со вздохом согласилась.

В назначенный час она явилась в комнату священника, который встретил ее с некоторым беспокойством и любопытством.

— «Ну, дитя мое, мы одни, что же тебя удручает? Церковь добрая мать, она утешает; доверься и т. д.»

— «Ах, господин священник, я не могу это сказать», возражает невинное создание и прикрывает лицо кончиком передника.

— «Ну, ну, ведь не смертный грех ты совершила!»

— «Ах нет, но, но...»

— «Скажи же прямо, в чем дело?»

— «Ах! я со своим возлюбленным что то,— что то сделала!»

— «Что же, дитя мое?»

— «Ах, я не могу это сказать!»

— «Ну, может быть, он это сделал?»—спрашивает священник и щиплет ее за щеку, чтобы ей облегчить признание.

— «Ах, нет!»

— «А, может быть, это»—при этом он обнимает ее и целует в губы. Девица все отри-

пательно качает головой, и у священника, который еще молодой человек, лицо уже пылает не менее, как у его стыдливой дочери. Он в своем усердии становится все более пылким и пускает в ход все приемы, которые мог бы применить возлюбленный, и так как девица все отрицает и отрицает, то он, наконец, приступает к крайнему приему, уверенный, что он теперь попал в цель. Но когда он опять предлагает вопрос, она к его изумлению снова качает головой. «Что же, чорт возьми», он, наконец, раздражается, «что же ты с ним сделала!» Ах, господин священник, я сделала, сделала его—большим!» Читатель сам себе представит лицо доброго рясника.

Таким образом, конечно, не все священники поступали, чтобы победить стыдливость своих духовных чад; у большинства из их чад они добились желанных результатов при помощи библейских софизмов, и когда библия не помогала, угрозами, что откажут в отпуске грехов, или тем, что сулили всю кухню сатаны. Но к таким крайним мерам редко приходилось прибегать святым отцам, так как исповедь сама по себе сильное средство для искоренения всякого стыда.

Если же духовная дочь отказывалась и не хотела верить, что рясникам дано право разглядывать наготу, тогда последние пускали в ход изречения Иисуса, как например: «Ступайте и покажитесь священникам». Другой, считающей обнажение непристойным и неудобным, отвечали: «Ах, пустяки! Адам и Ева в раю тоже были голыми, и в день воскресенья мы все будем без штангов».

Таким образом, мало по малу дело доходило до того, что никто не находил предосудительно в том, что исповедник собственноручно угощал розгами девицу или замужнюю женщину.

Рясники уже с самых древних времен совершенно справедливо пользовались дурной репутацией, поэтому совершенно естественно, что мужья не чувствовали себя в своей тарелке, когда жены шли на исповедь. Даже очень благочестивые и святые книги содержат по этому вопросу весьма забавные рассказы, хотя большинство из них переданы в серьезной, скучной форме и на убийственно латинском языке монахов.

В книге Скота (Скотус), озаглавленной «Менс философика» мы находим следующий рассказ:

Одна женщина пошла исповедываться, а муж тайком последовал за ней, так как его мучила ревность, для которой, вероятно, у него было достаточно веских причин. Он спрятался в церкви, но так, чтобы он мог тщательно следить за своей женой; как только он увидел, что священник повел его жену за алтарь, он бросился вперед и начал убеждать священника, что его

жена слишком хрупкая для бичевания, и если дело не обойдется без бичевания, чтобы священник его бичевал вместо жены. Жена была очень рада этому предложению и духовник согласился. Как только муж бросился к ногам священника и принял надлежащую позу, жена его воскликнула: «Ну, преподобный отец, всыпьте ему, как следует, потому что я очень большая грешница!»

После всех тех примеров действия celibата на священников, с которыми читатели познакомились в предшествующих главах, всем будет понятно, что этот способ отпуска грехов должен был давать повод для безконечного числа злоупотреблений. Число примеров чрезвычайно велико, хотя рясники всегда старались выдавать их за клевету. Можно было привести целую галерею, но я удовольствуюсь только несколькими рассказами в этом духе, правдивость которых до мельчайших деталей установлена судебным разбирательством.

КАК ИСПОВЕДЫВАЛ „БРАТ“ КОРНЕЛИУС.

Первый из них—рассказ про брата Корнелиуса Адриансена в Брюгге. Последний родился в Дортрехте. Его родители определили его к духовному званию, и когда он окончил свои научные занятия, он в 1548 г. поступил в францисканский монастырь в Брюгге. Скоро в нем открыли массу богословских познаний и особый дар говорить «популярные» проповеди, что заставило его начальников поручить ему должность проповедника.

Его проповеди были очень странные и о них можно себе составить более ясное представление, если я сообщу отрывок из одной из них. Его проповеди, впрочем, собирали еще при его жизни и напечатали в Нидерландах на забаву всем еретикам. 15 декабря 1560 г. он возмутился, что некоторые видные протестантские проповедники из Германии и приверженцы Аугсбургского исповедания приехали в Антверпен. Изложив часть текста, он воспользовался случаем отводить душу по поводу еретиков. Он заревел, как сумашедший: «Ба, я хотел бы вылезть из своей кожи от гнева и ярости! Ба, и вот в этом Антверпене, этом адском болоте, этой дьявольской бездне, где стекается весь проклятый яд и вонючая грязь, собрались снова изменники, соблазнитель, мошенники, жулики и злодеи из проклятой и окаянной Германии и воображают, что в благодарных Нидерландах, всегда твердых в христианской вере, пока тощие, худые, зарубки на задку не передали свою загаженную просьбу,—что в этих Нидерландах они введут и распространят свое Аугсбургское исповедание. Ба, — смотрите, как они быстро примчались со своей дьявольской верой, как только узнали, что проклятые гезы (нидерл. патрио-

ты), хотят переменить религию. Эй! да! как раз! мы только и ждем вас! ба, — все готово! Удивительно, где же вы были так долго — с вашей прекрасной аугсбургской верой, которая сначала была так сладко, так мило, так заманчиво сочинена и составлена этим лживым окаяннм, адским еретиком, этим непостоянным ветренником и флюгером Филиппом Меланктоном, а потом была испорчена его дьявольским, адским ядом и подделана в его еретическом духе, так что даже цвинглианцы, кальвинисты и реформаторы не могут без нее обходиться и без нее защищаться. Я плюю на вашу аугсбургскую

конфессию! Да, осквернит бог эту аугсбургскую веру! Чорт побори эту аугсбургскую веру. Что! Вы думаете, что мы сумасшедшие и дураки, чтобы нас околпачили и дразнили этими зарубками по заду, этими германскими изменниками, первыми апостатами и изгоями римско-католической церкви... и т. д.

Его проповеди кишели сальностями, для которых только что приведенные являются только скромной пробой и когда он узнал, что порицали их, тогда он кричал с амвона, как одержимый: «Ба! Замолчите! и предоставьте мне

Рис. № 38. ДУХОВНАЯ ДРАКА.

*Любуйся милый христианин,
Как папа, Лютер и Кальвин*

*Дерутся здесь в остервененьи—
Избави бог от заблуждений.*

Слова господа во веки ненарушимы.

Лютер, папа, Кальвин.

Простота.
Господь—пастырь мой. Я ни в чем не буду нуждаться. Псал. 22.

Средневековый памфлет на споры между реформаторами Лютером и Кальвином и римским папою.

веру. Настанет время и повесят эту веру на виселицу и будут закладывать ее грязью и нечистотами, и все католики будут подтираться ею; ба! смотрите — анабаптисты в тысячу раз лучше всей вашей аугсбургской

проповедывать, что мне внушает святой дух!» Он впрочем, имел огромное влияние на толпу и его проповеди были весьма пригодны для раздувания ненависти против протестантов. Однажды он сказал, в одной проповеди, что «следо-

бы всем беременным женам еретиков вскрывать живот, чтобы сжигать их детей раньше, чем они родились». Но эти проповеди относятся к более поздней эпохе его деятельности. В первое время, после вступления в должность проповедника, он свое внимание обращал на другой предмет — а именно, на красивых девиц и женщин в Брюгге. Он начал проповедывать против брачной жизни и дискредитировал ее всеми доступными ему средствами, так как почти невозможно — по его словам, — чтобы женатый попал в рай. Зато он не мог достаточно нахвалиться девственностью и сулил девицам, которые сохраняют ее, вечное блаженство. В настоящее время, над всем этим смеялись бы даже в строго-католических странах, видели бы в этом патере «ставшего плотью» — да какой еще плотью — «вестника царства божьего», но тогда, когда люди еще страшно суеверились со своим «спасением души», его проповеди вызывали такой переполох в Брюгге, что все мужья вышли из терпения, так как их жены прямо избегали их и все девицы решили никогда не выходить замуж. Однако, «дух силен, а плоть немощна». Бедные женщины приходили в отчаяние и бегали к брату Корнелиусу за советом и словом утешения. Последний их ласково выслушивал и давал советы, как можно было бы оставаться в брачном состоянии, не поаждая в руки дьявола. Прежде всего, сказал он, необходимо «устоять против вожделения и пристрастия к плотскому делу брака», хотя бы не отказываясь от самого дела и исполнения его. Дело само по себе установлено богом, но испорченная и выродившаяся природа это дело запятнала, загадила и осквернила дурными, гнилыми, плотскими побуждениями и наклонностями. Поэтому они должны устоять против побуждений и наклонностей и исполнять брачные дела, как будто они их не исполняли. Это, конечно, для большинства его клиентов было невозможным и свыше их сил, особенно, если они были привязаны к своим мужьям, — и они ежедневно бегали к нему со слезами в глазах и с грустью на душе.

Тем, которые были ни молодыми, ни особенно красивыми, он говорил, чтобы они свои искушения и провинности подробно и обстоятельно излагали своим священникам или духовникам, чтобы им их простили, и они получили отпуск грехов, а тем, кого он считал желательными для своего «общения в постели», он говорил: «так как они не могут устоять против таких внутренних грехов и недугов своего гнета, то необходимо, чтобы тело истязали наружным наказанием или покаянием». Опечаленные женщины охотно согласились подвергнуться этим мерам. После этого, он им заявил, что они должны целиком отдавать себя под его надзор и

приказанию, и когда они соглашались, то он для них установил правила, согласно которому они должны были каждая в определенный день с разрешения своих мужей являться к нему на исповедь и во время исповеди сообщать ему все свои провинности. Когда они приняли правило и стали являться к нему на исповедь, он велел им, в силу обета повиновения, признаваться во всех нецеломудренных мыслях, желаниях и поступках, без прикраски, откровенно и без стыда; чем откровеннее, грубее и точнее, тем лучше; чтобы он был в состоянии их очистить, прочистить и освободить от греха и для этой цели истязать и карать. Это женщины также делали. «Ну, хорошо, моя дочь», говорил тогда Корнелиус: «За такие тайные и нецеломудренные плотские грехи тела полагается также тайное очищение и прочищение, (он любил накопленные сиюминутные) и святая дисциплина или секретное покаяние, которые должны быть скрытыми от глаз людей, так как люди не понимают духовное; да они порицали бы все, если бы узнали; такие они благодаря испорченности своей плоти, сбитые с толку, ослепленные и оскверненные в своих взглядах и понятиях. Поэтому, дочери мои, положите руку на грудь и клянитесь богом и всеми святыми, что вы эту тайную дисциплину или святое, секретное покаяние не откроете и не сообщите ни своим мужьям, ни своим родителям, ни одному светскому человеку, ни одному священнику, ни в исповеди, ни при других обстоятельствах». Когда женщины клялись, он их принимал в число кающихся или «дисциплинарных дочерей» и велел им приходиться в дом швеи Калле де Найге, своей доверенной, но всегда через переднюю дверь, так как у этого дома был второй ход со стороны монастыря, так что те, кто видел брата Корнелиуса, входящего в дом, не могли видеть женщин, когда они входили — и, наоборот.

Когда благочестивые женщины первый раз приходили к швее, он каждой давал розгу, чтобы она ее снесла в дисциплинарную комнату; а к следующему разу они должны были сами купить метлу и принести розгу. Когда Корнелиус входил к своим духовным дочерям в дисциплинарную комнату, он говорил: «Итак, дочери мои, чтобы вы могли принять святую дисциплину или секретное покаяние, необходимо, чтобы вы обнажили свое тело; поэтому я приказываю вам, в силу вашего обета повиновения, чтобы вы разделись». Когда женщины исполняли приказание, они сами должны были ему передавать розги и со смиренным просить, чтобы он дисциплинировал и истязал их греховные тела, что он и делал, не торопясь, при помощи небольшого количества ударов, произнося разные изречения из старинных книг, говорящих о бичевании; между прочим, он говорил: «что богу более угодно смирение кающихся, обнаживших себя, чем

сила ударов». Зимой, когда было слишком холодно, чтобы раздеваться до нага, его дисциплинарные деги должны были ложиться на большую подушку: брат Корнелиус подымал платье и дисциплинировал их. То же самое он делал летом с теми женщинами, которые не могли долго быть вне дома, или с вдовами, которые уже пробыли на его попечении, так что он успел насытиться видом их орудий покаяния; а, наконец, он даже допускал, чтобы последние принимали дисциплину из рук его доверенной, швеи. Что вдовы, вкушавшие плоды с древа познания, страдали искушениями, он предполагал естественным фактом, и прежде всего интересовался их сновидениями, которые они должны были ему сообщать возможно подробнее.

Но раньше, чем он привлек в свое дисциплинарное заведение замужних женщин и вдов, он уже успел учредить дисциплинарную школу для девиц, о которой мне приходится говорить подробнее, так как это дело особенно ярко рисует всю подлость рячника, и потому что это были девицы, которые похотливого старого греховодника изобличили и подвели под судебное следствие.

В 1553 г. среди женщин, посещавших ежедневно проповеди брата Корнелиуса, находилась одна благочестивая и всеми уважаемая вдова со своей умной и красивой дочкой. Они познакомились с некоторыми молодыми девицами, которые давно принадлежали к молебному обществу пастыря и всегда старались завербовать новых рекрутов. Очаровательная шестнадцатилетняя Каллекен Петерс им казалась особенно ценной. — Мать наблюдала с удовольствием, как ее дочка благодаря беседе с благочестивыми девицами научилась так красиво говорить о духовных вещах, и позволяла Каллекен-посещать их компанию, сколько она только хотела. Здесь Каллекен часто слышала разговоры о тайном покаянии и спросила однажды, что это значит. Раньше девицы всегда охотно давали ей справки, но относительно данного вопроса они полагали, что Каллекен может получить справку только от самого Корнелиуса, и посоветовали ей обратиться к последнему.

Корнелиус, которого предупредили, какая свежая рыбка собирается попасть в сеть, назначил день, когда она должна была явиться к нему, и кроме того в тот же день явились еще две особенно красивые девицы, которым тоже предстояло прохождение дисциплины. Патер спросил Каллекен, серьезно ли она решила сохранить свою девственную чистоту и хочет ли она для этой цели подчиниться его повелениям и приказам? Когда она ответила утвердительно, он ее очень похвалил за это, просил ее навещать его с разрешения матери в определенный день недели. После подготовки,

продолжавшейся несколько недель, он ее торжественно принял в числе своих духовных чад и заставил ее принести указанную нами раньше присягу. Потом он приказал ей наравне с другими девицами придти в его дисциплинарную камеру и там подготовиться к покаянию. — Эта камера тогда находилась в одном доме на дамбе каменьщиков в Брюгге у вдовы Пр., у которой вышеупомянутая Беткен и несколько других девиц учились кулинарному искусству. Швея стала доверенной патера только после смерти вдовы. Когда Каллекен впервые пришла в камеру, Корнелиус ей приказал, в силу обета повиновения, поведать ему все искушения, которые так свойственны человеческой природе, особенно все нецеломудренные сновидения, мысли и желания, которые преследуют девственную чистоту; только тогда он сможет найти средства, чтобы защищать ее.

Бедное невинное дитя, никогда ничего неслыхавшее про подобные искушения, что то пролетела, но Корнелиус ответил: «Ба, я прекрасно знаю, что вам известны все нецеломудренные дела, которые происходят между супругами и людьми мира: свет так испорчен, что девицы восьми и девяти лет уже знают, как их производили на свет; и вы, девица шестнадцати лет, чтобы вы ничего не знали про подобные искушения и вожделения. Если бы вы остались в миру, у вас скоро было бы трое или четверо детей».

Каллекен вся покраснела, опустила глаза и заявила, что ее мать ее всегда оберегала от всех пустых, легкомысленных и непристойных выражений. — «Ба!» продолжал рячник, «это ничего не значат». Врожденная слабость природы человеческой в таком возрасте, как ваш, всему учит. Поэтому не может быть, чтобы у вас не было иногда борьбы с плотью, про которую вы не хотите мне говорить из-за стыдливости. Но, я вас так не могу освободить от грехов, поэтому к следующему разу приготовьтесь лучше сообщать все свои природные искушения».

С этими словами он отпустил Каллекен и велел ей прийти снова в определенный день, что она и обещала во имя божие исполнить. Когда она опять пришла к нему, он ее повел в свою дисциплинарную камеру и увещевал ее оставаться в стороне всю стыдливость, которую он называл фальшивым, злым зверем. Когда он ее опять спрашивал относительно плотских вожделений, невинная девочка ответила, что она каждый день молится богу, чтобы он охранял ее от таких искушений. Патер нашел это похвальным, но объяснил ей, что ей, собственно, следовало бы, как раз, молиться богу, чтобы он ей посылал искушения, так как состояние без искушений нельзя называть святостью. «Ба!», продолжал он, «это честь, когда тебя мучает при-

рода, и если чувствуешь влечение к другому полу, то-есть женщины к мужчинам и мужчины к женщинам, а это что за заслуга, если нет такого чувства? Ба, дитя мое, не стыдитесь признаться, что вы также из крови и плоти, как и все люди, или я должен вас считать ханжей и хитрой, потому что вы не хотите признаться, что у вас временами бывают плотские мысли и нечистые желания», и он продолжал ее убеждать, чтобы она ему без обиняков высказала все свои нецеломудренные мысли.

Каллекен стыдливо рдела все больше и больше, чем долгие она слушала сатира в священнической рясе. Тот поэтому подумал, что ему, прежде всего, следует добиться, чтобы искоренить ее стыдливость и после отеческих ханжеских слов, которыми он склонил ее к доверию, он ее спросил торжественным тоном: «Ну, Каллекен, дитя мое, скажите мне, доверяете ли вы мне спасение своей души от всего сердца?». — Она ответила: «Да, преподобный отец». — «Ну, хорошо», — продолжал он, «если вы мне доверяете спасение своей души, то вы можете с тем меньшим страхом мне доверить свое земное тело; если мне очистить от грехов вашу душу, то я должен прежде всего ваше тело сделать чистым и годным для всякой добродетели, молитвы и покаяния. Разве это не так, дитя мое?». Она ответила: «Да, преподобный отец». — «Итак, дитя мое, необходимо, чтобы вы были послушны моей святой воле и сделали, что я вам прикажу». После этого он сел на кровать, которая стояла в комнате и она должна была стать на расстоянии двух шагов от него. Потом он ей сказал, что необходимо для того, чтобы побороть эту стыдливость, которая против дисциплины и покаяния, чтобы она подчинилась его воле, и он приказывает ей в силу обета повиновения, раздеться до-нага».

Каллекен ответила с испугом: «Ах, преподобный отец, как я это могу сделать, мне было бы стыдно!». — «Дитя мое», воскликнул он, «это необходимо, спасение наших душ зависит от этого, поэтому брось свой стыд и сделай, что я приказал». «Ах, преподобный отец», пролепетала испуганная девица, «я лучше впредь вам открою все свои искушения и плотские мысли (бедному ребенку, наверно, пришлось бы выдумать их), но это — нет, я скорее умерла бы! Поэтому избавьте меня от этого, преподобный отец!». Корнелиус, однако, настаивал на своем требовании, без которого, будто бы, невозможно сделать совершенно набожной, — он будто бы должен требовать от нее повиновения, как от всех остальных дисциплинарных учеников. Его слова подействовали. Красивая девица растегнула свой лиф и сняла его, но когда она развязывала свою юбочку, у нее слезы брызнули

из глаз, и Корнелиус сказал: «Ба, дитя мое, будьте мужественной и сражайтесь храбро с стыдливостью и ханжеством, тогда вы одержите победу, тогда будут царить: торжество, мир и слава». Когда она осталась в одной рубашке и эту должна была спустить, ее лицо стало мертвенно-бледным. — Заметив это, Корнелиус быстро встал и достал из шкафа какие то сильно пахнувшие эссенции, при помощи которых он ей вернул сознание. «На этот раз довольно, дитя мое», сказал он ласково, «следующий раз вы будете у меня в обществе некоторых девиц, с которыми вы знакомы, и которые вам покажут пример». Когда она опять оделась, он ей приказал никому не говорить обо всем и в назначенный день снова явиться в камеру.

Она сдержала свое слово и застала там тех девиц, про которых я упомянул раньше; девицы без всяких церемоний сразу разделись и смело стали перед патером. Каллекен последовала их примеру, и Корнелиус похвалил ее за блестящую победу над океанной стыдливостью, которая является помехой для всякого благочестивого дела. Этим на этот раз все ограничилось, так как Корнелиус своих благочестивых дочерей в продолжении нескольких месяцев заставлял упражняться в раздевании, придерживаясь принципа, что они сами от себя должны отказываться от стыда и просить дисциплину.

Во время этих странных упражнений, которым подвергалась Каллекен, одна из девиц, которая уже давно принадлежала к бесстыдному партизанскому отряду патера, ее спросила, знает ли она, в чем состоит дисциплина или святое секретное покаяние? Каллекен ответила, что она догадывается, но не знает. «Что же это», — сказала девица, «если ты еще не удостоилась ее, ты, должно быть, гораздо более чистая девица, чем все остальные; но мне кажется, что ты недостаточно созналась в своих искушениях», и посоветовала ей, чтобы она безусловно повиновалась брату Корнелиусу. Каллекен обещала все сделать, что посоветовали девицы. Постоянные разговоры о плотских искушениях, о естественных, нечистых желаниях, нецеломудренных сновидениях и т. п., невинную девицу совершенно сбили с толку, так что и днем и ночью только об этом и думала, и дело окончилось настоящими искушениями. Патер обрадовался, когда у нее нашлось, в чем исповедываться. Ее признали достойной дисциплины. Это «общество покаяния», к которому принадлежали самые красивые женщины и девицы в Брюгге, существовало целый ряд лет, а между тем вне этого круга ничего не знали про него. Кувшин ходит за водой, пока не сломается и благочестивым подвигам патера — сатира настал конец. Во время маленького праздника, которое устроили члены этого общества, на котором присутствовал также и патер Кор-

нелюс, царило большое веселие. Патер тавцовал с одной красивой духовной дочерью и, под влиянием вина, поцеловал ее в губы. — Каллекен Петере узнала про это, смутилась и сказала: «а ведь стоишь перед ним, как бог тебя создал, кто же там знает, не бывает ли у него, тогда что то неладное». Подруга объяснила ей, что он ангел, в образе человека, который не может грешить, но Каллекен возразила: «Я не говорю, чтобы он грешил; а как же быть, если у него появится человеческая слабость, как ты будешь себя вести, чтобы не погрешить вместе с ним?». — «Я смиренно покорилась бы всему», — ответила другая, «так как я уверена, что бог не будет считать это грехом, уже ради святого человека, который совершит этот поступок без плотского вожделения». Каллекен не хотела признать такую религию, однако, патер, который узнал про эту беседу, сильно перепугался и после нескольких бесед с Каллекен заставил ее в присутствии другого патера подписать заявление, что она никогда не замечала у него ничего предосудительного и что ничего не знает про какую то тайную дисциплину. Патер также выдал свидетельство в том, что он был очевидцем такого заявления, после чего Корнелиус опять успокоился, тем более, что он видел, что Каллекен Петере хранила тайну и не выходила из общества.

Спустя два года, однако, у нее появились сомнения, и она потребовала, чтобы патер доказал на основании библии, что тайная дисциплина необходима для спасения души. Она упрекала его в том, что он текст библии с амвона толкует иначе, чем когда он с ними, и он воскликнул, смущенный: «Ба! Когда я говорю с амвона, я говорю для детей мира сего». Во время нового диспута с ней, патер потерял терпение и он приказал ей раздеться и принять покаяние, но Каллекен отказывалась и заявила, что только доводы библии ее заставят вновь поверить в необходимость тайной дисциплины. Он был вне себя от ярости и дал ей трехдневный срок, чтобы одуматься. Она оставалась при своем решении и через 3 недели отправилась в монастырь. Корнелиуса не было дома, и ей пришлось в голову побеседовать с приором. Во время этой беседы она спросила его, знает ли он, как дисциплинирует патер Корнелиус.

Когда приор убедился, что совесть заставила девицу обратиться к нему, он ей заявил, что Корнелиус принадлежит к тем людям, про которых Иисус говорил: «Горе тем, кто обидит наименьшего из сих, лучше одеть ему камень на шею и бросить в воду».

Она больше не ходила к Корнелиусу, но последний все время приставал к ней и она поэтому решила протестовать против всякого дальнейшего участия в бесстыдном покаянии. Корне-

лиус был вне себя, обращался с ней, как с нечистым духом и торжественно предал ее дьяволу. До сих пор девушка молчала, но теперь она встала со всей гордостью и мужеством оскорбленной невинности и воскликнула: «Горе вам, вы плотски настроенный человек!!! Горе всем; этим раздеванием и дисциплинированием только хотели улаждать свои бесстыдные глаза и подлые вожделения, оскорбляя столько невинных девиц. Горе вам, лучше было бы одеть вам камень на шею и бросить в воду!». Бешенство патера не знало границ. Кончилось тем, что он схватил ее за руку, вытолкнул в дверь и как безумный кричал: «Прочь отсюда, еретичка! я вижу, что вы стали еретичкой, как Беткен Маас; прочь, прочь, я предаю вас дьяволу!». Каллекен Петере спокойно ушла к себе домой и жила тихо и скромно, не говоря ни с кем о странном заведении патера, которое продолжало процветать. Она вышла замуж и не обращала на все это дело внимания; но спустя 3 года после вышеописанной сценки, вся история обнаружилась благодаря Беткен Маас. Это была прекрасная, храбрая девушка. Она посвятила себя уходу за больными, и куда бы она не являлась, везде ее встречали, как ангела утешения. Она тоже в свое время принадлежала к обществу покаяния Корнелиуса, но отказалась от исповеди у него. Корнелиус был в бешенстве и везде называл ее еретичкой, но она молчала.

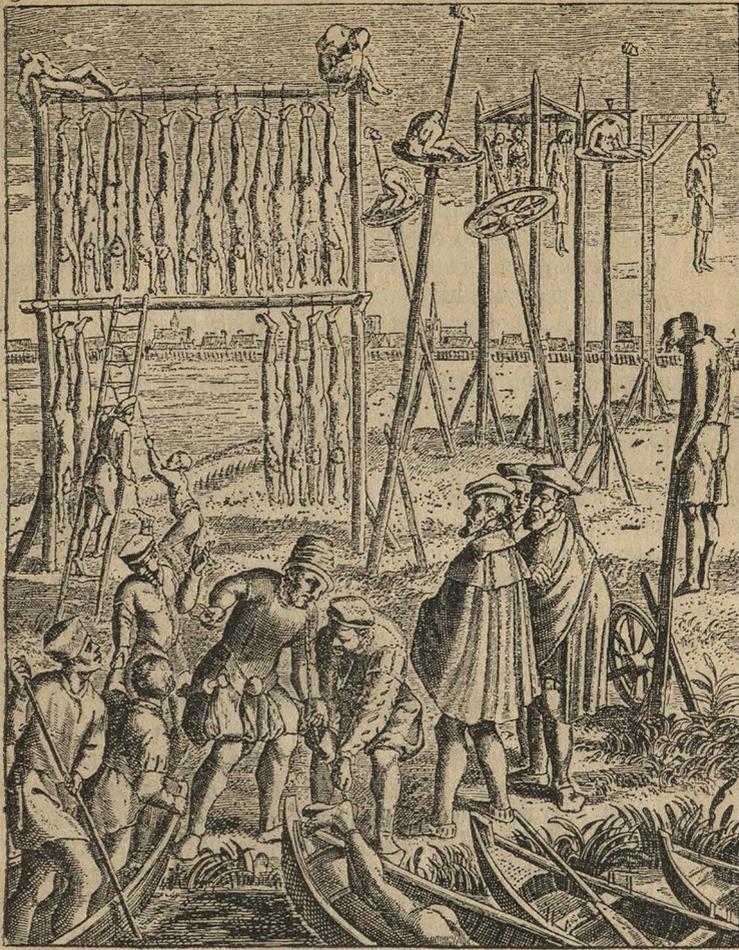
Когда она однажды была у одной больной, которая думала, что умрет, последняя хотела умирать в капюшоне, который она получила от Корнелиуса, сказавшего ей, что в этом капюшоне она избавится от чистилища. Беткен старалась ей разъяснить нелепость такого верования, но женщина только рассердилась. Потом эта женщина выздоровела и рассказала все Корнелиусу. Корнелиус теперь оклеветал Беткен во всех монастырях и частных домах, которые не хотели больше к ней обращаться. Он даже добился того, что ее духовника отлучили от церкви, потому что он, будто бы, совратил своих духовных дочерей. Беткен преследовали на улице, как еретичку и издевались над ней.

В такой беде она исповедывалась провинциалу августинцев в тайне дисциплинарного заведения. Провинциал решил быть посредником и уговорил Корнелиуса, взамен ее обещания молчать, отказаться от своих слов относительно ее с амвона. Он это сделал в туманных, не всем понятных словах и везде заявлял, что он только согласился на такой шаг по просьбам некоторых знатных домов, но что его мнение осталось прежним.

Беткен Маас как будто была лишена всяких человеческих прав; она боялась выходить на улицу, чтобы не подвергаться оскорблениям со стороны черни, и ночью не спала, ожидая

Рис. № 39. ПОДВИГИ ДОБРОГО КАТОЛИКА, ИСПАНСКОГО ГЕРЦОГА АЛЬБЫ, В НИДЕРЛАНДАХ.

(См. стр. 181).

В 1567 г. герцог Альба христианским огнем и мечом прошел самую промышленную провинцию испанской короны и цветущую страну превратил в сплошную пустыню. Этот верный слуга Свiateйшей Инквизиции сам хвалился, что отправил на тот свет руками палачей своих 18.000 человек, принявших протестантство.

В данном случае борьба католиков с протестантизмом являлась идеологическим отражением борьбы нидерландского торгово-промышленного капитала (буржуазной, тогда революционной демократии) с испанскими крупными светскими и расофорными помещиками.

каждую минуту какого-нибудь насилия со стороны фанатиков или появления страшной инквизиции. Инстинкт самосохранения заставил ее прибегнуть к последнему средству. В нескольких домах, где еще ее терпели, она раскрыла весь шантаж патера Корнелиуса и подробно сообщила о его дисциплинарном заведении. Сначала ей не поверили и подумали, что она рассказывает сказку, внушенную ей жаждой мести, но все дело распространилось, про него узнал магистрат города и с удовольствием воспользовался случаем, чтобы добраться до ненавистного монаха.

Корнелиус протестовал и даже угрожал инквизицией. Это окончательно заставило совет отказаться от лишней деликатности, и Каллекен Петерс и остальные духовные ученицы патера должны были, к своему стыду, лично явиться в суд. Среди них были очень много знатных жен и девиц. Их невинность, конечно, признали, но их постигла та же участь, как знатных «духовных невест» Кенигсбергского религиозного лицемера Эбеля, пятно комизма осталось за ними на всю жизнь. Приговор, вынесенный Корнелиусу, был чересчур мягкий, так как ярники тогда еще обладали большой властью. Его перевели из Брюгге и Иперн, так как его не могли уличить в прямом посягательстве на добродетель женщин. Больше, чем суд, наказала его народная сатира, которая его неустанно преследовала. Он умер в 1581 г., но его имя сохранилось в традиции и не одна девица краснеет и хихикнет, когда говорят про «брата Корнелиуса».

Но что значат все козни неуклюжего фламандского патера в сравнении с тонкой подлостью иезуитов в подобных делах! Как только они открыли свою деятельность, они в первую голову старались завербовать женщин и девиц для своих бесстыдных бичеваний.

Они решили не в пользу бичевания по спине, а в пользу бичевания по концу спины. Этот вид дисциплины иезуиты в Левене прозвали испанским и применяли его, потому что он, будто бы, для здоровья полезнее, чем первый вид, а, может быть, и по другим причинам.

КАК ИСПОВЕДЫВАЛ ИЕЗУИТ ЖИРАР. ЕГО ПРОЦЕСС.

В то время, как более грубые монахи средних веков применяли бич из за глупого религиозного фанатизма, иезуиты это делали в большинстве случаев для того, чтобы под прикрытием религии удовлетворять утонченному сладострастью. Как они обыкновенно действовали, покажет известная история про иезуита Жирара и госпожу Кадьер, настолько это позволяет об-ем книги. Процесс, который возбудила г-жа

Кадьер против своего духовника, сильно нашу мел в начале 18-го столетия и вся Европа принимала в нем участие.—Самое главное сочинение об этом важном судебном деле охватывает восемь томов и поэтому понятно, что мое изложение только может быть наброском.

Екатерина Кадьер была дочерью состоятельного купца в Тулоне и родилась 12 ноября 1702 г. У нее было три брата; старший женился, второй поступил в доминиканский орден и третий сделался светским священником. Отец уже умер во время малолетства Екатерины, которая осталась на руках своей ограниченной и богомольной матери и была ее любовницей.

Но воспитание, полученное ею от богомольной матери, которую поддерживали в этом направлении священники, нелепые легенды о святых и мистические книги, которые ей очень рано позволяли читать, придавали ее душевной жизни своеобразное, мечтательное и мистическое направление. Пример святых женщин римской церкви и святые откровения и видения, которых последние удаивались, не выходили у нее из мыслей и высшим ее желанием было уподобиться этим обалделым дурам. Это служило причиной, по которой она отказалась от нескольких предложений.

В это время, в 1728 г., иезуитский патер Юганн Баптист Жирар был назначен ректором королевской семинарии для судебных священников в Тулоне. Он раньше жил в Э. Ему предшествовала слава выдающегося проповедника и человека строжайшей нравственности, и он скоро приобрел в новом круге своей деятельности чрезвычайный авторитет и вообще уважение. Особенно женщины стекались на его проповеди и исповеди. Большое количество молодых девиц образовало своего рода орден, в котором под руководством Жирара упражнялись в благочестии. Этот благочестивый отряд для него был источником радостей, так как среди них были красавицы, и благочестие и нравственная строгость иезуита были только овечьей шкурой, которая покрывала свирепого волка самой разнузданной чувственности. Прежде всего Жирар стремился к тому, чтобы посредством своего учения оравлять сердца и воображение молодых девиц. Как паук опутывает свою жертву сетью из тонких нитей, прежде чем высосать кровь из нее, так и иезуит старался поймать свои жертвы в сети самой изощренной чувственности. Он не смел слишком быстро продвигаться вперед, так как чрезмерная поспешность могла бы испортить все дела. Он и не имел для этого никакого основания, так как он мог быть совершенно уверенным в успехе своей системы разложения. Когда он заметил, что все девицы ему были предапы с энтузиазмом и непоколе-

бимым доверием, он начинал возлагать на них наказания другого характера, чем прежние, и так постепенно доходил до дисциплины. Большинство девиц по глупости не чаяли ничего дурного, а иные из них, приятно возбужденные в своей чувственности бичеванием, предавались дисциплине с тайным наслаждением, хотя сами себе не отдавали отчета в этом. Другие же, может быть, и понимали намерения патера, однако они были далеки от того, чтобы оказывать противодействие, потому что они были бы не прочь полакомиться запретным плодом, если бы они это могли делать тайком и безнаказанно. Эти, а может быть, и финансовые мотивы сделали одну из них, — г-жу Гиоль, преданной и услужливой сообщницей иезуита.

Эта Гиоль была умная, хитрая особа и чрезвычайно полезная для планов патера. Он скоро получил возможность у своих духовных дочерей итти на один шаг дальше и мог во время дисциплины удовлетворять свою похоть не только глазами, но и иным способом, хотя он не решался доходить до крайности в тех случаях, где он не мог быть уверенным подобно тому, как у г-жи Гиоль. К его кающимся принадлежала также Екатерина Кадьер. Талантливая девица в полном расцвете своей красоты не только возбуждала его чувственность, но и внушала ему чувства, которые можно было бы назвать любовью, если бы таковая могла обитать в груди такого человека. Но ее умный и добродетельный нрав требовал особенно деликатного подхода и он решил действовать с чрезвычайной осторожностью. Он поверил свою тайну г-же Гиоль и та обещала ему свое содействие. Когда он зондировал душевную жизнь девицы, он моментально подметил ее склонность к энтузиазму и старался искру раздуть в огонь. Он хвалил ее особые дарования, предсказывал, что бог ее избрал для особенно высокой задачи и побудил ее к обещанию, что она для более быстрого достижения этой задачи предоставит себя вполне его руководству.

Так девица в душе уже была отравлена, не замечая этого. Ее душу волновали неопределенные, но чрезвычайно сладостные чувства. Одним словом:

«Куклу набили и приготовили как раз,

Совсем как это учит итальянский рассказ».

До этого дошел Жирар в течение одного года. Теперь только стоило поднести огонь к костру.

Екатерина некоторое время была больна и после выздоровления навестила Жирара в ректории иезуитов. Он осыпал ее нежными упреками, что она его не призвала во время своей болезни и с жаром поцеловал ее. От его наблюдения не ускользнуло, какое чрезвычайное впечатление его поцелуев произвел на Екатерину. Екатерина должна была следовать за ним

в исповедную, здесь он ее подробно расспрашивал о всех ее душевных переживаниях, приказал ей ежедневно причащаться и усердно посещать церковь, он ей прорицал в скором будущем видения и увещевал ее о таковых, как, вообще, о всех психических и физических переживаниях, ему давать подробнейшие отчеты.

Эти видения действительно являлись и все больше и больше разжигали ее кровь и ее фантазию. Были они вызваны возбужденным душевным состоянием девицы или психическим ядом расника, или какими нибудь веществами, трудно определить. Но наконец дошло до того, что она ему жаловалась, что не может больше молиться, и что не в силах больше скрывать любовь, которая она чувствует к нему. Относительно первого пункта он ее быстро успокоил и «любовь», продолжал он, «которую питаете ко мне, не будет для вас источником огорчения; господь бог хочет, чтобы мы были соединены, я ношу вас в своем лоне и в своем сердце; отныне вы только душа, живущая во мне, да вы—душа моей души. Так полюбим же друг друга, объединенные в святом сердце Иисуса».

Но вместо того, чтобы слушаться голоса природы и удовлетворить доведенную до крайнего возбуждения чувственность, он поступал, «как демон». Все его старания были направлены только на то, чтобы вызванное им истеричное состояние довести до крайней ступени. Ему это удалось. Г-жа Кадьер впадала в истеричные судороги, во время которых у нее были удивительные видения святого и несвятого содержания, которые, конечно, все вертелись вокруг Жирара.

Уже во время поста 1729 г. у нее было удивительное видение. Она услышала голос, который крикнул ей: «Я отведу тебя с собой в пустыню, где ты будешь питаться не пищей людей, а пищей ангелов». С этих пор ей была противна всякая пища, и если она преодолевала свое отвращение, то сейчас после этого у нее являлась рвота. Потом у нее кровь хлынула горлом. Патер Жирар и его поверенные объявили эти припадки приметой, что скоро у нее будет дар чудес.

Екатерина теперь переходила из одного экстаза в другой. На лице у нее появились капли и в ее левом боку и на руках и ногах кровавые стигматы или рубцы ран, которых удастанываются, по римскому суеверию, особенно святые избранныки бога. Да этим еще не окончились чудеса. Когда патер отрезал у нее волосы, то вокруг ее головы образовался ореол, и на платке, которым она вытирала свое лицо, появился лик Христа в терновом венке. Где там была граница между душевной и физической болезнью г-жи Кадьер с одной стороны, и иезуитским фиглярством—с другой стороны, трудно решить. Но, что Жирар опасался раскрытия последнего, вид-

поэтому, что он тщательно следил, чтобы состояние девицы не стало известным вне посвященного и верующего круга. Матери он заявил, что Екатерина умрет до истечения суток, если будет говорить лишь слово про эти чудеса.

У Жирара, конечно, теперь был свободный доступ в дом мадам Кадьер, так как он должен был заботиться о душе ее дочери и—исследовать стигматы! Во время таких визитов он был таким осторожным, что всегда брал с собою до дверей дома младшего брата Екатерины, который тогда изучал богословие в иезуитской коллегии, и брат Екатерины должен был всегда приходить за ним. Он запирался со своей духовной дочерью в ее комнате и не мог налюбоваться ее чудесными стигматами, особенно тем,—который был в боку. Когда Екатерина впадала в истерические судороги и обмороки, что считалось одержимостью, иезуит предоставленные ему этим льготные моменты употреблял на скотское удовлетворение своей похоти. Когда девица приходила в себя, она находила себя до непристойности обнаженной и позади ее стоял благочестивый ученик Иисуса с ехидным лицом. Госпожа Кадьер несколько раз жаловалась Гиоль, но это легкомысленная особа смеялась над ней, что она могла в этом видеть непристойность, и другие девицы ее общины рассказывали также, что патер Жирар себе с ними позволял совсем другие вольности, на что они несколько не в претензии.

Галантный иезуит всегда заботился о том, чтобы все крепче привязать к себе своих учениц. Он так умел облегчить им молитвенные упражнения и так хлонатал о том, чтобы и их чувственность и их светские наклонности находили удовлетворение. Но королевой его мыслей оставалась Екатерина.

У нее он все ближе и ближе подходил к своей цели. Он создал случай, чтобы иметь повод жаловаться на ее неповиновение и после того, как Екатерина «как следует», была подготовлена благодаря Гиоль, она пришла смиренная к Жирару на исповедь, готовая принять всякое наказание. Патер ей объявил после строгой нотации, что она должна подвергнуться покаянию. На другое утро он явился в ее комнату с дисциплиной и сказал: «Справедливость божия требует, так как вы не хотели украсить себя его дарами, чтобы вы разделись до нага. Вы собственно заслужили бы, чтобы весь мир был свидетелем, но бог милостив и разрешает, чтобы свидетелями были только я и эта безмолвная стена, но раньше клянитесь мне, что вы верно сохраните тайну, так как открытие и вас и меня погубило бы».

Девица сделала, что он приказал, и когда она разделась, оставив только рубашку, он велел ей лечь на кровать. Когда она и это сделала, причем он подложил под нее подушку, он ей дал

несколько несильных ударов по ляжкам и поцеловал последние. Теперь он заставил ее снять и рубашку и стать перед ним в смиренной позе. Девица лишилась чувств, но когда она пришла в себя, она заявила, что повинуется ему, и голая стала перед ним на колени. Тогда он ей дал еще несколько ударов и дал волю своей похоти. Екатерина не сопротивлялась и иезуит достиг цели своих желаний.

С тех пор он смотрел на Екатерину, как на свою собственность и склонял ее к самым извращенным видам чувственности, которым он умел придавать характер святых актов. Передавать все, что он проделал, здесь не место. Когда мать или брат девицы ему хотели помешать в его делах святости, он просто перед их носом закрывал дверь, и когда однажды доминиканец жаловался на это матери, она велела ему замолчать и выгнала из дому. Так глубоко верила эта до идиотства набожная женщина в святость иезуита и добродетельность своей дочери.

Жирар скоро заметил, что госпожа Кадьер забеременела, и под каким то предлогом заставил ее вышить напиток, который он приготовил. Это было средство, вытравливающее плод, и оно действовало. Екатерина после этого чувствовала себя настолько расслабленной вследствие потери крови, что мать, которая не догадалась о правде, посоветовала ей обратиться к врачу, но Жирар под разными предложениями не допустил этого. Благодаря неосторожности служанки чуть не открылась тайна, и чтобы обеспечить себя от этого и не потерять своей дочери, Жирар решил поместить Екатерину в качестве монахини в монастырь святой Клары в Оллиуль. Он написал письмо настоятельнице и в таких ярких красках рисовал добродетель, благочестие и набожность своей кающейся, что настоятельница с радостью согласилась принять у себя Екатерину, если ее семья даст согласие. Согласие быстро было получено и Екатерина, снабженная рекомендательными письмами, поехала в Оллиуль. Иезуит выхлопотал у настоятельницы разрешение посещать свою духовную дочь и вести с ней переписку. Каким бы хитрым не был Жирар, но он совершил несколько неосторожных поступков, которые вызвали подозрения у настоятельницы и монахинь и заставили первую сначала ограничить его визиты, а потом их запретить совершенно. Но благодаря посредничеству одного священника этот запрет был отменен и Жирар церемонился еще менее, чем раньше. Он наблюдал за видениями, исследовал стигматы и давал своей духовной дочери дисциплину.

Все это так и продолжалось бы, но Жирар уж слишком часто запирался с Екатериной и целыми часами оставался с ней наедине. Так как последняя очень гордилась своею святостью и

иногда хвасталась своими духовными наслаждениями, то мало по малу приходили к заключению, что отношения между Жираром и его духовной дочерью не совсем чистые. Настоятельница поэтому распорядилась, чтобы оба во время своих бесед были отделены друг от друга перегородкой. Жирара это не потревожило. Он при помощи перочинного ножа вырезал в отделяющем их холсте отверстие и через это отверстие развлекался с ней целыми часами. Когда ему надоело целоваться, тогда он удовлетворял свою похоть другим способом, более подробное описание было бы отвратительно. Он тоже самое позволял себе даже в санктуарии, и когда его хотели держать на надлежащем расстоянии, он сердился и кричал: «Что! вы хотите меня разлучить со своей духовной дочерью»? Иезуит даже кушанья велел себе принести к перегородке; оба так ели, держа друг друга за руки и нередко заставляли его обнимавшим рукой талью девицы. Но иезуитский сладострастник начал уже остывать к своей жертве. Он поэтому объявил ее достаточно святой и решил ее отправить в отдаленный Картезианский монастырь. Монахи об этом плане тотчас же известили епископа Тулонского, который не хотел допустить, чтобы девица, которую весь свет считал святой, покинула его епархию. Он поэтому написал письмо Екатерине и запретил ей впредь исповедываться у патера Жирара или отправиться в то место, которое тот ей укажет и позволил ей вернуться к своей семье. Он ей прислал карету и казначей епископа и патер Кадьер, ее брат, перевезли ее на дачу около Тулона. Когда Жирар получил это известие, он сильно перепугался, и его первой мыслью было получить обратно письма, которые он писал госпоже Кадьер. Это ему удалось благодаря посредничеству другой духовной дочери, которую он раньше очень любил, только одно письмо осталось случайно в руках Екатерины.

Екатерину, как святую, поручили особому попечению нового приора кармелитского монастыря в Тулоне. Во время исповеди тот узнавал много очень странных вещей, которые, вместе с некоторыми восторженными выражениями, касающимися Жирара, заставили его глубже вникнуть в дело и он, без особого труда, открыл тот подлый шантаж, жертвой которого стали эта увлекающаяся наивная девушка и весь свет. Он немедленно донес обо всем епископу, который сам приехал на дачу и допросил Екатерину относительно подробностей дела. Бедняжке, у которой так страшно теперь раскрылись глаза, умоляла на коленях и со слезами, что бы пощадили честь ее семьи и замяли дело. Епископ сначала обещал это сделать, но потом другие соображения заставили его изменить свое решение и после некоторых предварительных

обсуждений, начали процесс в Тулонском уголовном суде для духовных дел.—Но чего могла добиться бедная девушка против могущественных иезуитов, которые имели своих членов среди самих судей! Дело патера Жирара стало делом всего ордена, который на этот процесс потратил больше одного миллиона франков. Начался целый ряд подлых интриг, чтобы выставить госпожу Кадьер, как обманщицу и лгунью, подкупленную врагами иезуитского ордена, ее даже хотели обвинить в ереси и в колдовстве, при помощи которого она, будто-бы, хотела добиться ореола святости. Госпожа Кадьер слишком поздно раскаялась, что она выдала патеру письма и документы, которые теперь могли быть ее лучшей обороной.

Процесс скоро принял для нее неблагоприятный оборот. Король узнал про процесс и в декрете государственного совета предписал самое строгое следствие. Дело было передано верховному суду в Э. Кармелитского приора и доминиканца Кадьера запутали в этот процесс, как сообщников: монахинь в Оллиль иезуиты заставили дать неблагоприятные для Екатерины показания, и несчастная терпела тяжелую участь среди урсулинок в этом городе, так как те находились в дружеских отношениях с иезуитами. Ее заперли в каморку, которая раньше служила жилищем сумашедшей и пропахла прахом и гнилью. Ее мучили нравственно и физически, прибегали к хитрости и силе и добились наконец, что она отреклась от своих слов. Теперь иезуиты, тем более, настаивали на строжайшем следствии, так как победа казалась обеспеченной и первая судебная палата в Э, действительно, вынесла приговор, весьма неблагоприятный для Екатерины. Пока что, ее перевели в качестве арестованной в один монастырь в Э; но она апеллировала на основании злоупотребления духовной властью при ведении дела и ее дело было передано парламенту. Снова начались интриги иезуитов. Екатерина утверждала, что она невиновна, была измучена патером Жираром, согласно прежним показаниям, и угрозами и мучениями была принуждена отречься от своих слов. Королевский прокурор во всем деле выказывал явное пристрастие в пользу иезуитов и предложил: «Оправдание патера Жирара, обыкновенную и чрезвычайную пытку и вслед за тем казнь посредством повешения Екатерины Кадьер». Но 24 судьи не были такого мнения; однако, они расходились в своих мнениях: 12 высказались в таком смысле: отклонить жалобу Иоганна Баптиста Жирара в виду обнаружившегося у него слабоумия. Приговор другой, лучшей части парламента, был такой: «Иоганн Баптист Жирар приговорен к смерти в огне за явно доказанное духовное кровосмешение, вытравление плода и

«освернение своего духовного звания позорными страстями и преступлениями».

При таком равенстве голосов, председатель решил освободить от наказания обе стороны. Некоторые судьи не хотели этим удовлетвориться, а предложили, чтобы Екатерину Кадьер присудить хоть к маленькой каре. Тогда встал среди них один благородный человек и воскликнул: «Мы только, что освободили от наказания одно из величайших преступлений, и теперь нам возложить на эту девушку самое мелкое наказание? Нет, скорее следовало бы сжечь всю палату!» — Эти слова произвели впечатление. Решили девицу отпустить к своей матери домой и рекомендовать ее попечению. Королевский парламент оправдал негодяя; но публичное мнение осудило его. Несметная толпа ожидала на улицах решение суда.

Судей, которые выступали против Екатерины, встречали бранью и насмешками; противников Жирара с сочувствием. Его самого приветствовали ругательствами и бросали в него камни, так что с трудом могли его провести сквозь грезящую толпу. Ярость народа простиралась на поваренка, который ему принес кушанье и у которого последнего разбили блюда, тарелки и бытылки. С другой стороны, старались госпоже Кадьер оказывать участие. Соперничали в стараниях посредством ласки, радушия и утешения, заставляя ее забыть о перенесенных обидах и оскорблениях. Расхваливали ее красоту; одним словом — она вошла в моду, как это с интересными героинями процессов во Франции и в других местах водится и теперь. Участие, которое она возбуждала, подвергало ее опасности. Ей советовали возможно скорее покинуть Э и где нибудь скрыться. Она уехала — но с тех пор ее след потерялся навсегда.

И так и не узнали, куда она исчезла, но общее мнение того времени обвиняло в ее исчезновении отцов иезуитов.

Жирар также умер год спустя. Иезуиты серьезно думали о том, чтобы его возвести в сан — святого, и сравнивали его судьбу с судьбой — Иисуса!

Очень похожа на только что сообщенную историю другая, которая произошла недолго до отмены иезуитского ордена во Франции, между одним из его членов и дочерью президента парламента, которую также соблазнили при помощи бичевания. Чтобы спасти честь ордена и доказать неосновательность обвинения, подкупили хирурга, который виновника — оскопил. Но тайна впоследствии раскрылась.

Несмотря на эти и другие обнаружившиеся подлости, — а среди тысячи, может быть, одна только обнаруживается! — отцов иезуитов не обезвредили; везде их охотно приглашали в ка-

честве духовников и особенно женщины с симпатией относились к бичеванию.

Особенно процветали исповедальные учреждения с бичеванием в Испании и в Португалии. Король Иосиф Эммануил (1750—77 г.г.) часто подвергал себя дисциплине, от чего с трудом его отговорил его министр маркиз де Помбаль. «Дамы, с маркизой Леопорой де Тавора во главе, были не меньшими чудачками, чем король-чулак. Иезуиты, как известно, были изгнаны Помбалем, однако, его враг, королева Донна Марна (1777—1799 г.г.) их опять пригласили к себе и приятные исповедальные забавы с непрерывным бичеванием процветали, как никогда раньше. Интересный и хитрый патер Малагрида учредил форменный «институт покаяния для молодых придворных красавиц» Бичевали себя повсюду, даже в передних королевы, которая тоже не отказывалась в участии в забаве.— Не одна история в духе Жирара, пожалуй, происходила здесь, так как дамы по свидетельству иезуитов так были одержимы этой манией, что они жаждали бичевания со страстью, не признающей границ. Даже принцессы и дамы посольств чужих государств приглашались честь честью к этим иезуитским играм, которые были в одно время и сладострастными и занимательными и — столь благочестивыми.

Число примеров злоупотребления исповедью безконечно велико и можно было бы ими наполнить обемистый том; но так как главу приходится кончить, то я кончаю сообщением о странном учреждении исповеди и покаяния, созданное одним капуцином во время царствования Наполеона I. Об учреждениях времен Наполеона III и его императрицы, может быть, придется сообщить в будущем.

Вышеупомянутого капуцина звали патером Ахацием: он жил в одном монастыре в Дюрене, в теперешнем прусском округе Аахене. Капудин был ужасно некрасив, но проповедывал превосходно и пользовался репутацией выдающегося благочестия и, несмотря на свои манеры фавна, пользовался в такой степени доверием дам, что они его избирали дирижером своих духовных развлечений. Патер Ахаций сам имел пристрастие к вдовам и девицам зрелых лет. Одну из таких он избрал для своего личного услаждения. Он ей внушил следующее оригинальное учение: человек не способен вполне укротить требования своего сердца, но дух может оставаться добродетельным, даже когда тело по понятиям толпы грешит. **Дух принадлежит богу, тело земле; а что касается тела, небо требует себе верхнюю часть, а свет — нижнюю.** Поэтому нужно сохранить только чистоту души, а тело спокойно может грешить. Все еще интересная дева зрелых лет с удовольствием вникала в это учение патера. После исповеди она должна была стать на коле-

ни перед капуцином, просить прощения грехов и показать ему «долю дьявола», т. е. обнажить себя снизу вверх до девственного своего центра. Когда это было сделано, он перешел к последней части духовного акта и торжественно посвятил даму в члены своего ордена, первым членом которого она, таким образом, сделалась.

Эта благочестивая дева усиленно старалась пропагандировать свой орден среди лиц своего возраста, а также среди женщин и девиц более молодых; одним словом она была сводней священника. Число сестер этого ордена адамитской марки быстро выросло и Ахаций спасовал перед задачей удовлетворять так много благочестивых желаний. Он привлек более отважных борцов из числа своих духовных братьев в институт покаяния, который великолепно процветал и еще сегодня процветал бы, если бы тайна не была раскрыта молодой девицей из школы Ахация, которая сделалась монахиней, познакомилась с французским офицером и ему сообщила о предприятии. Возбудили судебное следствие и обнаружили любопытные результаты. Выплыли факты, о которых невозможно написать. Интересная приличная дама, супруга хозяина бумажного завода, показала на допросе, что она была словно заколдованная, очарованная каким то зельем, так ее влекло к некрасивой капуцинской обезьяне, который с ней проделывал вещи, перечисление которых заставило покраснеть самого закаленного уголовного чиновника. Бичевание играло главную роль. Ахаций часто велел розги мочить в уксусе и упомянутую даму обрабатывал

так, что она иногда под каким нибудь предлогом в течение 3-х недель не вставала с постели. Дальнейшее следствие обнаружило, что столько капитулов, монастырей и семейств оказались скомпрометрованными, что Наполеон приказал замять процесс по политическим соображениям. Ахаций и несколько его сотрудников были заключены в тюрьму. Деловые документы этого процесса долго еще лежали в Люттихе, а потом были переданы прусскому правительству. Однако, уже не хватает многих важных документов, многие потерялись, потому что причастные в этом деле семейства, конечно, старались уничтожить памятники своего позора. Даже брошюры и карикатуры рясники сумели собрать и уничтожить.

Мы горько ошиблись бы, если бы думали, что в столь короткое время изменилось состояние римско-католического духовенства. Нет ни малейшего основания предполагать это; духовенство, вероятно, почти такое же, каким оно было сто лет тому назад, и не изменится. Я окончил книгу, но не исчерпал материалов. Я считаю лишним прибавлять какие-нибудь примечания. Выводы, проистекающие из содержания книги, слишком очевидны, чтобы нуждаться в указаниях.

Если я ничего не сказал о гнусности не римско-католической церкви, то я это сделал не по пристрастию, а только потому, что хотел придерживаться границ, начерченных заглавием книги.

Рис. № 40.

Средневековая карикатура — протест против эксплуатации пасущихся волками — церковниками.

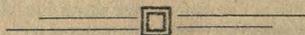

*„Чем мы такие греховные стали,
Что нас на исповедь к волку погнали?“*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие. И. А. Шпицберга	1
Зеркало папизма. Корвина	
Предисловие Корвина	5
Вступление.	13
I. Как возникли попы	29
II. Милые, добрые святые	47
III. Лавка святых старьевщиков	75
IV. Наместничество бога в Риме	109
V. Содом и Гоморра	201
VI. Монашенство	231
VII. Исповедная	287
ВСЕГО	41 рис.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АТЕИСТ“.

МОСКВА.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Журнал Атеист № 1 и 2.

Трагедия **ЖРЕЦ ТАРКВИНИЙ**, в 3 актах. С. ПОЛИВАНОВА, под редакцией И. Шпицберга и Н. Аксагарского. Музыка Н. Малько. Рисунки В. Триваса. 2 издание. (Распродано). Печатается 3-ье издание.

„Миф о христе“, т. I, А. Дрекса, пер. с нем. под редакцией П. Красикова, со ст. И. Шпицберга: „Христос как динамомашина капитализма“.—1 р.

„Миф о христе“, т. II, А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцева, под редакцией П. Красикова, с передовой ст. переводчика „Мифологическая школа“.

„О боге и чорте“, памфлет Э. Даэнсона, пер. с франц. и примечания И. Шпицберга. (Распродано). Печатается 3-ье издание. 50 к.

„Святой отрок Гавриил“—бейлисиада. 10 к.

„Рождество христово“ (очерк из сравнительной мифологии)—Н. Румянцева. 15 к.

„Страшный суд, как картина звездного неба“—Даниила Святского. 15 к.

„Философия жизни Иисуса“—А. Немоевского, пер. с польского яз. и предисловие Н. Румянцева. 35 к.

„Евангельские мифы Джона Робертсона“. Перевод с нем. под редакцией и с предисловием И. Шпицберга. 50 к.

„Первобытный коммунизм и первобытная религия в историко-материалистическом освещении“—Г. Эйльдермана (с нем.) с предисловием автора и профессора В. К. Никольского. 1 р. 50 к.

„Зеркало папизма“—Отто Корвина, с предисловием И. Шпицберга. 1 р.

„Инквизитор Торквемада“—трагедия в 7 карт. С. Поливанова (по В. Гюго). 50 к.

„Миф об Иоанне крестителе“—Н. Румянцева. 20 к.

„Жил ли христос“—А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцева. 40 к.

„Рождественская мифология“—Н. Румянцева. 25 к.

„Отче наш капитал“ атеистическое обозрение в 3 д. с пением, Д. Долева и Ф. Благова. 60 к.

„Новоявленная икона“, пьеса в 3 актах, В. Соловьева. 60 к.

„Религия и здравый смысл“, П. Гольбаха и „Завещание священника Иоанна Мелье“ (по Вольтеру). Пер. с франц. яз. под редакцией В. Шишакова.

СДАНЫ В ПЕЧАТЬ:

„Святой Тихон“—Н. Румянцева, с предисловием И. Шпицберга.

„Легенда об апостоле Петре“—А. Дрекса.

„Христос и Кришна“—Джона Робертсона (с англ.).

„Библия еретика“—Гуго Эфферота.

„Смерть и воскресение спасителя“ (исследование из области сравнительной мифологии, около 800 стр.)—Н. Румянцева.

Библиографический № АТЕИСТА. (Сведения о литературе, вышедшей в области религии и ее критики, начиная с февральской революции до наших дней, с отзывами)

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Митраизм — древний соперник христианства. Н. Румянцева.

Кульг святых и мощей. Его-же.

Кульг богоматери. Его-же.

Миф об Иуде предателе. Его-же.

Патриарх Тихон. И. Шпицберга.

Справочник по отделению церкви от государства и школы от церкви. (Пособия для лекторов и активных работников-атеистов). Его-же.

Мошенническая инсценировка культа бандита, скопца, кушца 1 гильдии Василия Грязнова. Его-же.

Канонизированный митрополит Иосиф и анафематствованный Стенька Разин. Его-же.

Восточные предшественники христианства. Франца Кюмона.

Очерки по христианской мифологии. А. Немоевского.

История креста.—Сборник статей: М. Брока, А. Немоевского, Ошара, Сэн-тива и друг.

Сборник стихотворений АТЕИСТА.

Энциклопедический словарь АТЕИСТА.

ОТКРЫТ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„А Т Е И С Т“.

МОСКВА, Советская пл., 3-й Дом Союзов.

Телефон 55-88.

В книжном магазине имеется вся литература атеистического и антиклерикального направления.

Составление антирелигиозных библиотечек от 5 р. до 80 р.

Посылка в провинцию наложенным платежом и в кредит на самых льготных условиях.

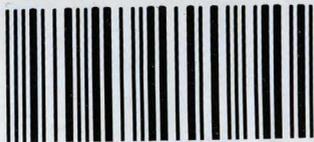
Почтовые расходы по рассылке антирелигиозной литературы по адресам на деревню и село АТЕИСТ принимает на себя.

Желающие подписаться на все издания АТЕИСТА—пересылают по адресу: Москва, Гранатный пер., 1. Изд. АТЕИСТ не менее 15 р. зол. на свой личный счет. О состоянии текущего счета подписчик своевременно извещается.

Воспитанники всех советских учебных заведений получают на издания АТЕИСТА уступку 30%—вне зависимости от количества приобретаемой литературы.

ОРГАНИЗУЙТЕ КОЛЛЕКТИВНУЮ ПОДПИСКУ НА ВСЕ НАШИ ИЗДАНИЯ.

Предлагаем всем Издательствам и Редакциям газет и журналов обмениваться изданиями.

2007075608